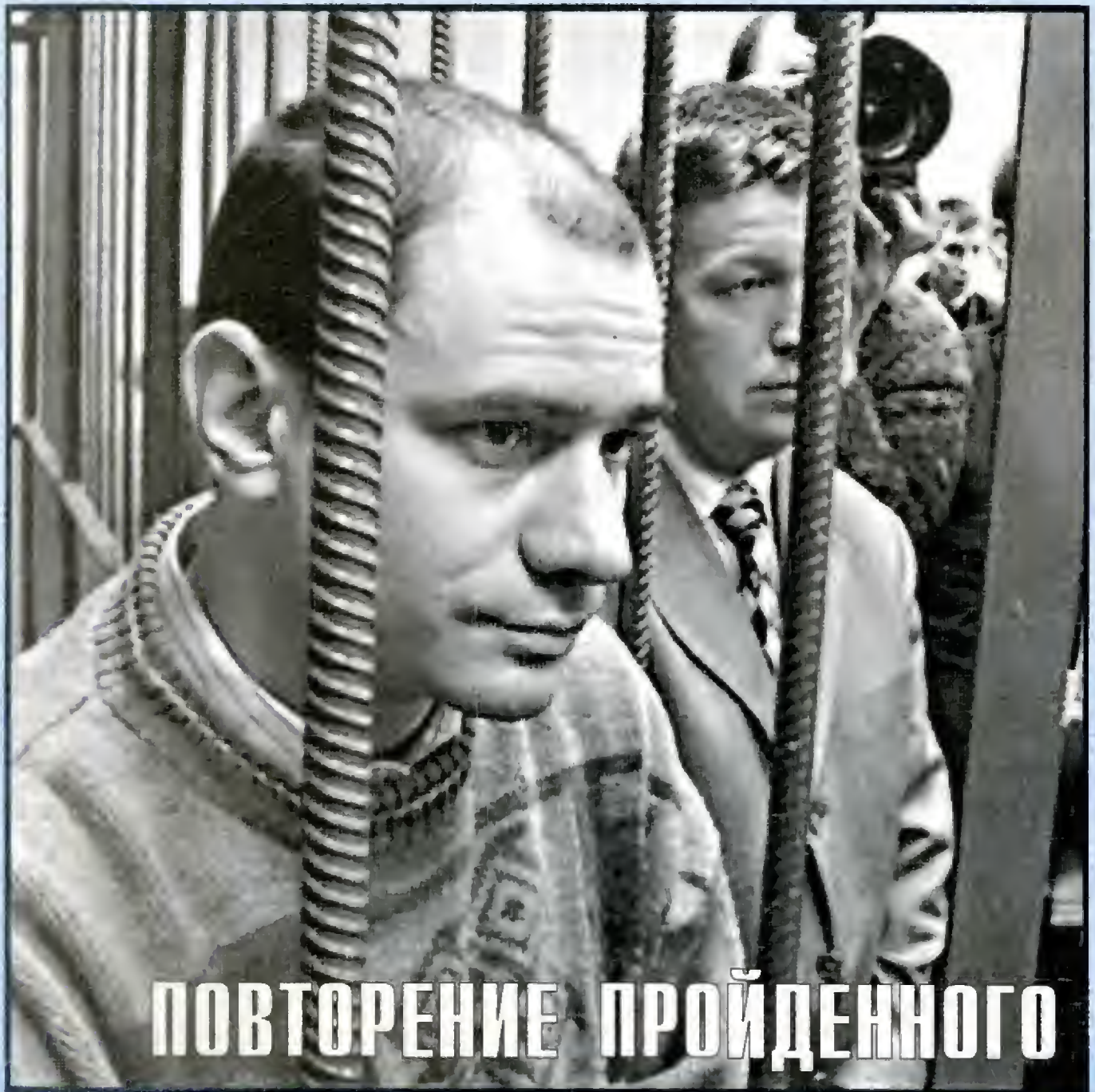

КАРТА

РОССИЙСКИЙ НЕЗАВИСИМЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПРАВООЗАЩИТНЫЙ ЖУРНАЛ

RUSSIAN INDEPENDENT HISTORICAL AND HUMAN RIGHTS DEFENDING JOURNAL

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

Адрес:

390000, Россия, г. Рязань,
пл. Костюшко, 3.
Для писем: 390000, Россия,
Рязань-центр, а/я 20.
Тел./факс: (0912) 25-51-17
E-mail: karta@hro.org
http://www.karta.org

Учредитель:

Редакция независимой
газеты «Рязанский вестник».
Журнал зарегистрирован
Министерством печати и
информации 29.12.1992.
Свидетельство о регистрации
№ 01949.

Главный редактор

Андрей Блинушов

Редакция:

Юлия Середа
Ирина Холмогорская
Владимир Холмогорский
Петр Митциер (Польша)

Мнения авторов не обязательно
совпадают с точкой зрения
редакции.

Сохранность рукописей,
фотоматериалов и документов
гарантируется.

По вопросам подписки на
«Карту» обращаться в
редакцию.

Компьютерная верстка:

Ю. Середа

Отпечатано ООО «СЕРВИС»
Рязань,
ул. Интернациональная,
д. 1 «Г».

Заказ № 468.
Печать офсетная.
Тираж 2000 экз.

Подписано в печать 10.11.2005.

Только для бесплатного
распространения.

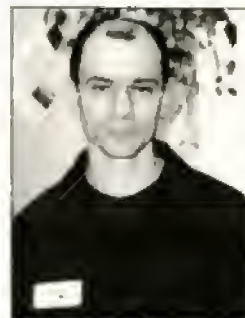
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

5

Зоя СВЕТОВА

Ученый Игорь Сутягин, президент Путин и письмо академиков

«...Мы обратились к Вам потому, что были убеждены в невиновности Игоря Сутягина. Очевидно, что если произошла недопустимая в цивилизованном обществе ошибка, то кто-то обязан ее исправить. Тем более, если к этой ошибке причастны спецслужбы...»

8

Академик Гинзбург о «липовых процессах»

Лауреат Нобелевской премии академик Виталий Лазаревич Гинзбург назвал так называемые «шпионские дела» ученых Валентина Данилова и Игоря Сутягина «липовыми процессами, организованными определенными кругами, которые хотят заработать на этом деле капитал».

9

Игорь Сутягин: из письма к матери

«...Мы верили в то, что есть, есть люди добрые и честные – и что же, разве это не так? Да нет же, люди эти поддерживали нас (и меня), они на улицах подходили, звонили, писали, чтоб только сказать, что они не согласны с произволом».

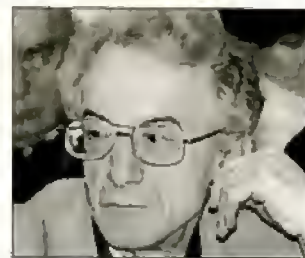
ПОРТРЕТ

10

Физики, лирики, диссиденты, правозащитники

Интервью с правозащитником
Валентином ГЕФТЕРОМ.

«...однажды мы ехали из Ачхой-Мартана, дорога вдоль лесополосы, и вот через нас била артиллерия в сторону гор. Мы едем по пустой дороге, никого нет, а сверху, через нас, летят снаряды...»

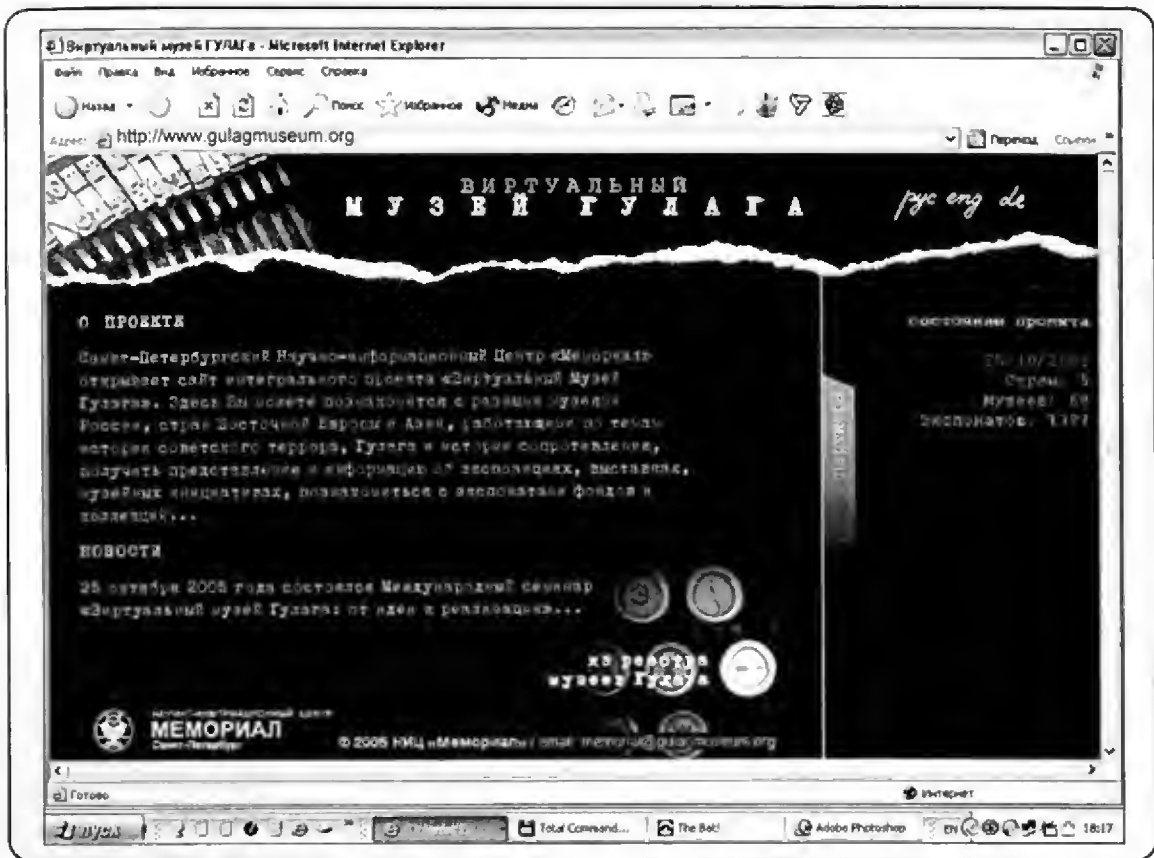
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

19

Александр ЧЕРКАСОВ

Наказание или память о жертвах?

«Преступления продолжают, преодолев рубеж тысячелетий. А "партийные и государственные деятели", вдобавок к спокойной старости, получили посмертную славу. Советское диссидентство делало упор на память о жертвах, а отнюдь не на наказании палачей. Почему? Христианская традиция против ветхозаветной? Не знаю...»

NED

**Журнал «Карта» выходит при поддержке фонда
National Endowment for Democracy (NED)**

Нас поддерживали:

Правительство Королевства
Нидерланды

Фирма «Бриг-Ф»
(Рязань)

Фонд Форда
(Вашингтон)

OPEN SOCIETY INSTITUTE

Институт "Открытое
Общество" (Москва),
Фонд Джорджа Сороса

Международное историко-
просветительское и
правозащитное общество
«Мемориал»

Агентство США
по Международному Развитию

Институт Демократии в
Восточной Европе
(Вашингтон-Варшава)

Фонд «Евразия»
(Вашингтон)

МП «Декор» (Рязань)

Программа малых грантов
Российско-Американской
Проектной Группы по правам
человека (Москва)

АО «Рокс»
(Рязань)

Фирма оргтехники
Антониуса Гуттермана
(Германия)

Немецкий Народный
Союз по уходу за могилами
жертв войны и репрессий

Общественный Центр
(Варшава)

Karta

Полиграфическая фирма
Петера Ломмана (Германия)

Фонд Польско-Чешско-
Словацкой Солидарности
(Варшава)

Правозащитный фонд «За
гражданское общество»
(Москва)

«МАЛАЯ ГРАЖДАНСКАЯ». МОСКВА, 1993

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Адрес:

390000, Россия, г. Рязань,
пл. Костюшко, 3.
Для писем: 390000, Россия,
Рязань-центр, а/я 20.
Тел./факс: (0912) 25-51-17
E-mail: karta@hro.org
http://www.karta.org

Учредитель:

Редакция независимой
газеты «Рязанский вестник».
Журнал зарегистрирован
Министерством печати и
информации 29.12.1992.
Свидетельство о регистрации
№ 01949.

Главный редактор

Андрей Блинушов

Редакция:

Юлия Середа
Ирина Холмогорская
Владимир Холмогорский
Петр Митциер (Польша)

Мнения авторов не обязательно
совпадают с точкой зрения
редакции.

Сохранность рукописей,
фотоматериалов и документов
гарантируется.

По вопросам подписки на
«Карту» обращаться в
редакцию.

Компьютерная верстка:

Ю. Середа

Отпечатано ООО «СЕРВИС»
Рязань,
ул. Интернациональная,
д. 1 «Г».

Заказ № 468.
Печать офсетная.
Тираж 2000 экз.

Подписано в печать 10.11.2005.

Только для бесплатного
распространения.

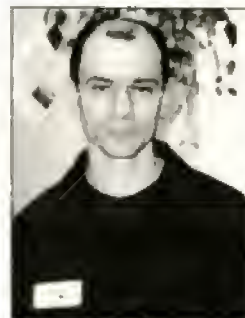
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

5

Зоя СВЕТОВА

Ученый Игорь Сутягин, президент Путин и письмо академиков

«...Мы обратились к Вам потому, что были убеждены в невиновности Игоря Сутягина. Очевидно, что если произошла недопустимая в цивилизованном обществе ошибка, то кто-то обязан ее исправить. Тем более, если к этой ошибке причастны спецслужбы...»

8

Академик Гинзбург о «липовых процессах»

Лауреат Нобелевской премии академик Виталий Лазаревич Гинзбург назвал так называемые «шпионские дела» ученых Валентина Данилова и Игоря Сутягина «липовыми процессами, организованными определенными кругами, которые хотят заработать на этом деле капитал».

9

Игорь Сутягин: из письма к матери

«...Мы верили в то, что есть, есть люди добрые и честные – и что же, разве это не так? Да нет же, люди эти поддерживали нас (и меня), они на улицах подходили, звонили, писали, чтоб только сказать, что они не согласны с произволом».

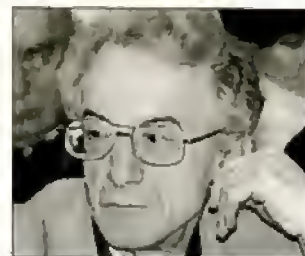
ПОРТРЕТ

10

Физики, лирики, диссиденты, правозащитники

Интервью с правозащитником
Валентином ГЕФТЕРОМ.

«...однажды мы ехали из Ачхой-Мартана, дорога вдоль лесополосы, и вот через нас била артиллерия в сторону гор. Мы едем по пустой дороге, никого нет, а сверху, через нас, летят снаряды...»

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

19

Александр ЧЕРКАСОВ

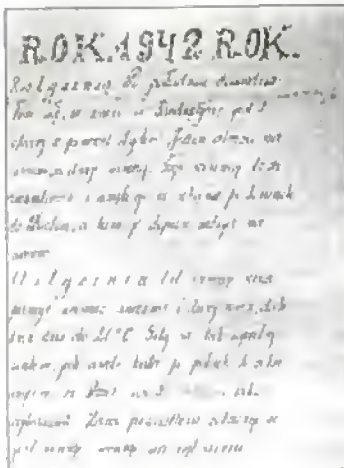
Наказание или память о жертвах?

«Преступления продолжают, преодолев рубеж тысячелетий. А "партийные и государственные деятели", вдобавок к спокойной старости, получили посмертную славу. Советское диссидентство делало упор на память о жертвах, а отнюдь не на наказании палачей. Почему? Христианская традиция против ветхозаветной? Не знаю...»

21

«Международная Амнистия» о проблеме Чечни

«Нельзя заставлять людей бесконечно страдать. Агрессивные военные средства до сегодняшнего дня так и не привели к успеху <...> Ни одно правительство не поощряет сепаратизм; но в то же время и у повстанцев могут быть веские причины для ведения борьбы. Нужно искать точки соприкосновения».

ЗНАК БЕДЫ

22

Лия ПЕНТКОВСКАЯ

О Давиде Рубиновиче и его дневнике

«Давид Рубинович, еврейский мальчик из польской деревни Крайно, навсегда остался бы одной из безымянных жертв Холокоста, исчезнувших без следа, если бы не пять тонких школьных тетрадей, исписанных старательным ученическим почерком, – его дневник, обнаруженный случайно».

27

Дневник Давида Рубиновича

«.. Как только появится хоть самая малая надежда, как только засветит для нас малюсенький огонек, так сразу надвинется какая-нибудь гроза и всему конец».

КРАСНОЕ КОЛЕСО

54

Ирина ОДИНОКОВА

Жребий Иова

«Два Сергия – Патриарх и Экзарх Патриарха – явились знаковыми фигурами своего времени, воплотив в своей судьбе два пути Русской Православной Церкви во Второй мировой войне. Они оба были патриотами, оба шли на компромиссы с властями, оба не дожили до конца войны и до сих пор их решения и действия находят как сторонников, так и противников».

76

Галина СТЕПАНОВА-КЛЮЧНИКОВА

Казахстанский Алжир**Фрагмент документального повествования**

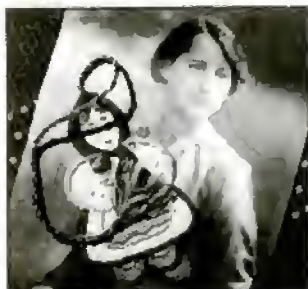
- «– За что вас арестовали?
– Не знаю. По-моему, ни за что. У меня муж арестован.
– У меня тоже. Кто ваш муж?
– Доцент математики.
– А мой – помощник Туполева. Слышали о нем?
– Конечно. А сам Туполев?
– Его забрали раньше моего мужа».*

96

Арсений РОГИНСКИЙ, Александр ДАНИЭЛЬ

«Аресту подлежат жены...»

«...история Карагандинского лагеря занимает особое место. Именно здесь в начале 1938 г. на базе 26-го трудпоселка было открыто Акмолинское женское спецотделение, один из трех островов "Архипелага ГУЛАГ", куда власть свозила тех, кто получил свои сроки заключения как "ЧСИРы" – "члены семей изменников родины».

ВОЗВРАЩЕННЫЕ ИМЕНА

100

«Террористическая группа... поэтов»

«Эту книгу невозможно прочитать на одном дыхании. И дело не в том, что в ней без малого тысяча страниц. Просто едва ли не на каждой странице перехватывает горло... В этой книге-антологии собраны стихи самых разных людей: блестящих поэтов Серебряного века и гениев литературного авангарда, великих философов и религиозных мыслителей, "пролетарских" и "крестьянских" поэтов, всемирно известных академических ученых и людей "малознаменитых". Многих и многих.»

102

Стихи узников ГУЛАГа

Возвращенные имена: дополнение к антологии.

Изи Харик, Александр Введенский, Евгений Забелин, Юрий Феоктистов, Лев Квитко, Владимир Свидзинский, Давид Гофштейн.

110

Евгений ЗАХАРОВ

«Не суждено от участи нам скрыться...»

«... 4 сентября 1965 года в переполненной зале кинотеатра "Украина" после того, как Иван Дзюба сообщил об арестах среди украинской интеллигенции, Стус с места громко сказал: "Кто против тирании – встаньте!" И первым встал.»

113

Василь СТУС

Из сборника «Палимпсесты» в переводе Марлены Рахлиной

КРАСНОЕ КОЛЕСО

116

Римантас ПЛЕЙКИС

Радиоцензура

«Секретарь ЦК КПС С. Лигачев и председатель КГБ В. Чебриков отметили, что "средствами дальней и ближней защиты с разной степенью эффективности перекрываются регионы страны, в которых проживают около 100-130 млн. человек". Следовательно, около половины жителей Советского Союза имели возможность слушать западные радиоголоса.»

137

«Я знал, где находится „глушитель“...»

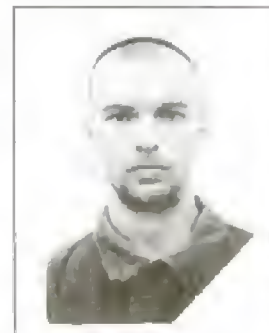
Александр Солженицын: «Вспоминается судьба Сергея Ханженкова, отсидевшего за попытку – или даже намерение – взорвать «глушитель» в Минске. А ведь исходя из общечеловеческих забот, нельзя понять этого преступника иначе как борца за всеобщий мир.»

140

Андрей БЛИНУШОВ

«Слышу „голос“ из прекрасного галёка»

«... И чем свирепей "Софья Власьевна" глушила "голоса", тем более совершенную приемную аппаратуру мы доставали и переделывали: "Фестиваль", "Спидола", "Казакстан", P-250, "Калина", "Крот" и прочая-прочая-прочая.»

142

Виктор КУЛЕРСКИЙ

Спидола

«Сломанные "Спидолы" приводил в порядок неоценимый Сташек Русинек, член правления профсоюза "Солидарность" Мазовии. Счастливым избежав интернирования, он занимался ремонтом теле- и радиотехники.»

145

Как мы слушали «Вражеские» голоса

«Мы в простоте своей думали, что, прорываясь сквозь силы и хрипы, мечась по эфиру в рассуждении, где слышнее – на Би-Би-Си или “Немецкой волне”, – осуществляем акт личного освобождения от всевидящего ока...»

ПОРТРЕТ

158

Свой В своем городе

Интервью с правозащитником из г. Орел Дмитрием КРАЮХИНЫМ
«В тот период мы очень много читали, прорывались через самиздат к западной фантастике ... Она неизбежно заставляла людей смотреть на мир по-другому, перспективно. Вы помните, как запретили “Космическую Одиссею 2010 года”?...»

167

Татьяна ЛОКШИНА

Законы зазеркалья

«...Ну а брата сейчас в Грозный перевели, в СИЗО ... Обращаются вроде нормально, вежливо, и передачи у меня принимают. И вообще, все хорошо. ... Сейчас как раз из СИЗО иду. Мать для брата галушек сделала, ну и еще покушать. И все взяли, а судочек назад вернули», – Лиза сияет улыбкой...»

171

Николай БОГДАНОВИЧ

Версии, отброшенные следствием

К годовщине Норд-Оста.

«Любой исход действий “силовиков” будет объявлен успешным, пока “обслуживающий персонал” – следователи, журналисты, и т. п. – будет готов выполнить “любой приказ любого правительства”. Пока слова “репутация”, “уважение коллег” и так далее – остаются лишь словами.»

179

Юрий ВДОВИН

Почему?

«...Проблема расцвета националистических групп и группировок в России сложна и многообразна. Это – и социальная неустроенность аутсайдеров, и отсутствие четких законодательных актов, и эксплуатация псевдопатриотических лозунгов партиями и движениями, и безнаказанность идеологов современного фашизма...».

181

Борис СТРУГАЦКИЙ

Эпидемиологическая памятка

«О, мы прекрасно знаем, что такое фашизм – немецкий фашизм, он же – гитлеризм. Нам и в голову не приходит, что существует и другой фашизм, такой же поганый, такой же страшный, но свой, доморощенный.»

183

Вера ВАСИЛЬЕВА

Что с нами случилось?

«Говорят, что история повторяется дважды: один раз как трагедия, другой – в виде фарса. Но “фарс” под названием “дело ЮКОСа” на поверку оказался не менее страшным и жестоким, чем иные трагедии прошлого.»

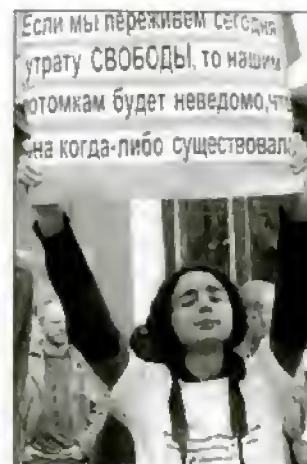

Фото Николай Середа. «Мемориал», в Рязань

ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РОССИИ

Сутягин Игорь Вячеславович, 1965 года рождения, кандидат исторических наук, заведующий сектором военно-технической и военно-экономической политики Отдела военно-политических исследований Института США и Канады Российской Академии Наук. Допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, не имел. Работал, анализируя открытые источники, опубликованную информацию. Обвинен ФСБ в шпионаже и разглашении сведений о военном потенциале. В апреле 2004 года приговорен к 15 годам лишения свободы. 26 апреля 2004 года «Международная Амнистия» (Amnesty International) признала Игоря Сутягина политическим заключенным.

УЧЕНЫЙ ИГОРЬ СУТЯГИН, ПРЕЗИДЕНТ ПУТИН И ПИСЬМО АКАДЕМИКОВ

Зоя СВЕТОВА

В сентябре 2005 года в Москву приезжал Кристоф Поургоуридис, докладчик Парламентской ассамблеи Совета Европы по «делу Игоря Сутягина» и для сбора материала. Доклад должен быть представлен в ПАСЕ в этом году. С Игорем Сутягиным европейский эмиссар встретиться, естественно, не сможет — тот отбывает срок в исправительной колонии № 5 в городе Сарапуле Удмуртской Республики.

«Мне повезло в жизни — я много повидал земель, городов и рек. Стоял на шотландском берегу Северного моря, входил босым в декабрьские тихоокеанские воды пролива Хуан-де-Фука, с еще целых «башен-близнецов» смотрел на каменный лес Манхэттена, бродил по тесным улочкам Брюсселя и Лондона, стоял, просветленный, в бело-золотом Гербовом зале ленинградского Эрмитажа. <...> Я видел Потомак и Темзу, Дунай и Волгу, я жил на Днепре — но только на Каме увидел что-то такое, чего не встретил прежде. Светлую реку». Это отрывок из рассказа «Светлая река», написанного Игорем Сутягиным и опубликованного в колонийской газете «Вестник-5».

Адвокат Анна Ставицкая привезла это издание из Сарапульской колонии. Сутягин был инициатором создания газеты и вот уже несколько месяцев является ее главным редактором. «Игорь рассказал мне, что большую часть времени про-

водит в библиотеке, много занимается изданием газеты, — говорит адвокат Анна Ставицкая. — Он начал писать рассказы, и один из них был отправлен на Всероссийский литературный конкурс для осужденных имени Анны Ахматовой. Ему как человеку творческому очень важно чем-то заниматься, чтобы не сойти с ума».

Спору нет, хорошо, что замечательный ученый проводит время в тюремной библиотеке, а не на лесоповале. Но...

Сутягина, никогда не имевшего доступа к сведениям, содержащим государственную тайну, обвинили в том, что он передавал информацию иностранным шпионам. Впрочем, суду не удалось доказать, что те иностранные граждане, с которыми встречался сотрудник Института США и Канады РАН, были резидентами каких-либо разведок.

Также суду не удалось установить, какой ущерб России Сутягин нанес тем, что, по его собственному признанию, делился информацией, почерпнутой им из открытых источников.

Единоголосное решение коллегии присяжных заседателей о виновности ученого и огромный срок, назначенный ему судьей Мосгорсуда Мариной Комаровой, шокировали многих в России.

Адвокаты утверждали, что присяжные не были беспристрастны, а по крайней мере один из

них скрыл при отборе в коллегия, что работал в КГБ, а значит, не имел права принимать участие в рассмотрении дела.

Но Верховный суд РФ оставил без изменения приговор Мосгорсуда: 15 лет лишения свободы. А это в нашей российской судебной системе означает только одно: осужденный должен отбыть свой срок от звонка до звонка.

На надзорные инстанции надеяться не приходится. При хорошем поведении на зоне через две трети срока заключенный может рассчитывать на условно-досрочное освобождение. Значит, Сутягин, который просидел под стражей уже пять лет, должен провести в колонии еще столько же.

Есть, правда, еще одна возможность освободиться раньше срока. Это — помилование президента России.

Осенью 2004 года группа российских ученых, деятелей культуры и правозащитников обратилась с письмом к президенту России. Они просили главу государства помиловать Сутягина.

Согласно Конституции РФ президент обладает правом на помилование. Это право дает ему возможность проявлять гуманность в исключительных случаях. Казалось, что «дело Сутягина» как раз тот самый случай. Почти одну треть срока он уже отбыл, и, кроме того, любому мало-мальски грамотному юристу, знакомому с приговором по этому делу, очевидно, что ученый невиновен.

Казалось, что помилование Сутягина было бы красивым жестом для президента. В начале весны члены Общественного комитета защиты ученых встречались с представителями Следственного комитета ФСБ, которые вели дело Сутягина. Те дали понять, что не будут возражать против помилования.

Но время шло, а ответа на письмо академиков не было.

Не дождавшись ответа от президента Путина, члены Общественного комитета защиты ученых написали главе государства новое письмо.

«Уважаемый г-н Президент!

Осенью 2004 года ряд деятелей культуры, известных ученых и представителей общественных организаций обратились к Вам с просьбой о помиловании ученого, бывшего сотрудника института США и Канады Игоря Вячеславовича Сутягина. Никакой реакции не последовало. Вы и Ваш аппарат промолчали. Мы даже не знаем, показали ли Вам наше обращение

Мы обратились к Вам потому, что были убеждены в невинности Игоря Сутягина. Очевидно, что если произошла недопустимая в цивилизованном обществе ошибка, то кто-то обязан ее исправить. Тем более, если к этой ошибке причастны спецслужбы. Помилование явля-

ется тем актом, когда у тех, кто осудил Сутягина, осталось бы ощущение полной своей правоты, а у общества — милосердия власти вообще и президента в частности.

Но даже в этом Сутягину и представителям общественности было, как теперь понятно, отказано без объяснения причин и без уведомления об отказе. Молча, как во времена ЦК КПСС: «инстанция» ответов не дает. Но то ведь была «инстанция» тоталитарного государства. Более того, законы РФ не позволяют обойти такой серьезный вопрос молчанием.

Такая позиция высшей власти в стране все в большей степени убеждает нас в том, что в деле Сутягина имело место не заблуждение, не ошибка следствия ФСБ, прокуратуры и суда, а совершенно сознательное нагромождение бездоказательных обвинений — фабрикация уголовного дела.

Порочное единство следствия, прокуратуры и суда, внедрение в состав присяжных сотрудников спецслужб (в деле Сутягина — Якимшин) позволяет, к сожалению, под прикрытием секретности, действовать вопреки законам, справедливости и совести и лишней раз подчеркивает злой умысел чекистов, которые, как и в тридцатые годы, продолжают фабриковать бездоказательные уголовные дела с тяжкими обвинениями.

Президент обязан и мог бы остановить этот позорный произвол, но не делает этого. Для общества безразлично — не хочет или не может. Но это свидетельствует о тесной связи главы государства не с Законом, а с беспредельной по существу властью чекистов.

Более всего нас потрясает мстительность спецслужб. В последние несколько месяцев, когда до лагеря, где содержится И. Сутягин, дошла информация о возможном помиловании, из него стали буквально выдавливать признание вины. Без этого, говорят ему, о помиловании не может быть и речи. И.В. Сутягин, естественно, отказался признавать несуществующую вину.

Мы знаем, что 89 статья Конституции РФ предоставляет президенту абсолютное право помилования и не оговаривает при этом никаких ограничительных условий. Только Вы в праве принять решение о помиловании независимо от любых обстоятельств, связанных с конкретным делом, и независимо от позиции окружающих Вас чиновников.

Уважаемый Владимир Владимирович, от имени подписавших первое обращение к Вам просим Вас вернуться к его рассмотрению и проявить по отношению к И.В. Сутягину милосердие.

Игорь Сутягин – заключенный лагеря ЯЧ-91/5 г. Саранск. Май 2005 г.

С уважением,
Л. М. Алексеева – Московская Хельсинкская группа,
Л. А. Пономарев – ООД «За права человека»,
Ю. А. Рыжов – академик РАН,
А. П. Ткаченко – Русский Пен-центр,
Э. И. Черный – ответственный секретарь
Общественного комитета защиты ученых,
А. В. Яблоков – член-корреспондент РАН.»

Прошло два месяца, и на имя одного из «подписантов» — председателя Московской Хельсинкской группы Людмилы Алексеевой — из администрации президента пришел ответ. Оказалось, что глава государства «проинформирован о коллективном обращении», но «в соответствии с п. 3 Положения о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации, утвержденного Указом президента РФ от 28 декабря 2001 г., для осуществления процедуры помилования необходимо ходатайство осужденного о помиловании, с которым он обращается к президенту РФ в письменной форме. Сутягин с таким ходатайством не обращался».

Формулировка ответа на «письмо академиков» представляется несколько лукавой. Во-первых, по словам адвоката Анны Ставицкой, Сутягин написал ходатайство (но отказывался в нем признать себя виновным и казаться — прим. редакции «Карта»).

Во-вторых, в Конституции, которая является Основным Законом страны, не сказано, что с ходатайством о помиловании должен обращаться сам осужденный. Несколько месяцев назад советник президента Анатолий Приставкин объяснял мне, что «в случае Сутягина можно было бы обойтись и без формальностей».

Получается, решили все-таки «соблюсти формальности»...

А это значит, что ошибку российского правосудия и политической близорукости будет исправлять Европа. Докладчик ПАСЕ непременно обратит внимание европейских парламентариев на манипулирование судом присяжных, которое, по мнению многих экспертов, имело место при рассмотрении дела российского ученого коллегией присяжных заседателей.

В докладе будет говориться и о деле другого российского ученого — физика Валентина Данилова. (При рассмотрении его дела в суде присяжных также имели место серьезные процессуальные нарушения, связанные с незаконным составом коллегии присяжных.)

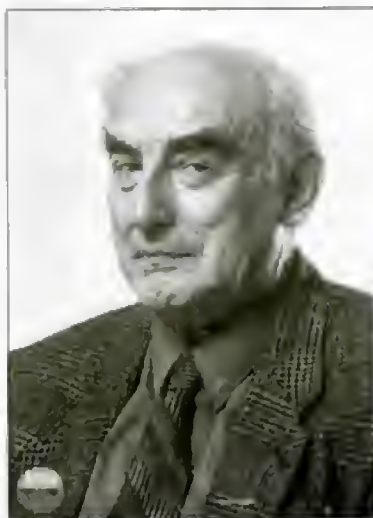
Возможно, уже в следующем году начнется «движение» по жалобе Игоря Сутягина в Европейском суде по правам человека. Если суд признает, что его права были нарушены, то, согласно российскому УПК, Верховный суд должен будет назначить новое рассмотрение этого дела.

А согласно мнению адвокатов в отношении Сутягина была нарушена статья 7 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод: он был признан виновным в преступлении, которого в России не существует.

Amnesty International признала Сутягина политическим заключенным. Он — единственный официально признанный Amnesty политзек в новой России. Изменило ли это что-то в его судьбе? Трудно сказать. Зато известно, что советские политзеки вышли на свободу только тогда, когда сменился режим...

Впервые опубликовано в «Новой газете», 2005

АКАДЕМИК ГИНЗБУРГ О «ЛИПОВЫХ ПРОЦЕССАХ»

Лауреат Нобелевской премии академик Виталий Лазаревич Гинзбург назвал так называемые «шпионские дела» ученых Валентина Данилова и Игоря Сутягина «липовыми процессами, организованными определенными кругами, которые хотят заработать на этом деле капитал».

Академик Виталий Гинзбург особо подчеркнул, что «такие процессы наносят огромный вред нашей стране».

Напомним, что ученые,

среди которых семь академиков и десять членов-корреспондентов Российской Академии Наук, подтверждают, что основные результаты исследований Валентина Данилова уже давно опубликованы в открытых изданиях, а потому не могут являться государственной тайной.

Правозащитные организации считают ученых Валентина Данилова и Игоря Сутягина жертвами эпидемии шпиономании, охватившей российские спецслужбы.

ИГОРЬ СУТЯГИН: ИЗ ПИСЬМА К МАТЕРИ

«...Ты пишешь, мама: «сейчас начинается новый этап нашей жизни. Я пока не знаю, как у меня всё пойдёт. Потеряна вера во всё.» А ведь это – не так! Вот давайте задумаемся – а во что вера-то потеряна?

Мы верили в то, что есть, есть люди добрые и честные – и что же, разве это не так? Да нет же, люди эти поддерживали вас (и меня), они на улицах подходили, звонили, писали, чтоб только сказать, что они не согласны с произволом.

Да, в организованности мы, они – честные и добрые – уступаем тем, другим (Задорнов заметил: «хороших людей большинство, но плохие лучше организованы»). Но ведь есть талантливые организаторы и среди нас, и ведь не бездействуют они, – так что не вполне верно было бы сказать даже и то, что, мол, поддержка от добрых и честных людей больше какая-то нематериально-малопродуктивная, что ли.

Так что же – по-моему, вера в доброту и честность людей не только не пропала, не потерялась, а, напротив, нашла довольно-таки зримое своё подтверждение и воплощение.

То есть в чём-то, наверное, даже окрепла? Вот видишь, мама, – а ты говоришь! Вспомните ещё и об очень многочисленной когорте людей, которые и к властям обращаются с просьбой и требованием восстановить справедливый ход вещей – разве это не подтверждает правильность веры, её существование, её живучесть?

А ты говоришь – потеряна! Нет, здесь с нашей верой всё в порядке, она на месте и в силе.

Я лично даже где-то приятно удивлён – будучи пессимистом по складу ума (но не по нынешней, здорово эволюционировавшей за пять лет, жизненной позиции), я как-то даже не предполагал возможность такой широкой и мощной поддержки!

Активной, деятельной поддержки – понимаете, это ведь доказывает реальность, а не призрачность и ещё одной составляющей нашей веры, – что добрые люди деятельны в своей доброте, идут на защиту других, а не остаются лишь в позиции пассивно-сочувствующих, чего мы опасались.

Значит – вера есть, она, справедливость и обоснованность её доказана жизнью, вера окрепла в конечном итоге, а вовсе не потеряна. Так ведь, мама?..»

ФИЗИКИ, ЛИРИКИ, ДИССИДЕНТЫ, ПРАВОЗАЩИТНИКИ

С исполнительным директором Института прав человека, членом Совета Правозащитного центра «Мемориал» Валентином ГЕФТЕРОМ беседует член редколлегии Интернет-портала «Права человека в России» (HRO.org) Сергей СМЕРНОВ

Университет и диссидентская среда

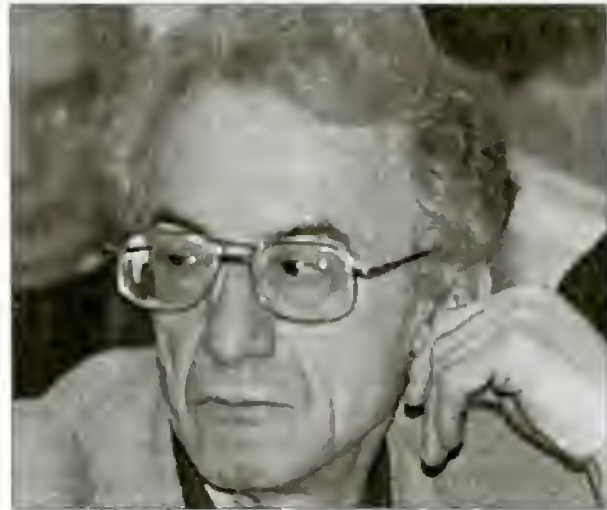
– Правильно ли будет сказать, что твоя семья была, как тогда говорили, диссидентской?

– Многие люди, которые сейчас работают в правозащитном движении, происходят из семей, которые исторически связаны с диссидентским движением и репрессиями сталинского времени. У них прослеживается «прямая цепочка».

Когда-то и наших родственников коснулись репрессии. Дядя и тетя моего отца были арестованы в 38-м году, сидели в сталинских лагерях. Дядя отца там и погиб, тетя дожила до 80-х годов. Отец сначала жил в Симферополе, а после окончания школы с золотой медалью в 18 лет уехал в Москву учиться. Это было в 1936-ом, и кончил он МГУ перед самой войной.

Его мама, бабушка, племянник (сын репрессированных) – все они остались в Крыму и погибли от немцев. К сожалению, довольно типичная история, когда родственники страдали и от сталинского террора, и от Холокоста. Эта тема всегда была для отца важной. В 1990 году он стал первым президентом фонда «Холокост»¹, много писал о культе личности, о сталинизме, пытался осмыслить эти явления в историко-философическом аспекте.

Что касается диссидентского движения, то отец не являлся диссидентом в прямом смысле слова. Конечно, он был «подписантом»², но были и более активные люди, например, делавшие «Хронику»³. Михаил Яковлевич пытался работать, в первую очередь, в своей профессиональной области – истории. Его основная активность проявлялась в других формах: например, он был одним из инициаторов и авторов журнала «Поиски»⁴, публиковался в альманахе «Память»⁵. На рубеже 70-х – 80-х годов издателей «Поисков» посадили. Были обыски, дважды или трижды, отца вызывали на допросы

в качестве свидетеля. В знак протеста против репрессий в отношении молодых редакторов и сотрудников «Поисков» отец вышел из партии в самом начале восьмидесятых.

– Ему грозил арест?

– По-моему, такой задачи КГБ не ставил. Он все-таки был инакомыслящий инвалид войны, а не антисоветчик – даже в их понимании... Так что не сравнишь с «сидельцами». Но, конечно, это неприятное ощущение, когда к тебе приходят на целый день с обыском, переворачивают все вверх дном, в первую очередь, самое дорогое – твои рукописи.

– Значит, вы жили в «околодиссидентской» среде?

– Да. Мы были хорошо знакомы, например с Ларисой Иосифовной⁶, со многими людьми, которые активно работали внутри диссидентского движения. Но все-таки удел нашей семьи – достаточно скромная роль, я не считаю нужным ее идеализиро-

¹ Научно-просветительный центр, созданный в 1992 году. Провозглашает своей целью увековечение памяти верев, погибших и пострадавших от преследования нацистов и их пособников в 1933-1945 водах.

² «Подписантами» называли людей, поставивших свои подписи под обращениями и открытыми письмами в защиту прав и свобод человека в СССР. В брежневские годы это был смелый и рискованный шаг: подписантам грозили преследования со стороны властей.

³ «Хроника текущих событий» – регулярный «самиздатовский» бюллетень, выходивший подпольно с 1968 по 1983 гг. «Хроника» подробно рассказывала читателям о преследовании инакомыслящих в СССР.

⁴ Московский «самиздатовский» художественно-публицистический журнал, существовавший в конце 70-х – начале 80-х годов.

⁵ Исторический сборник, ходил в самиздате и издавался в 1976 – 1984 гг. в Париже на основе материалов из Советского Союза.

⁶ Лариса Богораз (1929-2004) – филолог, диссидент, одна из наиболее ярких фигур в советском/российском правозащитном сообществе. За активную общественную деятельность и выступления против преследований инакомыслящих и вторжения советских войск в Чехословакию в 1968 г. была осуждена на 4 года ссылки.

вать, выпячивать. Многие, повторяю, делали гораздо больше. А ограничения – ну, например, запрет на выезд за границу – были типичными, и к ним мы относились спокойно.

– *Вся семья стала «невывозной»?*

– Конечно. Да мы и не пытались, потому что самим не хотелось проходить через парткомы, которые тогда давали «путевки».

– *Ты сам был членом комсомола или партии?*

– Членом партии – никогда. Но когда я учился на мехмате МГУ (1962–67 годы), был активным комсомольцем. Не вершителем судеб, но активно участвовал в общественной жизни университета. Например, был организатором клуба интересных встреч на факультете. Университетские встречи и творческие вечера середины 60-х – это как раз моя деятельность

– *Как это происходило?*

– Приглашали людей, которые читали свои тексты, а мы расклеивали их заранее на стендах. Приходили разные люди: Коржавин⁷, И. Грекова⁸, поэты разные – Евтушенко⁹, например, и менее известные. Такое общее просвещение.

В 1965-м, вскоре после смерти Анны Андреевны Ахматовой¹⁰, мы провели ее творческий вечер. Но началось все, пожалуй, со знаменитого вечера памяти Осипа Мандельштама¹¹, это вообще была первая встреча в Москве, где после стольких лет о поэте говорили публично.

Приходилось бороться с парткомом, который всячески ограничивал (но не запрещал!) нашу деятельность. Особенно в начале 1967 года, когда мы пытались организовать встречу с Солженицыным. Конечно, это было до «Архипелага»¹².

Солженицын тогда был полулегален, как простой литератор ездил по институтам, встречался с читателями. Окончательное его «выталкивание» произошло позже, в конце 67-го – начале 68-го, но уже тогда принимались меры, чтобы Солженицын в МГУ не пустить. Секретарь парткома и ректор вызвали меня «на ковер» и допытывались, почему мы упорствуем именно в этой инициативе.

Параллельно мы боролись за изменения в уставе ВЛКСМ, хотели ввести некую форму демократизации внутри комсомола. Но все это погибало под давлением «сверху-сбоку». Я не был антисоветчи-

ком. Но на последних курсах, уже после ухода Хрущева, я понимал, что брежневская эпоха характерна совсем другим.

В 1967 году я окончил университет, но в аспирантуру не поступил. Тогда был придуман хитрый метод, чтобы по формальным параметрам отсечь какое-то количество людей от аспирантуры, от продолжения научной карьеры: если у тебя было какое-то количество троек (причем не в дипломе, а вообще в сессиях), ученый совет мог тебя не рекомендовать в аспирантуру. Я знаю много людей, которые из-за этого не попали в аспирантуру. Ну а у меня были две тройки по каким-то предметам за все время обучения.

– *Кстати, а почему именно мехмат? Отец был историком, почему же сын решил стать математиком?*

– Наша волна – дети эпохи, известной лозунгом «физики в почете – лирики в загоне».¹³ В конце 50-х и начале 60-х в молодежной среде был очень сильный культ естественных наук. Космос, физика... Привлекал имидж этих дисциплин, их точность в прямом и переносном смысле слова. Естественные науки позволяли быть более автономным от лжи, которая пронизывала все государство. Общественные науки страдали от идеологической прилизанности и ангажированности.

Хотя, может быть, те люди, кто понимали все эти идеологические проблемы и, тем не менее, шли в общественные науки, были более последовательными, чем мы. Но у них было гораздо меньше возможностей самореализоваться и нормально трудоустроиться, не играть при этом с собственной совестью.

Например, мой брат (он на семь лет меня младше) закончил психологический факультет МГУ, стал психологом и поначалу работал по специальности, но без большого удовольствия: советская психиатрия та еще была... Пришлось заниматься всяким, одно время он даже работал краснодеревщиком. В перестройку устроился в службе типа «телефон доверия», где мог реализоваться как специалист. Потом создал одну из первых в России фирм по подбору сотрудников, теперь работает менеджером. Но, как бы то ни было, все мы были из диссидентской (в широком смысле слова) среды.

⁷ Наум Коржавин (Э. Мандель) (р. 1925) – поэт, в 60-х годах выступал в поддержку преследуемой творческой интеллигенции, эмигрировал из СССР в 1973 году. Живет и работает в Бостоне, США.

⁸ И. Грекова (читается «Игрекова») – псевдоним Елены Вентцель (1906–2002), математика, доктора наук, автора рассказов и повестей (начала печататься в журнале «Новый мир» в 60-х годах).

⁹ Евгений Евтушенко (р. 1933) – советский/российский поэт, автор многих поэтических сборников, начал печататься в 50-х годах.

¹⁰ Анна Ахматова (1889–1966) – русский поэт. Семья Ахматовой долгое время подвергалась репрессиям, а она сама – гонениям в советской прессе и запретам на публикации.

¹¹ Осип Мандельштам (1891–1938) – русский поэт. В 1934 г. был арестован за антисталинские стихи «Мы

живем, под собою не чуя страны...», отправлен в ссылку, в 1938 г. арестован вторично и умер в больничном бараке в лагере. Эти стихи Мандельштама были впервые опубликованы в нашей стране в 1991 году.

¹² Александр Солженицын (р. 1918) – русский писатель и историк, в сталинское время провел 8 лет в лагерях. Литературную известность приобрел после публикации в 1962 г. повести «Один день Ивана Денисовича». С 1963 г. Солженицын перестал печататься, его произведения выходили за границей. После появления в «самиздате» первых глав романа «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицын был обвинен в государственной измене и выслан из СССР (1974 г.) В настоящее время живет и работает в России.

¹³ Имеется в виду стихотворение Б. Слуцкого «Физики и лирики», написанное в 1959 г.

Историк Михаил Яковлевич Гефтер

– В доме почти все было сосредоточено вокруг отца, его интересов, окружения. Там постоянно бывали уже известные и совсем молодые люди, включая, например, Игрунова¹⁴, Павловского¹⁵; потом, в конце 80-х, появились люди, привлеченные его общественными выступлениями, публицистическими статьями, – Юрий Афанасьев¹⁶, Геннадий Бурбулис¹⁷, одно время Явлинский.

Михаил Яковлевич был одним из тех интеллектуалов, которые составляли неформальный круг, осуществлявший независимую от системы рефлексик времен перестройки.

– *Исторические семинары Михаила Яковлевича в какой-то степени стали одним из камней в фундаменте «Мемориала», верно?*

– У него не было семинаров в каноническом смысле слова. Был «круг людей вокруг дома». Взаимодействовавших в разных формах – тексты писали, обсуждали...

Один из сегментов этого круга был связан с Арсением Рогинским¹⁸, Саней Даниэлем¹⁹ и другими. Они в 70-е годы делали альманах «Память», посвященный истории советского периода от 1917 года до наших дней. В основном это были документы, их осмысление, воспоминания. В первую очередь, конечно, история репрессий, раскулачивания, эпоха Октябрьской революции и гражданской войны, НЭПа. Скрытые страницы советской историографии – а там было что скрывать...

Отец являлся неформальным лидером этого кружка. Практическую работу делали молодые люди, которая копалась в архивах, встречались с людьми, записывали, редактировали, публиковали. «Память» выходила в Москве и Париже. В Москве – в рукописном виде, самиздатском. В этом смысле что-то «протомемориальское» в деятельности Михаила Яковлевича было всегда. Во всяком случае, он способствовал тому, чтобы эта часть как бы будущей «мемориальной» деятельности осуществлялась на хорошем профессиональном уровне.

Но не надо думать, что Михаил Яковлевич был сугубо кабинетным историком. Он был активный общественный деятель в стране без общества (до конца 80-х).

– *Тут я вижу генетическую последовательность.*

– Да, может быть, мои общественные потуги оттуда и передалась. Отец еще в детстве в Крыму был членом пионерского совета Крыма. В довоенном МГУ он был секретарем комсомола курса. После войны, когда его демобилизовали, он не сразу вернулся в аспирантуру истфака, а сначала поработал помощником секретаря ЦК ВЛКСМ.

Ведь война была чем-то вроде стихийной десталинизации (по его же выражению). Многие люди внутренне немножко освободились от того, что было в тридцатые годы. И надеялись, что это ощущение может закрепиться. Этому быстро был положен конец.

Начиная с 48-го года, у Михаила Яковлевича начались разногласия с секретарем ЦК ВЛКСМ, которая была вполне «сталинистская» дама. Он поступил в аспирантуру, защитил кандидатскую, продолжал заниматься историей. В 60-е стал организатором и лидером сектора методологии истории в Институте истории АН, вокруг которого группировались многие из ростков инакомыслия.

После разгона сектора в 1970-м, в «брежневскую» эпоху, он стал комнатным ученым, и, разумеется, ни о какой общественной деятельности не могло быть и речи. В раннегорбачевский период Михаил Яковлевич написал несколько обращений к руководству страны с предложениями тех или иных шагов по пути демократизации режима.

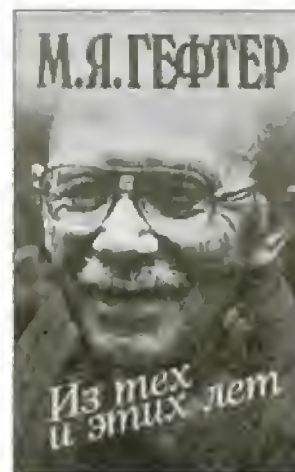
После того, как вернули Андрея Дмитриевича²⁰ и других политзеков, появились другие проблемы – Карабах²¹, например. Причем письма, которые он писал, я знаю, доставлялись адресату: некоторые помощники Горбачева, начинавшего в то время перестройку, были однокурсниками Михаила Яковлевича или знали его по научной работе. Но эти письма ничего не изменили. Что произошло, то произошло.

Михаил Гефтер в 1941 году.

Михаил Яковлевич Гефтер.

Книга публицистики и исторических эссе вышла в 1991 году.

Глеб Павловский, Михаил Гэфтер, Валентин Гэфтер.

Михаил Гэфтер и Григорий Яелинский.

Вячеслав Игрунов, Михаил Гэфтер, Арсений Рогинский.

Фото из архива В. Игрунова

Михаил Яковлевич всегда был поборником антиимперства. Он вообще считал, что такой конгломерат разных миров, как СССР, не может существовать насильственно. Он считал, что процесс освобождения народов – естественный, и был сторонником того, чтобы республики получили независимость.

Конечно, настоящую, а не ту, которую теперь построили некоторые авторитарные режимы в странах СНГ. Он и про Россию так считал. Он считал ее «миром миров» и полагал, что она должна быть устроена децентрализованно, может быть даже как

конфедерация, а для этого должны быть инициативы снизу, чтобы люди устраивали свою жизнь без оглядки на Кремль.

В этом смысле переход от горбачевского Союза к ельцинской России был для него вполне исторически адекватным процессом. Нет, он не заблуждался насчет того, что представлял собой Ельцин. Но считал, что направление развития событий – верное. Поэтому не возражал, когда ему предложили войти в первый президентский Совет. Впрочем, это было скорее номинально, он уже тогда довольно сильно болел. Последствия военных ранений. В конце 80-х был первый инфаркт.

Президентский Совет начала 90-х был во многом декоративный. Обсуждали какие-то макрополитические вещи.. Имя отца было в те годы на слуху. Кончилось тем, чем и должно было кончиться.

В октябре 93-го он заявил о выходе из президентского Совета. К этому решению его подтолкнул конфликт, закончившийся расстрелом Белого Дома. Это не значит, что он симпатизировал тем, кто был в Белом Доме. Но сама форма решения вопроса (не только военная, но и то, что в течение полугода перед этим происходило «в закулисье») привела его к выводу: происходит если не перерождение ельцинского режима, то возникновение в нем серьезных политических дефектов.

Когда в конце 1994-го началась чеченская война, это была последняя капля. 17 декабря 1994 года

¹⁴ Вячеслав Игрунов (р. 1948) – участник диссидентского движения, один из редакторов журнала «Поиски». В 90-х годах был одним из создателей и руководителей партии «Яблоко», активно занимается политикой.

¹⁵ Глеб Павловский (р. 1951) – участник диссидентского движения, один из редакторов журнала «Поиски». В современной России приобрел известность как политолог, советник кремлевской администрации и руководитель Фонда эффективной политики.

¹⁶ Юрий Афанасьев (р. 1934) – историк, общественный деятель, основатель (1991 г.) и первый ректор Российского государственного гуманитарного университета.

¹⁷ Геннадий Бурбулис (р. 1945) – российский политик, в начале 90-х работал в правительстве, с 1993 по 1999 г. г. депутат Государственной Думы.

¹⁸ Арсений Рогинский (р. 1946) – историк, в настоящее время председатель Правления международного общества «Мемориал».

¹⁹ Александр Даниэль (р. 1951) – ныне руководитель программы «История инакомыслия в СССР» научно-информационного и просветительского центра «Мемориал».

²⁰ Возвращение академика и диссидента Андрея Сахарова из ссылки (г. Горький, сейчас Нижний Новгород) произошло в 1986 году.

²¹ Вооруженный конфликт между армянами и азербайджанцами в Нагорном Карабахе начался в 1988 году и был одним из самых кровопролитных во второй половине XX века (по разным оценкам – до 15 тысяч погибших).

Валентин Гефтер и Сергей Ковалев

Михаил Яковлевич написал в «Независимую газету» обращение, озаглавленное в стиле «я обвиняю». А самый последний его текст был опубликован в феврале 1995 года.

Он смотрел вперед, может быть, уже в наше время. Ведь интеллектуальной базы непартийного гражданского движения в стране практически не существует – и так вплоть до последнего времени.

Есть люди, есть «третий сектор». Необходима принципиальная основа того, как мы можем в критический момент не просто заявить о движении протеста, но и противопоставить что-то реальное власти, которая вышла за предел доверия общества. Для этого нужно уметь самоорганизоваться. Этому была посвящена его последняя работа. И это мой главный интерес в правозащитной деятельности сегодня.

«Мемориал» и Чечня

– Каким образом ты стал заниматься правозащитной работой? Как попал в «Мемориал»?

– После института я пошел в Институт высоких температур Академии наук по моей еще университетской теме: механика низкотемпературной плазмы и высокотемпературного газа. Сначала работал в теоргруппе, потом в информационном центре. Проработал там 25 лет.

Потом приоткрылся «железный занавес». Многих людей в других странах интересовало, что происходит в СССР. Они ничего не знали о нас, им все было интересно. Мой двоюродный брат жил в Соединенных Штатах и работал в информационной компании, и когда к ним стали поступать такие запросы – обратился ко мне, а я согласился помочь.

Так я стал «добытчиком информации». Надо было быстро получать актуальные данные. Иногда достать материалы, проинтервьюировать кого-то. В середине 90-х я пытался превратить этот персональный бизнес в информационную минислужбу. В частности, в рамках агентства «Постфактум».

– Как передавали данные?

– Сначала по телефону, потом по факсу, потом по электронной почте. Первый компьютер, который у меня появился, – его брат прислал. У нас была

даже идея создать такую службу внутри России, для местного заказчика. Но тогда не получилось – сил не хватало. А потом начали появляться другие структуры, у которых внутри было «все схвачено», и более профессиональные.

– А «Мемориал»?

– В силу своего возраста, биографии, положения семьи я знал многих «мемориальцев» до того, как физически переступил порог дома на Малом Каретном в Москве. Это были, в первую очередь, Арсений Рогинский и Александр Даниэль. Возможно, первым рубежом стала смерть отца, которого мы все вместе провожали в зале «Мемориала» в феврале 1995-го...

Довольно скоро после начала первой чеченской войны «Мемориал» исчерпал кадровые ресурсы для постоянного мониторинга ситуации в Чечне. Правозащитников было мало. «Мемориальцы» стали опрашивать друзей и знакомых – не может ли кто-нибудь на пару недель поехать и посмотреть, что и как творится в Чечне. Ко мне обратились весной 1995 года. Помню, до меня ездил Александр Павлович Лавут. А мы попали в пару с Сашей Алтуняном, сыном диссидента Генриха Алтуняна²².

– Что значит «попали в пару»?

– Так получилось, что в этот период и я мог, и он мог. Мы попали в одну «связку». Обычно «мемориальцы» ездили по двое и меняли друг друга через две-три недели.

– Как шоферы-«дальнобойщики»?

– Ну, примерно. Летели в Слепцовск, жили в Назрани в «аушевских» коттеджках, оттуда на «Ниве» мотались в Чечню. Серьезных военных действий тогда, в июне 1995 года, не было. Как раз шли переговоры при посредничестве Тима Гульдмана из ОБСЕ. Было более-менее спокойно. Перед нами ставилась задача реагировать на нарушения и безобразия и отслеживать, как военная прокуратура рассматривает те или иные дела, возбуждает их или нет...

– Чиновники должны были вставлять палки в колеса?

– Нет, все было сравнительно спокойно. Никаких специальных действий, как во вторую кампанию, не было. Даже административную границу Чечня – Ингушетия можно было спокойно преодолеть. Мы, правда, ехали не по трассе, а горной дорогой. Ситуация была опасной, но не сравнить с нынешней. Никакой сплошной линии, непрерывных блок-постов. У нас были документы от «Мемориала», от Госдумы, что мы такие-то, занимаемся тем-то. Нас никто не останавливал.

Приехали, жили в одной чеченской семье на окраине Грозного. В отличие от центра, который был практически полностью разрушен и производил страшное впечатление, окраина худо-бедно сохранилась. Мы жили в симпатичном доме с матерью (отец умер за несколько лет до войны), несколькими братьями, которые не воевали, адаптированными к советской жизни. Кто-то «шабашил» на Орловщине, кто-то еще где. Нормальные, продвинутые ребята.

Мы ездили по Грозному, откликались на обращения. След обычно тянулся из прошлых месяцев. С кем-то из наших прежних наблюдателей поговорили, был такой-то обстрел, такого-то забрали, то или другое нарушение. Нам, считаю, повезло, мы не присутствовали при раскопках, эксгумации. В основном опрашивали людей, которые искали своих родственников. Некоторые находили их, захороненных у дороги, погибших от обстрела.

– Вы работали там без оплаты?

– Конечно, никакой зарплаты нам не платили. Да и не было у «Мемориала» денег на зарплаты. Но за жилье, конечно, надо было немножко заплатить, попить-поесть, позвонить в Москву – сообщить, что мы на месте, не потерялись.

Я довольно быстро увлекся правовой стороной дела. Мы завязали контакт с военными прокурорами, которые сидели в Ханкале. Тогда это было несложно. Пришли, познакомились, спросили – какие у вас заведены дела в отношении военнослужащих, преступления против мирного населения. Они нам рассказали, какие дела, что получается, что нет. Ходили в прокуратуру Чечни, в правительство Чеченской Республики, в администрацию чеченскую. Была сносная администрация. В ней был человек, который отвечал за контакты с нами – бывший летчик гражданской авиации. Он дал нам много информации, мы бывали у него дома, он рассказывал нам о разных делах, как он с сыновьями спасался при штурме Грозного...

– Что вы делали с информацией?

– Записывали, документировали. Потом составили некоторый отчет, в который включили то, как расследуются властями Российской Федерации те или другие факты грубого нарушения законности и прав человека.

Хорошо помню, как несколько раз выезжали за пределы Грозного, например, в Шали. Хотели проехать в Сержень-Юрт, но нас завернули. Тогда его часто артиллерия обстреливала, боевики приходили с гор. Один раз ездили в Старые Атаги.

Сильно врезалось в память место недалеко от Шали, территория одной из воинских частей. По информации одного из предыдущих наблюдателей, там содержали в яме несколько человек. Их разыскивал отец. Часть покинула этот район, отец нашел место, где они содержались. Приехал военный прокурор. Помню разговор в комендатуре Шали, тяжелый разговор, видно было, что военные не хотят пускать прокурора. Он даже нам жаловался, мол, видите, как нам тяжело даются расследования подобного рода.

– По твоему рассказу, ты прямо «нырнул» в правозащиту. Сидел себе спокойно человек, зани-

Алексей Симонов, председатель Фонда защиты гласности, и Валентин Гефтер.

мался научно-информационной работой. И вдруг раз – поехал в Чечню.

– Ну, период был сравнительно спокойный. А для меня это был большой опыт.

– Страшные моменты были?

– Однажды мы ехали из Ачхой-Мартана, дорога вдоль лесополосы, и вот через нас била артиллерия в сторону гор. Мы едем по пустой дороге, никого нет, а сверху, через нас летят снаряды. Не то, чтобы страшно, но – очень неприятное ощущение...

После возвращения мы написали небольшой отчет. Я увлекся правовыми моментами, изучал статьи Уголовного кодекса, международные нормы. Потом Таня Касаткина и Олег Орлов²³ говорят: «А ты не хотел бы более-менее постоянно работать в правозащитном центре?» – «Что значит работать?» – «У нас в 1996 году будет несколько новых программ по разным темам, например, дискриминация по этническому признаку, преследование по политическим мотивам в странах СНГ».

Я подумал и сказал: знаете, этническая дискриминация, еврейский вопрос так мне набил оскомину в прошлом, я уже устал... А преследование по политическим мотивам – интересно. Потихоньку разворачивал эту тему. Стал общественным помощником Игрунова²⁴ в Думе.

Тогда как раз было несколько случаев «политической» экстрადиции из России, мы со Светланой Ганнушкиной²⁵ ими занимались.

Весной 1996 года поехал вместе с Human Rights Watch²⁶ в Минск. Потом еще несколько раз ездил в Белоруссию.

²² Генрих Алтунян (р. 1933-2005) – диссидент, подвергался репрессиям со стороны КГБ, был осужден дважды за «клевету», «антисоветские высказывания» и «самиздат».

²³ Татьяна Касаткина, Олег Орлов – российские правозащитники, руководители Правозащитного центра «Мемориал». См. журнал «Карта» №№ 36–37

²⁴ Вячеслав Игрунов в то время был депутатом Государственной Думы.

²⁵ Светлана Ганнушкина – российский правозащитник, председатель Комитета «Гражданское содействие», организации, помогающей беженцам и вынужденным переселенцам. Руководитель «беженских» проектов Правозащитного Центра «Мемориал».

²⁶ Human Rights Watch («Хьюман Райтс Вотч») – одна из крупнейших международных правозащитных организаций, основанная в 1978 году.

И в Грузию – как «группа Сергея Ковалева» – встречались с Шеварднадзе, ходили по тюрьмам, зонам, родственникам заключенных. Собирали много разной информации по Центральной Азии, Закавказью, Белоруссии.

Сделали базу данных, с которой можно было работать. В 1999 году выпустили издание по семи странам СНГ: справочник второй половины 90-х годов – где, кого арестовали, какие сроки, короткие биографии. Помимо чисто информационной работы меня интересовала сама проблема: что такое политические заключенные сегодня. Я стал редактором-составителем российского вестника Amnesty International²⁷.

Институт прав человека

– Ты рассказал про «Мемориал», но в основном Валентин Гефтер известен как директор Института прав человека. Совмещаешь работу в двух местах?

– Я по-прежнему член совета Правозащитного центра «Мемориал», хожу на все собрания, но основное, постоянное место работы – Институт прав человека. Кроме того, есть периодический «Российский бюллетень по правам человека», который нужно делать...

– Что вообще издает, публикует Институт?

– Издательская деятельность «перешла» к нам от Российской-американской проектной группы по правам человека. Группа начала, а Институт продолжил перевод и выпуск книжки Лентовской, первого польского омбудсмена²⁸, серии других книг. Вместе с Фондом «Точка опоры» мы делаем брошюры для учителей и преподавателей ВУЗов. Не учебники или учебные планы, а дополнительные материалы.

– Тематические?

– Да. «Права человека и заключение под стражей», «Права человека и судопроизводство», «Дискриминация, или права меньшинств», «Права человека в социальной сфере», «Права человека и выборы»... Чтобы дать старшекласснику и студенту, а еще важнее тому, кто будет его обучать в этой сфере, сравнительно свежие материалы.

Разные взгляды на проблему, нормативные акты, судебные решения. Таких пособий мы издали девять. Недавно встречались на семинаре с читателями, которые очень хвалили. Но пока тираж небольшой, всего тысяча экземпляров.

Другое направление нашей работы – законодательное, этого раньше не было...

– Погоди, что значит «не было»? Многие организации работают с депутатами, занимаются законодательством...

– Профильные – да. То есть некоторые организации работают с некоторыми частями Думы по «своим» направлениям. Я же говорю о мониторинге законодательного процесса в целом. Подчеркиваю, это не только работа ночного сторожа, который колотит, если что не так. Это и конструктивная работа. Не просто бить тревогу, кричать «караул», а реально участвовать...

Валентин Гефтер на конференции «Окно в свободный мир», посвященной неприкосновенности частной жизни в Интернете.

– Приведи какой-нибудь пример, пожалуйста.

– Приведу два. Первый – когда нам с Левинсоном²⁹ удалось в «уходящий поезд» Уголовно-процессуального кодекса (УПК) включить защитника-неадвоката. Поначалу из УПК «выкинули» вообще всякого непрофессионального адвоката. Нам вроде бы удалось обосновать свою позицию. В последний момент благодаря участию некоторых членов рабочей группы, профессиональных юристов, удалось оставить защитника-неадвоката на стадии суда.

– Что выиграли при этом простые люди?

– Тот, кто не хочет адвоката – по денежным соображениям или по каким-то другим – или в дополнение к адвокату хотел бы иметь защитника (а иногда это очень полезно), теперь может это сделать. Но только, к сожалению, в судебном процессе. На стадии следствия – не получилось. Прессинг был очень большой: «Только профессиональные юристы... нам правозащитников не надо...»

– Но ведь если человеку не хватает средств на адвоката, его должно предоставить государство, разве не так?

– Да, но это часто неэффективно. Например, предоставляют адвоката, знакомого следователю. А то и просто идет некачественная защита. Масса дефектов. А толковый правозащитник определенно лучше, чем адвокат, который ни черта не делает, да еще деньги сосет.

Нас очень многие правозащитники, в первую очередь Пашин и Полякова³⁰, ругали за то, что мы не стали в резкую оппозицию этому УПК. Они считали, что такой УПК, который во многом хуже, чем латаный-перелатанный, прежний, еще советский

УПК, не полностью учитывает решения Конституционного суда, Европейского суда и так далее... В общем, по их мнению, нельзя было участвовать в разработке этого УПК, надо было встать в резкую оппозицию.

Борцы за идеальный УПК стояли насмерть. Мы же считали, что надо пытаться улучшить то, что есть. Нас ругали, может быть, справедливо. Но все-таки нам удалось частично предотвратить дальнейшее ухудшение УПК.

Второй пример – закон об общественном контроле за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания под стражей. Предыдущая попытка, которую возглавлял Валерий Борщев, к сожалению, окончилась ничем. Нам удалось переделать закон, приспособить его к требованиям ведомств. Надеюсь, этот закон даст правозащитникам возможность без предупреждения посещать зоны, отделения милиции, СИЗО, ИВС²⁷.

Мы не думаем, что закон идеальный. Приходится считаться с ограничениями, которые накладывает администрация всех этих мест лишения свободы.

– А тебе не кажется, что правозащитники в целом все-таки проигрывают в думском законодательном процессе?

– Силы неравные. «Яблоко» во второй Думе проигрывало почти все, а мы уж тем более. По некоторым вопросам мы даже у СПС и «Яблока» не находили поддержки.

– В Мосгордуме ситуация такая же?

– Начнем с того, что в Москве практически нет лидирующей общественной организации, которая бы занималась региональными проблемами в целом. Да, солдатские матери имеют московское отделение, у «Гражданского содействия», у беженцев, проблемы в значительной степени именно с московскими властями.

Профильные организации – есть. Во многих регионах они занимаются региональными проблемами. А мы в центре, у нас за всю Россию ответственность. К сожалению, московские организации очень мало сосредоточены на местных проблемах, редко выдают информацию о них, хотя бы в форме пресс-релизов.

– Ты имеешь в виду правозащитные организации?

– Да. Объединить московские организации, чтобы они присылали информацию по приему, по текущим обращениям граждан, – это очень трудно. Мы каждую неделю рассылаем повестку Московской городской Думы. С большим трудом пробили в первом чтении закон о московском уполномочен-

ном по правам человека. Но мэрия стояла насмерть против этого закона.

– И сейчас стоит?

– Да. Закон, увы, не приветствуется до сих пор.

– Почему?

– Аргументация у них такая: мол, и без того много всяких прокуратур, есть федеральный уполномоченный, непонятно, как они будут взаимодействовать, почему граждане пойдут туда, а не сюда, будут ли вообще ходить, да и зачем нам лишние проверяющие...

Чиновник не очень любит, когда появляются какие-то контрольные инстанции. Мэрия так агрессивно отпиралась от уполномоченного, что депутаты не выдержали и проголосовали «за» (Смеется). Это было полтора года назад.

Другой пример. Мосгордума обсуждает проект закона о системе правовой помощи малообеспеченным москвичам. Они хотят это сделать по схеме страхования из бюджета. То есть бюджет дает какую-то сумму, и люди с малыми доходами (и почему-то социальной картой – хотя социальная карта не является признаком малого дохода) получают правовую помощь. На конкурсной основе будет выбрана одна некоммерческая организация – администратор всей этой помощи. Она будет набирать юристов и так далее. Идея сама по себе хорошая. Но мэрия говорит: «Как так? Бюджетные деньги будет небюджетная организация тратить?»

Хотя что тут плохого? И потом, это ведь деньги не мэрии, а налогоплательщиков.

Суды, прокуратура, МВД – те практически в упор не видят неправительственные организации. (Кроме тех, которые ими же созданы).

Они чувствуют себя самодостаточными и считают, что чем нас, правозащитников, меньше – тем лучше. Это общая тенденция для Москвы, вообще для московского региона.

О проблемах современной правозащиты

– Есть еще одно направление, которое, может быть, нам меньше удастся. Занимаемся фундаментальными проблемами в области прав человека. Мы пытались возродить семинар, назвав его прежним именем «Семинар Ларисы Богораз». Помнишь, были такие в начале 90-х, на них обсуждались общие проблемы правозащитного движения...

– Да, помню – один из проектов Московской Хельсинкской группы.

– Верно, а Институт поддерживал с издательской стороны. Все брошюры, эти беленькие книжечки, делал Институт, тогда это была Проектная груп-

²⁷ Amnesty International («Международная Амнистия») – одна из наиболее авторитетных и крупных (около полумиллиона членов) правозащитных организаций в мире, основана в 1961 году.

²⁸ Омбудсман – уполномоченный по правам человека. Ева Лендовска была первым польским омбудсманом.

²⁹ Лев Левинсон – российский правозащитник, эксперт Института прав человека.

³⁰ Сергей Пашин, Мара Полякова – юристы, руководители Независимого экспертно-правового совета. Организация проводит, в частности, экспертные оценки законопроектов, принимаемых Государственной Думой.

³¹ СИЗО – следственный изолятор, ИВС – изолятор временного содержания.

Григорий Шведов («Мемориал», Москва)
 Андрей Блинущев («Мемориал», «Карта», Рязань).
 Валентин Гефтер (Институт прав человека)

па. Семинар прекратился в 1995-96 годах. Пока для его возрождения нам не хватает энергии. Но, я думаю, мы сделаем это, к этому обязывают события 11 сентября, кризис мирового правозащитного движения, которое везде находится в атакуемой позиции, не только в России.

– Как, по-твоему, последствия 11 сентября сказались на правозащитниках?

– Дело, конечно, не в особенностях конкретного теракта в США, Чечне или Ираке, а в том, что государство начинает использовать проблемы безопасности для наступления на права человека. Это хорошо известно.

Однако есть и международная террористическая сеть, которая, в общем, тоже являет собой громадную угрозу правам человека. Делать вид, что ее нет, что государство просто выдумало эту опасность, чтобы был предлог нарушать права граждан, мы не можем.

– Правозащитников чаще всего и упрекают в том, что они занимают одну сторону – атакуют государство, в то время как...

– У государства есть реальная причина ограничивать права человека. Иногда оно злоупотребляет этой причиной. Чтобы объективно на это смотреть – как в ситуации с Чечней, например – нужен тщательный анализ того, что там происходит, модернизация некоторых наших практик, методик. Надо понимать, что хотя традиционный нарушитель и наш оппонент всегда было государство, есть и другие серьезные нарушители, которым мы должны давать оценку.

– Правозащитникам, на твой взгляд, по силам такая задача? Во многих западных странах к ним относятся... как ты сказал? Да, «ночной сторож». Там есть такой термин *watchdog*, «сторожевой пес», который должен лаять, когда государство наступает на права, а общество по тем или иным причинам это не замечает. Задача правозащитника – «залаять», чтобы общество проснулось. Но если правозащитники будут к тому же еще и заниматься серьезным анализом ситуации, мониторингом случаев нарушений прав чело-

века со стороны террористических организаций, хватит ли на это правозащитников? И не начинают ли они дублировать функции государства?

– Государство занимается мониторингом не нарушений прав человека, а нарушений законности, а чаще вообще противопоставляет силе силу. Но мы же сейчас говорим не о том, насколько нас хватит. Важно, чтобы общество понимало: мы признаем, что нарушителями являются и террористы, а иногда и корпорации разного рода. Что такое, в конце концов, защита прав потребителей...

– Ты относишь защитников прав потребителей к правозащитникам?

– Если корпорация нарушает какие-то права граждан.

– Например, история с МТС, которая базу данных своих абонентов упустила в открытую продажу?

– Да, сознательно или несознательно. И компания должна нести ответственность. Конечно, основная работа направлена на государство и должностных лиц, но это не значит, что мы можем закрыть глаза на другие факторы. Например, наши коллеги в Чечне отмечают нарушения прав человека другой стороной конфликта.

– В чем же тогда кризис?

– Сегодня нам сложнее работать. Мы не имеем такой общественной поддержки, как раньше. Мы больше втянуты в противостояние с теми государствами и межгосударственными структурами, которые, как раньше нам казалось, были с нами идейно на одной стороне. И при этом мы должны замечать всех нарушителей, не только государство. Если хочешь, назови это не кризисом, а некоторой новой точкой.

– В таком случае перед правозащитниками стоят существенно более сложные задачи.

– Конечно, проще работать против тоталитарного государства (при условии, что не сидишь там, внутри – особенно в тюрьме). Все ясно, все видно, кто что нарушает. Никаких негосударственных институтов, там и терроризма-то нет, в таких государствах.

А в более сложной нынешней ситуации, международной и внутренней обстановке очень часто векторов много, и нужно понимать, на что реагировать, и быть адекватным ситуации.

К тому же, кроме умножения числа проблем и усложнения их по существу, есть еще объективная проблема: нас мало. Не только потому, что в нашей сфере мало организаций и людей, которые об этом думают фундаментально.

Среди тех, кто создавал наш Институт, много «мемориальцев», они много работают в «Мемориале», возможно, у них нет достаточно времени на все. Фактически, Институт стоит на нескольких людях, которые отдают время и силы работе, кстати, совсем необязательно оплачиваемой.

Может быть, в этом и наш недостаток – мало привлекаем новых людей к подобной работе. Может быть, это объективная и «вечная» трудность...

НАКАЗАНИЕ ИЛИ ПАМЯТЬ О ЖЕРТВАХ?

Александр ЧЕРКАСОВ

23 сентября 2005 года состоялись похороны «охотника за нацистами» Симона Визенталя. Он умер 19 сентября. Заснул и не проснулся – смерть праведника.

Ещё два года назад, в апреле 2003-го, он заметил, что дело его жизни выполнено: «Я пережил их всех, и

если есть еще фашисты-преступники, поисками которых я не занимался, то они сегодня или слишком старые, или не встающие с постели инвалиды. Я сделал свою работу, и я ухожу».

Родившийся в 1908 году на Западной Украине, Визенталь в 1934-м окончил Пражский технический университет, получил диплом инженера-архитектора. Но век уготовил ему другую стезю. После советской оккупации 1939-го Визенталь, работавший техником на фабрике во Львове, избежал ссылки в Сибирь. В 1941-м пришли нацисты.

Казалось, выжить было невозможно – в лагерях сгинули 87 родственников Симона Визенталя. Сам он сотрудничал с действовавшим на Львовщине польским подпольем и долгое время ухитрялся избегать ареста. Он даже сумел добыть для своей жены фальшивые документы, по которым она стала полькой.

Но всё равно в 1942-м они лопали в Яновский концлагерь. Был побег, и снова лагерь. В 1945-м бежала уже охрана – от приближающегося фронта: двести конвоиров прихватили с собой 34 заключенных... из полутора тысяч. Остальных – в расход. Почему не всех? Наверное, чтобы не отправили на передовую.

Когда Визенталя освободили из Маутхаузена союзники, он весил 40 килограммов. Это было чудо, и Визенталь воспринял его как миссию – добиться справедливого возмездия от имени тех, кто не дождался.

Преступников ловили спецслужбы. После войны Визенталь какое-то время искал военных преступников на территории Австрии, работая в американской военной администрации, потом в Управлении стратегических служб и контрразведке. В 1947-м открыл в Линце Еврейский центр исторической документации, просуществовавший до 1954 года, когда собранные документы были переданы в Израиль, в Яд Вашем – музей и архив Холокоста.

В 1961-м Визенталь основал новый центр в Вене, который с 1977 года носит его имя и в настоящее время имеет досье на более чем 22 тысячи уцелевших нацистских преступников.

Среди тех, кого удалось поймать благодаря усилиям Симона Визенталя, фигуры разного калибра. Это Адольф Эйхман, с 1934 года – ответственный за решение «еврейского вопроса» в Главном управлении имперской безопасности Третьего рейха. Главный винтик в машине, обратившей в пепел шесть миллионов евреев. В конце пятидесятых Визенталь нашёл его следы в Аргентине, откуда затем «Моссад» выкрал оберпалача. Верховный суд Израиля приговорил его к смертной казни. 31 мая 1961 года приговор Эйхману был приведён в исполнение.

Другой персонаж, понесший наказание благодаря усилиям Визенталя, – Карл Зильбербауэр, отправивший в концлагерь Анну Франк. Кстати, именно он после ареста в 1956-м удостоверил подлинность дневника Анны, в которой до того многие сомневались.

Без усилий «обеспокоенной общественности» нацистские преступления вполне могли быть забыты. После Победы и Нюрнбергского процесса вчерашние союзники обнаружили потребность в специалистах разного профиля и часто готовы были сквозь пальцы смотреть на их прошлое. Создание Бундесвера без офицеров и генералов вчерашнего Вермахта было невозможно. Впрочем, и Социалистическая единая партия Германии нуждалась в дисциплинированных кадрах – откуда их было брать, как не из бывших функционеров Немецкой рабочей партии (правда, с приставкой «национал-социалистической»)?

Точно так же оккупированные нацистами страны Европы предпочли забыть о прошлом, вернее, отождествить себя с победителями. Как, например, Италия. Или Франция, где организовывавший депортации евреев Морис Папон успел побывать префектом Парижа и министром Республики.

В 1967 году Визенталь выпустил книгу «Убийцы среди нас». Название этой книги осмыслилось ещё многие годы.

Всемирная память о Холокосте – для нас вроде бы привычная и сама собой разумеющаяся – пришла только в конце семидесятых.

Всего центр Визенталя способствовал поимке и осуждению более 1100 нацистских преступников.

Только недавно, в начале сентября, появилось сообщение, что по его «наводке» испанская полиция ищет в провинции Валенсия нацистского преступника Ариберта Хейма, «доктора», ответственного за пытки и убийства сотен заключенных Маутхаузена.

С 1962-го Хейм скрывался, в 1979-м был заочно осужден, немецкий суд признал, что он «наслаждался страхом смерти, испытываемым его жертвами», экспериментируя на заключенных. И вот вычислили: за 2000-2003 годы родные Хейма перевели в Аликанте 180 тысяч евро. А Хейму, между прочим, 91 год!

Наверное, главная заслуга Визенталья – в том, что уже сорок лет бывшие нацисты не смеют открыто выйти из дому. За это время сменились поколения, которым не могло быть передано «коричневое наследство»

Какое, казалось бы, это имеет отношение к нам? Ведь в СССР нацистских военных преступников – что чужих, что своих – вовсе сажали и ставили к стенке? Ну, не совсем. Последние десятилетия, скорее, для плана «органы» знали, что такой-то дедок заслуживает «вышки» или «червонца», но брали его, «когда придет время». Всех пересаживаем, так ведь новых искать придется!

И всё больше молчали. И про Бабий Яр, и про то, что в Хатыни не немцы вовсе лютовали, а украинский вспомогательный батальон.

А были ещё палачи другого рода – «из своих». Вот Берию расстреляли, а материалы следствия – под сукно. В самом деле, иначе пришлось бы сажать еще и, например, Круглова с Серовым, а они – министры. Да и у самого Никиты Сергеевича, если разобраться, руки были весьма нечисты – зтак по колено.

Осуждены были несколько десятков нечеловеков, одни – из ближайшего окружения Берии, другие – особо выдающиеся палачи.

Но так же было и в Аргентине, и в Чили – палачей не трогали, пока не сменялось поколение, только теперь за них берутся.

Игорь Бунтман правильно отметил, что у нас не было своего Нюрнберга – и поэтому «их бронепоезд» смог простоять на запасном пути все перестройки с демократизациями.

Но опыт Визенталья показывает, что одних только усилий государства, без давления «снизу», недостаточно.

Как, впрочем, недостаточно оказалось усилий диссидентов, «Архипелага ГУЛАг» и прочего самиздата, выплеснутого в массы лет пятнадцать-двадцать назад. Опять чекизм во власти – и в почёте.

Преступления продолжают, преодолев рубеж тысячелетий. А «партийные и государственные деятели», вдобавок к спокойной старости, получили посмертную славу.

Советское диссидентство делало упор на память о жертвах, а отнюдь не на наказание палачей. Почему? Христианская традиция против ветхозаветной? Не знаю...

Один мой родственник тоже ходил на суд над своим палачом. Арестовали родственника, офицера, лютой зимой 1941-42 годов в блокадном Ленинграде. Пытали, как водится. (Тогда же и там же заморили Даниила Хармса...) Приговорили к расстрелу, заменили тюрьмой и держали на «шарашке» в «Крестах» – лишнее свидетельство невинности.

Симон Визенталь

Реабилитировали.

Так вот, его следователя – редкий случай! – в 50-х судили. Сергей Сергеевич, вчерашний зек, пошел с решимостью сказать всё. Не сказал: «Да ну, жалкий он какой-то...» Впрочем, и без него хватило показаний.

И я вот думаю – откуда это? Правильно ли это? И не потому ли мы сегодня повторяем: «О, время, в котором стоим?»

Симон Визенталь жил долго. Или работал, понимая, что надо жить долго. И всем нам оставил этот опыт.

У нас – своя страна, своё время и свои преступления.

Совсем недавно в Сербии по государственному телевидению показали видеокассету с записью расстрелов в Сребренице десятилетней давности. Того самого геноцида, за который теперь судят в Гааге.

В России по-другому.

Страсбург, подумав пять лет, осудил в феврале преступления генералов Шаманова и Недобитко. И что мы о них знаем, об этих преступлениях и этих генералах?

Что мы знаем о тех «людях в масках», чьими стараниями «исчезли» тысячи человек?

Впрочем, когда-то никому не были известны и Эйхман с Зильбербауэр. Лучше самим искать и судить «своих» палачей.

История, как известно, не знает сослагательного наклонения, но... Если бы германский и сербский народы нашли в себе силы сделать это, возможно, они бы не познали военное поражение и национальное унижение.

«МЕЖДУНАРОДНАЯ АМНИСТИЯ» О ПРОБЛЕМЕ ЧЕЧНИ

Международная правозащитная организация «Международная Амнистия» (Amnesty International) предприняла очередную попытку привлечь внимание к проблеме массовых нарушений прав человека в Чечне.

Кровопролитие в Чечне продолжается, и у президента Путина нет иного плана действий по урегулированию конфликта, который продолжается в Чечне уже 10 лет, кроме как военными средствами. В результате люди все больше страдают от терроризма, подчеркивает международная правозащитная организация Amnesty International.

Эта правозащитная организация предаёт огласке случаи убийств, насилия и пыток жителей Чечни, которые совершаются пророссийскими силами и являются проявлениями систематического злоупотребления властью. «Происходят нескончаемые, грубые нарушения прав человека в Чечне и соседней Ингушетии, при этом российские власти замешаны в пытках, похищениях людей и тайных арестах мирных граждан», – сообщает Amnesty International и настаивает на скорейшем вмешательстве в ситуацию Европейского Союза

Не так давно Amnesty International опубликовала доклад о ситуации в сфере прав человека, в котором содержалась критика России: «Продолжают поступать сообщения о пытках и плохом обращении с задержанными в Российской Федерации», – говорилось в докладе.

Как сообщает Amnesty International, то, что российское правительство часто называет «войной с терроризмом» в Чечне и во всем Северо-Кавказском регионе, «используется как предлог для совершения актов насилия, в том числе исчезновений и пыток людей, а также арестов людей без имеющих на то оснований». Сами российские официальные лица сообщали, что в прошлом году в регионе исчезли 1700 человек. Это уже вряд ли назовешь просто исчезновением, это – фактическое истребление людей силой оружия.

Когда президент Путин пришел к власти, он обещал искоренить повстанческое движение в Чечне и восстановить нормальную жизнь. Он использует военные средства и постоянно отказывается от проведения переговоров с повстанцами. И сегодня чеченская проблема очень далека от решения. Война продолжается – с жертвами среди

представителей сил безопасности, повстанцев и мирного населения.

К примеру, в докладе Amnesty International, обнародованном в этом году, сообщается, что «силы безопасности фактически пользуются полной безнаказанностью за совершенные злоупотребления. В то же время правозащитники и те, кто пытается добиться справедливости в Европейском Суде по правам человека, подвергаются запугиваниям и нападениям. Несколько тысяч человек, покинувших Чечню, остаются в соседней Ингушетии, где ситуация с соблюдением прав человека также ухудшилась».

Нельзя заставлять людей бесконечно страдать. Агрессивные военные средства до сегодняшнего дня так и не привели к успеху, ведь борьба между повстанцами и силами безопасности продолжается, а жизнь в Чечне остается крайне тяжелой. Ни одно правительство не поощряет сепаратизм; но в то же время и у повстанцев могут быть веские причины для ведения борьбы. Нужно искать точки соприкосновения. Только силой вооруженного подполья не победить.

Владимир Путин – демократически избранный президент. Он должен оторвать себя от российского тоталитарного прошлого, проникнуться атмосферой демократии, к которой подошла новая Россия. Это означает, что Путин должен быть открыт для дискуссий и споров – и Евросоюз должен побудить его сделать это. После того как волну насилия в Чечне удастся приостановить, по крайней мере, на некоторое время, следующим логическим шагом было бы путем обсуждения выработать соглашение по чеченской проблеме. Это принесет пользу не только чеченцам, но и России в целом.

Впервые опубликовано в газете «Khaleej Times», Дубай.

ЗНАК БЕДЫ

О ДАВИДЕ РУБИНОВИЧЕ И ЕГО ДНЕВНИКЕ

Лия ПЕНТКОВСКАЯ

Давид Рубинович, еврейский мальчик из польской деревни Крайно, навсегда остался бы одной из безымянных жертв Холокоста, исчезнувших без следа, если бы не пять тонких школьных тетрадей, написанных старательным ученическим почерком. — его дневник, обнаруженный случайно через пятнадцать лет после гибели Давида в газовой камере Треблинки и через двенадцать лет после окончания второй мировой войны. Три тетради в рыжеватых обложках, две — без обложек. На одной из обложек над надписью «название предмета» стоит самодельный штамп «Pamiętnik» (Дневник) — и ниже RUBINOWICZ DAWID и еще пять штампов помельче «Rubinowicz D». На другой — слово Pamiętnik написано от руки. Первая запись сделана 21 марта 1940 года. Давиду было тогда двенадцать лет. На обложке последней, пятой, тетради ясно виден розоватый оттиск самодельной печати «D.Rubinowicz Bodzentyn ul.Kielecka nr 13». Бодзентын, Крайно, Сухеднов, Кельце — названия этих местностей повторяются в тексте. Пять страничек в конце тетради вырваны, последняя сохранившаяся запись сделана 1 июня 1942 года. Она обрывается на первом слове начатого предложения «Кто»... Через несколько месяцев оборвется и жизнь Давида.

* * *

Только счастливому случаю и бережному вниманию людей, к которым попал дневник Давида Рубиновича, мы обязаны тем, что можем познакомиться с этим уникальным документом.

В августе 1957 года в городке Бодзентын, что неподалеку от Кельца, на тетради случайно натолкнулась Хелена Волчык. Со времен войны они лежали на чердаке у местного жителя Антония Вачиньского (его дом стоял рядом с домом №13 по Келецкой улице — последним пристанищем семьи Рубиновичей)

«Как только появится хоть самая малая надежда, как только засветит для нас малюсенький огонек, так сразу надвинется какая-нибудь гроза, и всему конец».

Из дневника Давида Рубиновича

и скорее всего так и пропали бы без следа, не попадись они ей на глаза. *«Я всегда через этот двор к себе домой от дочери и внуков возвращалась, — вспоминала позднее Хелена Волчык. — Солнечный день был тогда, летний. И надо же, ведь это чистая случайность, пятнадцать лет пролежали эти тетради там, на чердаке. Иду домой через этот садик и вижу: лежат на доске какие-то желтые тетради. Выцветшие. Я так, не задумываясь, взяла их в руки. Смотрю: дневничок. Крайно. Заинтересовало меня. Принесла их и домой и говорю мужу: «Погляди, дневник нашел, может, ты это используешь». Мы с мужем с 1954 года в местном радиоузле передачи вели...»*

Но это не просто случайность. Мне самой не верится, что пятнадцать лет пролежали эти тетрадки в сохранности на чердаке у папа Вачиньского и ничего с ними не случилось — от мышей не пострадали, от дождя не размокли, никто не употребил их на что-нибудь. Словно кто-то все это время подсознательно некая о них и хранил. Видно, пап Вачиньский порядок наводил в тот день, а тетрадки эти дал одному папушонку и, вроде бы, сказал ему: «Глянь, Болек, это такой мальчик писал, как ты». Значит, помнить мог...»

Хелена и Артемиуш Волчыки не только сохранили тетради, но и стали передавать дневник в отрывках по местному радио. Читая, пани Хелена порой перед микрофоном не могла сдерживать слезы. Слушателей было много. О Давиде заговорили. *«Письма нам писали, — рассказывает пани Хелена. — Мы все больше начинали понимать, какую ценность это имеет. Наверняка, не меньшую, чем дневники Анны Франк. Я так, как простой человек сужу. Она ведь дочкой доктора была, к интеллигенции принадлежала. Но она описывала то, что в четырех стенах видела. А этот ребенок видел вокруг себя всю трагедию, он пешком в Кельце ходил, в гетто. Он видел людей из Белжи, из Скаржиско, которых страх гнал. Он засуху видел, видел снежные сугробы, ходил по грибы и натывается на трупы.»*

Он видел нану трагедии, нас видел... И поэтому мы так хорошо его понимаем, нашего Давидека.

В марте 1959 года в Бодзентын приехала собирать материал для репортажа журналистка Мария Яроховская, писавшая о трагедии евреев на польских землях во время войны. После публикации репортажа она получила бандероль от Артемиуша Волчыка, бывшего секретаря городского совета в Бодзентыне и руководителя местного радиоузла, с материалами о Бодзентыне и пятью тетрадями с дневником Давида Рубиновича. Волчык справедливо полагал, что журналистку дневник не может не заинтересовать.

Ровно год спустя, в августе 1960 года, «Дневник Давида Рубиновича» в 30 тысячах экземпляров опубликовало варшавское издательство «Ксенжка и ведаза». Текст сопровождало послесловие Марии Яроховской, где она сообщала, в частности, о том, что к тому времени удалось ей разузнать о Давиде и его близких, приводились фотокопии обложек тетрадей и отдельных страниц дневника. Обширный исторический комментарий, подготовленный научным сотрудником Еврейского исторического института в Варшаве Адамом Рутковским, содержал сведения о политике оккупантов в отношении евреев и дальнейших судьбах еврейского населения Бодзентына. Вступительное слово написал известный польский писатель Ярослав Ивашкевич. Тогда же отрывки из дневника печатались в литературном журнале «Творчость», главным редактором которого он был.

Когда в том же, 1960, году двое радиожурналистов, Ежи Яницкий и Бронислав Верник, побывали в Крайно, Бодзентыне, Сухеднюве – местностях тогдашнего Келецкого воеводства, упоминаемых в дневнике, они еще могли встретить очевидцев происходивших здесь событий, разговаривать с людьми, знавшими Давидека и его семью. Их рассказы, в которых, что легко понять, правда порой дополнялась и приукрашивалась, собраны в небольшой книжке «Reszta nie jest milczeniem» («Остальное – не молчание»), отрывки из которой мы приводим в настоящем тексте курсивом.

Журналисты разыскали учительницу Давидека Флорентину Крогулец, одноклассника Талеуша Яницкого, сидевшего с ним за одной партией, ровесницу Хелену Шлюфикову, жившую по-соседски, беседовали с Хеленой Волчык, нашедшей дневник (пан Вачиньский отказался разговаривать с ними); держали в руках школьный журнал, в котором 21 июня 1939 года сделана запись о переводе Давида Рубиновича в седьмой класс...

Так по крохам воссоздавалась картина жизни автора дневника и его родных.

* * *

Давид Рубинович родился, как следует из записи в школьном журнале, 27 июля 1927 года в городе Кельце, отца звали Йосек (Иосиф), мать – Тауба. Неизвестно, когда его родители переехали в Крайно, большую деревню, расположенную неподалеку от Бодзентына. Жили в небольшом деревянном доме. Отец держал маленькую молочную, в помещении, пристроенном к дому, находилась центрифуга, там же хранили молоко и молочные продукты. Мать вела хозяйство, дом содержала в большой чистоте, в домашней аптечке имелись наготове простейшие медикаменты, и односельчане часто обращались к ней за помощью. В деревне было всего семь еврейских семей, на всей же келецкой земле, которая во время войны входила в состав Радомского округа, проживало в 1941 году 33 тысячи евреев.

В первый класс Давидек пошел в сентябре 1934 года. Из сохранившихся школьных документов мы узнаем, что учился он хорошо. На свидетельстве о переходе в сельмой класс, выданном 21 июня 1939 года, за два месяца и десять дней до начала войны, по всем предметам у него «хорошо» и «отлично», только по пению «удовлетворительно». Но в седьмом классе учиться ему уже не довелось...

Флорентина Крогулец, учительница биологии и классный руководитель, помнила родителей Давидека. Отец – блондин, худой, высокий с достаточно правильны-

The Ghetto Fighters' House

Хелена и Артемиуш Волчыки читают отрывки дневника по местному радио

The Ghetto Fighters' House

Бодзентын, дом №13 по Келецкой улице

ми чертами лица. Мать – интересная видная брюнетка, она, по словам пани Флорентины, была образцовой матерью. Давид был старшим в семье, его сестричка (ее имя – Маня – стоит на обложке одной из тетрадей) еще не ходила в школу. «...у них была хорошая внешность, как тогда о таких вещах говорилось... Давидек был худощавый, высокий, голубые глаза, носик правильной формы, такая приятная наружность, очень милая. С ним не было бы проблем...».

В 1939 года в Крайно пришло распоряжение немецких властей, запрещающее обучение всех детей старше 14 лет и еврейских детей любого возраста. «И тогда, – продолжает свой рассказ учительница, – пришли они в школу последний раз, а мне на самом деле трудно было сказать им, что они не могут уже больше ходить в школу (...). И потом, когда уже сообщила, пришла ко мне его мать и попросила как-нибудь помочь. Договорились, что я буду давать ему задания, а она будет приносить тетради на проверку. Так что снабдили его всеми учебниками и через мать держали связь, чтоб постарший не догадался, что он учится (...). и не донес. Так эта учеба и шла (...). Хорошо его помню. Отыскала старый альбом, нашла фотографию с прогулки [по окрестностям], даже послала в газету. Но снимок плохой, перекривый, блеклый. Есть он там где-то среди этих детей. А я его вижу отчетливо (...). Да, его мать говорила мне, что он дневник пишет. Даже обещала как-нибудь принести, чтоб я посмотрела, поправила. Но так сложилось, что уже не успела.

Он верно все описывал, что видел. Сейчас, когда читаю то, что он писал, вижу, что ничего не преувеличил. Были вещи и похуже, которые я видела. Не мог он всего написать – был ведь ребенком, а потом уже не успел (...).

Хелена Шлюфикова была ровесницей Давида, она вспоминает, что до войны они часто вместе играли – в прятки, салочки, она ходила в ту же школу и жила рядом, через дом. И во время войны Хелена заходила к Рубиновичам. Она рассказывает, что часто заставляла его пишущим. «Как-то раз я подошла к столу, а он говорит: "Оставь, не трогай, я тут кое-что пишу"»... Последний раз Хелена видела Давида, когда он с отцом пришел из Бодзентына, принесли что-то из вещей на продажу.

Известные нам тетради, вероятно, не были единственными. Тадеуш Яницкий сидел с Давидом в школе за одной партой. Он рассказывает, что Давид до войны еще показывал ему свой дневник, записи в нем были, по его словам, аккуратные, с датами, а если в школе случалось какое-нибудь происшествие или событие – то и с рисунками. «Очень интересные были эти его дневники с довоенных времен. Говорил, что он их при себе держит, а потом уже не знаю, что с ними стало».

В 1960 году авторам книги «Остальное – не молчание» удалось отыскать в Тель-Авиве след дальней родственницы Давидека – Рухли Числовской. Она была дочерью Анчеля Числовского, имя которого несколько раз упоминается Давидом, и жила с родителями в Бодзентыне, на ул. Келецкой, 13, где было последнее пристанище семьи Рубиновичей. Вот то немногое, что удалось им от нее узнать из короткого телефонного разговора.

В тот день, когда немцы гнали евреев из Бодзентына в Сухелднов, а было это в Судный день, День Всепрощения (Йом Кипур) – важнейший праздник иудейского календаря, – Рухля убежала из города. Она предлагала Рубиновичам бежать вместе с ней, у них был, по ее словам, несемитский вид, особенно у Давидека, но отец Давидека говорит, что от судьбы не уйдешь. Рухля бежала, была поймана жандармами, прошла через лагерь, осталась в живых. Родных она так и запомнила молящимися в тот день о том, чтобы Бог простил им все прегрешения...

Между 15 и 21 сентября 1942 года всех евреев из Бодзентына немцы согнали к железнодорожной станции в Сухелднове. Отсюда состав №587 с пятью тысячами евреев из этой местности и нескольких соседних селений 21 сентября был отправлен в Трелинку, куда прибыл – как следует из немецкого расписания движения «специальных поездов для переселенцев из Радомского округа» – 22 сентября 1942 года в 11 час. 24 мин. Коротким был путь от рампы к газовой камере. Фабрика смерти работала бесперебойно. Дату гибели Давида можно установить с точностью до одного дня: 22 или 23 сентября 1942 года.

* * *

Проследим жизнь «Дневника Давида Рубиновича» после его выхода в свет в 1960 году (второе польское издание появится в 1987 году) по каталогу варшавской Национальной библиотеки. В том же, 1960, году «Ксенижка и вельза» выпускает «Дневник» в переводе на идиш, а еврейская газета «Фолькс-Штыме», выходящая в Польше, начинает печатать его в отрывках. Немедленно, в 1960 году, «Дневник» переводят и издают во Франкфурте-на-Майне, Амстердаме, Стокгольме, Копенгагене, Осло, Хельсинки, Париже, Братиславе. В 1961 году дневник выходит в Берлине и Токио, а по-венгерски его издают вместе с книжкой Яницкого и Верника «Остальное – не молчание». В 1962 году «Дневник Давида Рубиновича» переиздается на венгерском, на этот раз в одной книге с дневником Анны Франк, в том же году он выходит на испанском в Мексике. В 1963 году «Дневник» издают на румынском, в 1964 – на иврите, в 1981 – на английском, правда, в переводе с немецкого, в 1985 его снова издают в Берлине. В 1980 году немецкие кинодокументалисты Вальтер Петри и Конрад Вайс делают фильм о судьбе Давида и его дневнике. Кадры из этого кинофильма служат иллюстрациями к еще двум

изданиям «Дневника» на немецком языке, вышедшим в 1988 и 1996 годах.

Русскоязычный читатель мог почерпнуть сведения о Давиде Рубиновиче и его дневнике из переведенной с английского языка книги Якоба Боаса «Мы – свидетели». Ее автор, родившийся в 1943 году в концлагере и чудом избежавший смерти вместе с другими голландскими евреями в газовых камерах Освенцима, приводит в своей книге свидетельства пяти еврейских подростков – жертв Холокоста из Польши, Литвы, Венгрии, Бельгии и Голландии. Открывает этот сборник глава, посвященная дневнику Давида Рубиновича с несколькими отрывками из него, а замыкают – записки Анны Франк. Московское издательство О.Г.И. выпустило в 2002 году повесть датского писателя Стига Даллгара «Книга Давида», сюжет которой в некоторых деталях основан на дневнике Давида Рубиновича.

Трудно было смириться с тем, что этого исключительного по своему значению свидетельства о временах Холокоста, включенного во многих странах в программу детского чтения, нет на русском языке.

Настоящий перевод сделан по инициативе и при участии учителя истории одной из московских школ Елены Львовны Габриэловой, которая широко использует «Дневник Давида Рубиновича» в работе со школьниками. Российский журнал «Карта» предложил свои страницы для первой публикации «Дневника Давида Рубиновича» в России. Ценной помощью при подготовке текста к печати стали замечания Юлии Борисовны Середа.

О языке «Дневника» следует сказать особо. В нем отразилось все: колорит провинциальной речи сельских жителей кельецкой земли с ее специфическим синтаксисом и лексикой, влияние словаря школьных книг для чтения, мироощущение наблюдательного и впечатлительного подростка, жизнь которого выбита из привычной колеи. Первые записи по-детски лаконичны и очень непосредственны. Давидек описывает то, что видит и чувствует: погоду, повседневные занятия, движение немецких войск по деревенской улице, обыски, волнуется, что будет, когда кончатся довоенные запасы продовольствия, переживает, узнав, что в Кельцах создадут «еврейский район», слово «гетто» он не употребляет, хотя в его речи встречаются слова необычные для лексики сельского подростка.

По мере нарастания угрозы его записи становятся все более сбивчивыми. Это уже все чаще не описание увиденного, а пересказ услышанного от взрослых, содержания писем отца с принудительных работ. Подросток не в состоянии совладать с натиском этих страшных картин и вестей.

В польских изданиях дневника сохранена вся специфика стиля, пунктуация и орфография оригинала (заметим, что Давидек почти не делал орфографичес-

ких ошибок, лишь пропущенных буквы становится со временем все больше). Вчитываясь в польский текст, мы знаем – именно так писал Давид Рубинович. Это он, деревенский парнишка, пытается выразить словами то, что не под силу и взрослому. У читателя полливника есть ощущение непосредственного прикосновения к тексту во всей его самобытности, прямого общения с автором, чего, к сожалению, лишен тот, кто имеет дело с переводом.

В предлагаемой публикации делается попытка сколь возможно точно передать дух и стиль оригинала при соблюдении грамматических форм русского языка.

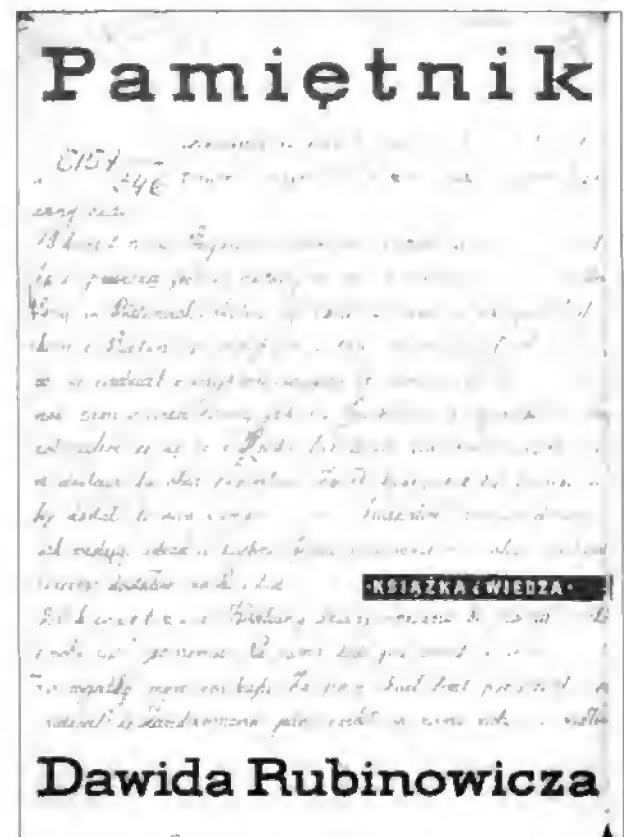
Библиография

Pamiętnik Dawida Rubinowicza. Słowo wstępne Jarosław Iwaszkiewicz, komentarze w tekście opracował Adam Rutkowski, postowie Maria Jarochowska, Wyd. «Książka i Wiedza», Warszawa 1960, s. 122.

Jerzy Janicki, Bronisław Wiernik Reszta nie jest milczeniem. Wyd. «Czytelnik», Warszawa 1960, s. 75.

Якоб Боас «Мы – свидетели. Дневники пяти подростков – жертв Холокоста». Предисловие Патриции Мак-Киссак. Перевод с английского Татьяна Иваненко. Изд. «Оптима», Киев 2001.

О «Дневнике Давида Рубиновича» см. также на сайте www.historiazydow.edu.pl

Обложка первого издания «Дневника Давида Рубиновича».

ROK 1940

31 marca. Niekiedy w nocy siedząc przy stole, przemyślałem na której mi się udało zobaczyć. Złota zobaczyłem na ścianie sklepi jakiego ogłoszenia, przedtem przedko przeczytałem. Nowe ogłoszenie było żeby ludzie nie jeździć do cmentarza wozach (pociągami już dawno było wystronione).

4 kwietnia. Dnia wstaniem wczesnym bo miałem iść do Kielec. Po śniadaniu wyszedłem z domu. Umiećno mi było samemu iść polnymi drogami. Po 4-tygodniu podziwiałem

ДНЕВНИК ДАВИДА РУБИНОВИЧА

1940 год

21 марта: Ранним утром шел я по нашей деревне. Издали увидел на стене магазина какое-то объявление, пошел быстрее прочитать. В новом объявлении говорилось, что евреям нельзя теперь ездить на телегах (поездами давно уже запретили).

4 апреля: Сегодня встал пораньше, надо было идти в Кельце. После завтрака вышел из дому. Невесело было мне одному идти полевыми дорогами. После 4-х часов пути был в Кельцах. Когда пришел к дяде, то увидел, что все сидят расстроенные, и узнал, что евреев выселяют с разных улиц, и я тоже расстроился. Вечером вышел из дому по делам.

5 апреля: Всю ночь не мог спать, какие-то непонятные мысли лезли в голову. После завтрака пошел домой.

12 апреля: Папа позволил мне учиться ездить на велосипеде. Так что я пошел к одному парню, у которого есть велосипед, чтоб меня научил, и он согласился.

20 апреля: Сегодня опять катался на велосипеде, уже умею сам садиться на велосипед. Он больше уже не хочет меня учить.

14 мая: Вторую неделю все дождь и дождь. Даже нечего записать в моем дневнике.

28 мая: Сегодня первый раз в жизни пошел с братом в лес за грибами, хоть дороги не знали. Пошли мы первый раз по грибы, и все ж нашли десятка полтора трутовиков, а грибов вовсе нет еще.

9 июня: Сегодня были учения немецкого войска. Все войско по полям разбежалось, расставили пулеметы и стреляли друг в друга.

18 июня: Полиция устроила у нас обыск, какие-то военные вещи искали. Полицейские спрашивали меня, где эти вещи, а я им твердил, что нет и все тут. Так что ушли ни с чем.

30 июня: Слабость какую-то чувствую, и лихорадит. Мама велела идти в кровать, а я не хотел, но потом лег. Грипп у меня. И есть неохота, поел только немного жидкой каши.

7 июля: Неделю уже болею, сегодня чуть лучше стало. Сел у окна и глядел на зеленые поля. Приятно мне было смотреть, ведь целую неделю даже не выглядывал в окошко.

11 июля: Я уже здоров. Вышел наружу, солнце светило, и было жарко. Весь день был на дворе. Дома не сиделось.

16 июля: С каждым днем мне все веселей после этой болезни. И нынешние дни становятся все веселей и солнечней.

5 августа: Вчера к сельскому старосте приехал сторож из гмины¹ сказать, чтоб все евреи с семьями шли становиться на учет. В 7 утра мы уже

туда явились. Пробыли там несколько часов, потому что взрослые евреи выбирали Совет старейшин. Потом пошли домой.

12 августа: Всю войну я учусь дома сам. Стоит мне вспомнить, как ходил в школу, то сразу плакать хочется. А сейчас надо дома сидеть и никуда не выходить. А когда подумаю, какие войны в мире идут, сколько людей всякий день гибнет от пуль, от газов, от бомб, от эпидемий и от других врагов, то вовсе ничего не охота.

18 августа: Еврейский Красный Крест перевез из Бодзентына несколько больных (вот они-то больны заразными болезнями) в Кельце в больницу.

1 сентября: Сегодня первая годовщина как война началась. Вспоминаю, что мы уже пережили за это короткое время, сколько страданий уже пережили. До войны у каждого было свое занятие, почти никто не был безработным. А при нынешних войнах, так для 90% – безработица, только у 10% есть занятие. Взять хоть бы нас, у нас была молочная, а теперь мы совсем безработные. Только еще немного запасов осталось с довоенных времен, из них понемногу и берем, а ведь кончатся, и неизвестно, что будем делать.

13 декабря: Староста сказал, чтобы мы из дома выселялись, будут в нем теперь держать картошку, которую крестьяне сдавать обязаны. Еле еле папа упросил старосту, чтобы люди свозили картошку туда, где раньше была молочная.

14 декабря: Сегодня начали свозить картошку. Сегодня привезли около 20 ц.

16 декабря: Нынче крестьяне целый день свозили картошку.

28 декабря: Зима только-только началась, а метель метет уже несколько дней. Наружу и не высунешься, так мороз щипет лицо и руки.

1941 год

21 марта: В другое время об эту пору уже начинались полевые работы. А сегодня зима такая, словно январь, а не март. Большие морозы и метели.

24 марта: Сегодня немного потеплей. Проходили немецкие войска. Больше всего было кавалерии. Я стоял у окна и смотрел на проходившие войска. В голове у меня закружилось от ехавших обозов и кавалерии, шла также тяжелая артиллерия. Мне было интересно смотреть на проходившее войско, потому что около нас редко когда проходят войска.

1 апреля: Около 10-ти проходил один еврей из Кельц и сказал, что с сегодняшнего дня будет в Кельцах еврейский район. Так меня расстроила эта

№ 123
Kole szkolny 1951/52

1	Pod koniec Bozica Yanki Fajdel 7 lipca 1951 Kielce miejsc 1951 do I li
2	at at dobry
3	at at dobry
4	at at dobry
5	at at dobry
6	at at dobry
7	at at dobry
8	at at dobry
9	at at dobry
10	at at dobry
11	at at dobry
12	at at dobry
13	at at dobry
14	at at dobry
15	at at dobry
16	at at dobry
17	at at dobry
18	at at dobry
19	at at dobry
20	at at dobry
21	at at dobry
22	at at dobry
23	at at dobry
24	at at dobry
25	at at dobry
26	at at dobry
27	at at dobry
28	at at dobry
29	at at dobry
30	at at dobry
31	at at dobry
32	at at dobry
33	at at dobry
34	at at dobry
35	at at dobry
36	at at dobry
37	at at dobry
38	at at dobry
39	at at dobry
40	at at dobry
41	at at dobry
42	at at dobry
43	at at dobry
44	at at dobry
45	at at dobry
46	at at dobry
47	at at dobry
48	at at dobry
49	at at dobry
50	at at dobry
51	at at dobry
52	at at dobry
53	at at dobry
54	at at dobry
55	at at dobry
56	at at dobry
57	at at dobry
58	at at dobry
59	at at dobry
60	at at dobry
61	at at dobry
62	at at dobry
63	at at dobry
64	at at dobry
65	at at dobry
66	at at dobry
67	at at dobry
68	at at dobry
69	at at dobry
70	at at dobry
71	at at dobry
72	at at dobry
73	at at dobry
74	at at dobry
75	at at dobry
76	at at dobry
77	at at dobry
78	at at dobry
79	at at dobry
80	at at dobry
81	at at dobry
82	at at dobry
83	at at dobry
84	at at dobry
85	at at dobry
86	at at dobry
87	at at dobry
88	at at dobry
89	at at dobry
90	at at dobry
91	at at dobry
92	at at dobry
93	at at dobry
94	at at dobry
95	at at dobry
96	at at dobry
97	at at dobry
98	at at dobry
99	at at dobry
100	at at dobry

Свидетельство Давида Рубиновича
об окончании шестого класса.

неприятная весть, что целый день был сам не свой. В тот же самый день те евреи, у которых есть какая-то родня за районом, из Кельц уехали и поехали к своей родне. У нас почти вся родня в Кельцах, что же теперь с ними будет. А уж дороговизна сразу будет такая, как в других городах, где есть такие районы. Дядя пришел сегодня из Кельц советовать, что делать. Папа ему сказал пусть, к нам пока едет и что мы делать будем, то и он. Так что он пошел сговориться насчет подводки на завтра.

2 апреля: Ранним утром дядя поехал в Кельце за вещами. Целый день ехали и ехали подводки с вещами. Люди, которые с этими вещами едут, заплаканные и на все потерявшие охоту. Дядя должен был приехать около 3-х. Вечер настал, а его из Кельц все нет. Мы не знали, что и думать, что там могло случиться. Весь вечер их ждали. Только в 2 часа ночи они приехали.

3 апреля: Сегодня опять проехало много подвод с вещами. Вечером, когда мы сидели и говорили с дядей, приехал еще один дядя. Я подумал, где же все они у нас поместятся.

4 апреля: Тот дядя, что вчера приехал, сегодня поехал в Бенчкув, потому что он портной и там работал.

5 апреля: Мы узнали, что дядя по приезде в Бенчкув передумал и поехал обратно в еврейский район. Было у нас из-за этого очень много переживаний, потому что мы были уверены, что там ему

нечего будет есть. Пока работал, не голодал. А теперь столько людей, таких, как он. Срок для переезда был только с 1-го апреля до полудня нынешнего дня.

23 апреля: К нам приходил один парень, который вышел из еврейского района. Говорит, что 2 кг ржаного хлеба стоят 11 зл, кг картошки стоит 1,5 зл и т.д. Я подумал, сколько же людей умирает с голоду, сколько ест очистки и другие вещи, от которых болеют разными болезнями. От такой еды происходят разные болезни, и сотни людей от них умирают.

14 мая: Сегодня уже середина мая, а весенние работы и не начинались. С каждым днем все дорожает, только-только хлеб стоил 5 зл, а уже стоит 10 зл, так все дорожает, что за деньги ничего нельзя раздобыть. Это будет еще одна война.

25 мая: Уже неделю как стало тепло. Работы в поле уже кончаются. Только продукты ужасно дорогие. Сотни людей умирают с голоду, а тысячам нечего с утра положить в рот. Почти каждый день приходят письма, чтобы то одному послать продуктов, то другому, а ведь мы и себе не можем купить хоть немного продуктов.

12 июня: Сегодня приехала жандармерия² к одному богатому хозяину с обыском, потому что кто-то на него донес. Забрали у этого хозяина 2 ц пшеницы, 1 1/2 ц ржи, 5 ц картофеля и 2 ц овса, и все это он должен был отвезти в Белины. Его посадили в тюрьму, потому что зерно дорого продавал.

13 июня: Сегодня опять приезжала жандармерия делать обыск у богатых крестьян.

14 июня: После обеда, сидя за столом, увидел, что бричка с жандармами к нам подъехала, и они вошли, сразу стали делать обыск, а когда обшарили все углы, то сказали, чтоб отец пришел к ним 16. Мы понятия не имели, что они искали.

16 июня: С утра папа пошел в жандармерию, мама тоже с ним пошла. Когда папа вышел из дому, мы все очень расстроились. Несколько часов я все выглядывал в окно в надежде, что они вот-вот появятся, а тут час за часом проходит, а их все нет. Разное мне в голову приходило, то ли их арестовали, то ли этих жандармов на месте нет, уж сам не знал, что и думать. Пошел к сапожнику, чтоб ремешки к деревянным подошвам прибил. Подждал у сапожника, пока он сделает, а тут прибегает мальчишка из Белин, заглянул к сапожнику, потому что не знал, где мы живем, говорит, чтоб дядя пошел в жандармерию сказать, чье было то зерно, потому что папу пока арестовали. Мы сразу же бросились домой с этой очень неприятной вестью. Все от этой вести пришли в ужас. Дядя сразу же пошел в жандармерию, тетя тоже с ним пошла. А мы, дети, остались одни только с бабушкой. Не ужинали вовсе, в 12 часов я лег спать.

17 июня: К нам пришел из Полуднёвой Зельман, нам было очень интересно знать, зачем он приходит? Говорит, что из Белин приехал кто-то на велосипеде и сказал, чтоб припрятать бельё и одежду, какие получше, потому что жандармерия сюда

еще явится. Мы сразу при нем попрятали хорошие вещи. Я несколько раз выходил поглядеть, не едут ли уже, но не видать их было. В деревне была ужасная паника, словно вот-вот нагрянут бандиты. Тут-то жандармы как раз и приехали, сначала обыск устроили у одного хозяина и уехали. Когда они поблизости нас были, то я думал, что сердце у меня выскочит, так колотилось, но, слава Богу, жандармерия к нам пока не зашла, а наверное, должна была явиться. А я сказал, что как будут возвращаться, то придут. Мы просто не знали, куда деться от страха. Когда жандармерия обратно ехала, то к нам опять не пришла. Я тут же за ними пошел поглядеть, не заходят ли куда. Пошли к тем, у кого утром были. А взяли что или нет, того сказать не могу, потому как не знаю. Сразу же пошел к нашему родственнику сказать, чтоб поехал на велосипеде в Белины и отвез им еду, потому что на такой долгий срок с собой не взяли. Быстренько отнес ему сверток, и он сразу же поехал. Когда воротился домой, то поел немного, а брат погнал корову, брат вовсе есть не мог. Пошел я за братом, чтоб приходил поесть. Пасу я корову, а тут прибегает ко мне сестра и говорит, что все уже идут. Я очень обрадовался, когда она мне это сказала. И родственник уже воротился, повстречав их на дороге. Я сразу же помчался домой поглядеть, пришли ли уже. Через полчаса примерно пришли. Можно себе представить, какая радость дома была, когда мы их увидели. Папа рассказывал, как им было в аресте, кто им есть дал, так что все нам очень подробно рассказал.

18 июня: Вчера забыл написать, что когда Зельман к нам приходил, то сказал, что всех арестовали, но, слава Богу, они уже вернулись. После вчерашнего чувствую себя вроде получше. За эти несколько дней я потерял столько сил, что не знаю, вернутся ли они и через 3 месяца.

20 июня: Пошли мы в лес по дрова. Хорошо было нам в лесу, я нашел три гриба, и каждый из нас принес по охапке дров.

22 июня: Еще темно было, когда папа всех нас разбудил и велел слушать, какой страшный грохот несется с северо-востока. Такой грохот стоял, что земля дрожала. Весь день грохотало. К вечеру ехали из Кельц евреи и сказали, что Советская Россия немцам войну объявила. Только сейчас я и понял, откуда такой грохот весь день.

24 июня: Мы разговаривали и вдруг услышали ужасный гул самолетов. Через несколько минут мы услышали, что казармы в Букувке бомбардируют те самолеты, которые только что пролетели. Я не испугался, хоть бомбы страшно грохотали, а тетя, так она ужасно испугалась.

26 июня: Грохот по-прежнему слышен, а временами еще сильнее. Дождя нет уже две недели, если еще так дня 2 продержится, то все завянет. И сейчас уже очень сухо, по дороге вовсе нельзя идти, так песок душит и жжет.

29 июня: Сегодня как-то стрельба поутихла, только иногда доносится грохот. С севера надвигается туча, из которой должен пойти дождь. Ждут его

не дождутся люди и все какие ни на есть растения. Туча пришла, и полил желанный дождь. Шел почти час, но этого маловато для иссохшейся земли.

3 июля: Договорился с одним парнем идти в лес за дровами. После обеда отправились в лес. В лесу, собирая дрова, увидели лисицу, испугались чутко, но лиса сама нас испугалась и убежала, мы продолжали собирать дрова.

10 июля: Настали очень тяжелые времена. Трудно прожить каждый час. У нас всегда было немного продуктов в запасе, хоть бы на месяц, а теперь трудно и на один день еду купить. Нет дня, чтоб кто-нибудь с просьбой не пришел. А всяк, кто придет, ничего другого не хочет, только из еды что-нибудь просит, с этим сейчас трудней всего.

11 июля: Ребята шли в лес за черникой, позвали и нас. Взяли мы посудину под чернику. Первый раз в этом году идем в лес. Как только в лес пришли, сразу стали чернику собирать. Приятно чернику собирать, вот только комары и оводы донимают. Собрали мы по полной посудине и пошли домой. Мы набрали пять литров черники для начала.

14 июля: Сегодня проехали две автомашины с немецкой жандармерией из Кельц. Мы говорили, что они едут в Бодзентын делать обыск. Когда они уже проехали, то сразу приехал дядя, но он ничего не знал, потому что разминулс с ними на дороге. Он сказал, что когда его сын под вечер вернется, то придет и скажет, куда поехали. К вечеру он пришел и сказал, что поехали за Бодзентын в одну деревню, где крестьяне скот не сдавали, и забрали у них много коров.

16 июля: Сегодня было у нас хорошенькое приключение в лесу. С самого утра пошли за черникой, порядочно уже собрали, полпосудины, как вдруг потемнело в лесу, пошел дождь, и мы сразу помчались домой, но не успевши из лесу выйти, насквозь промокли. Когда ж домой пришли, то переоделись.

17 июля: Стоя на дворе, заметил, что ехала на велосипеде какая-то девочка и потеряла равновесие. Подъехавши к повороту, упала и начала воевать кричать. Папа к ней поспешил и вытащил ее из-под велосипеда. Она разбила себе колено до самой кости, страшно кричала от боли. Мама сразу ее перевязала, и она еще несколько минут сидела. Сразу пришел хозяин велосипеда и забрал ее на велосипед к себе.

18 июля: Ту девочку, что вчера ногу разбила, так сегодня отвезли в Кельце в больницу, потому что только сегодня ее повезли в Бодзентын и оттуда сразу в Кельце.

22 июля: Небо начало хмуриться с самого утра, около полудня пришла маленькая туча со страшной молнией. Всякий раз как ударял гром, то земля дрожала. И тут! — прибежала какая-то девушка и говорит, что корову молнией убило и чтоб отец пошел снять с нее шкуру, но папа не пошел. Когда дождь кончился, то мы пошли к тому хозяину.

30 июля: Когда гнал корову с поля, увидел, что около могилы немца стоит какой-то грузовик. Сначала думал, чинят его, но когда подошел поближе,

...над надписью «название предмета» стоит самодельный штамп «Pamiętnik» (Дневник) — и ниже RUBINOWICZ DAWID и еще несколько штампов помельче «Rubinowicz D».

увидал, что вынимают останки немца, который был убит в начале войны. Все части тела видел, голова отдельно, руки отдельно, туловище и ноги. Тела вовсе не было. Дурного запаха не было, потому что какой-то жидкостью полили. В машине были уже два заполненных гроба, а еще было много пустых гробов. Яму опять завалили землей и насыпали какой-то порошок на то место.

4 августа: С самого утра солнце сильно припекало. Пошли в лес за дровами, а обратно не могли пройти, так было парно. После обеда надвинулись две тучи, одна с северо-востока, вторая с юго-запада, и обе шли навстречу. К вечеру обе тучи сошлись, и сделался страшный ливень с огромными молниями. И минуты не было, чтоб несколько раз не сверкнуло. Дома было светло, как днем, а как загремело, то земля дрожала. Мы говорили, что настал уже конец света. Вода покрыла все поля, а что на дороге было, все вода унесла. Дядя несколько раз выходил наружу и сказал, что тучи с севера ужасно красные, и мы не знали, что это значит. И тут стою я у окна и вижу, что где-то горит, мы сразу вышли и глядим, что недалеко от нас горит. Паника сделалась, но никто не шел на пожар, потому что гром все грохотал и стал еще сильнее. Пожар сразу погас, потому что ливень огонь залил. Эта страш-

ная гроза длилась 2 и 1/2 часа, а потом туча ушла в северную сторону.

5 августа: Сразу с утра я пошел поглядеть, какие беды вода причинила во время вчерашней грозы. Всюду полно ям, в поле не

(здесь недостает страницы)

Под вечер мы гасили известь. Я и сторож носили воду, а другой мешал известь. Вечером пошли домой.

3 сентября: Сегодня к нам приехал комиссар, велел завтра идти на работу.

4 сентября: В 8 утра я пошел на работу, но не только я и еще несколько ребят. Когда мы пришли, то сторож велел мне и еще одному парню подавать каменщику кирпич. Это была нетяжелая работа, но мне было очень скучно при этом занятии. Когда мы собрались уходить, то секретарь гмины сказал, чтобы мы пришли на работу 7-го.

7 сентября: Сегодня мы опять пошли на работу. Сегодня на работу пришло десятка полтора людей. Несколько человек пошли мыть и белить арестантскую камеру при гмине, я тоже пошел с ними. Народу было много, и потому мы быстро кончили всю работу и тогда пошли домой.

16 сентября: С самого утра хорошая погода. После обеда отправились в лес за дровами. В лесу, когда собирал дрова, наткнулся на пулемет. Так меня это взволновало, что ноги подо мной тряслись.

21 сентября: Жандарм из Белин ехал в Бодзентын на мотоцикле так быстро, что мотоцикл у него испортился. А потому как оставить было негде, он завел мотоцикл к нам в сени. Тут как раз ехали евреи в Бодзентын, и тот жандарм документы от них потребовал, а одному еврею здорово от него досталось. Он велел им прислать механика починить мотоцикл. В 8 вечера приехал механик на мотоцикле и взялся за работу. Я с интересом на все это глядел. В 12 часов починили его. Механиков было двое, и они поехали на мотоциклах в Бодзентын, чтобы кончить работу и назавтра отвести мотоцикл в Белины.

7 октября: На прошлой неделе полиция нашла у двух хозяев заколотую свинью, а мясо это отвезли в жандармерию. Полиция им сказала, чтоб нынче же явились в участок, один из них явился, а другой не пошел, так что полиция за ним приехала. Когда вошли в дом, то он в то время одевался и, увидев полицию, убежал. Полиция за ним, а поняв, что не догнать, начала стрелять в него и попала справа в грудь. На смерть его не убили. Полиция сразу по телефону вызвала автомобиль, через несколько минут машина приехала, и отвезли его в больницу. Звоня по телефону, полицейский все сокрушался, так жалел своего поступка.

12 октября: Утром сначала шел дождь, а потом превратился в снежную крупу. А когда снежная метель началась, то вовсе нельзя было во двор выйти. К полудню сделался мороз и настала зима. Сегодня день был похож на 12 января, а не октября.

13 октября: Ранним утром уже ехал жандарм на мотоцикле в Бодзентын и зашел к нам погреться. Жандарм, будучи в доме, сказал, чтоб евреи из Крайно купили ему две овчины на шубу. Когда ехал обратно, то зашел в магазин и позвал маму, чтоб была ему переводчицей. Когда мама выходила из магазина, то тот жандарм дал ей ? литра водки.

15 сентября³: Рано утром мы пошли молиться в Гурно, потому что сегодня праздник. Когда пришли в Гурно, то нам сказали, что в деревне немцы. Через несколько минут пришли и говорят, чтоб взрослые пошли с ними на какие-то работы. Несколько мужчин убежали за забор, а один на чердак, видя, что немцы идут. Когда немцы ушли, какая-то женщина сказала, что мужчины попрятались. Дядя мой, видя, что они ушли, вернулся в дом. Когда он вошел в дом, то я заметил, что они возвратились, и сказал дяде, чтоб он надел другую шапку и пиджак, тогда его не узнают, потому что видели, как он убегал. Когда немцы снова пришли, то дядю не узнали и спрашивали, где остальные, искали их, но никого не нашли, папе же ничего не сказали, потому что он ото всех работ освобожден. Когда никого не нашли, то сказали, чтоб все шли по домам, потому что никакой молитвы здесь не будет. Когда мы шли домой, люди нам сказали, что жандармерия ходит в Крайно по домам взымать поставки, забирают коров и хозяев, которые ничего не сдали в поставки.

1 ноября: Сегодня вывешено в Кельцах объявление, что тому, кто войдет или выйдет из «Еврейского района», будет смертный приговор. До сих пор можно было войти и выйти из района. Очень меня огорчила эта новость, не только меня, но и каждого иудея, который это слышал. Не только в Кельцах эти объявления вывешены, но и во всех городах Генерального губернаторства (так называется часть бывшей Польши).

28 ноября: После обеда приехал почтальон и принес повестку заплатить штраф 150 злотых за то, что 2 IX пришел к нам смолоть зерно в жерновах сосед-еврей, и сразу явился староста с секретарем гмины, они разбили жерновой камень и написали протокол, что тот был из еврейского района, и сегодня надо платить этот штраф.

5 декабря: Сегодня ходит сборщик налогов со старостой и пришел к нам, а староста послал меня к другому старосте с поручением. На обратном пути я повстречал сестру, которая куда-то бежала, а когда я ее спросил, куда бежит, то сказала, что идет взять денег в долг, потому что снова надо платить 154 злотых какого-то просроченного налога. Пришел домой, а тут староста с папой ругаются, хочет написать протокол, что мы держим евреев из района, а это вовсе неправда. Потом перестали ругаться и снова были в хорошем настроении.

6 декабря: Поздно вечером прибежал сын сапожника сказать, что пришли к ним полиция, староста и комитет поставок, требуют 150 злотых, а если не дать, то отца его арестуют, и чтоб папа вернул им 100 злотых, которые у них брал в долг. Папа сразу с ним пошел и просил полицию, чтобы владе-

лец тех денег согласился подождать до вторника, а папа ему принесет, и тот согласился на это.

12 декабря: Вчера после обеда я пошел в Бодзентын, потому что делаю себе пломбы, и собирался переночевать. Сегодня рано утром приехала жандармерия. Когда ехали по шоссе, повстречали за городом одного еврея и сразу его застрелили безо всякой причины, а как ехали дальше, застрелили еще одну еврейку, тоже безо всякой причины. Так пало две жертвы без всякой причины. Я, идя домой, очень боялся, чтобы ненароком их не встретить, но никого не повстречал.

13 декабря: Сегодня снова жандармерия ехала в Бодзентын. Хозяин, что с ними ехал, то был из Крайно. Когда приехал, то сказал, что сегодня опять пала жертва от их рук. Мы очень переживали, услышав такую новость, потому что до сих пор такого события не было.

21 декабря: Сегодня я пошел в Бодзентын кончить эти пломбы, так и было, зубной врач сегодня их мне закончил. Когда я вернулся домой, то палы не было, потому что он поехал в Кельце за карточной мукой для евреев со всей гмины. Поздно ночью папа приехал без муки, потому что лошадь устала, и он оставил ее у одного хозяина в 3-х километрах от нас и только завтра привезет.

22 декабря: Папа нанял специальную подводу и привез муку, а я составил список и стал раздавать муку.

26 декабря: Папа как раз одевался, когда к нему пришел один парень сказать, чтоб шел к магазину, потому что жандарм его зовет, а зачем — неизвестно. Папа оделся и пошел в магазин. А мы очень перепугались, потому что не знали, зачем его вызывают. В нынешние времена ведь за любой пустяк могут арестовать. Но очень скоро отец вернулся и сказал, чтоб пришли к нему в магазин 5 евреев, а зачем так не сказал. Я сразу же пошел их известить. Когда к ним пришел, то их тоже интересовало, почему этот жандарм их вызывает. Сразу же со мной пошли в магазин. По дороге повстречали папу, и он сказал им, чтоб возвращались домой, пришло распоряжение⁴, чтоб евреи сдали все меховые вещи до последнего кусочка. А 5 евреев будут ответственными за тех, кто не сдаст. А если у кого-то увидят или найдут меха, то ему за это полагается смертная казнь, такой суровый был приказ. Жандарм определил срок до 4-х после полудня отдать все меха. Вскоро евреи начали приносить куски и целые шубы. Мама сразу спорла мех с трех пальто и все воротники. В 4-е жандарм сам пришел к нам за мехом и велел польскому полицейскому составить список всех мехов, которые евреи сдали. А потом мы сложили их в два мешка, и двое евреев снесли их к тому хозяину, которому велено было свезти все это в полицейский участок в Белины. Об этом распоряжении узнали мы вчера, потому как папа был в Кельцах и нам сказал, что такой приказ вышел в Кельцах днем раньше.

(продолжение на стр. 34)

ГЕТТО В КЕЛЬЦЕ

The Ghetto Fighters' House

Давид Бекерман, мальчик из кельецкого гетто. Снимок сделан 24 мая 1942 г. 21 августа 1942 г. при ликвидации гетто Давид погиб. Его загрызла овчарка.

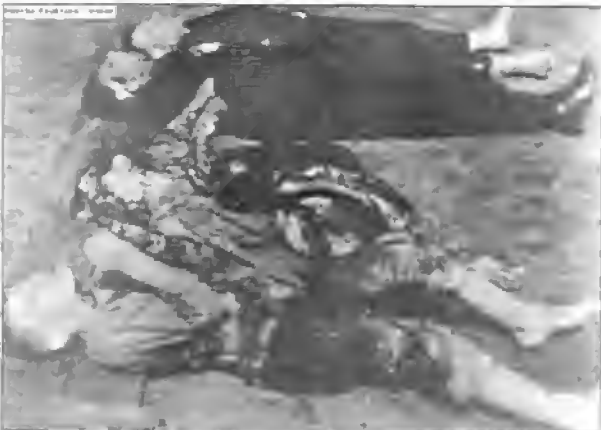

Aktion Reinhard Camps

Aktion Reinhard Camps

The Ghetto Fighters' House

Убитые во время облавы в кельцком гетто. Август 1942 г.

Мужчин гонят в баню. Голыми, по снегу.

The Ghetto Fighters' House

Гетто в Кельце было открыто 31 марта 1941 года. Туда насильно переселили евреев из окрестных деревень. Гетто, состоящее из 500 строений, было рассчитано на 15 000 человек. В него заселили 27000 евреев. Условия были ужасными, особенно после того, как еще 1004 человека привезли из Вены. Перед ликвидацией гетто, весной 1942 года, Гестапо организовало акцию «против польских офицеров и коммунистов». Во время акции было расстреляно несколько еврейских врачей и других представителей интеллигенции, остальные были арестованы и отправлены в Аусвиц.

Гетто было ликвидировано 20-24 августа 1942 года. В первый день около 7000 человек отправили в Трешлинку. Каждому было позволено взять с собой до 20 кг багажа, но многие, не успев понять, что происходит, пришли на место сбора без чемоданов. Проводился «отбор» – старых, слабых и больных расстреливали на месте. 22 августа 1942 года в результате «отбора» было расстреляно 500 человек. 23 августа 1942 по приказу СС были убиты все пациенты еврейской больницы, несколько сотен человек: врачей заставляли делать своим пациентам смертельные инъекции.

Около 20000-21000 тысячи евреев сгинуло в лагере смерти в Трешлинке. Около 1200 было убито в гетто во время «акции» СС. Имущество убитых (одежда, белье, мебель, оборудование из мастерских) было изъято и собрано на специальных складах в центре Кельце. Ликвидацией гетто руководили гауптштурмфюрер СС Эрнст Томас и гауптман Ханс Гейер.

28 декабря: Разбудил меня какой-то стук в окно. Я оделся и пошел отворить. Там были два еврея из Бодзентына, которые ехали в Кельце и вошли обогреться. Я спросил их, нет ли каких новостей. Сказали, что снова есть 2 жертвы, которые были застрелены в Рождество опять безо всякой причины. Вот так и дня нет без какой-нибудь плохой вести. Сказали еще, что в Далешницах тоже что-то произошло, но не знают что. После полудня пришел из Далешниц секретарь из Совета старейшин и сказал, что сегодня пали жертвой от рук жандарма 5 евреев, потому что кто-то донес, что спрятали меха. Жандарм велел закопать их в одной яме на их собственном дворе, были то отец, трое сыновей и дочь. В Кельцах бывает по несколько жертв в день за выход из еврейского района. В таких страшных и плохих условиях проходят дни и недели полные тревоги и ужаса.

29 декабря: До обеда пошел я с братом к соседу помолоть немного пшеницы. Когда мололи, пришел один мужик и сказал, что по деревне идет проверка скота, потому что в прошлом месяце его переписали, а сегодня если у кого скота больше, чем записано, то назначают на поставки, а на тех животных, что записаны, но проданы, составляют протокол. Мы были уверены, что нашу корову не переписали и ее продали. А контроль к нам явился, потому что она была записана, и когда ее не застали, то кричать принялись, где корова, потому что ее нельзя продавать. Папа пробовал объяснить, что не знал, так мол и так, но не помогло папе это объяснение, и сразу собрались составлять протокол. Когда вечерело, староста послал меня к себе за сахаром, и я ему немедля принес. А вечером пришел староста за папой и сказал, что контролеры его зовут. Когда папа пошел, то забрали его в сани и уехали. Мы не знали, куда его забирают и за что. Мама вышла, но они уже уехали. Мама и брат бежали за ними, но догнать не могли. Дома все встревожились, но что мы могли. Я то и дело выходил наружу поглядеть, не идет ли кто, но никто не шел. А раз как вышел, то вижу брат бежит и говорит, что папу отпустили. Через несколько минут папа пришел, еще по дороге староста уже велел папе идти домой, а те контролеры не позволяли, но потом наконец отпустили и только палкой огрели несколько раз. После ужина снова пришел староста и велел папе идти к одному хозяину, куда они опять придут. Папа не пошел, пошла мама, но все равно ничего не уладила, а только велели назавтра утром приходиться.

30 декабря: Рано утром мама пошла и все уладила. Упросила их, чтоб не писали протокол и чтоб не было наказания, но...

Эти контролеры поехали вчера вечером к другим евреям и назначили им сдать по корове и отвести в Кельце на бойню.

Год. 1942 год.

8 января: После полудня узнал, что снова в Бодзентыне есть 2 жертвы среди евреев. Один

сразу насмерть, а второй ранен. Этого раненого арестовали и взяли с собой в участок в Белины, а там уж и убьют его насмерть.

11 января: С самого утра метель и сильный мороз, сегодня под 20°C. Когда так всматривался, как ветер гуляет по полям, то увидел, что сельский сторож наклеивает какое-то объявление. Тут же пошел поглядеть, что нового в объявлении. В объявлении не было ничего нового, но сторож сказал, что отнес к старосте объявления о том, что будут выселять всех евреев из всех деревень. Когда я дома об этом рассказал, то все мы очень всполошились. Теперь в такую суровую зиму будут нас выселять, где и куда? Пришел и наш черед терпеть тяжелые страдания. Одному Господу известно, как долго.

12 января: С утра пораньше пошел разгребать снег. Когда зашел обогреться, то пришел помощник старосты и сказал, что читал у старосты объявление, что евреев будут выселять и ничего им не позволено забирать, кроме того, что на себе. Мы так переполошились от той вести и не знали, что с нами творится. Когда папа пришел, стали мы собирать несколько узелков с вещами, которые не самые нужные, и отнесли их к соседям, в случае если будут выселять без срока, чтобы хоть дома не оставались. Папа хотел продать шкаф и другую домашнюю утварь, но не нашлось покупателя, покупатель были, да только хотели купить за полцены, папа же сказал, что лучше оставит, а за такие деньги не продаст. Когда мы немного успокоились, то стали строить планы, какой узел кому нести, какое белье надеть, а какое в узел сложить. В объявлении не говорилось, куда нас выселят и когда, а только что выселят и больше ничего. Под вечер пришел один хозяин и хотел купить шкаф, но давал за него 250 злотых и не купил, потому что шкаф должен стоить теперь не меньше 500 зл.

13 января: Папа поехал в Кельце разузнать об этом выселении, куда нас выселят и когда. С нетерпением ждали мы его возвращения, может, привезет какое-нибудь известие получше. Когда папа приехал, то ничего конкретного не говорил, только сказал, что сегодня в старостате заседание всех Советов старейшин евреев со всего Келецкого повята⁵. На этом заседании должны выделить в селениях и местечках часть под Еврейский район. Но папа не сказал, где это будет, потому как раньше их уехал, они же должны были к нам заехать, но не заехали, видно, ночью ехали.

14 января: Папа пошел сегодня в Далешнице. После обеда я пошел в лавку, по дороге повстречал соседку, так она мне сказала, что из Белин приходила дочка ее сестры и говорила, что выселение отложили до мая. Я очень обрадовался этой новости и пошел к ней разузнать получше. Когда пришел, то мне то же самое рассказала. Я сразу же пошел домой передать им эту новость, пусть тоже порадуются. К вечеру папа пришел из Далешниц. Папа тоже сказал, что выселение отложено до мая, сказал, что карточную муку получим на январь месяц и завтра поедет за ней в Кельце.

ROK 1942 ROK

30 stycznia Po południu dostaliśmy
kom. 20, w tym w Białymym jest 2
człony z pomocą Jędrzej. Jędrzej od razu na
smyczka długi wieszak. Jędrzej również do mi
wieszakami i uszki go ze sznurka po lewej
do Białej, a tam go dopiero zabiję na
mieści.

11 stycznia: Wł. samyż wiesz
parętyż wieszak smieszki i długi mierz. do
driz driz do 21°C. Jędrzej się tak wieszak
uśmiech, jak wieszak była po południu, i zebra
człony, ze 20: wieszak: wieszak: wieszak
wieszak. Jędrzej po południu wieszak
jest wieszak wieszak na wieszak

15 января: Когда глядел в окно, то увидел, что приехала жандармерия и входят к нам. Когда вошли, то всех нас погнало снег убирать, а мы вовсе не знали, что на уборку, мы ж думали невесть куда нас ведут. Я, брат и тетя, мы в деревне отошли в сторону, потому что жандармы еще стояли у магазина. А дядя, мама и бабушка, так они пошли. Домой я не пошел, потому что они еще были в магазине, а пошел к соседу и там какое-то время пробыл. Когда уехали, вернулся домой. Мама пошла без рукавиц, бабушка тоже и не обедавши, хотя обед был сварен, а тут такой мороз. Когда я пообедал, то увидел, что тот жандарм, что и раньше тут был, поднимается по дороге. Я выскочил наружу и убежал, думал, что за нами. А как уж убежал, то подумал, что пойду в другую деревню и там пробуду, пока не уедут, и пошел. Когда шел, то заметил, что тот жандарм идет в ту самую сторону, что и я. Я уже не мог убежать, потому что он меня видел, положился на судьбу и шел, сняв повязку, чтоб меня хоть издали не узнал. Когда в деревню пришел, то думал, что от испуга сердце лопнет, и стал спускаться вниз по деревне. На другом конце

деревни снова повстречал того же жандарма, потому что он шел не за мной, а своей дорогой. Но меня он не увидел. Каждый может себе представить мою тревогу и страх. Он прошел, и я пошел домой. Уже был недалеко от дома, увидел какую-то повозку перед магазином и пошел к соседу. Тот сосед мне сказал, что все евреи снегом заняты и мама тоже. Когда я вышел посмотреть, уехала ли повозка, то увидел, что все разгребают снег перед нашим домом, домой еще не пошел. Когда так сидел, то пришел один парень и сказал, чтоб я уходил, потому что жандармы ходят по деревне. Я пошел к другому хозяину и тот мне сказал, чтоб уходил, но я не пошел. Когда вышел на двор, то увидел, что повозка с жандармами уже уезжает, и сразу же пошел домой, и был уже вечер, все уже пришли домой, и мы все друг другу рассказывали, кто сегодня что пережил. Жандарм спрашивал у мамы, куда мы утром пошли, но потом забыл. Я узнал, что одного еврея связали и заберут в участок, а двух других заперли и велели дать по 100 злотых, тогда выпустят, так что староста за них поручился и их выпустили. Я сразу же оделся и пошел разузнать, что с тем будет. Когда я пришел, то его уже не было, его привязали к саням, и пришлось ему за ними бежать, а может, его застрелят, как знать. Сидели мы весь вечер очень опечаленные и задумчивые. Сколько же врагов охотится за этими беззащитными зайцами. Поздно вечером приехал папа с мукой.

16 января: Ночью к папе за советом пришел отец того, которого забрали, но что папа мог посоветовать. Сегодня все мы собрались снег расчищать. Пока снегом занимались, пришла одна девочка с запиской из Гурно. А в записке было, что из тех двоих, которых вчера забрали, так одного застрелили и, как знать, не того ли еврея, потому что второй был поляк. Сестра того пошла в Белины что-нибудь разузнать. После обеда я пошел в лавку за электрической лампочкой. Когда возвращался из лавки, зашел к одному еврею. Войдя в дом, увидел, что все в слезах, и сразу догадался, что того парня застрелили. Спросил только в нескольких словах, правда ли это, и сказали, что похоронен в каком-то перелеске. Когда к саням был привязан, то уже не мог бежать за санями, и только волокни его сани, а потом его застрелили, такая несчастная была у него судьба. Как пришел домой, то рассказал им эту новость, всяк может себе представить, что не радовались этому. Под вечер пришел к нам староста... — папа купил немного водки и выпили вместе с ним, потому что немного замерз. Староста сказал, что всех евреев надо перестрелять, потому

что они враги. Если б я хотел только часть записать того, что он у нас говорил, то не мог бы... Сегодня опять снег убирали, а сторож был надсмотрщиком над евреями.

17 января: Думал, что сегодня не будем снег убирать, да где там. После всех этих тяжелых переживаний и упадка сил приходится стоять в такой лютой мороз и снег разгребать.

18 января: Ранним утром пошел я к старосте спросить, куда идти снег убирать, но староста не велел, потому что снега нет.

19 января: После завтрака пошел с братом смолоть в жерновах немного зерна. Когда шли назад, то увидел, что евреи снег расчищают около нас, а сторож за ними следит. Сторож сразу велел нам идти убирать. Велел работать, пока староста не будет ехать из гмины, куда утром поехал. В четыре ехал назад, остановился и вошел в магазин, сторож сразу тоже пошел. Когда сторож вышел из магазина, то велел нам построиться по двое, лопаты на плечо и маршировать в гору. Сказал, что староста дал ему такой приказ, и нам пришлось его слушать. Привел нас на горку, где самый большой мороз и метель, и велел нам работать, а сам пошел в какой-то дом, нам же велел работать до захода солнца. Мы плакали от холода, каждый должен был оставаться до захода солнца, а потом он пришел за нами. Снова построил по двое, и мы пошли. Когда пришли к магазину, то староста еще был. И хотя уже вечерело, не позволил идти по домам. Вечером только отпустил нас и наказал рано утром прийти на работы.

20 января: Ранним утром мама с дядей пошли к старосте, чтоб всех нас освободил от работы со снегом. Попросили его, и позволил не идти, как свежий выпадет, то чтоб приходиться разгребать... Папа был в Кельцах в старостате, чтобы ему продли пропуск. Вернулся поздно вечером.

22 января: Утром после завтрака я пошел с папой отгрести снег. Когда убирали, то пришел сторож из другой деревни, велел, чтобы все мы шли расчищать на другое шоссе в трех километрах от нас. Папа ему сказал, что староста велел работать около нас, а он стал ругаться, ударил папу и всех погнал на снежные работы, я же не пошел и схоронился, а папа пошел к старосте разузнать. Староста не велел идти, но папа пошел, потому что в нынешнее время всяк может донести на еврея в жандармерию. Долго не работали, пошли 12-ти не было, а пришли в 3.

24 января: Пришел к нам сторож сказать, что надо идти снег убирать, и мы сразу пошли. Пришли и другие евреи, и мы расчистили шоссе как улицу. Полиция проходила, так им тоже понравилось.

28 января: За ночь все шоссе снегом занесло, так что утром мы пошли его отгрести. Когда работали, пришла одна девчонка и сказала, что сторож арестовал какого-то еврея, и староста собирается отослать его в жандармерию, потому что евреям нельзя ходить из одной деревни в другую. Мама с дядей пошли просить старосту, чтоб его отпустил.

Мама еле-еле уговорила старосту, чтоб его отпустили, заплатил к тому же 100 зл штрафа.

1 февраля: Утром ехала какая-то машина и задержалась около старосты. Мы думали, что испортилась. Папа пошел в Бодзентын, а я с братом снег убирать. Когда мы снегом занимались, машина уже обратно ехала и остановилась около нас. Один жандарм вышел и что-то поправил, и уехали. Вскоре шла знакомая девчонка и сказала, что эти жандармы забрали в машину старосту, не говоря, по какой причине. Шел один крестьянин, он сказал, что машина уехала, а два жандарма поехали со старостой на подводе в Белины. Два жандарма остались в школе и собираются вести какое-то расследование. Я узнал, что старосту арестовали за продажу муки с поставок. Взяли какого-то крестьянина из Полуднёвой.

2 февраля: С самого утра было много шума из-за вчерашнего события. Большая часть людей рада этому, потому что много зла он людям причинил, особенно же бедным. Приехал войт⁷ и секретарь из гмины. Мы не знали, зачем. К вечеру я узнал, что выбрали нового старосту.

8 февраля: Кто-то мне сказал, что комитет поставок и немец будут делать обыск и искать зерно. Может через час начали делать обыск. Когда я работал при снеге, какой-то парень сказал мне, что тот немец вошел к одному еврею, всех выгнал и приказал набросать снегу в дом, потому что грязно. Я не поверил, под вечер пошел туда и уверился, что правду он мне утром говорил. А то, что все были в полном страхе и тревоге, так это каждый может себе представить. Он здесь был у того еврея, которому сына застрелили.

9 февраля: Сегодня поехали в другую деревню проводить обыск. Мы сильно напугались, потому что они остановились у магазина, и мы думали, что к нам зайдут, хотя ничего бы не нашли. Когда я пообедал, то пришел сторож, чтоб идти снег убирать за школой, я пошел. Заглянул к одному еврею спросить, идут ли снег убирать. Когда я входил, то другой немец с комитетом выходили. Когда вошел, то квартиру было не узнать, такой это был обыск. Всем досталось, это само собой. Хозяина дома не было, потому что был на уборке снега, так что пошли к нему туда, досталось ему порядком, и бороду ему состригли. Мы расчищали снег до вечера. Как раз папа ехал из Кельц, когда немец и комитет пришли к нам. Не проводили такого строгого обыска. Уходя, велели дать им на ужин две курицы, а один из комитета велел дать бутылку водки. Пришлось дать водку и одну только курицу. Так проходит день за днем, всегда в расходах и тревоге.

12 февраля: После завтрака пошли на уборку снега, хотя никто нам не велел, потому что шоссе за ночь замело. Я узнал сторожа из гмины, спросил его, куда идет, а он сказал, что к старосте с объявлениями. Часа через два пришел деревенский сторож какое-то объявление прибывать. А это вовсе не объявление было, а карикатура на евреев. Нарисо-

ван еврей, который провертывает мясо и в мясорубку кладет крысу. Другой льет воду в молоко. На третьей картинке представлен еврей, который тесто в квашне месит ногами, а червяки ползают по нему и опаре. А заглавие у объявления такое: «Еврей – это обманщик, твой единственный враг», а внизу написано:

Стой, читай, свидетель милый,
Как жида нас обступили.
Молоко водой разбавят,
В мясорубку крыс навалят,
Ставят тесто с червяками,
Месят грязными ногами.

Когда сторож прибывал, то как раз люди шли с расчистки, то так смеялись, что у меня голова разболелась от того позора, какой евреи в нынешние времена переживают. Дай Боже, чтоб этому позору быстрее пришел конец.

20 февраля: Папа был сегодня в Кельцах. Получил карточки на муку, но только полноремы, хорошо и это.

24 февраля: Сегодня папа опять поехал в Кельце узнать о выселении и когда приезжать за мукой. Поздно вечером папа приехал, сказал, что завтра едет за мукой. Получил также 30 килограммов повидла и 15 килограммов сахара. Мы радовались, потому что никогда таких продуктов не получали. Будет хотя бы для кофе. Напрасно мы радовались, потому что все это продавалось, а не раздавалось, потому что деньги нужны на какую-то общую цель

25 февраля: Под вечер папа приехал с мукой. Всего есть 3 центнера только на выселенных, а пшеничной нет вовсе.

27 февраля: Папа был сегодня в Кельцах узнать о выселении, нельзя ли отложить это выселение из деревень хотя бы на два месяца. Но ничего не устроил, потому что все бумаги подписаны старостой на выселение. Еще есть немного надежды на отсрочку. Папа договорился с председателем из Далешниц, что если придет завтра посыльного, то мы остаемся на месте, а если нет, то выселят нас в Белины. Тот председатель обещал договориться в старостате, папа ему оставил на это денег. Мы сомневались, уж больно мало времени осталось на это, а во-вторых, бумаги уже осталось только отпразднить в Совет Старейшин евреев. Мама сказала, что мы поедем в Бодзентын к тете. Папа рассказал, что в других гминах так в нескольких еврейских домах должно поместиться 43 семьи из соседней гмины тоже.

28 февраля: С самого утра мы с нетерпением ожидали посланца, но он не пришел. Мы уже положились на Божью милость, ко всему готовы. Во второй половине дня папа пошел в Бодзентын, сказал, что сегодня или завтра приедет стелегой за вещами. Вечером папа приехал с подводой, я помог завести лошадь в сарай, а потом мы стали готовить вещи для упаковки. Собрали картошку в мешки. Провозились до часу ночи, спать мне вовсе не хотелось. Одну кровать все-таки постелили.

Кельце перед войной. Синагога на ул. Нововаршавской

Костел в предвоенном Бодзентыне

Спать никто не ложился. Все дремали, потому что папе в 3 часа надо было ехать. Мы с братом прилегли немного на кровати. Как грузили вещи, то я вовсе не слышал. Слышал только, как мама говорила, что папа, когда выезжал со двора, то дышлом угодил в сугроб и долго маялся, пока сани вытолкнул.

1 марта: Когда папа поехал, то мы все раздумывали, счастливо ли он доехал. Я стоял во дворе, а тут остановился какой-то велосипедист и дал мне записку из Бодзентына. Мы очень обрадовались, потому что все в порядке, а папа придет к вечеру. Папа пришел сразу после обеда и сказал, что тетин жилец очень не хочет съехать из одной комнаты. Пока что папа сыпал картошку в подвал жильца и забил гвоздями. Кровать тоже там поставил.

3 марта: Папа поехал сегодня в Кельце купить по карточкам повидло и сахар. Но не привез, потому что не было лошади, только в пятницу привезет. О выселении не сказал ничего нового.

5 марта: Дядя из Бодзентына попросил папу купить 1 ц зерна. Купил для него и сегодня отвез, взял и для нас 1 1/2 ц картошки. Папа поехал спозаранку, мы уже не спали. Около 4-х пришла одна молодая еврейка спросить совета, потому что они отдали поле старосте, а теперь пришел другой, безземельный, с бумагами от гмины и хочет, чтоб Зельман их ему подписал, а того нет, пошел в Белины. Она пришла, потому что знала, что дядя идет в Белины, хотела сказать, что ее отец придет, но дяди уже не было. Тот, что к ним пришел, то не

Одна из улиц в Кельце, где было гетто.

позволяет им продать солому, сено, навоз и другое. Когда дядя пришел, то папа уже приехал. Дядя говорил, что жандармерия сказала, что можно переезжать в Бодзентын, в Далешнице и в Белины, и все с собой забирать можно.

8 марта: Председатель Совета Старейшин прислал записку, чтоб папа и другие пришли в Белины, сегодня будут подбирать евреям жилье. Папа пошел и еще несколько человек. Под вечер все пришли. Определили к каждому еврею одну или две семьи, зависит от жилья. Один еврей ругался с папой из-за чего-то, но потом прощения просил. Папа сказал, что завтра поедет с одной подводой в Бодзентын.

9 марта: Один хозяин взял от нас разные вещи, нам не нужные, обещал за это дать нынче лошадь. Я пошел с братом одолжить сани, привезли их и стали собирать вещи. Младшая сестра тоже поедет. Когда сани были уже готовы, я пошел сказать, чтоб приходил с лошадей, сразу поехал. После обеда приехал папа.

10 марта: Ранним утром я пошел договориться насчет лошади. Сговорился с одним мужиком, он возьмет кой-какие вещи из дому и завтра поедет. Когда я пришел домой, то застал двоюродного брата, который только что приехал из Бодзентына. По дороге домой, зашел за железной печкой, которую мы одолжили. Ведь когда поедем, то нам может пригодиться. В нашей деревне нет почти никого, кто бы нас не жалел. Некоторые даже не хотят прийти к нам, говорят, что на чужое несчастье не хотят смотреть. Двоюродный брат попросил меня поехать с ним за швейной машинкой. Перед вечером поехал с санками. На санки он положил столик от машинки и $\frac{1}{4}$ ц картошки, и я поехал домой, а он остался и наказал мне еще раз приехать. Как приехал, то ужин был уже готов. Я уже не пошел, только брат. После ужина собралось у нас много крестьян, пришли навестить нас, потому что нас уже не будет. Как подумал, что надо отсюда уезжать, то пришлось во двор выйти. Так расплакался, что стоял больше, чем $\frac{1}{2}$ часа, и плакал. Когда чуть успокоился, то в дом пошел. Люди немного разошлись, осталось только двое, что намерение имели купить хлевик. Один с отцом сговорился и назавтра придет разбирать.

11 марта: Брат вместе с двоюродным братом пошли пораньше в Бодзентын. Возчик приехал около 7-и. Мы стали укладывать вещи на сани. Когда возчик уехал, то в доме стало, как в тоннеле. Так сделалось за несколько часов. В деревне, если что покупаешь, то всегда дешевле обойдется, чем в городе, а теперь надо запастись продуктами, пока мы еще здесь, потому что после будет намного трудней. Я пошел с мамой к одному хозяину раздобыть немного дров и еще что удастся устроить подешевле. Мама продала одной хозяйке скатерть, тоже за продукты. По дороге мы взяли у нее же немного картошки. Пришли мы домой, а уж там пришли хлевик разбирать. Дома мама осталась, а я пошел долг взять, что полагался за стол. Хлевик начали разбирать позже, потому как не было никого, кто бы им помог. Я разобрал пристройку к хлевiku, так что будет на несколько дней чем топить. Через несколько часов и следа от хлевика не осталось. Дома сделалось очень печально. Я уже хотел скорей отсюда уехать. После обеда дядя нанял воз в Белины, и уже вот-вот поедут. Прощание с ними было очень тяжелое. Я помог ему погрузить его пожитки на подводку... Нынешний вечер был очень тяжелый. Никого не было, только я, мама и папа.

12 марта: Папа разбудил меня очень рано, я встал, а папа пошел будить возчика. Папа сразу вернулся, сказал, что возчика дома вовсе нет. Придется теперь ждать утра и нанять кого-то другого, а ведь всего 4-й час. Мама растопила печь, и мы сидели и грелись. Уже светало, как кто-то постучал в ставни. Это был тот возчик, которого папа ходил будить. Спрашивал, почему папа не приходит за ним, сказал, что едет. Мы обрадовались, не надо будет кого-то другого искать. Мы подвели сани и стали готовиться к отъезду. Примерно через час он привел лошадь. Я первым пошел, без повязки. Когда выходил, то слова сказать не мог, так сердце сжалось. Километров пять шел сам не свой, даже не понимал, что так быстро иду. Всю дорогу сани догнать меня не могли. Идучи дорогой, очень боялся, что не дай Бог кто нас встретит, тогда... Слава Богу, доехали счастливо. Когда все разместили, то позавтракали. После обеда перенесли на чердак разные ненужные пока вещи, что в доме не пригодятся.

13 марта: Хоть мы только приехали, но не чужие в Бодзентыне. Каждый хорошо к нам относится, как к братьям, о тете и дяде и говорить нечего.

16 марта: В своем доме иначе было, чем тут. Всегда находилось, что делать, а здесь выйду на улицу и назад прихожу, что мне на улице делать. Когда был дома, то кто-то сказал, что в Крайно убили 4-х евреев, которые шли в сторону Кельце. Два человека только ранены штыком, а два, которые были мать и сын, так убиты насмерть. Когда слышишь постоянно о таких ужасах, то разве можно жить без тревог и спокойно? Когда такое слы-

шишь, то человек пугается. Жандармерия сегодня приезжала, но все было спокойно. Сегодня пришли знакомые из Крайно. Некоторые пришли потому, что боялись быть там, так как приехала карательная экспедиция за поставками, и каждую малость зерна забирают, а если нет его, то бьют жестоко и не смотрят, женщина или мужчина. Папа пошел сегодня в Крайно, там переночует, а завтра поедет в Кельце.

17 марта: Разные мысли приходят в голову. Будет ли у папы подписанный пропуск, когда придет, или не будет у него подписанного пропуска. Одолевают иногда мысли и вовсе без смысла. Целый день папу высматривал. И спать уже лег, а папы все не было. Сквозь сон услышал, что папа вернулся, оделся и вышел в кухню. Пропуск папе подписали, вычеркнув Бодзентын. Действителен только во вторник и пятницу, только до 1 апреля. Таким способом пытаются ограничить евреев, чтоб вовсе поумирали голодной смертью. Килограмм зерна стоит уже в Еврейском районе 9 зл, килограмм картошки 3,20 зл, на такую страшную цену выросли продовольственные продукты. Вот теперь бедное сословие помрет с голоду.

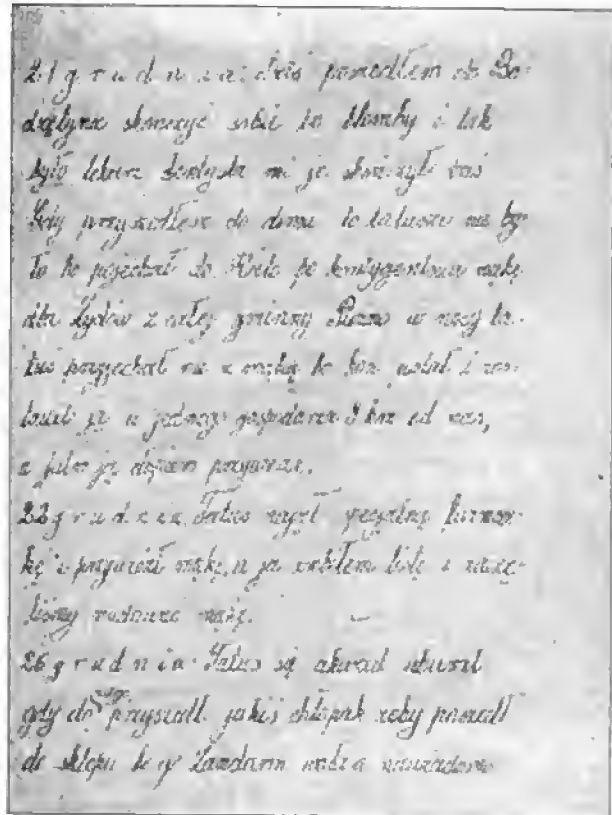
18 марта: Сегодня был комитет, который подселает еврейские семьи в дома попросторнее. Нас также вселили к тетиному жильцу. Сначала он противился, но потом пришлось подчиниться. Мы встали шкафчик и все уже здесь делаем.

19 марта: Ходят сегодня какие-то слухи, что в воскресенье должны приехать шесть постов польской полиции и жандармерия. Одни твердят, что будут устраивать облавы, другие еще что-то говорят, но никто ничего толком не знает. Конечно, не на арийцев устроят облаву, а на евреев. Всяк ходит встревоженный, думая, куда бы спрятаться и найти безопасное место. Да разве где-нибудь можно чувствовать себя в безопасности, нет такого места вовсе.

22 марта: Настало уже это тревожное воскресенье. Жандармерия и полиция приехали, но не на облаву. Мы не знаем, зачем они приехали. В ужасной тревоге ждали мы чего-то, сами не зная чего. Я то и дело выходил за ворота, но так тихо всюду, словно все вымерли, только жандармы прохаживались. Стоя за воротами, узнал, что делают обыск у евреев. На улицу не отважился выйти. Когда сделали обыск у нескольких евреев и нашли разные товары, то одни жандармы уехали, а другие еще остались. Поискав еще около часа, и они уехали. У кого нашли припрятанный товар, того отвели в арест. Конфискованные товары забрали в грузовик и, без проволоочки, назад поехали. Арестованных забрали в Белины.

23 марта: Папа пошел в Крайно взять причитающиеся нам кой-какие деньги. Мы все очень волновались, раздумывая, удалось ли ему счастливо добраться. И в этих раздумьях неизвестно сколько времени прошло.

24 марта: Глаза проглядели, весь день папу высматривая, но он не пришел. Я уже спать лег как

кто-то сказал, что папа пришел. Я оделся сразу и пошел в другую комнату. Дорога прошла у него благополучно. Папа купил 1 ц картошки, но только в пятницу привезут.

27 марта: С самого утра приехал крестьянин с картошкой, а я пошел купить для этого крестьянина немного люпина. Выйдя на улицу, смотрю, а тут люди бегут куда-то, я тоже побежал и пока бежал, узнал, что те арестованные евреи возвращаются. По дороге никого не встретил, потому что они уже пошли домой, так что я пошел к ним. Радость была такая, что не описать. В дом столько народу набилось, что не повернуться. Когда все уже пришли, то они сказали, что одного застрелили, потому что ни в чем не хотел признаться.

28 марта: Одного несчастья мало, несколько их должно сойтись, и тогда придавят человека. Мало того, что мы изгнанники, что все обнищали, так еще сегодня замок с сарая кто-то сбил и украдено все, что там было. Проснувшись, услышал, как тетя говорит, что нас обокрали. Я надел что попало и вышел. Забрали из сарая трех гусей, два наши и один дядин, 15 кг зерна, 5 кг муки и 8 буханок хлеба. Один только гусь был дядин, а все остальное наше. При нашем критическом положении только этого несчастья не доставало. И все, что только у нас было, все украдено, не осталось и куска хлеба. Я не могу совладать с собой, так расстроился и слова сказать не мог, так мне сердце стиснуло. Сосед сказал, что нечего голосить, от этого никакого проку, надо что-то делать. А при всей этой сцене был один человек из Плоцка, тетя сказала, что он ночью

(продолжение на стр. 42)

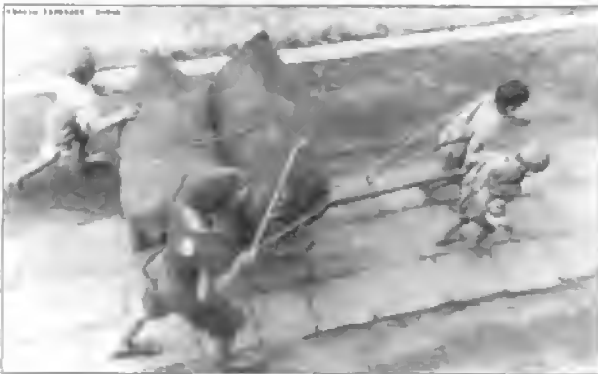

ГЕТТО В ЛОДЗИ

The Ghetto Fighters' House

Подростки – уличные торговцы.

The Ghetto Fighters' House

The Ghetto Fighters' House

Дети на улицах лодзинского гетто.

The Ghetto Fighters' House

Дети работают в слесарной мастерской.

Ghetto Fighters' House

The Ghetto Fighters' House

Подростки-асенизаторы

Ghetto Fighters' House

The Ghetto Fighters' House

Депортация детей из лодзинского гетто

До войны 34% из 665000 жителей Лодзи составляли евреи, что делало Лодзь одним из крупнейших центров еврейской культуры в Польше. 8 сентября 1939 г. немцы оккупировали Лодзь. 8 февраля 1940 г. гетто в Лодзи было официально открыто. Туда согнали 164000 евреев. Это гетто было уничтожено постепенно: первая волна депортаций в Хелмно происходила между январем и маем 1942 года, затем ряд последующих депортаций в Хелмно и другие лагеря, а 1 сентября 1944 года оно было окончательно ликвидировано.

вышел и был соучастником, но тот отнекивался. Я сказал, чтоб идти к его брату, может какой след найдется. Папа и двоюродный брат сразу пошли, вскорости вернулись, след есть, около дома полно крови. Мы все сразу же туда пошли. Сначала впустить нас не хотел, только с полицией, но мы вошли, и сразу у порога лежал хлеб. Других доказательств и не надо было. Говорим ему, отдавай гусей, зерно, муку, которые взял только что. Он не отпирался, все вернул. Набежало много народу, всяк хотел посмотреть. Когда мы все домой принесли, то каждый этому был рад. Двух буханок не хватает, а гуси уже неживые. Я еще раз с бабушкой к нему сходил и взяли назад около килограмма хлеба. Весь город уже знает об этой краже. В полицию мы не заявили, не хотели из-за этого шум поднимать, только сообщили в Еврейский совет. Кто-то дал знать в полицию, и явилось двое полицейских. Папа не велел писать протокол, только дал 25 зл, чтобы шуму не было, ведь потом всякое могут говорить.

29 марта: Сегодня пришел один человек, у которого пропала бадья, и опознал ее у того же вора. Потом еще несколько человек к нему приходили, но ничего не нашли.

2 апреля: Ночью приехала жандармерия и обратно забрала тех, кого раньше отпустили, и двоих новых. В местечке снова паника сделалась. Около 11-и я пошел посмотреть, как их везут в Белины. Каждый ехал на отдельной подводе, а около него полицейский.

5 апреля: Сегодня ходят слухи, что одного из этих взятых застрелили, а остальных отправили в Кельце.

6 апреля: Утром приехал один человек из Белин и сказал, что правду вчера говорили, одного на самом деле застрелили. Жена и родные об этом еще ничего не знают, а как узнают, вот будет крик... Положение наше день ото дня все хуже. Как одного возьмут, то он десятерых других выдаст и все больше людей сходит в могилу.

10 апреля: Взяли мужа и жену, что напротив жили, а двое детей остались. Опять слух доходит, что отца этих детей застрелили двумя днями раньше, а вечером ее вывезли в Кельце тяжело больную. Жандармерия, как была в Слупне, забрала трех евреев, а в Белинах с ними расправились (ясное дело, не иначе, как были убиты). В этих Белинах и впрямь много уже еврейской крови пролито, настоящим еврейским кладбищем Белины стали. И когда только придет конец этому страшному кровопролитию. Если так долго будет, то от одного ужаса люди вымрут как мухи. Пришел к нам крестьянин из Крайно и рассказал, что дочку нашего бывшего соседа застрелили, потому что после семи шла. Мне не верится, но все может быть. Уж если такую девушку, как цветок, убить могли, так это уж наверняка настанет конец света. И дня нет в спокойствии. Нервы уже совсем расстроены, а как прослышу о каком несчастье, так глаза на лоб лезут и голова раскалывается, и тогда я такой измученный, как после самой тяжелой работы. С каждым

так, не только со мной. Мало того, что в ту войну казаки убили папиного отца, и он при этом был и натерпелся страху, а было ему тогда 11 лет. Так теперь, как немца увидит, то бы в щель забился, такой нервный.

12 апреля: Сегодня ночью увели корову у одного хозяина. Полиция сразу следствие начала. Устроили обыск у одного еврея из Плоцка и нашли у него несколько коровьих и телячьих шкур, а его самого сразу забрали. У жандармерии завтра уж будет чем заняться..

13 апреля: Наши соседи пришли сегодня сказать, что будут шкаф забирать. И хорошо. Мы его не хотели. Теперь будет попросторней. Есть чему радоваться, там мы оставили четыре помещения, а здесь такой мелочи радуемся, но что поделывать, не мы одни в изгнании, а еще десятки тысяч людей. После обеда разобрали шкаф. На место шкафа мы поставили кухонный стол, будет немного удобнее. Теперь только поставить печурку, и все будет чуть лучше. Папа сговорился с одним купить немного муки, и будем хлеб печь на продажу. У того есть большая печь, и там будем выпекать.

14 апреля: Сразу же утром я узнал, что жандармерия приехала и делают обыск у евреев, а троих из одного дома забрали. Теперь делают обыск у других. У одного портного нашли очень много товара для перепродажи и больше двадцати закопанских овчин, его сразу забрали. Сделали обыск у многих евреев и взяли много товаров. Сделали обыск у соседа, взяли все его имущество, даже грязное белье, одежду, ношеную, тоже забрали. Взяли вещи, которые вовсе не для продажи были. Мы переполошились, чтоб ненароком к нам не пришли, папа вышел из дому, но все равно боимся, хоть ничего у нас нет, правда у дяди кое-чего и нашлось бы. Но, слава Богу, от соседа вышли, а к нам не пришли. Сидя дома, я увидел, что прошел полицейский, а к тете кто-то вошел. Я вышел сразу на крыльцо и услышал, что у тети немцы, а полицейский прошел через двор. Сердце у меня застучало как молот. Домой уже не заходил, а пошел потихоньку по улице. Повернув в боковую улочку, я увидел, что уже поднимаются на чердак, говорю ого! — уже и ту малость зерна, что у нас есть, заберут, уже и не ждал, что дальше станет, только пошел дальше. Повстречал папу, а он уже знал, что пришли. Сидя дома у одного знакомого, я думал, что там и следа ото всего не осталось. И тут пришел двоюродный брат и сказал, что его брата забрали и видел, как снимают велосипедную раму, а больше ничего не видел. Мне еще тревожнее стало, когда услышал, что из родни кого-то взяли. Двоюродный брат заплакал, будут там того бить, будет сносить такие страшные муки. Я послал одну девочку узнать, что там слышно, и нам рассказать. Вскоре она пришла и сказала, что они еще там и пишут протокол. Тогда двоюродный брат сам пошел разузнать. Через несколько минут вернулся и сказал, что ничего не взяли, кроме велосипеда и пяти метров материи у сестры. Я и папа сразу пошли домой. Дома

было полно народу. Все было разбросано, теперь убирали, начались взаимные рассказы. Каждый рассказывал, в какой тревоге и ужасе ждал пока кончится, чтоб идти домой. Те жандармы, что делали обыск, так вели себя очень вежливо, даже ни на кого не крикнули. Когда в квартире ничего не нашли, то поднялись на чердак. На чердаке увидели велосипедную раму и велели ее снести, спросили, где остальные части, он сказал, что покрышки и камеры на другом чердаке, а колеса у сестры. Покрышки велели снести и чтобы с ними пошел к сестре за колесами, когда пришли к его сестре, то устроили тщательный обыск. Взяли у нее несколько пар брюк, отрез на костюм и еще несколько кусков материи. Закончив обыск, вернулись взять раму. По дороге двоюродный брат просил их, чтоб хоть сестре отдали ту матерью. Забрали только велосипед, не забрали, а заплатили за него 80 зл, и двоюродный брат должен был дать расписку. У сестры же ее вещи не забрали, кроме 5 м, которые должны были взять, и потерь причинили на 1500 зл. Когда же у всех кончили обыск, приехали подводы за этим товаром. Этот товар грузили несколько часов. Я смотрел, как этот обоз трогается. 5 телег было разного товара! Проезжая мимо нас, одна телега задержалась, остальные нет, когда немец выстрелил, то я думал, что уже труп на дороге, но ничего не было, а он стрелял, чтоб телеги остановились. Тот портной, у которого овчины забрали, то такой побитый, синяки на лице, лицо опухло, сидел на телеге, как мумия. В Белины забрали только троих, а остальных отпустили. Забрали того, у которого овчины были, его жену тоже. В местечке теперь ужасное настроение, ведь надо же, чтоб постоянно были обыски у евреев и всегда находят товары для продажи.

15 апреля: Ранним утром пришел посыльный из Белин, чтобы привезли несколько тысяч злотых, тогда их выпустят. Сразу подвода поехала. Этот посыльный еще сказал, что дядя получил пропуск на неделю в Бодзентын и Крайно. Узнали мы хорошее известие, что когда говорили, будто ту девушку застрелили, так это неправда. Сегодня мы узнали новости получше вчерашних. Папа еще говорил, что пропусков больше давать не будут, а продукты будут посылать по почте.

16 апреля: Сегодня отправилась подвода за теми, которых забрали. Каждый нетерпеливо ждет, чтоб побыстрее приехали. Взяли и подарков жандармам за ту милость, что этим людям сделали. Под вечер пришла очень нехорошая весть. Кто-то сказал, что те, кто утром с этими подарками поехал, так они арестованы и неизвестно за что. Не каждый еще знает об этом, но может это и правда, ведь нынче все может случиться. Когда мы так разговаривали, то я увидел, что та подвода уже приехала. Мы пошли побыстрее разузнать. Наш сосед тоже был в Белинах, так сказал, что их не выпустят, только была это какая-то комбинация, а какая неизвестно. Он сказал еще, что тот портной, у которого овчины нашли, так может уже убит, мы здесь радовались, что их отпустят, а тут на тебе. Как только

Унтерштурмфюрер СС доктор медицины Имфред Эберл докладывает: «Лагерь Треблинка будет готов к вводу в действие 11.07.42». Документ из архива Варшавы и Варшавского воеводства.

появится хоть самая малая надежда, как только засветит для нас малюсенький огонек, так сразу надвинется какая-нибудь гроза и всему конец. У того портного осталось семеро детей, что теперь этим бедным сиротам делать. Тот товар, что имели, взят у них, отца забрали, а сейчас еще велят, чтоб мать явилась в участок. Боже упаси, что эти изверги вытворяют с людьми.

18 апреля: Сегодня такая погода, какой давным-давно не было. Вот если б только была свобода, то все было б хорошо. А так нельзя даже выйти из города. Мы теперь в неволе, как собака на цепи. Напротив нас осталось двое малолетних детей, а родителей забрали, а по другой стороне мужа забрали; как взглянешь на их окна, то видно, что траур. Об этом всяк уж запомнил, теперь уж новая беда и новая тема для разговора. Куда ни пойдешь, то ли в доме, то ли в кофейне и других местах, только и разговору о том, сколько у того забрали, а сколько у этого и т.д. и т.д. Сидим себе спокойно, обедаем, а тут приходит полицейский с требованием платить 150 зл штрафа за тот помол зерна, еще из Крайно, и то без промедления, а если не деньгами, то 18 дней ареста здесь, на месте. Мама сразу пошла в участок, комендант сказал, чтоб заплатить крайний срок до понедельника. Мы и не надеялись, что нас это минует, но ведь трудно в нынешние критические времена выложить 150 зл.

19 апреля: Пришло известие из Кельц, что нашу соседку еще сегодня выпустят, а его еще в Белинах убили. Папа повстречал сегодня одного

еврея из Белин, который только что выехал оттуда. Так тот сказал, что виделся с дядей, все здоровы. Говорил, что продукты там намного дешевле, чем здесь. Проходя случайно по улице, я увидел, что те из Плоцка толпятся в каком-то месте, узнал, что получают здесь обед частным образом. Толчея, каждый хочет быть первым, чтобы получить эти две картофелины с водой. Видел также сегодня, как раздают обед в кухне. Один говорил, что полагается ему на 3 человека, почему же получил на 2 и т.д.

20 апреля: Сегодня мы встали рано, потому что надо одному человеку смолоть немного ржи. К восьми уже смолоти. Папа пошел на окраину, может удастся что-нибудь купить. Вскоре пришел брат и сказал, что жандармерия едет, сразу же все засуетились. Я пошел убрать жернова. Когда жандармы приехали, то с ними шел тот парень, который обвинял дядю за велосипед и приходил к ним. А теперь шел кого-то другого обвинять. Папа собирался идти тот штраф уплатить, но не пошел, потому что там теперь жандармы. Потом зашел полицейский, и ему мы заплатили. Мы себе не можем даже мелочи позволить, а здесь приходится столько денег платить, если б хоть где-то заработать можно было. На тот штраф придется продать что-то из одежды. Такие настали тяжелые времена, что приходится продавать свои вещи, которые тяжелым трудом дались, но нигде не денешься, слава Богу, есть что продать.

21 апреля: Утром поехала подвода за той соседкой. Дядя продал сегодня навоз, и приехал крестьянин забрать его. Как раз, когда крестьянин его вывозил, начала ходить комиссия, которая проверяет порядок. Когда пришла во двор, то дяде пришлось заплатить 20 зл штрафу, потому что срок был до 18 во дворе убрать. Я уже не слышал, как соседка приехала, было уже 11 как приехала.

22 апреля: Мама вышла что-нибудь узнать от нее. Лучше не писать, через какие пытки она прошла вместе с мужем, она хоть жива, а он...

24 апреля: Когда мы прибыли в Бодзентын, то были у нас кой-какие деньги, большого капитала не было, почти все уже потратили, а теперь уплатили этот штраф, так что конец им пришел. Мама выручила от продажи немного денег, да разве надолго хватит. Больших расходов нет, да ведь теперь на любой пустяк нужны сотни, например, сахарин, такая мелочь, то раньше сто штук стоили 70 гр., а теперь штука 10 гр., так что на один сахарин надо около двух злотых в день, а кроме сахарина разве ничего не нужно? а разве зарабатываешь на все это? Надолго ли хватит вещи из дому продавать? Дай Боже, чтоб война поскорей кончилась, если еще продлится, почти никто не выдержит такой жестокой войны и ужасных мучений.

26 апреля: Сидя дома, я услышал вроде голос дяди, и тут дядя входит. Мы не ждали, что дядя сегодня придет. Он сразу сказал, что принес для папы пропуск, мы очень этому обрадовались. Папа и так собирался идти в Крайно, а теперь хоть пропуск у него будет. Дядя пошел в город что-нибудь

купить, когда дядя пришел из города, то сразу вышел с папой. Не будем хоть так волноваться.

27 апреля: Пришел к нам с самого утра председатель Еврейского совета из Белин и сказал, что папа прислал картошку из Крайно. Я пошел сразу ее забрать, немного было, всего 25 кг. После обеда папа пришел и велел нам идти за зерном, потому что оставил его у одного еврея. Когда мы принесли, то папа сказал, что это то наше зерно, которое мы оставили в деревне. Пришел к нам один еврей спросить, не примем ли зерно в помол. Я сразу с ним пошел и принес 15 кг зерна. К вечеру уже было готово. Немало труда вложить надо, пока смелешь, да ведь нет других заработков, чтоб этим пренебречь. Ведь не первый раз молоти. Мелим каждый день с утра до вечера. При такой тяжелой работе, какой 4 человека заняты, то больше 30 зл не зарабатывать. Прошлой ночью было ограбление в усадьбе, а сегодня среда бела дня в здешнем банке. Сообщили по телефону в жандармерию, так приедут завтра.

28 апреля: Я и папа пошли на рассвете в Крайно. По дороге догнала нас подвода, и мы на ней поехали. Когда мы ехали, то мне казалось, что еду домой. Скоро совсем размечтался. Понял скоро, что это только пустые мечты. Когда были у цели, папа пошел в деревню, а я ждал его у бывшего соседа. Потом пошел в наш дом, а папа уже ждал меня. Когда вошел в квартиру, то была она для меня такая незнакомая, словно мы никогда в ней не жили. Папа дал мне деньги, чтоб отнес за купленную картошку. Бежал я с большой охотой по знакомой тропинке. Снова мне казалось, что вот-вот вернусь домой, а там родители, там все наши, но сразу же это исчезло. Как я пришел, то папы уже не было, я испек себе несколько картофелин и ждал папу. Уселся специально у окна, чтоб лучше припомнить себе проведенное здесь время. Долго так не сидел, потому что сделалось мне чего-то очень жаль и должен был выйти из дому, чтоб не расплакаться. Пошел за небольшими деньгами, что нам кто-то должен был, да где там... пока мы тут были, то скорей можно было получить, а так они не торопятся отдавать. Достал только 1 л молока в двух местах, то ? л мы сразу выпили с хлебом, немного отдохнули и пошли домой раньше, потому что жандармов можем повстречать, хоть и пропуск есть у нас, но лучше не встречаться. Как слышали, что кто-то едет, сразу в лес входили. Из лесу видели, что уже проехали.

29 апреля: Вчера спать ложился, так было лето, а сегодня проснулся — то зима. Такой снег выпал, словно конец января, а не конец апреля. Мало того, что Господь Бог столько наказаний посылает, так еще послал такую долгую зиму. Полевые работы пора кончать, а они и не начинались. Все должно было бы теперь дешеветь, так наоборот все дорожает. Но мало того, так еще дядя и все домашние нам житья не дают. Нельзя дров наколоть во дворе и всякое такое по мелочи, о чем и говорить не стоит. Но сейчас такие времена наста-

ли, что не стоит говорить, только молча все сносить...

30 апреля: Папа, как был в Крайно, заказал у одного хозяина 1 ц картошки и сегодня ее привез. Ту картошку вешали как до войны алельсины, даже 10 г не было перевесу, да к тому же так ужасно дорого, где видано, чтоб 1 ц картошки 270 зл стоил. За такие деньги 100 ц купить можно было, а не 1 ц. Но теперь все изменилось, и то и сё.

1 мая: Как был в Крайно, то принес себе несколько пучков зеленого луку. Сегодня было у меня время, так посадил его в горшочки. Не кончил еще сажать, как папа позвал меня молоть зерно, я все во дворе оставил как было, а брат должен был убрать. Кончив молоть, пошел в дом. Когда папа пришел домой, то очень на меня разозлился, почему разбросал дрова в сарае и сразу стал меня бить. Я ему объяснял, что не было у меня времени дрова уложить, так он еще сильнее меня бил. Я очень разобиделся, почему бьет меня безо всякой причины. Под конец, как ударил меня несколько раз пряжкой, то я стал очень плакать, не столько от боли сколько от обиды, осталось даже несколько порядочных синяков, которые тоже сильно болели. Потом велел после всего этого идти молоть. А как молоть, если рукой шевельнуть мне трудно. Когда б не война, то меня уж давно дома не было бы, был бы уж давно при каком-нибудь ремесле, а так приходится терпеть. Папа меня совсем не любит, хоть ничего не жалеет, если есть. Он только по долгу это делает, а не из потребности. Весь день только и было разговоров о моем происшествии.

2 мая: Вечером пришли к нам все из дядиного семейства, говорили о вчерашнем учении. Папа всегда с мамой пререкается, зачем она заступается, когда он меня бьет. Дошло даже до серьезной ссоры. Я думаю, что муж и жена не должны жить, вечно ссорясь, как мои родители, но это уж давно так.

3 мая: Дядя пришел из Белин и принес с собой несколько кг зерна. Пришел и председатель из Белин и принес пале пропуск на три дня, с завтра начиная.

5 мая: Ходят слухи, что ночью будет облава на евреев. Папы нет дома со вчерашнего дня, так может случиться, что придет сегодня как раз в облаву. Мы написали записку, чтоб сегодня не приходил, был как раз паренек из Крайно, так ему ее дали.

6 мая ужасный день!: Часа в 3 разбудил меня какой-то стук. Это полиция уже делала облаву. Я не испугался, папа и двоюродный брат в Крайно и знают, остальные двоюродные братья попрятались. Через несколько минут я услышал стук в

Generaldirektion der Ostbahn Krakau, den 21. September 1942
 334 Bsp 16 Bspv
 5
 Fahrplannummer Nr 587
 Nur für den Dienstgebrauch!

an
 Hr. Bani der Strohce Sedziszow - Kielce - Skaryzko Kam. - Rafon -
 Dabla - Lukow - Siedlce - Malkinia; Kielce - Tschchenstochau; Hr. Tsch-
 linka; Hr. Koszaniec;
 Hr. Sedziszow, Kielce, Tschchenstochau, Skaryzko Kam., Radow, Dabla,
 Lukow, Siedlce, Malkinia;
 Hr. Tschchenstochau, Siedlce; Hr. Radow;
 HR. Oal, Bsp Warschau, Radow;

Besch: Bd, Bu(Lok. B 41, Bsp 3, 14, 26, 16, 17, 22, 44; L 2, 3, 71,
 Vt 11, Vt 1 (3), Wg 1,
 Wef 7, 9, 21, 21H, 30, 31, 32, 33, 34, 34B, 36, 37;

Im verkehrtes folgende (sonderdruck für Umsteiler aus den Bezirk Radow)

1.) Leistung Ip Nr 9220 nach Fahrplannummer Nr 587 ist von Treblinka
 nicht nach Tschchenstochau, sondern nach Sedziszow zu leisten;
 Kielce am 6.41 am 20.9, ab 6.51 im Plan Dg 91266 B,
 Sedziszow am 9.20
 In Sedziszow ist der Wagensug Nr 21.9. abzustellen.

2.) F Nr 9220 (20.9) Sedziszow - Treblinka am 21./22. Sept.

Sedziszow	16.10	im Plan Dg 91255 B
Kielce	18.56/19.55	" " Dg 91255 B
Skaryzko Kam.	21.41/22.45	" " Dg 91255 B
Radow	0.03/0.28	" " Dg 91257 B
Dabla Gbf	2.30/3.10	" " Dg 91257 B
Lukow	3.17/6.08	" " Dg 95402 B
Siedlce	6.56/8.34	" " Dg 91266 B
Treblinka	11.24/(15.59)	

Wagensug: 2 0 + 30 0.

2.) Nichtleistung des Leistunges:
 Ip Nr 9229 (20.11) von Treblinka nach Sedziszow am 22./23. Sept.

Treblinka	(11.24)/15.59	im Plan Dg 91266 B
Siedlce	17.56/18.42	" " Dg 91266 B
Lukow	19.36/20.37	" " Dg 91266 B
Dabla Gbf	22.34/23.36	" " Dg 91266 B
Radow	1.34/1.50	" " Dg 91266 B
Sedziszow	3.06/21.50	

3.) F Nr 9230 (20.9) von Sedziszow nach Treblinka am 21./24. Sept.

Sedziszow	(3.06)/21.50	im Plan Dg 91249 B
Radow	22.29/0.13	" " Dg 91255 B
Dabla Gbf	2.00/3.10	" " Dg 91257 B
Lukow	5.17/6.08	" " Dg 95402 B
Siedlce	6.56/8.34	" " Dg 91266 B
Treblinka	11.24/(15.59)	

Немецкое расписание поезда № 587. Поезд №587 с депортированными, согласно расписанию, вышел из Сендзшувца в 16:18. Станцией назначения была Треблинка. На трассе его следования, между Кельцами и Скаржиско, был Сухеднюк.

дверь, дядя сразу им открыл. Вошел польский полицейский и еврейский. Сразу стали искать, увидел меня и велел мне одеваться, а другой спросил меня сколько мне лет, я сказал, что 14, так оставили меня в покое. Поискали немного, но никого не нашли, взяли только двоих из Плоцка. Хоть я и не боялся, но дрожал как в лихорадке. Как ушли, то я сразу заснул. Утром двоюродная сестра меня разбудила, потому что папа приехал с подводой. Я быстро оделся и вышел, папы уже не было, потому что побыстрее спрятался от облавы. Товар с подводой уже был снят, а тут смотрю – идет полицейский и сворачивает в наш двор. Я сразу вышел со двора, но слышал крики полицейского: где картофель! дать оставшееся! и еще кричал, но я не понял, что говорит. Ну теперь все, подумал я. Когда все погрузили, то поехал в участок. Здесь папы нет, что теперь будет! – Мама с тетей пошли в участок. Я был очень расстроен, все у нас забрали, что только было, теперь о куске хлеба мечтать придется. Анчель вскоре пришел и сказал, что папу и двоюродного брата поймали. Только тут я расплакался. Отца у нас забрали, все имущество, что у нас было,

(продолжение на стр. 48)

ГЕТТО

The Ghetto Fighters' House

Депортация. Седльце.

Мендзыжец-Подляски

Aktion Reinhard Camps

Депортация Жихлин

Aktion Reinhard Camps

The Ghetto Fighters' House

Неизвестное гетто

Депортация. Место не известно

Aktion Reinhard Camps

The Ghetto Fighters' House

Мальва.

Депортация. Мелец.

Aktion Reinhard Camps

The Ghetto Fighters' House

Бедзин

The Ghetto Fighters' House

Варшава

The Ghetto Fighters' House

Лодзь

тоже забрали, только тут я затосковал по папе. Мы уже забыли о товаре, только мама пошла в Еврейский совет просить, чтоб выпустили папу, ведь он же больной, без лекарства не может жить, и если теперь пошлют его в какой-нибудь лагерь работать, так это ж ужас! — Сказали, что папу выпустят, когда проверят, мы надеялись, что отпустят. На улицу я не выходил, ведь и меня поймать могут, только брат и Анчель отнесли им поесть. Анчель пришел с улицы и сказал, что его свояка тоже поймали. Паника была ужасная, каждый спрятался, если только успел, а родня взятых или жены плачут ужасно, как мы не плачем. Облавы устраивают и белинские полицейские. Когда немного утихло, то приехали две машины, а у одной из них сзади был прицеп. Как я их увидел и подумал, что папу увезут, то ужасно стал плакать. Брату папа сказал, чтоб принес еды и несколько штук белья и небольшую кружку, снова я заплакал, когда увидел, как он это собирает. Мама все это время была в Совете хлопотать за папу. Говорили только, что его выпустят. Брат пришел за теплой шапкой, но уже не успел... Машина была уже на второй рыночной площади. Я громко зарыдал, когда были близко, кричал папа! — папа, где ты, только б увидеть тебя еще и увидел его в последнем прицепе заплаканного, я смотрел, пока не исчез он за поворотом, только тогда стал плакать навзрыд и понял, как сильно Его люблю, и он меня, и только сейчас почувствовал, что написанное 1 мая, что он меня не любит, все это сущая ложь и как знать, не буду ли я наказан, что возвел на него напраслину. Если Бог даст и он вернется, то я не буду так к нему относиться. Очень долго я еще плакал, а как припоминал заплаканное лицо папы, то рыдал еще больше. Все самое дорогое на свете, что у нас было, так забрали у нас, а к тому же он больной... Когда успокоились немного, мама пошла в участок, потому что приближался второй час. Сидя дома, я все раздумывал, какая судьба ждет теперь папу и какая уже на нашу долю выпала, тут как раз пришла сестра и говорит иди: в участок еще с кем-нибудь, потому как все отдали. Я побегал с Анчелем, маму повстречали на дороге, Анчель взял у нее то, что несла, а я пошел с мамой. Пришлось несколько раз ходить, пока все принесли. Никто не может себе представить, какая радость была, но была это радость поверхностная, в сердце же печаль неопишуемая. Мама просила несколько человек из Совета, чтоб помогли спасти товар, только никто не хотел идти, но, Бог дал, и без их помощи получили обратно. Когда мы вернулись из участка, то пришел к нам один жандарм и спрашивал, все ли мы уже получили. Это очень хороший немец, и если б не он, то мы вовсе ничего назад не получили бы. Мама так натерпелась сегодня, словно это недели 4 длилось. Я уже лежал в постели и тут вспомнил о папе, я лежу в удобной кровати, а он там в каком-то бараке и даже нет у него немного соломы. Так сердце сжалось, что не мог от плача удержаться, и так в слезах заснул.

7 мая: Вчерашней сцены никак забыть не могу. Да и как такое забыть. Мама то и дело ходит в Совет, чтоб чем-нибудь помогли. Один человек маме сказал, что 12 едут в Скаржиско за больными, тогда и папа приедет. Да разве нам легче от его обещаний, чтоб не знаю за чем Бог дал поехать, только б папа вернулся. Каждый ходит как безумный. Секунды не пройдет, чтоб о папе не думать.

8 мая: Говорят, что и сегодня будет облава, так как не хватает еще 120 человек. Все мужчины попрятались, на улице очень тихо. Как стоял на пороге, то увидел, что едут три автомашины, и сразу узнал, что это те же, что были в среду. Сразу поднялась суматоха, все бежали из домов в лес, полиция начала уже хватать людей. Тетя пришла сказать, что таких, как я, тоже берут. Сначала я растерялся, но потом сообразил, что надо спрятаться. Я пошел к польской соседке и там был. От каждого шороха в ужас приходил, чтоб сюда не вошли. Та соседка сказала, что полиция идет в лес, и когда она это говорила, то несколько выстрелов слышно было, я подумал, что, наверное, кого-то уже застрелили. Недолго я там был, а машины вскоре уехали, две только были полные, а третья пустая. Я сразу пошел домой, смело мог дома оставаться, никто даже не вошел. На улицу я уже не выходил весь день, вечером пошел на молитву, ведь сегодня пятница. В другие времена ходили мы с папой, и грустно нам было или весело, но ведь мы с папой были, а теперь... Когда мы вернулись с молитвы, то было мне очень печально, а как тут не печалиться, ужин какой-никакой, а есть, стол накрыт, праздник, но как гляну на папино место, а он там не сидит, то мне тоска и печаль сердце рвет...

9 мая: Мама пошла телефонировать знакомому в Скаржиско. Несколько часов ждала, пока линии соединят, наконец сказали, чтоб прийти в 2 часа. Им не спешно и для них это без значения, так что ж им спешить. Если б им дать сразу несколько сот злотых, то интересовались бы, но откуда их взять... только с себя что продать. Нам ничего не жаль, лишь бы папа вернулся невредим.

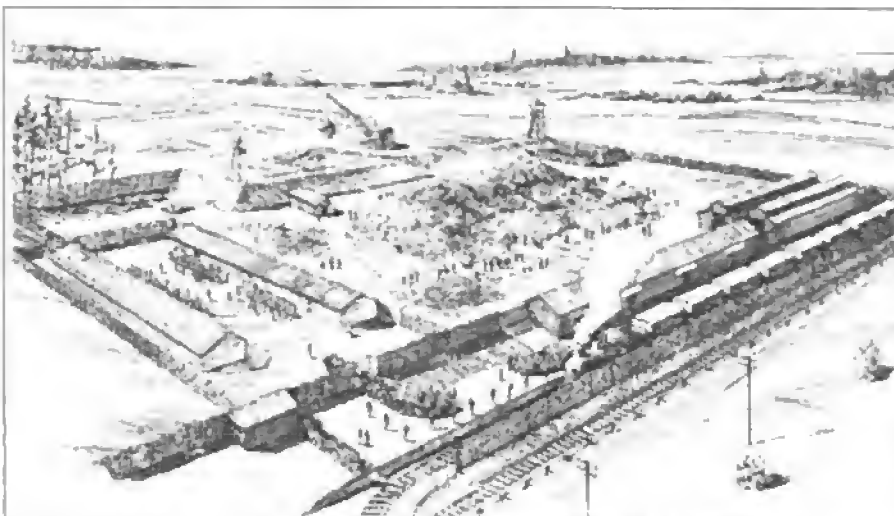
10 мая: Еврейская полиция получила приказ, что еще 50 человек недостает. Сразу после получения приказа начали брать. Я уже никуда не ходил, сидел дома, но, слава Богу, не пришли. Когда я стоял на пороге, какой-то человек спросил, здесь ли живет Рубинович, я сказал, что да. Он поставил велосипед и вошел в дом. Сразу вынул письмо от папы и дал маме. Я спросил его, откуда он, сказал, что он надсмотрщик над евреями из Скаржиско. Не только нам письмо привез, но и десятка полтора других. Сразу же собралось полно народу, каждый хотел что-нибудь разузнать. Он у нас недолго пробыл, потому что пошел отнести письма другим. Недлинное это было письмо, но и этих нескольких слов достаточно. Второпях только написал, что здоров, а работа не очень тяжелая, можно выдерживать, только все о нас думает и думает. Пишет, что обо мне тревожится, чтоб меня не поймали и чтоб

хорошенько спрятался. Просит прислать какого-нибудь питья или же немного клецок в бутылке, несколько писем и с полкило хлеба, а деньги послать по почте. Видно посылку через немца не получил, потому что ничего о ней не пишет. Просит продать, что удастся, а его отсюда выволочить. Папа знает, как дела обстоят, и сразу наказывает продать что-нибудь. Мама собрала маленькую посылку и дала этому человеку. Под вечер уже пришла из Сухеднюва тётиня знакомая специально сказать, что могут за 500 зл освободить одного человека, а если больше, то и денег надо больше. Сегодня мама уже не может идти за деньгами, так пойдет завтра где-нибудь одолжить.

11 мая: У мамы есть кусок материи на пальто, пошла его продать или оставить в залог. Вернулась с деньгами, дала ей сразу эти деньги, она еще взяла от нескольких человек и пошла домой. Я с нетерпением все смотрел, не приехала ли почта, ведь папа писал, что уже послал 2 открытки. Через час примерно доставили нам открытку. Папа пишет, что здоров, в тот же день приехали в Скаржиско. Вечером дали хорошие щи на ужин, есть место для спанья и крыша над головой. Назавтра пошли на работу, а на какую не пишет, работают 12 часов с 6-и до 6-и. Потом пошли в баню, спрашивает, отдали ли нам что-то из той свеклы и есть ли у нас что молоть и чем молоть, то есть не повредили ли жернова, когда картошку и свеклу забирали. Пишет, что ему очень неприятно там быть и очень тревожится, на что мы будем жить. Велит прислать ему немного денег, только на хлеб, старые ботинки, немного печенья, крема и несколько штук сахара. Пишет нам: Дорогие дети, слушайте маму. Мне тяжелее всего было от этого последнего предложения, может, даст Бог, он вот-вот вернется... В Совете есть объявление, что кто хочет что-нибудь послать, пусть приготовит, потому что Еврейский совет завтра едет в Скаржиско. Хотя мы и отправили деньги, то мама и так отнесет передачу и 20 зл. Еврейская полиция сегодня тоже забирает людей, почти весь день я просидел у одного польского паренька, дома боялся быть.

12 мая: Ночью была еврейская полиция у нас во дворе, искали двоюродных братьев, но их не было. После завтрака мама пошла отдать в Совет передачу и 20 зл для папы. Когда вернулась из Совета, то видно было, что плакала, хоть раньше всяко бывало, то теперь она не рада, ходит целыми днями и плачет. Обо мне и говорить нечего... Мама говорила с несколькими знакомыми из Совета, так

Реконструкция лагеря в Трешлинке, выполненная Самуэлем Вилленбергом, одним из немногих уцелевших узников.

<http://www.historiazydow.edu.pl>

ей сказали, чтоб вовсе не тревожилась, ведь как только кто-нибудь вернется, то и папа тоже. Около полудня я услышал, что едет какая-то машина, сердце у меня начало колотиться, потому что говорили, что должны приехать 25 больных, то может и папа приедет. А было так, приехали 25 человек, а папы среди них не было. Очень мне было обидно, почему другие приезжают, а папы нет. Когда машина остановилась, то больных не пускали, пока сперва здоровых не доставили. Приехал также с нашего двора один человек из Плоцка. Я его спрашивал, как выглядит работа, видел ли папу, обо всем его расспрашивал. Он сказал мне, что виделся с папой и пока что он не голодает. Работа тяжелая, спиливают деревья и корчуют пни. В день получают 120 г хлеба, черный кофе и много супу, можно быть голодным при такой еде. Место для спанья есть у каждого, а отец находится с двоюродными братьями. Показал мне несколько следов на лице от ударов кнута, на работах они под стражей. Когда он рассказывал, так я не мог слез сдержать, почему моему папе такая страшная судьба выпала, видно такую заслужил у Бога.

13 мая: С самого утра мама пошла разузнать, отдали ли передачу. Письма никакого папа не прислал и ничего другого, а в Совете сказали, что все отдано. Мы всё раздумывали, почему папа никакой хоть бы открытки не прислал, но если ничего не прислал, то и напрасны наши расстройств, раз ничего не знаем.

14 мая: Когда мама шла по улице, окликнул ее один человек из Совета и дал ей посылку, которую папа прислал, а вчера забыли ей отдать. Папа прислал грязное белье и братья тоже прислали. В посылке были также три письма. Папа пишет, что ему очень обидно, почему мы ему не пишем о том, что посылаем и о другом тоже. Видно ему не передали письмо. Пишет, чтобы я спрятался, потому что будут еще облавы, велит мне переодеться в женскую одежду. Просит прислать ему немного

денег, а откуда мы будем их брать, не знает, и откуда мы на наши расходы возьмем, тоже не знает. Просит что-нибудь продать и спасти его, если только можно. Наплакался я порядком над таким печальным письмом. А как немного успокоился, пошел прочитать письма от двоюродных братьев. Пишут то же, что и папа, и чтоб их сласти. Читая письма, я подумал, мы тут на свободе (такую свободу я собаке не пожелаю, но нам и так лучше тут, чем папе там), а папа там может о куске хлеба мечтает? ах! это такой ужас...

14 мая: Сегодня повесили объявление, что можно слать посылки в Скаржиско, потому что подвода туда едет. Мама сразу собрала посылку, а я даже приготовил нож для папы. Вечером пришла к нам одна девушка и сказала, что завтра в четыре утра приедет жандармерия, но неизвестно зачем. Ничего еще не зная, что будет, мы очень испугались.

15 мая: В четыре утра приехало несколько машин, мы думали, что всех будут выселять. От этих волнений меня боли схватили и должен был выйти. Не успел дверь открыть, как увидел, что на той стороне улицы немец стоит и прямо на меня смотрит. Я уж больше не выходил и дверь оставил открытой. Был я ужасно испуганный и боялся, чтоб он не вошел в дом; он долго не стоял, сразу ушел. Каждый дома сидел или к воротам вышел, а на улице никто не выходил, только каждый стоял в постоянной тревоге. Когда я стоял у окна, то увидел грузовик с немцами и каких-то гражданских в наручниках, проехал один, второй, третий и четвертый. На каждом сколько гражданских, столько и немцев было. Немцы были сильно вооружены, в касках, гранаты у них были и автоматы. Мы уже немного успокоились, как увидели, что нас не трогают. Когда был уже дома, то услышал, что еврейская полиция у дяди находится, потом пришла сестра и сказала, что пришли за шкафом, потому что дядя не заплатил налог в Совет. Полиция сразу же приехала, и стали шкаф выносить. Все противились, но никто ничего сделать не мог, так его и вынесли. Когда шкаф погрузили, то дядя очень взволновался и не давал увозить, но сразу полицейский подошел и дядю оттолкнул, дядя его сразу ударил и начали драться. Все подошли и хотели их разнимать, стали страшно кричать, жандармерия это увидела и сразу пришла, и стали стрелять издали, а я на все это смотрел. Я уже думал, что кто-то жертвой пал. Пули летели между головами, а одна влетела в окно к дяде в дом. Один немец к нам ворвался и распахнул дверь с такой силой, что стекло вылетело, спросил где дядя и сразу вышел, искал дядю, но не нашел его. Через какие-нибудь полчаса пришла польская полиция, и надо было заплатить штраф 100 зл. Паника сделалась огромная во время стрельбы, каждый думал, что всё вверх ногами перевернется. После полудня немцы уехали, одна машина спереди, посередине в одной машине поляки в наручниках, а в конце машина с немцами, вот так их увезли.

16 мая: Только сегодня уехала подвода с посылками в Скаржиско. Мама еще вложила кусок хлеба. Двоюродная сестра телефонировала в Сухеднюв, и ей ответили, что все уже улажено и приедут не сегодня так завтра.

17 мая: Двоюродная сестра получила посылку от своего мужа из Скаржиско с грязным бельем, открытку тоже получила. Пишет, что должна приехать машина с больными, так может, и они приедут домой. Потом пришел возница, который был вчера в Скаржиско, и сказал, что виделся с папой. Папа говорил, что все посылки, которые мы ему послали, так он их получил. На осмотр к доктору вызывали уже 4 раза и еще раз вызовут к немецкому доктору, и не знает, что будет. После обеда приехал тот человек, который на прошлой неделе был с письмами, нам тоже пришло письмо. После прочтения письма все мы были очень озабочены. Папа пишет, чтоб мы хлопотали в Совете, а если не выйдет, то пошли к той женщине из Сухеднюва и чтоб она что-нибудь сделала. Был у доктора, и тот не хочет его освободить. Написал очень нехорошее письмо, лучше не писать так подробно. Не знаем, что теперь делать, папа пишет, чтоб пойти к той женщине из Сухеднюва, которой мы уже давали деньги, не знаем, что теперь делать и как думать. После получения этого письма мама ходит как безумная, была несколько раз в Совете и велит не волноваться, потому что все будет хорошо, говорят, что как только приедут больные, то папа будет среди них. Но что нам от этих утешений, раз он еще в лагере, вот когда дома будет, тогда и поверим в эти утешения.

18 мая: Мама ходила сегодня к телефону, говорила с той женщиной из Сухеднюва, так она сказала, что двоюродный брат написал ей из лагеря, чтобы за папу не хлопотать, потому что Совет из Бодзентына за него хлопочет. Мама ей сказала, чтоб за папу тоже похлопотала и чтоб никого не слушала. Сегодня вывесили объявление, что завтра едет подвода в Скаржиско и можно посылки переслать. Посылку мы не послали, а только 50 зл.

19 мая: Сегодня приехало 6 немцев, потому что будет мобилизация лошадей из пяти гмин. Пригнали столько лошадей, что трудно было пройти. Подвода с посылками в Скаржиско уехала после мобилизации.

20 мая: Доставили нам письмо от папы, написал целые 4 страницы и еще кусочек бумаги. Все описывает в подробностях, уже 7 раз был у доктора, и тот не хочет его освободить. Завтра должны приехать 65 человек больных, так может и он приедет. Папа просит в случае, если не приедет, так прислать ему хлеба, картошки и еще чего-нибудь. С нетерпением мы ждали, чтоб завтра уже настало. В эту ночь у одного хозяина украли корову. Полицию об этом известили, и она сразу следствие повела. След вел к одному еврею, и нашли там коровью голову и 40 кг мяса, его арестовали сразу. Все очень обозлены на евреев, надо же чтоб еврей корову осмелился украсть, мало того, что так угнетают нас со всех сторон, так еще и это.

21 мая: В половине девятого приехала машина с евреями. Увидел ее, так сердце у меня и заколотилось, ведь может папа едет. Когда ближе была, то искал я его, но не увидел. Побежал сразу за машиной, остановилась около Совета, и все сразу соскочили с машины, а папы не было, я расплакался всюю, почему столько людей приехало, а папы не было. Некоторые вполне здоровы и приехали. Я очень от этого расстроился. Папа передал несколько открыток через знакомых, просил прислать ему немного картошки, хлеба, вареной лапши и пшенной каши. Мы сразу посылку собрали и дали шоферу. Мы совсем забыли, что сегодня праздник Пятидесятницы, а мы даже ничего не приготовили. Так были одним заняты. Еще ни одного праздника не было без папы, а сейчас не только нет его, но он еще и в лагере.

22 мая: Когда был на молитве, то очень затосковал по папе. Увидел, как другие дети стоят около отцов, и если чего не знают в молитве, так им отец покажет, а кто мне покажет... один Господь Бог пусть даст мне добрую мысль и чтоб шел я по доброму пути... Еще никогда не было мне так плохо, как сегодня, во время молитвы, да когда же мне так плохо могло быть? Дай Боже, чтоб папа поскорее вернулся жив и здоров. Мы телефонировали в Сухеднюв к той женщине, так она сказала, что еще не улажено.

23 мая: Сегодня отправили тех задержанных за корову евреев в арест, а одного невиновного отпустили.

25 мая: Очень рано пришел дядя из Белин, сразу же нам сказал, что заплатил 20 зл штрафа, в нынешние критические времена так даже и не заработать ему этих 20 зл. Штраф заплатил за то, что шло их несколько, а у одного еврея не было пропуска, ему и так здорово повезло, что сразу с собой не забрали. Дядя долго не пробыл, сразу домой пошел. Сегодня вывесили объявление, что завтра Совет едет в Скаржиско. Отдельной посылки не шлем, только деньги, может получит хлеб от Совета, посылаем маленький сверточек и вложим в посылку двоюродной сестры.

27 мая: Брат принес из Совета посылку для нас и письмо. Папа прислал свой свитер, шарф и теплое белье и прислал обратно чистую цветную рубашку, что мы ему послали, а велит прислать ему белое белье. Папа спрашивает, почему мы ему часто не пишем, только и есть у него радости, как письмо из дому, получит и читает его по нескольку раз в день. Завтра идет на комиссию, потому что не может работать. Папа пишет, что во всем виноват

Так происходит погрузка в вагоны.
Фото из собрания Еврейского исторического института

Абрам. Просит прислать из дому еду, а не деньги, потому что там все дорого стоит. Обо всем расспрашивает, есть ли дрова, есть ли еще картошка и не дай Бог не голодаем ли. Спрашивает, откуда мы раздобываем деньги на все, и если б знал, что у нас есть все необходимое, то был бы спокоен, а так целыми ночами думает только об этом и спать не может. Велит обязательно прислать ему эти деньги, тогда там быстрее устроит, если б на прошлой неделе были у него деньги, то приехал бы со второй очередью домой. Папа пишет, что каждый день посылает письма, а мы не отвечаем, так он пишет, но мы по почте ни одного письма не получили. Сегодня уж непременно письмо получим. Я сразу написал папе письмо и сразу вложил его в почту, потому что как раз приехала. Почтальон доставил нам письмо от папы, а потом две открытки. В этом письме и открытках он пишет то же, что и ранее, только в письме спрашивает лучше ли нам с ним при его нервах или без них. Мама сразу телефонировала в Сухеднюв, чтоб женщина отослала те деньги папе, мы сразу послали от нас папе 100 зл, эти деньги посылаем ему, потому что здесь нельзя хлопотать, а там может ему удастся что-нибудь устроить.

29 мая: Сегодня днем были бандиты во Вздоле. Когда полиция пришла, то они и не думали убегать, а начали стрелять, и полиции пришлось спрятаться, а они ушли запросто в лес. Сразу звонили в Кельце, чтоб приехала жандармерия, и через несколько часов приехали 2 машины, были во Вздоле, но никого не поймали. Пришла сегодня открытка от папы и от дяди из Кельц. Папа не пишет ничего интересного, пишет только, что надеется вскоре приехать. Дядя тоже не пишет ничего интересного.

31 мая: Сегодня вывесили объявление, что будет смена работников из Скаржиско, а 4 июня в Совет должны явиться 60 человек, а кто – то это еще пришлют повестки. Может в таком случае, даст Бог, папа приедет. Эти 60 человек только на 7 дней поедут.

29 мая: Когда келецкая жандармерия уехала, то еще осталось 8 человек из Белин Один жандарм, проходя около одного двора, увидел, как одна еврейка убегает, сразу же велел ей немедленно стоять, но она не послушала, а продолжала бежать, когда она не хотела остановиться, то он стал стрелять в нее и попал с первого раза, потом велел похоронить ее там, где все застреленные. Какая страшная судьба ее встретила, чтоб безо всякой причины была убита. Когда лежала во дворе, то ведь у нее 6 детей, так даже не позволили им к ней подойти, а если кто из них плакать начинал, то он бил.

1 июня день радости: Мы ждали сегодня письмо от папы, но не получили, пришла открытка от двоюродного брата и привет от папы, а больше ничего. Мы приготовили большую посылку папе, потому что завтра из Совета едут в Скаржиско. Мы запаковали тонкий пиджак, белье, ботинки, немного картошки, хлеб и всякие мелочи. Не терпелось, чтоб уже третье было и пришло письмо от папы, может есть у него какие-то шансы приехать домой. К вечеру пошел к соседу делать сестре шлепанцы. Когда делал, то услышал, что машина едет и поют, я сразу подумал, верно евреи едут из Скаржиско. Сразу же выбежал, оказалось, что и правда едут. Издали видно было, как машут руками и шапками, я увидел, как и мой папа машет. Все бросил и побежал за машиной. Остановился вместе с машиной. Взял сразу у папы его мешок, а папа слез с машины. Мама взяла у меня мешок, а я пошел в участок взять посылку. Как пришел домой, то не мог даже поздороваться с папой со всей этой радости. Никто не может себе представить нашей радости, тот может вообразить, кто сам испытывает. Никто ведь не ожидал, что сегодня приедут. Это все было как в кино, за одну почти секунду столько мы пережили. Пришло сразу множество людей, каждый хотел что-то хорошее узнать. Папа приехал с раненой рукой, из-за нее его и пустили. Сначала я перепугался, потому что думал, что он очень раненый.

Очень трудно мне описать все эти папины рассказы. Начну с начала рассказа, хуже всего было в первую неделю пока не привык, работа не такая страшная, только дисциплина страшная, если кто-то плохо поет или марширует, то его сразу бьют. Подъем в 4-е утра, а работают до 5-и. 13 часов нельзя ни на минуту присесть, кто сядет, тому здорово достаётся. Рассказам не было конца, мы сидели до 2-х ночи, невозможно все это описать. Папа выглядит не так плохо, ел ведь сколько надо. Со всей этой радости забыл записать самое важное, но самое ужасное. Сегодня утром вышли две еврейки на деревню, это были мать с дочерью. К несчастью, ехали немцы из Рудек за картошкой в Бодзентын, то повстречали эти 2 еврейки. Как они увидели немцев, то стали бежать, но их догнали и поймали. Хотели их сразу в деревне застрелить, но староста не позволил, так пошли к лесу и там их застрелили. Еврейская полиция сразу за ними поехала, чтобы похоронить на кладбище. Когда подвода приехала, то была вся в крови. Кто [...]

На этом дневник Давида Рубиновича обрывается

Примечания

¹ Гмина – единица территориального самоуправления в Польше.

² Жандармерия – часть немецкой полиции, которая выполняла полицейские функции в сельской местности.

³ Ошибка в тексте дневника, нужно – «15 октября».

⁴ Приказ начальника Полиции безопасности и Службы безопасности в Генеральном губернаторстве предусматривал обязательную конфискацию у еврейского населения всех меховых изделий для высылки немецким войскам на Восточном фронте.

⁵ Повят – административный округ, складывавшийся из гмин и громад и входивший в состав воеводств в довоенной Польше.

⁶ По приказу генерал-губернатора Г. Франка от 23 ноября 1939 года все евреи с 10-летнего возраста обязаны с 1 декабря 1939 года носить на правом рукаве верхней одежды специальную белую повязку шириной 10 см с голубой звездой Давида.

⁷ Войт – глава сельской гмины.

Дорога ведет в Трешлинку. Фото из собрания Еврейского исторического института.

Монумент памяти в концлагере Трешлинка.

Ирина ОДИНОКОВА

ЖРЕБИЙ ИОВА

*И сказал Господь сатане: вот, он в руке твоей,
только душу его сбереги.
Нов. 2,6.*

*Когда я чаял добра, пришло зло;
когда ожидал света, пришла тьма.
Нов. 30,26.*

За прошедшие со дня Победы 60 лет информация о Великой Отечественной войне, — та, что не была согласована с официальной версией истории, — публиковалась неохотно. В советские времена даже проза фронтовиков-писателей: Василя Быкова, Виктора Некрасова, Константина Воробьева — многим казалась крамольной. Но и во времена перестройки, когда на страницы многих изданий выплеснулась шокирующая правда, тема войны «скандализировалась» менее всего. Дело было уже не в цензуре, просто заезженная фраза о том, что Великая Отечественная коснулась каждой советской семьи, — это не метафора, это правда. Столько настоящего героизма и жертвенности было в защитниках нашего Отечества, что открывать им глаза на ошибки правительства, обернувшиеся миллионными потерями, было бы слишком жестоко. Это, действительно, была их Победа: над врагом, над собой, над пределом, положенным человеческим возможностям. И стоило ли говорить выжившим, что по сути мы эту войну проиграли: страна надорвалась, поднимая непосильную ношу, потеряв сначала в гражданской войне, потом в сталинских лагерях, потом и во Второй мировой слишком много крови, особенно если сравнивать наши потери с потерями противника.

Информация о числе жертв этого уникального в мировой истории геноцида проявлялась постепенно, робко, пугаясь своей огромности. Когда мы, наконец, точно узнаем — сколько же погибло советских людей в первой половине двадцатого века?

Сорок первый...

Появившееся в последнее время словечко «как бы» стало модным совсем не случайно. Мы — «как бы победили» и теперь — «как бы живем», растерянно озираясь по сторонам. Те, кто постарше, держат сторону шадящей психику советской версии истории, правда, она никак не объясняет нишету победителей и нынешний статус страны. Те, кто помоложе, просто плюнули на свою историю и выбрали себе другое Отечество: одни реальное, «забугорное», другие стали эльфами и хоббитами, как показывает последняя перепись населения. Но при этом большинство сказалося верующими, православными, и этот удивительный факт достоин рассмотрения. Ныне, конечно, наблюдается оживление церковной жизни, но никак не скажешь, что русский народ вернулся в церковь. Результаты переписи скорее выявили некую потенциальную склонность к православию, нежели данность. Кажется, чего же проще: назвался православным — тебе и дорога к храму. Может и просто, но не в России. Взаимоотношения церкви и народа (а также власти и народа) в XX веке были настолько непростыми и противоречивыми, что вспоминается горькая народная мудрость: «Кого Бог любит, того и бьет». Тень страдающего Иова простерлась над Россией, а от страдания до святости только в Библии — десяток страниц, сколько же столетий это будет в жизни народа? Русская Православная Церковь — еще одна «неудобная тема» для публицистики, а уж в связи со Второй мировой войной — «неудобство в квадрате». Но даже в церковных кругах, весь двадцатый век пребывавших в том или ином компромиссе с богочерческой властью, созрело желание не скрывать правду.

Русская Православная Церковь до 1918 года была крупнейшей Поместной Церковью православного мира. Она казалась незыблемой, поддерживаемой и «низами и верхами». Но спустя всего 20 лет, к началу 40-х годов, от есмогущества не осталось и следа. Совершенно понятно стремление Ленина и Сталина устранить альтернативное влияние на народные массы. И не очень понятно, как эти народные массы, уже 900 лет как православные, вдруг, за считанные годы, позволили разрушить церковь, при этом оставаясь по сути верующими людьми — ведь Всесоюзная перепись населения, проведенная в январе 1937 года, показала, что две трети сельского и одна треть городского населения СССР считают себя верующими.

Прятали иконы и крестики, тайно молились, тайно укрывали изгнанных из монастырей монахинь, — но это тайное сочувствие не помогло избежать смерти сотням тысяч православных священников, не остановило разрушения церквей, монастырей и хорошо развитой системы духовного образования.

*«...я прихожу к безусловному выводу, что мы должны ... дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий...»
Из строго секретного письма Ленина членам Политбюро от 19 марта 1922 г.*

Музей атеизма, устроенный в Успенском соборе Смоленского кремля. Возвращен немецкими властями Русской Православной Церкви в 1941 году.

Засекреченный до 1994 г. полигон в Бутово, под Москвой, где в 1937-1938 г.г. было расстреляно более 20000 осужденных.

священник Георгий - Горичев Егор Савельевич
(1886-27.11.1937), Московская о., Воскресенский р. ц. в д. Хорлово

священник Назарий - Грибнов Назарий Степанович
(1879-11.12.1937), Московская о., Коробковский р., с. Туголес

священник Павел - Гук Павел Иванович
(1891-10.12.1937)

священник Александр - Гусев Александр Александрович
(1873-14.3.1938), Московская о., Коммунистический р., ц. в
с. Трехвятское

священник Федор - Дорофеев Федор Ефимович
(1885-10.12.1937), Московская о., Талдомский р.

священник Иоанн - Епимов Иван Григорьевич
(1874-9.12.1937), Московская о., Истринский р.,
Иоанно-Предтеченская ц. в с. Садки

священник Константин - Жасминов Константин Александрович
(1898-8.12.1937), Московская о., Ленинский р.

священник Николай - Заболотский Николай Николаевич
(1876-15.12.1937), Московская о., Уваровский р.

*«Скорбные доски» на Бутовском полигоне.
Установлены имена 840 священнослужителей и 100 мирян, не отрехшихся от веры.
140 из них причислены к сонму новомучеников Российских.*

*Последняя фотография митрополита Санкт-Петербургского Серафима
(Леонида Михайловича Чичагова, в возрасте 91 года расстрелянного на Бутовском полигоне.
Причислен к сонму новомучеников Российских.*

Сталинское правительство запланировало полное исчезновение любых форм религиозной жизни в стране к 1942 году, которое непременно бы состоялось, если бы не война. Говорят, история не любит сослагательного наклонения, и все же... Если бы не напала фашистская Германия на СССР в июне 1941 года, когда Сталин направил бы советские войска на Европу? Вопреки официальной пропагандистской кинохронике, к которой мы все привыкли, граждане СССР в начале войны испытывали скорее растерянность, чем патриотический энтузиазм. Первый год фашистского нашествия был отмечен массовыми сдачами в плен тысяч советских военнослужащих. В конце 1941 г. в ближнем и дальнем тылу немецко-фашистских войск оказалось около 3.500.000 советских военнопленных, к которым в 1942 г. прибавилось ещё более 1.000.000. Число советских военнопленных приводило в замешательство даже немцев, они просто не могли разместить их в существующих лагерях и создать хотя бы минимально пригодные для жизни условия. Пленные погибали миллионами от инфекций и голода. Сталин выбрал свой метод борьбы с советскими военнопленными: он объявил их «врагами народа», независимо от того, при каких обстоятельствах человек попадал в плен.

Эти цифры говорят не только о провале Сталина, как военного стратега, но еще и о том, что народ не хотел защищать сталинский режим. Неграмотная, волюнтаристская политика большевиков, отрицающая историческое и религиозное прошлое народа, давала плоды. «Иван, родства не помнящий» не может испытывать патриотические чувства по определению. А многие из тех, кто свое родство помнили, желали освобождения от советской власти даже ценой оккупации.

Архиепископ Иоанн (Шаховской), писал: *«Кровь, начавшая проливаться на русских полях с 22 июня 1941 г., есть кровь, льющаяся вместо крови многих и многих тысяч русских людей, которые будут скоро вынуждены из всех тюрем, застенков и концлагерей Советской России. Одно это уже исполняет сердце радостью. Лучшие русские люди будут скоро отданы России, лучшие пастыри будут отданы Церкви... Промысел избавляет русских людей от новой гражданской войны, призывая иноземную силу исполнить своё предназначение. Кровавая операция свержения III Интернационала поручается искусному и опытному в науке своей германскому хирургу. Лечь под его хирургический нож тому, кто болен – не зазорно... Обессилевшие и закрепощенные по лагерям, заводам и колхозам, русские люди были бессильны подняться против международной атеистической силы, засевшей в Кремле. Понадобилась профессионально-военная, испытанная в самых ответственных боях, железоточная рука германской армии... Новая страница в русской истории открылась 22 июня 1941 г. в день празднования русской Церковью памяти «Всех Святых – в земле Русской просиявших. Не ясно ли это, даже для слепых, значение того, что событиями руководит Высшая Воля? В этот чисто русский (и только русский) праздник, соединённый с днём*

Из 67.108 церквей и часовен действующими оставались около 350, из 64 правящих архиереев и 66.140 приходского духовенства осуществляли своё служение 4 архиерея и не более 500 священнослужителей, 1000 монастырей были закрыты, монастырская жизнь ликвидирована. Уничтожены 4 духовные академии, 57 семинарий, 185 духовных училищ. По данным Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте Российской Федерации только за период 1937-1941 гг. было репрессировано 175.800 представителей православного духовенства, из которых расстреляно – 110.700. Гонения обрушились не только на духовенство, но и на верующих мирян.

Архиепископ Иоанн (Шаховской)

Родился в 1902 г. в Москве. Осенью 1915 г. поступил в Императорский Александровский лицей, который закончил в разгар революции. В 1918 г. вступил в Добровольческую армию генерала А.И. Деникина. После ее поражения эмигрировал. В 1921 г. зачислен в парижскую Свободную школу политических наук, а в 1922 г. – на экономическое отделение Лувенского университета в Бельгии. По воскресеньям алтарничал в брюссельском храме Св. Николая Чудотворца. Весной 1926 г. принял на Афоне монашеский постриг. С 1932 по 1945 г. – настоятель Свято-Владимирского храма в Берлине. По окончании войны архимандрит Иоанн переехал в Париж, затем – в США, где в 1947 г. стал епископом, а в 1961 г. – архиепископом Американской Православной Церкви. Скончался в 1989 г.

Восстановление церквей на оккупированных территориях. Крест – и свастика «в нагрузку» (кадры кинохроники).

воскресения, началось исчезновение демонских криков «интернационала» с земли Русской... Скоро, скоро русское пламя взорвётся над огромными складами безбожной литературы. Мученики веры Христовой, и мученики любви к ближнему, и мученики правды человеческой выйдут из своих застенков... Откроются осквернённые храмы и освятятся молитвой. Священники, родители и педагоги будут вновь открыто учить детей истине Евангелия... Это будет та «пасха среди лета», о которой 100 лет тому назад, в прозрении радостного духа, пророчествовал великий святой Русской земли, преподобный Серафим Саровский. Лето пришло, близка русская Пасха».

С его мнением в первое время были согласны многие из эмигрантов внешних и эмигрантов «внутренних» – всех тех, кто не принял сталинский режим. В отличие от советского правительства немецкие власти на многих оккупированных территориях проводили очень продуманную политику в отношении населения. Они использовали накопившуюся ненависть людей к режиму, преподнося себя как избавителей от безбожной власти. Открылись запрещенные при Советах церкви, и сразу же обнаружилось, что прививаемый коммунистами атеизм оказался несостоятельным. Церкви были полны, а люди благодарны, чего, собственно, оккупационные власти и добивались.

В Смоленске в июле 1941 г. был ликвидирован музей атеизма, располагавшийся в Успенском соборе. 10 августа в этом соборе был отслужен молебен перед найденным накануне немецкими солдатами и установленным в соборе чудотворным списком иконы «Одигитрия», перед которым в 1812 г. молился на Боролинском поле генерал-фельдмаршал М.И. Кутузов.

В июле 1941 г. после ликвидации немецкими оккупационными властями музея атеизма, находившегося в Троицком соборе Псковского кремля, этот знаменитый храм был передан Русской Православной Церкви. 22 марта 1942 в нем была установлена привезённая немецкими солдатами из осквернённого коммунистами Тихвинского монастыря чудотворная Тихвинская икона Божьей Матери.

Всего на территории, занятой германскими войсками, за период оккупации было открыто около 10,000 храмов.

Гитлер ненавидел христианство, но проявлял, в отличие от Сталина, полезную ему гибкость: «В юности я признавал одно лишь средство: динамит. Лишь позднее я понял: в этом деле нельзя ломать через колено. Нужно подождать, пока церковь сгниет до конца, подобно зараженному гангреной органу. Нужно довести до того, что с амвона будут вещать сплошь дураки, а слушать их будут одни старухи».

У фашистской верхушки была своя вера – неоязыческая. Но фашисты по отношению к христианской церкви были настроены не революционно, а прагматично: «Несомненно то, что стремящийся к религии массам оккупированных бывших советских областей надлежит снова дать какую-то форму религии. – писал в секретной директиве о религиозной политике на Востоке от 31 октября 1941 г. Р. Гейдрих. – ... Крайне необходимо воспретить всем попам вносить в свою проповедь оттенок вероисповедания и одновременно позаботиться о том, чтобы возможно скорее создать новый класс проповедников, который будет в состоянии после соответствующего, хотя и короткого обучения толковать народу свободную от еврейского влияния религию. Ясно, что заключение «избранного Бо-

Еврейский погром в Каунасском гетто. 1941 г.

На стр. 60 – 61: Псков. 22 марта 1941 г. Крестный ход в честь передачи немецкими властями Русской Православной Церкви иконы Тихвинской Божьей матери (кадры кинохроники).

гом народа» в гетто и искоренение этого народа... не должно нарушаться духовенством, которое, исходя из установки Православной Церкви, проповедует, будто исцеление мира ведёт своё начало от еврейства».

В 1941 году многие солдаты и офицеры вермахта, в отличие от неоязыческого состава СС, производили благоприятное впечатление на оккупированное население, исключая, конечно, повсеместно уничтожаемых евреев и цыган. Сохранились свидетельства и о случаях активного содействия фашистам в еврейских погромах.

Русская Православная Церковь, вернее то, что от нее осталось к 1941 году, в отличие от Зарубежной Православной Церкви, реагировала на фашистское нашествие совсем иначе. Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Сергей (Старгородский) в первый же день войны написал «Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви»:

«Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыея, немецких рыцарей, Карла Шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой. Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божией помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу... Вспомним святых вождей русского народа Александра Невского, Димитрия Донского, положивших свои души за народ и Родину. Да и не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов... Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она испытания несла и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг... именно нам нужно помнить заповедь Христову: "Больше сея любви никто же имеет, да кто душу свою положит за други своя..." (Ин. 14, 13).

Нам, пастырям Церкви, в то время, когда Отечество призывает всех на подвиги, недостойно будет лишь молчаливо поглядывать на то, что кругом делается, малодушного не ободрить, озорченного не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и о воле Божией. А если сверх того молчаливость пастыря, его некасательство к переживаемому паствой объяснит еще и лукавыми соображениями насчет возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена Родине и своему пастырскому долгу, поскольку Церкви нужен пастырь, несущий свою службу истинно "ради Иисуса, а не ради хлеба куса", как выразался святитель Димитрий Ростовский. Положим же души свои вместе с нашей паствой... Церковь благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу».

Послание это разрешили зачитать в храмах только 6 июля 1941 г., через два дня после обращения Сталина.

В речи на Архиерейском Соборе 1943 года митрополит Сергей, вспоминая начало войны, говорил: «О том, какую позицию должна занять наша Церковь во время войны, нам не приходилось задумываться, потому что прежде чем мы успели определить как-нибудь свое положение, оно уже определилось — фашисты напали на нашу страну, ее опустошали, уводили в плен наших соотечественников, всячески их там мучили, грабили». Уже в первые месяцы войны РПЦ стала осуществлять сбор денежных и других материальных средств, вешевых и продуктовых посылок, которые передавались в фонд обороны. К концу войны было собрано более 300.000.000 рублей, не считая драгоценностей, вещей и продуктов.

В Ленинграде, несмотря на тяжелейшие условия блокады с 1941 по 1944 гг., православные верующие внесли в Фонд обороны более 13 млн. руб.

Первые два года войны положение церкви, несмотря на ее содействие правительству в укреплении патриотизма, оставалось прежним, только дальнейшее разрушение сбавило темпы. Но, неожиданно для большевиков, немногочисленные церкви стали заполняться людьми. В Москве, готовящейся к битве с фашистами, храмы были заполнены так, что «яблоку негде было упасть», как вспоминают очевидцы. Близкое горе и смерть делала другой страх — перед НКВД — гораздо менее значительным.

Конечно, церковь больше посещали женщины: матери, жены, сестры, невесты — «белые платочки», как их называли тогда. Но вскоре стали приходиться мужчины: уходившие на фронт или возвратившиеся с ранениями, чудом оставшиеся в живых — «В окопах нет атенстов». Архимандрит Иоанн (Шаховской) описывал своё посещение в 1942 г. офицерского лагеря в окрестностях Бад-Киссингена. «В нём содержалось около трёх тысяч советских командиров, главным образом, молодых лейтенантов; но были и штаб-офицеры — в особом здании... Можно представить моё удивление, когда среди этих советских офицеров, родившихся

МОЛИТВА

читаемая за литургией в Русской
Православной Церкви в дни Отече-
ственной войны 1941-1942 гг.

Господи Боже наш, Боже милостивый наш, Боже, творящий чудеса наши. Призри в милости и щедротех на смиренную расбу Твою и телокрестное убожество и помысли нас: не бо язи наших сокрушася на ны, во стех погубених ны и разорити святыхи наших. Помози нам Боже, Спасающий наш, и избави нас, славы ради имени Твоего, и да приидет к нам спасение, речешиа Моисей к людем Израильским: держайте, стойте и узрите спасение от Господа, Госпада со поворотом вашим.

Биография патриарха Сергия (Старгородского) до 1941 года.

Иван Николаевич Старгородский родился в семье священника Алексиевского монастыря в г. Арзамасе 11 января 1867 года. Закончил Арзамасское Духовное училище, Нижегородскую семинарию и Петербургскую Духовную Академию. 30 января 1890 г. был пострижен в монашество с именем Сергей в честь

преподобного Сергия Валаамского. Магистерская диссертация, защищенная в 1895 году, выдвинула его в ряд видных православных богословов своего времени. В 1890 году иеромонах Сергей приехал в Токио, освоил за несколько месяцев японский язык и стал одним из ближайших помощников архиепископа Николая. Преподавал догматическое богословие в семинариях Киото и Токио, а также в 1891-92 гг. служил священником на русском крейсере «Память Азова». В 1893 г. переведен в Петербург, потом в Московскую духовную Академию на должность инспектора. С 1894 по 1896 годы иеромонах Сергей – настоятель русской посольской церкви в Афинах. Там он был возведен в сан архимандрита. Затем вновь следует направление в Японию, где архимандрит Сергей служит до 1899 года. В январе 1901 года Указом Святейшего Синода будущий митрополит назначен ректором Санкт-Петербургской Академии, а 25 февраля того же года в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры состоялась его хиротония в епископа Ямбургского, третьего vicaria Санкт-Петербургской епархии. При своем наречении молодой епископ произнес речь, в которой видна перспектива всего последующего служения: «Быть же пастырем – значит жить не своею особой жизнью, жить жизнью паствы, болеть ее болезнью, нести ее немощи с единственной целью: послужить ее спасению, умереть, чтобы она была жива. Истинный пастырь постоянно, в ежедневном делании своем "душу свою полагает за овцы", отрекается от себя, от своих привычек и удобств, от своего самолюбия, готов пожертвовать самой жизнью и даже душой своей ради Церкви Христовой, ради духовного благополучия словесного стада».

Участие Сергия (Старгородского) в «Религиозно-философских собраниях» (1901-1903 гг.) способствовали сближению светской ин-

Интронизация Патриарха Сергия. 1943 г.

теллигенции с Русской Православной Церковью. В 1905 г. он назначен епископом на самостоятельную Финляндскую и Выборгскую кафедру с возведением в сан архиепископа. В 1911 году архиепископ Сергей становится членом Святейшего Синода, в 1912 г. назначен Председателем Предсоборного совещания, а в 1913 году возглавил Учебный комитет.

В 1917 г. Временное правительство распустило прежний состав Синода. Единственным исключением был архиепископ Сергей. В его сторону послышались первые упреки в отсутствии солидарности. Архиепископ Сергей с 1917 г. 5 лет возглавлял Владимирскую кафедру. 28 ноября 1917 г. возведен в сан митрополита. Участвовал в работе Поместного Собора 1917-1918 гг., когда были заложены основы устройства РПЦ, позволившие ей не угаснуть в годы гражданской войны и агрессивного атеизма. В 1922 году был одним из трех митрополитов, подписавших т.н. «меморандум трех», в котором «обновленческое» Высшее Церковное Управление признавалось канонической законной властью. К «обновленчеству» примкнула часть епископата и клира: одни с желанием улучшения отдельных сторон церковной жизни, другие – из-за гордыни и честолюбия, а большинство – по растеряннос-

Патриарх Сергий в своем рабочем кабинете.

Патриарх Сергей на одном из своих последних богослужений. 1943 г.

ти. Позже митрополит Сергей заявил о прекращении общения с деятелями «новой демократической церкви», также называемой «живая церковь», а в 1923 г. принес покаяние Патриарху Тихону. В том же году перешел на Нижегородскую кафедру.

После смерти Патриарха Тихона начался долгий этап противостояния двух ветвей РПЦ – Русской и Зарубежной. В 1925 г. митрополит Сергей, после ареста митрополита Петра (Полянского), Патриаршего Местоблюстителя по завещанию Патриарха Тихона, вступает в исполнение его прав и обязанностей, назвав себя «заместителем Патриаршего Местоблюстителя».

Самая важная задача, стоявшая перед митрополитом Сергием после разрешения конфликта, состояла в легализации церковной жизни, но плата за легализацию, предъявленная большевиками, была драконовской:

- издание декларации определенного содержания (весь мир должен был узнать о том, что Русская Православная Церковь не подвергается никаким гонениям);
- осуждение заграничных епископов в случае их неподчинения церковной власти в России;
- контроль за Церковью со стороны государства.

Эти условия не приняли ни митрополит Петр, арестованный в 1925 году, ни митрополит Сергей, арестованный в 1926 г. Правда, спустя 3,5 месяца его освободили, что заронило сомнения в умах православных. И по сей день бытует мнение о том, что именно тогда митрополит Сергей вступил на путь сотрудничества с ГПУ, и подтверждением этого соглашения явилась «нужная» власти «Декларация 1927 года», которая потребовала от зарубежных епископов письменного обязательства в лояльности Советскому правительству.

В 1930 г. папа Пий XI обратился к верующим мира с призывом молиться о спасении Русской Церкви. Это нарушило внешнеполитичес-

кие планы СССР. Срочно потребовалось опровержение информации о гонениях в зарубежной печати. Практическое осуществление этого мероприятия вновь было поручено начальнику III отделения Секретно-Политического отдела ОГПУ Е.А. Тучкову, давнему (еще в 1919 г.) и опытному исполнителю большинства государственных антирелигиозных акций. Он предложил митрополиту выступить на пресс-конференции перед журналистами с опровержением мирового общественного мнения о гонении на церковь в СССР.

В ответ митрополит выдвинул свои условия: власть принимает требования митрополита Сергея о значительном облегчении существования Русской Православной Церкви в безбожном окружении. 15 февраля 1930 года состоялась конференция, где митрополит Сергей заявил, что «репрессии, осуществляемые Советским правительством в отношении верующих и священнослужителей, применяются к ним отнюдь не за их религиозные убеждения, а в общем порядке, как и к другим гражданам, за различные противоправительственные деяния». А также: «Считаем необходимым указать, что нас крайне удивляет недавнее обращение Папы Римского против Советской власти. ...Мы считаем излишним и ненужным это выступление Папы Римского, в котором мы, православные, совершенно не нуждаемся».

Митрополит Сергей сознательно пошел на компромисс с Советами, означавшим по сути разрыв с Зарубежной Православной Церковью. Он считал, что прежде всего надо сохранить церковь в России. Сразу же после конференции на имя П.Г. Смидовича была отправлена «Памятная записка о нуждах Православной Патриаршей Церкви в СССР». Она включила в себя 21 пункт, в которых митрополит Сергей изложил все нарушения имеющегося законодательства о культурах. Но надежды его были напрасны, из всех просьб митрополита власть удовлетворила одну: разрешено было издавать «Журнал Московской Патриархии», который выходил нерегулярно, потом был закрыт и вновь стал издаваться только с 1943 года.

Похороны патриарха Сергея. 1944 г.

Митрополит Николай (Ярушевич).

после Октября, сразу же организовался церковный хор, спевший без нот всю литургию. Приблизительно половина пленных захотели принять участие в церковной службе, общей исповеди и причастии Святых Тайн. В этой поездке меня сопровождал о. Александр Киселёв... Мы остались под огромным впечатлением от этой встречи с несчастными, раздавленными и войной, и лишениями, и унижениями русскими людьми».

Существуют многочисленные свидетельства о возвращении советских людей к вере во время войны, многие воспринимали фашистское нашествие как «бич Божий».

19 октября 1941 г. по решению советского правительства митрополит Московский Сергей (Старгородский) и митрополит Киевский Николай (Ярушевич) с небольшой группой православного духовенства и священнослужителями некоторых других конфессий были эвакуированы в Ульяновск, где к этому времени были уже разрушены почти все храмы. Через месяц митрополит Сергей и митрополит Николай выпустили первое в эвакуации послание к пастве:

«Гитлеровский молах продолжает вещать миру, будто бы он поднял меч "на защиту религии» и "спасение» якобы поруганной веры. На всему миру ведомо, что это исчадие ада лживой личиной благочестия

Молитва о победе. Митрополит Николай (Ярушевич)

только прикрывает свои злодеяния. Во всех порабождённых им странах он творит гнусные надругательства над свободой совести, издевается над святынями, бомбами разрушает храмы Божии, бросает в тюрьмы и казнит христианских пастырей, зноит в тюрьмах верующих, восставших против его безумной гордыни, против его замыслов утвердить свою сатанинскую власть над всей землёй. Православные, бежавшие из фашистского плена, поведали нам о глумлении фашистов над храмами».

В этом послании описание «злодеяний гитлеровского молаха» в точности совпадает со злодеяниями советского молаха. Обвинения Сергея можно предъявить к обоим антихристианским режимам, и наверное, в этих антифашистских посланиях Патриарший Местоблюститель высказал все, что не мог сказать в адрес сталинского правительства. О роли Сергея в истории РПЦ до сих пор идут ожесточенные споры, но вспомним его же слова: «Пастырь... отрекается от себя, от своих привычек и удобств, от своего самолюбия, готов пожертвовать самой жизнью и даже душой своей ради Церкви Христовой, ради духовного благополучия словесного стада».

«Жертвовать душой» — тяжкий крест, Сергей выбрал себе нелегкую долю, но, убедив себя, что спасает Церковь, был тверд и последователен в своей политике компромиссов, и один Бог знает, чего ему это стоило.

В то же самое время другой Сергей — экзарх Патриаршего Местоблюстителя в Прибалтике — тоже занял принципиальную позицию, но уже антисоветскую.

В одной из своих воскресных проповедей 14 марта 1943 г. митрополит Сергей подчёркивал:

«Борьба, предпринятая Германией против большевизма, вошла в решительную стадию. Ничего не может быть страшнее господства коммунизма. Если он победит, население многих стран будет обречено нечеловеческим страданиям и даже уничтожению. Чтобы предотвратить эту грозную опасность, необходимо напряжение и полное объединение всех имеющих сил. Теперь не время спорить о том, как в будущем создастся наша национальная, социальная и культурная жизнь. Если горит дом, то не спорят о том, как после пожара удобнее разместиться в его комнатах, а немедленно приступают к тушению огня. Точно также и мы стоим перед задачей победить любой ценой. Поэтому каждый из нас обязан следовать указаниям властей и приложить все свои силы в борьбе с большевизмом. Обратимся с молитвой ко Всемогущему, чтобы Он помог навсегда и всюду преодолеть это зло и, прежде всего, в сердцах людей».

Человек сильной воли, гибкого ума и, конечно, крепкой веры, митрополит Сергей, исполняя свой долг пастыря и главы Экзархата, сделал многое из того, что, казалось бы, сделать было невозможно. Ему удалось успешно противостоять тактике расчленения церковно-административных единиц, которую преследовало оккупационное правительство. Он не только удержал в

Биография митрополита Сергия (Воскресенского) до 1941 г.

Митрополит Литовский Сергей (в миру Дмитрий Николаевич Воскресенский), экзарх Прибалтики в 1941 – 1944 годах, родился в Москве в семье священника. Окончил семинарию. После революции поступил в Московский университет, из которого был отчислен (с 3-го курса юридического факультета) как

сын «служителя купьта». В 1925 году принял монашеский постриг в Московском Даниловом монастыре. Был духовным сыном известного архимандрита Георгия (Лаврова), а жительство в монастырской келье разделял с почитаемым впоследствии подвижником и прозорливым старцем Павлом (Троицким).

В 1930 году был назначен настоятелем собора в Орехово-Зуеве и помощником по юридическим вопросам Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Старгородского) – будущего патриарха Сергия. В 1931 году стал редактором недолгое время выходившего журнала Московской Патриархии. В 1932 году архимандрит Сергей был переведен в Москву настоятелем храма Воскресения Христова в Сокольниках, где в октябре следующего года состоялась его архиерейская хиротония в епископа Коломенского, викария Московской епархии. Чин хиротонии совершали несколько архиереев во главе с митрополитом Сергием и священномучеником, митрополитом Ленинградским Серафимом (Чичаговым). Перед началом войны архиепископ Сергей (Воскресенский) был управляющим делами Московской Патриархии. В 1940 году был командирован в Западную Украину и Белоруссию, затем в Латвию и в Эстонию, после их присоединения к СССР, для ознакомления с положением там Церкви. 24 февраля 1941 года состоялось назначение митрополита Сергия на Виленскую и Литовскую кафедру с присоединением титула – Экзарх Латвии и Эстонии. С началом войны митрополит Сергей не эвакуировался, а остался в оккупации. Он был арестован тайной полицией (гестапо), поскольку она располагала многочисленными свидетельствами о том, что митрополит Сергей – агент советских спецслужб. 42-летний митрополит сильно рисковал, но он сумел убедить немцев, что на самом деле он является врагом большевистской власти и готов сотрудничать с германскими военными властями.

целостности весь Экзархат, не позволив его разделить на несколько мнимо независимых церквей-епархий, но и смог противостоять местным националистическим тенденциям, которые могли привести к внутрицерковному расколу. Ему удалось отстоять церковное единство не только в пределах территории Экзархата, но и его единство с Московской Патриархией. Огромной заслугой митрополита Сергия было его попечение о военнопленных красноармейцах. Фашисты запрещали общение православного духовенства с военнопленными, очевидно, там проявление лояльности к церкви им было без надобности, но на какое-то время митрополит Сергей добился отмены этого запрета в пределах возглавляемого им Экзархата. Как раз в этот период будущий Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II помогал отцу, священнику Михаилу Ридигеру, духовно окормлять пленных в лагерях Эстонии.

Митрополит Сергей (Воскресенский) взял на себя попечение об оккупированной части Псковской, Новгородской и Ленинградской областей, где было открыто свыше 200 храмов. В Псков им была направлена группа священников, и деятельность Псковской Духовной Миссии оказалась весьма благотворной. Есть прямые свидетельства того, что работа Миссии на приходах даже служила прикрытием и способствовала партизанскому движению. В Вильнюсе митрополит Сергей открыл Богословские курсы. Немецкие власти планировали провести в Риге епископское совещание с целью добиться от митрополита Сергия и епископов отказа от их канонической связи с Московской Патриархией, но оно было сорвано Экзархом. В берлинских архивах сохранились документы, свидетельствующие о том, что митрополит Сергей и его деятельность были как бельмо в глазу для оккупационных властей. В Берлине уже решали, как с ним разделаться, а в Москве он был заочно предан суду, «как перешедший на сторону фашизма». 29 апреля 1944 года на пустынном участке шоссе Вильнюс – Рига машина Патриаршего Экзарха Прибалтики митрополита Сергия была расстреляна автоматчиками. Митрополит Сергей и его спутники погибли. Убийство главы Экзархата было списано фашистами на местных партизан националистического толка – «зеленых братьев».

Кто на самом деле причастен к убийству Экзарха Сергия, до сих пор точно не известно.

Два Сергия, – Патриарх и Экзарх Патриарха, – явились знаковыми фигурами своего времени, воплотив в своей судьбе два пути Русской Православной Церкви во Второй мировой войне. Они оба были патриотами, оба шли на компромиссы с властями, оба не дожили до конца войны, и до сих пор их решения и действия находят как сторонников, так и противников.

Русская Православная Церковь стала заложницей Берлина и Москвы, которые стремились использовать ее в своих политических целях. С фронта постоянно приходили шифровки, в которых этой проблеме уделялось большое внимание. Вот как в одной из них оценивалась немецкая религиозная политика в 1942 году: «Немецкое командование широко использует в своих

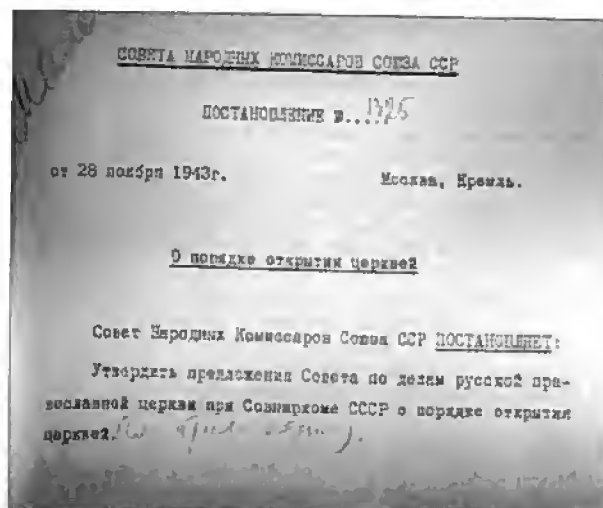
целях Церковь. Ряд церквей, особенно в Дновском районе (Псковской области), восстановлены, и в них проходит богослужение... Особенно большая служба была в городе Дно в июле с крестным ходом по случаю годовщины оккупации города... На этом сборище присутствовали представители германского командования».

Советское правительство также стало понемногу менять свою религиозную политику.

Летом 1942 г. пятидесятитысячным тиражом была опубликована книга «Правда о религии в СССР», где содержались официальные церковные документы военного периода и статьи большой группы священнослужителей и мирян, посвященные отношению Русской Православной Церкви к войне. В ней указывалось на отсутствие серьезных проблем в церковной жизни СССР довоенного времени и подчеркивалось, что главные исторические невзгоды обрушились на Церковь в СССР только во время немецко-фашистского нашествия. Книга была направлена на реабилитацию религиозной политики советского правительства за рубежом. В 1942 г. митрополит Николай (Ярушевич) был введен в состав Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию немецко-фашистских злодеяний. Комиссия работала в жестких идеологических рамках официальной советской пропаганды и должна была, в частности, представлять примеры разрушения храмов и репрессий против православного духовенства на оккупированной территории (ей же принадлежит попытка приписать немцам уничтожение в Катыни 14 тысяч польских офицеров, расстрелянных НКВД).

Также в 1942 г. была резко сокращена государственная атеистическая пропаганда, формально сохранявшийся «Союз воинствующих безбожников» фактически прекратил свою деятельность, практически полностью прекратились репрессии против православного духовенства, и в Ульяновск стали прибывать за получением назначений на епархии и приходы представители духовенства, многие из которых были освобождены из мест заключения. В конце 1942-начале 1943 гг. советские власти дали согласие на регулярное совершение митрополитом Сергием новых епископских хиротоний. Так из числа овдовевших протонереев в архиепископский сан в это время были возведены архиепископ Саратовский Григорий (Чуков), епископ Ульяновский Дмитрий (Градусов), архимандрит Варфоломей (Городцев) стал епископом Можайским. Назначения на ещё недавно прекратившие своё существование кафедры стали получать архиереи, освобождённые из мест заключения, например, епископ Лука (Войно-Ясенецкий), совмещавший с осени 1942 г. руководство Красноярской епархией с деятельностью военного хирурга, возглавивший или епископ Александр (Толстолятов), возглавивший Мологоскую епархию.

Третий рейх внимательно наблюдал за тем, что происходит в религиозной жизни СССР. Для него было полной неожиданностью, что там также стала возрождаться Русская Православная Церковь. В бюллетене Полиции безопасности от 7 мая 1943 г. указывалось:

Постановление СНК о порядке открытия церквей.

«Как стало известно из Москвы, наплыв жителей в храмы в пасхальные дни был значительным. Этот факт пропагандистски весьма сильно используется и находит распространение прежде всего у союзников».

4 сентября 1943 года НКВД была организована встреча в Кремле Сталина, Молотова и Берни с тремя иерархами Русской Церкви: митрополитом Московским Сергием (Старгородским), митрополитом Ленинградским Алексием (Симанским) и митрополитом Киевским Николаем (Ярушевичем).

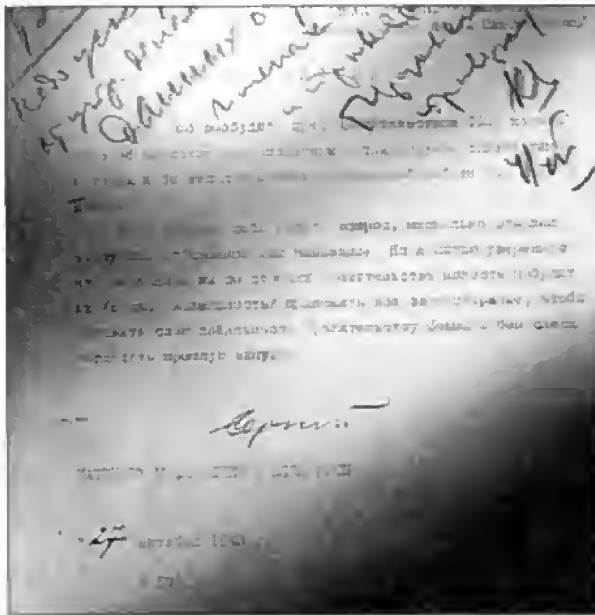
Составленная присутствовавшим на этой встрече начальником 4 отдела третьего управления НКВД по борьбе с церковно-сектантской контрреволюцией полковником Г.Г. Карповым стенограмма воспроизводит её следующим образом.

«Беседа товарища Сталина с митрополитами продолжалась 1 час 55 минут...»

Товарищ Сталин, кратко отметив положительное значение патриотической деятельности церкви за время войны, просил митрополитов Сергия, Алексия и Николая высказаться об имеющихся у Патриархии и у них лично назревших, но неразрешённых вопросах.

Митрополит Сергей сказал товарищу Сталину, что самым главным и наиболее назревшим вопросом является вопрос о центральном руководстве Церкви, что Синода в Советском Союзе нет с 1935 года, а потому он считает желательным, чтобы Правительство разрешило собрать архиерейский Собор, который изберёт патриарха, а также образует при главе церкви Священный Синод как совещательный орган в составе 5-6 архиереев...

Одобрив предложения митрополита Сергия, товарищ Сталин спросил: а) как будет называться патриарх; б) когда может быть собран архиерейский Собор; в) нужна какая-либо помощь со стороны Правительства для успешного проведения Собора (имеется ли помещение, нужен ли транспорт, нужны ли деньги и так далее). Сергей ответил, что эти вопросы предварительно ими между собой обсуж-

Заявление Патриарха Сергия с просьбой об освобождении находящихся в лагерях священнослужителей

дались, и они считали бы желательным и правильным, если бы Правительство разрешило принять для патриарха титул "патриарха Московского и Всея Руси", хотя патриарх Тихон, избранный в 1917 году при временном правительстве, назывался патриархом Московским и Всея России".

Товарищ Сталин согласился, сказав, что это правильно.

На второй вопрос митрополит Сергей ответил, что архиерейский Собор можно будет собрать через месяц, и когда товарищ Сталин, улыбувшись, сказал: "А нельзя ли проявить большевистские теплоты?", — и, обратившись ко мне, спросил мое мнение, я высказался, что если мы поможем митрополиту Сергию соответствующим транспортом для быстрой доставки епископата в Москву (самолетом), то Собор мог бы быть собран и через 3-4 дня.

После короткого обмена мнениями договорились, что архиерейский Собор соберётся в Москве 8 сентября...

Вторым вопросом митрополит Сергей поднял, а митрополит Алексей развил вопрос о подготовке кадров духовенства, причём оба просили товарища Сталина, чтобы им было разрешено организовать богословские курсы при некоторых епархиях.

Товарищ Сталин, согласившись с этим, в то же время спросил, почему они ставят вопрос о богословских курсах, тогда как Правительство может разрешить организацию духовной академии и открытие духовных семинарий во всех епархиях, где это нужно.

Митрополит Сергей, а затем ещё больше митрополит Алексей сказали, что для открытия духовных академий у них ещё очень мало сил и нужна соответствующая подготовка, а в отношении семи-

нарий — принимать в них лиц моложе 18 лет они считают не подходящим по времени и по прошлому опыту, зная, что пока у человека не сложилось определённое мировоззрение, готовить их в качестве пастырей весьма опасно, так как получается большой отсев...

Товарищ Сталин сказал: "Ну, как хотите, это дело ваше, а если хотите богословские курсы — начните с них, но Правительство не будет иметь возражений и против открытия семинарий и академий"...

Затем митрополит Сергей затронул вопрос об открытии церквей в ряде епархий, сказав, что вопрос об этом перед ним ставят почти все епархиальные архиереи, что церквей мало и что уже очень много лет церкви не открываются...

Товарищ Сталин ответил, что по этому вопросу никаких препятствий со стороны Правительства не будет. Затем митрополит Алексей поднял вопрос перед товарищем Сталиным об освобождении некоторых архиереев, находящихся в ссылке, в лагерях, в тюрьмах и так далее.

Товарищ Сталин сказал им: "Представьте такой список, его рассмотрим"...

После этого товарищ Сталин, обращаясь к митрополитам Сергию, Алексею и Николаю, сказал им: "Вот мне доложил товарищ Карнов, что Вы очень плохо живёте: тесная квартира, покупаете продукты на рынке, нет у Вас никакого транспорта. Поэтому Правительство хотело бы знать, какие у Вас есть нужды и что Вы хотели бы получить от Правительства".

В ответ на вопрос товарища Сталина митрополит Сергей сказал, что в качестве помещений для Патриархии и для патриарха он просил бы принять внесённые митрополитом Алексием предложения о предоставлении в распоряжение Патриархии бывшего игуменского корпуса в Новодевичьем монастыре, а что касается обеспечения продуктами, то эти продукты они покупают на рынке, но в части транспорта просил бы помочь, если можно, выделением машины.

№	Имя	Дата рождения
1.	Митрополит Евгений Горьковский	1877 г.
2.	Митрополит Евлампий Уфимский	1878 г.
3.	Митрополит Павел Троицкий	1877 г.
4.	Митрополит Серафим Архангельский	1875 г.
5.	Митрополит Тихон Троицкий	1878 г.
6.	Митрополит Николай Сербский	1876 г.
7.	Митрополит Николай Троицкий	1878 г.
8.	Митрополит Варлаам	1878 г.
9.	Митрополит Григорий Петровский	1878 г.

Список священнослужителей, приложенный к заявлению Патриарха Сергия.

Товарищ Сталин сказал митрополиту Сергию: "Помещения в Новодевичьем монастыре товарищ Карпов посмотрел, и они совершенно не благоустроены, требуют капитального ремонта, и для того, чтобы занять их, надо ещё много времени. Там сыро и холодно. Ведь надо учесть, что эти здания построены в 16 веке. Правительство вам может предоставить завтра же вполне благоустроенное и подготовленное помещение, предоставив вам 3-этажный особняк на Чистом переулке, который занимался ранее бывшим немецким послом Шулейбургом. Но это здание советское, не немецкое, так что Вы можете совершенно спокойно в нём жить. При этом особняк мы Вам предоставляем со всем имуществом, мебелью, которая имеется в этом особняке, а для того, чтобы лучше иметь представление об этом здании, мы сейчас Вам покажем план его"...

Вновь затронув вопрос о продовольственном снабжении, товарищ Сталин сказал митрополитам: "На рынке продукты покупать Вам неудобно и дорого, и сейчас продуктов на рынок колхозник выбрасывает мало. Поэтому государство может обеспечить продуктами Вас по государственным ценам. Кроме того, мы завтра-послезавтра предоставим в Ваше распоряжение 2-3 легковые автомашины с горючим"...

После этого товарищ Сталин сказал митрополиту: "Ну, если у вас больше нет к Правительству вопросов, то, может быть, будут потом. Правительство предполагает образовать специальный государственный аппарат, который будет называться Совет по делам русской православной церкви, и Председателем Совета предполагается назначить товарища Карпова. Как вы смотрите на это?"

Все трое заявили, что они весьма благодарны за это Правительству и лично товарищу Сталину и весьма благожелательно принимают назначение на этот пост товарища Карпова...

Затем, обращаясь ко мне, товарищ Сталин сказал: "Подберите себе 2-3 помощника, которые будут членами вашего Совета, образуйте аппарат, но только помните, во-первых, что Вы не обер-прокурор, во-вторых, своей деятельностью больше подчёркивайте самостоятельность церкви"...

В заключении этого приёма у товарища Сталина выступил митрополит Сергей с кратким благодарственным словом к Правительству и лично товарищу Сталину. Товарищ Малотов спросил товарища Сталина: "Может, следует вызвать фотографа?"

Товарищ Сталин сказал: "Нет, сейчас уже поздно, второй час ночи, поэтому мы сделаем это в другой раз".

Товарищ Сталин, попрощавшись с митрополитами, проводил их до дверей своего кабинета".

Эта знаменательная встреча в народе преобразилась в лубочный рассказ о том, как умный Сергий обхитрил Сталина. На самом деле, встреча была униженной (не в церковном, а в человеческом представле-

Выступление Председателя Совета по делам Русской Православной Церкви т. Карпова на Поместном Соборе.

нии) для будущего Патриарха: одно «чудесное» преобразование т. Карпова из врага Церкви в ее опекуна чего стоит, не говоря уж о несурзности «большевистских темпов» в данном контексте и «отеческой заботе» Сталина о здоровье духовенства, его же стараниями практически и уничтоженного.

8 сентября 1943 г. состоялся Архиерейский Собор, в котором участвовало 19 архиереев, многих из которых доставляли в Москву из мест заключения. На соборе выступил митрополит Сергей с докладом «О деятельности Православной Церкви за два года Отечественной войны». Сделав доклад «Долг христианина перед Церковью и Родиной в переживаемую эпоху Отечественной войны», митрополит Алексий обратился к членам собора с предложением избрать Патриарха: «Я думаю, что этот вопрос бесконечно облегчается для нас тем, что у нас имеется уже носитель патриарших полномочий, поэтому я полагаю, что избрание со всеми подробностями, которые обычно сопровождают его, для нас является как будто бы и ненужным».

Собор принял постановление, обращённое к духовенству и мирянам оккупированных территорий, сотрудничавшим с немецкими властями, в котором в частности говорилось: «Всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, да числится отлучённым, а епископ и клирик — лишённым сана».

Из обращения Собора к советскому правительству: «Глубоко тронутые сочувственным отношением нашего всенародного вождя, главы советского правительства И. В. Сталина к нуждам Русской Православной Церкви и к скромным трудам нашим, её смиренных служителей, приносим правительству нашу общецерковную искреннюю благодарность и радостное уверение, что, ободренные этим сочувствием, мы приумножим нашу долю работы в общенародном подвиге за спасение Родины».

12 сентября в Богоявленском соборе состоялась патриаршая интронизация митрополита Сергия, сопровождавшаяся киносъёмкой в присутствии иност-

Богослужение в храме. Москва. 1943 г. (Кадры кинохроники).

Пасха. Ленинград. 1943 г. (кадры кинохроники).

Благословение уходящих на фронт солдат. Крым. 1943 г. (кадры кинохроники).

Награждение священника-партизана.

АЛЕКСИЯ, МИТРОПОЛИТУ ЛЕНИНГРАДСКОМУ И
НОВГОРОДСКОМУ, ПАТРИАРШЕМУ МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЮ

Благодарю Вас за заботу о детях и семьях
бойцов Красной Армии.

Примите мой привет и благодарность Красной Армии.

И. Сталин

Благодарственная телеграмма Сталина митрополиту Алексию.

ранных дипломатов и журналистов. В этом же месяце в Московской Патриархии был создан Издательский отдел, выпустивший уже в 1943 г. четыре номера «Журнала Московской Патриархии».

8 октября был образован Совет по делам Русской Православной Церкви, который возглавил полковник Г.Г. Карпов, дослужившийся на этом посту до звания генерал-майора государственной безопасности.

27 октября 1943 г. Патриарх Сергий передал Г.Г. Карпову заявление об освобождении находившихся в советских лагерях и считавшихся живыми 24 архиерея, 1 архимандрита и 1 протоиерея. Однако все, кроме одного, упомянутое в списке священнослужители к этому времени либо были расстреляны, либо умерли в лагерях.

С начала 1943 г., по мере наступления Красной армии, открывшиеся в годы оккупации храмы в большинстве случаев уже не подвергались закрытию, а военная контрразведка «СМЕРШ» репрессировала лишь небольшое число священнослужителей, подозреваемых в сотрудничестве с оккупационными властями. Те, кто не подвергался репрессиям, как правило принимались в сущем сане в штат духовенства Московской Патриархии.

Задача, которую поставил себе Сергий в 1925 г., — сохранить и легализовать Церковь в СССР — была выполнена, но дивиденды во внутренней и внешней политике достались «мудрому и доброму» Сталину, Патриарху Сергию — лишь сознание выполненного долга. И по сей день можно услышать термины: «сергианство», «сергианская линия», «сергианцы» от многочисленных противников Патриарха Сергия, не признавших церковь, сосуществующую с атеистической властью. Сторонники же Сергия благодарны ему за то, что огромная страна в годы советской власти не осталась без благотворного влияния церкви и за сохранение церковного единства. Один из них, митрополит Елевферий (Дмитрий Яковлевич Богоявленский), управляющий Западно-Европейскими приходами РПЦ, писал: *«...о русском единомыслии в эмиграции не может быть и речи; а оно-то в существе своем и представляет духовную силу, является прочною основой национального бытия. Скорее его можно ожидать там, в России, ибо единомыслие, как духовный монолит, при исключительных национальных особенностях русского народа создается под тяжелым прессом»* (последовые к книге «Неделя в Патриархии»).

Какова бы ни была судьба Церкви в послереволюционной России, она была неразрывно связана с ее историей, с бедами и радостями ее народа. Русские люди, оказавшиеся оторванными от родины, возвратившись, многое не узнали и не приняли бы, желая вернуть навсегда ушедшее. Необходимо было прожить трагический XX век вместе со страной, испытать вместе с ней гнев, боль, страх и отчаяние, предательство и расплату за него, чтобы быть родным, а не инородным телом. Здесь уместно процитировать Арсения Тарковского: «Живите в доме — и не рухнет дом...»

Биография Алексия I

Святейший Патриарх Алексей (в миру Сергей Владимирович Симанский) родился в Москве 27 октября 1877 года в православной семье. Закончил юридический факультет Московского университета, Московскую духовную академию. В феврале 1902 г. принял монашество с именем Алексей. В том же году был рукоположен во иеродиакона, в 1903 году — во иеромонаха. Назначен инспектором Псковской духовной семинарии.

Впоследствии в сане архимандрита был ректором Тульской, а затем — Новгородской семинарии. В 1913 году рукоположен во епископа Тихвинского. В январе 1921 года епископ Алексей Патриаршим указом был переведен в Петроград с титулом викарного епископа Ямбургского с пребыванием в Александро-Невской Лавре. В этот период особенно выявились в деятельности епископа Алексия два принципа, остававшиеся характерными для него и в последующие годы: верность каноническим началам и лояльность к новому строю.

В 1926 году епископ Алексей был назначен в Новгород с титулом архиепископа Хутынского и вскоре стал членом Синода и ближайшим помощником Митрополита Сергия. В 1932 году он был возведен в сан митрополита, а в следующем году назначен на Ленинградскую кафедру.

Разделяя и претворяя в жизнь мысль Митрополита Сергия о неотделимости Русской Православной Церкви от судеб страны, митрополит Алексей поддерживает церковную декларацию 1927 года. В годы блокады Ленинграда остался со своей паствой.

Патриарх Алексей скончался 17 апреля 1970 года. Погребен в Троице-Сергиевой Лавре.

Священнослужители на Параде Победы 1945 г.

После смерти Патриарха Сергия 15 мая 1944 г. на втором заседании Поместного собора 1945 г. открытым голосованием Патриархом был избран митрополит Алексий, интронизация которого состоялась 4 февраля в Богоявленском соборе в Москве.

На годы Патриаршества Святейшего Патриарха Алексия выпал огромный труд по восстановлению церкви и умиротворению церковных расколов, восстановлению отношений с зарубежными православными церквями. Положено начало контактам Русской Церкви с Римско-Католической Церковью, протестантским миром.

Во время парада победы в июне 1945 г. пять представителей Русской Православной Церкви были приглашены на трибуну почётных гостей и размещены по предложению председателя Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карпова недалеко от иностранных дипломатов, чтобы произвести «благоприятное впечатление на заграницу».

Несмотря на то, что на завершающем этапе второй мировой войны религиозная политика коммунистического режима по отношению к Русской Православной Церкви осуществлялась в рамках, обозначенных Сталиным на встрече с митрополитами 4 сентября 1943 г., советское правительство всячески стремилось сдерживать открытие храмов на территории, не подвергавшейся оккупации, и предпочитало оставлять действу-

ющими лишь храмы, открытые на освобожденной от германских войск территории. В 1944–45 гг. получив 12688 заявлений об открытии 4292 храмов, советское правительство допустило открытие лишь 716 церквей. Общее число храмов, являвшихся действующими к июню 1945 г. составляло 10243. Однако если на территории, которая подверглась немецкой оккупации, количество храмов, находившихся в одной епархии, могло достигать нескольких сотен, то в епархиях Поволжья, Сибири и Дальнего Востока действовавшие храмы исчислялись единицами и десятками. При этом деятельность духовенства на всей территории Русской Православной Церкви по-прежнему жёстко ограничивалась лишь совершением храмового богослужения и сбором пожертвований на нужды Красной армии.

После смерти Сталина религиозная политика советского правительства ужесточилась. РПЦ лишилась трети приходов, вновь закрывались церкви, семинарии, монастыри.

Хрущев потребовал от Патриарха Алексия I (Симанского) вступить во Всемирный Совет Церквей и отрицать факт гонения на верующих в СССР. Духовенство обязывалось пересылать сведения об обратившихся к ним за требами в соответствующие инстанции. Священники, отказывавшиеся сотрудничать, подвергались репрессиям. Гонения 1958–1964 гг. были связаны с грандиозными планами построения материальной базы коммунизма в СССР к 1980 г. Церкви не нашлось места в запланированном земном раю, и её следовало ликвидировать. Хрущев обещал «показать в 1980-м году последнего попа».

Церковь переживала самые худшие свои времена. Если жестокость репрессий Сталина физически уничтожала церковь, создавала ореол мученичества над ней, то приемы Хрущева разрушали церковь еще и изнутри. Но все же отменить легализацию церкви, состоящуюся при Патриархе Сергии, и добить ее окончательно, как и намеревался Сталин, было уже невозможно.

В статье использованы материалы исследований кандидата богословия, протоиерея Г.Н. Митрофанова, кандидата философских наук А.Н. Шевичикова, доктора исторических наук О.Ю. Васильевой, а также конференций РПЦ, РГАКФД (Красногорск).

Крестный ход. 1944 г.

Крестный ход в день окончания войны. 1945 г.

Галина СТЕПАНОВА-КЛЮЧНИКОВА

КАЗАХСТАНСКИЙ АЛЖИР

Фрагмент документального повествования

*А здесь, в глухом чаду пожара,
Остатки юности губя,
Мы ни единого удара
Не отстранили от себя.*
А. Ахматова.

1. Роковое 26

1936 год был на исходе. Ничто не предвещало беды. Правда, все еще продолжал волновать прошедший в августе процесс Зиновьева и Каменева. Вспоминали и убийство Кирова — недоумевали, почему троцкисты убили Кирова в Ленинграде, а не Сталина в Москве? Ведь главный в партии — Сталин. Каждый день все газеты на первой полосе помещают его портрет. По любому поводу жирный шрифт кричит: «Да здравствует великий Сталин!», «Великому гению, тов. Сталину, вождю международного пролетариата — слава!»

В институте на бесконечных семинарах прорабатывали, зубрили проект новой сталинской конституции.

Далекая от политики, я, не задумываясь о смысле слов, четко отбарабанила на экзамене заученное:

«У нас в стране осуществлена первая фаза коммунизма — социализм».

«Сталинская конституция не просто провозглашает демократические свободы, а и обеспечивает их в законодательном порядке».

«Конституция — это полная демократизация политической жизни страны».

Конституция меня совсем не занимала. Ну, что в ней нового? Все знакомые слова. После отметки в зачетной книжке я и вовсе о ней забыла. Занимались концерты, театры. Слушали с Андреем премьеру оперы «Леди Макбет Мценского уезда». Опера удивила своим новаторством, но, наверное, я была еще слишком глупа и закомплексована классикой, чтобы ее оценить по достоинству. Запомнилось другое. После спектакля на аплодисменты зрителей и актеров в ложе поднялся очкастый мальчик и стал угловато раскланиваться. Это был Д. Д. Шостакович. Я была

Спортивный праздник на Красной площади. 1936 г.

поражена. Автору оперы можно было дать не больше восемнадцати лет.

Потом в Большом смотрела его «Светлый ручей». Балет не понравился, сюжет его был похож на плохой вариант колхозной Золушки: колхозник влюбляется в приезжую балерину, забывая свою любимую-колхозницу. Балерина на сцене меняется с колхозницей костюмом и в лиричном па-де-де колхозник понимает свою ошибку и возвращается к своей колхознице, танцующей на пунтах виртуозной балерины.

Какова была музыка? — Не помню и позже никогда ее не слышала.

<...>

Однажды, придя в гости к брату, я была удивлена, почти потрясена тем, как остро, с какой надеждой и радостью ждут люди новую конституцию. Лизавета, жена брата, засыпала меня вопросами:

— Ну, как твоё впечатление? Как ваши встретили проект конституции?

— А что в ней особенного? Я сдала ее в институте и думать о ней забыла.

— Ты дура! Ведь конституция дает право всем гражданам на равенство. Никто не будет подвергаться ссылке и дискриминации за происхождение. Больше не будет «лишенцев».

— Да... — тяну я, вспоминая при этом, что Лизавета — дочь священника, что отец Василий после закрытия церкви в Переяславле-Залеском давно не служит, не работает, живет «лишенцем», а она, скрывая свое происхождение, все эти годы живет тайком в Москве у тети Шуры.

— Да, Лиза, ты права. Я как-то об этом не подумала.

— Это потому, что тебе не пришлось пережить гонения, какие выпали на долю нашей семьи, — с жаром говорила Лизавета. — Мы с мамой здесь скрываемся, а папа без прав, без средств сослан в деревню — сажает картошку под улюлюканье хулиганов. Терпит насмешки, издевательства, но, слава богу, конституция кладет конец нашим мучениям.

Забегая вперед, скажу, что, вопреки посулам конституции, за два месяца до выборов (5 декабря 1937 г.) отец Лизы — священник Василий Малинин — будет арестован и погибнет где-то в тюрьме или лагерях.

В январе 1937 г., как знаменье божье перед всенародным бедствием, Москву опутал зловеющий туман. В трех шагах исчезали прохожие, словно скрывались за матовым занавесом. Город окутала горьковатая, дымная, холодная мгла. Машины шли с зажженными фарами и непрерывно сигналили.

Густое гудение клаксонов сливалось с туманом и мучительно давило виски. Я подвернула ногу. Цельными днями валялась на кровати и читала. Газеты печатали отчеты из зала суда о процессе над троцкистами — предателями, шпионами Пятаковым, Радеком, Сокольниковым. Было страшно и противно читать об их злодеяниях, и я, как за спасительную нить, хваталась за книги Ромена Роллана.

Спортивный праздник общества «Динамо» на Красной площади. 1936 г.

Парад спортсменов НКВД на Красной площади 1936 г.

Андрей приходил поздно. Шумно открывалась дверь, и его высокий, чуть насмешливый голос наполнил комнату:

— Что делает мой очаровательный больной? Голодает и скучает?

— Вот уж нет! Читала до умопомрачения. А что у тебя?

— Сегодня наш академик знакомился с моей работой. Очень заинтересовался, сказал, что геологи давно ждут помощи от математиков, что моя диссертация актуальна и очень перспективна. Говорил, что нужно скорее ее закончить.

— Я всегда знала, что ты у меня гений, — шутила я, — а потому давай чистить картошку.

Лето 1937 г. было в Москве необычно жарким. Солнце утром поднималось над Москвой, не успевшей за ночь остыть, и начинало свой огнедышащий марш по небу, не прикрытому ни единым облачком. Ртутный столбик термометра утром в тени стоял где-то около 25° С, а днем подползал к 35° С.

Кирпичи домов дымились доменным жаром. Асфальт тротуаров размяк. Подошвы липли к нему, а каблукки оставляли глубокие ямки.

Днем и ночью по городу с воем носились пожарные машины, горели сараюшки, куда перебрались из коммунальной тесноты и духоты москвичи, загорались подмосковные леса, горели торфяные болота. Ветер приносил едкий горьковатый дым. Дышать было трудно от жары и гари.

Обыватели шептали о вредительстве. Говорили, что иностранные шпионы, диверсанты, вредители жгут дома, поджигают лес. Газеты и радио зывали к бди-

тельности, к разоблачению врагов народа, предателей, шпионов, и неизменно с первых полос газет глядел «великий Сталин — вождь мирового пролетариата и лучший друг всех народов».

Подстрекаемые газетами, а может быть, намеренно кем-то распространяемые, ползли байки об арестах поджигателей-шпионов, лесников-террористов, иностранных диверсантах и бог знает каких еще злодеев.

И тут, как обухом по голове, новый судебный процесс над прославленными полководцами — Тухачевским, Гамарником, Якиром, Уборевичем.

Потрясенный народ недоумевал — чего им недоставало? Все — участники Октябрьской революции, гражданской войны, орденосцы. В таких высоких чинах ходили, такими почестями, властью обладали и, на тебе, стали шпионами, изменниками Родины, предателями, — невысказано!

А солнце продолжало терзать людей и природу. Желтели и падали с деревьев листья, зловеще шурша под ногами. Особо чувствительные к засухе березы оголились. Обвисла, пожухла сочная листва тополей.

<...>

Спасаясь от жары, мы уехали в Сочи, где было значительно прохладнее, чем в Москве. Вернулись в конце августа. Наш большой, военного ведомства дом на Волочаевской улице встретил необычной тишиной. По длинным коридорам не гоняли, как раньше, дети на трехколесных велосипедах, на широких лестничных площадках не собирались вечерами посудачить жены военных.

Спортивный праздник общества «Динамо» на Красной площади. 1936 г.

Наша соседка Ольга Тимофеевна, жена преподавателя Военно-танковой академии, рассказала, что многие квартиры в доме опечатаны. Жившие в них военные были пособниками изменников Родины, Тухачевского, Якира, Гамарника и других врагов народа. Теперь их тоже разоблачили, а их жены и дети куда-то исчезли. Мы поудивлялись и только. Нам-то что до этих арестов? Нам, не связанным ни с контрреволюционерами, ни со шпионами, ни с вредителями, ни с троцкистами – нам все это ни к чему, нас это не касается!

О, наивность! О самообман!

Люди! Если вы живете в режимной стране – Гитлера, Сталина, Мао Цзэдуна, Дювалье, Пол Пота или еще какого-нибудь диктатора – нет у вас гарантии, не может быть уверенности, что завтра за вами не придут, не арестуют по доносу или вовсе безо всякой причины, лишь потому, что верховный правитель для упрочения своей власти решил уничтожить несколько сот тысяч, а в нашей стране десятки миллионов людей. Уничтожить для устрашения, безгласного подчинения и рабского труда всех оставшихся.

Люди! Не ищите причин, не надейтесь, ограждая себя аполитичностью, – в стране, где властвует диктатура, всегда будет царить угнетение, террор, насилие, убийство.

<...>

В сентябре начались занятия в институте. Шумные встречи после летних каникул:

– Как Леночка загорела, похорошела!

– Ой, девочки, что за дивное лето было!

Обнимались, хохотали, перебивая друг друга, рассказывали свои немудреные похождения. Пьянели от перелопынявшего нас счастья молодости. Потом, когда поутихли эмоции первых встреч, с удивлением узнали об исчезновении многих студентов и преподавателей. Арестованы! Особенно поразил всех арест директора нашего института Лизарева. Он был старый большевик. До революции, отбывая ссылку, лично знал Ленина, в институте пользовался огромным авторитетом. И вот теперь арестован! Как же так? Заслуженный партиец, председатель комиссии по чистке... Вспоминалось, как проходила эта чистка партии 1934 года. Студентов обязывали присутствовать на ней. Зал клуба МИИТа был переполнен. Обычно мы сидели на галерке. На сцене – длинный стол под красным сукном, за ним человек восемь комиссий, а председатель – седой, старый – наш директор, безупречный, как сама совесть партии.

Чистка походила не то на плохой спектакль, не то на страшный суд. «Чистившийся» выходил на сцену, вставал лицом к залу и начинал рассказ о себе. Краснея и волнуясь, он перечислял своих близких и дальних родственников, вспоминал свое происхождение (конечно, пролетарское), свою рабоче-крестьянскую биографию и клятвенно заверял, что никогда не примыкал к троцкизму.

А в это время на сцену передавали записки с вопросами. Потом председатель зачитывал их.

– Ты говорил, что родители крестьяне, а вот сообщают, что отец твой подкулачник и был сослан?

– Нет, – спешил оправдаться подсудимый, – отец мой добровольно уехал, завербовался на шахту, где и сейчас работает.

– Почему ты разошелся со своей первой женой, колхозницей, и женился на мещанке?

– Я уехал из деревни перед коллективизацией, – волнуется «чистившийся», – а моя первая жена не захотела бросить свое хозяйство, не поехала со мной в Москву. А вторая моя жена не мещанка, а учительница.

Потом ему задавали еще какие-то нелепые, а часто бестактные, оскорбительные вопросы.

Так проходила чистка 1934 года. И вот теперь председатель комиссии, директор института, недосягаемый партийный авторитет, – арестован! Значит, все годы ловко маскировался? Непостижимо!

А тут еще другая новость. Арестован Миша Раевский. Первый красавец, умница, доцент Раевский. Он вел курс теоретической механики. Половина девочек института была в него влюблена. Все знали, что он отпрыск знаменитой фамилии князей Раевских, героев 1812 года. Посмеиваясь, передавали историю о том, как однажды на консультации у него из-под галстука выпал золотой крестик на тонкой цепочке. И вот теперь Миша Раевский арестован! Такой скромный, милый. Неужели за крестик? Невероятно!

Исчез из нашей группы Коля Соломахо – славный интеллигентный мальчик. Он так хорошо танцевал. За что? Непонятно!

Несчастье обрушилось на нас с приходом жены младшего брата Андрея. Маленькая, убитая горем, вся в слезах, она рассказала, что прошедшей ночью арестовали Василия.

Василий приехал в СССР в начале 30-х годов, когда из Польши и других стран, охваченных кризисом и безработицей, люди ехали на заработки, на строительство первой пятилетки, первого в мире социалистического рабочего государства. А Василий приехал еще и потому, что в Москве был его старший брат Андрей – высокий пример и гордость семьи. В Москве Василий женился на фабричной девчонке, работал вулканизатором в гараже и успел обзавестись двумя ребятишками.

Жили они скудно. Андрей помогал им, за что жена Василия стирала нам белье. Известие нас потрясло:

– Как арестован? Может быть, он совершил какой-нибудь уголовный поступок, – расспрашивали мы ее. – Может, украл что-нибудь? Она качала головой и плакала, а когда сказала, что при обыске допрашивали, где прячет оружие, которого у него никогда не было, – мы онемели. После ее ухода Андрей, бледный, взволнованный, не мог удержаться от обвинений.

– Подлец, какой подлец, – повторял он, шагая по комнате, – ох, подлец Василий. Он, оказывается, был не тем, за кого себя выдавал. Значит, его кто-то запутал, завербовал в Польшу.

Ну, подожди, – пыталась я успокоить его, – может быть, это еще и недоразумение, может быть, ошибка и его выпустят.

– Нет, – не унимался Андрей, – у нас зря никого не арестовывают. Он подлец, и мне придется за него отвечать. О его аресте я должен заявить в свою партийную организацию.

– Ты-то тут причем, – старалась я его успокоить, – брат за брата не отвечает. Он приехал из Польши с разрешения нашего правительства, его всесторонние проверяло НКВД, жил он отдельно от тебя. Ты с

ним редко, встречался, жена его лишь к нам заходила. Как же ты можешь отвечать за его поступки?

– Дорогая моя, ты не знаешь, какая сейчас обстановка, как люди встречают такие известия.

– Нет, Андрей, – говорила я, – твоя жизнь безупречна, и тебе нечего опасаться.

Андрей родился в белорусской семье, в деревне Плещаны Вальневской губернии. В семье было четверо детей. В школе способный мальчик был любимцем местного учителя. Тот уговорил отца послать Андрея учиться в город, выхлопотав ему какую-то стипендию. Однако учение было коротким. Началась война 1914 года. Отец погиб на фронте. Мать с трудом кормила семью. Все ребяташки помогали ей в хозяйстве, а старшая, Евка, нянчила детей у местного пана.

Андрей, проработав весь день в поле, вечером бежал в школу к своему учителю и погружался в книги. Мальчику особенно нравилась математика. Решение трудных головоломных задач доставляло удовольствие.

Революцию Андрей встретил восторженно. Она сулила столько хорошего, а главное – возможность учиться. В 1918 году гражданская война каким-то западным крылом смела деревенское спокойствие. Синеглазый парнишка пошел в Красногвардейский отряд. На курчавую голову надел буденовку, а потом в карман гимнастерки положил красноезвездный партийный билет. Гражданская война носила его по южным степям России, забросила на Северный Кавказ, где в бою пуля, словно иглой, прошила легкое. Потом сыпняк чуть было не прикончил все его надежды. Война окончилась, Брестский мир навсегда, навсегда лишил Андрея возможности вернуться на Родину. Его деревня, мать и все родные остались за кордоном, в отделившейся от России Польше. Семью заменила армия. Когда минула необходимость стрелять, он стал вести ликбез среди красноармейцев. По счастливой случайности его часть перевели в Казань. Сбылась давняя мечта. Работая в поплатделе, Андрей поступил на вечерний факультет Казанского университета, который блестяще окончил. Потом аспирантура при МГУ. Работа доцентом на кафедре высшей математики Военно-воздушной академии им. Жуковского, в Московском институте инженеров железнодорожного транспорта и диссертация в аспирантуре геолого-разведочного института. Чего опасаться человеку с такой биографией?

Через два дня после сообщения об аресте Василия, Андрей, возвратясь из института, сказал, что его дело будет рассматриваться на закрытом партсобрании. Так началось для нас «чистилище». Все внешне оставалось по-прежнему, но душа была скована страшным ожиданием, гнетущим предчувствием несчастья.

Собрание должно было быть в геолого-разведочном институте, где он готовил диссертацию «Математическая статистика и теория вероятности в подсчетах полезных ископаемых». Мы пошли вместе, я проводила его и осталась ожидать конца собрания. Время тянулось мучительно долго. Иногда незнакомые люди выходили на лестничную площадку. Курили, главели на меня, уходили. Я ждала под лестницей, скованная, озябшая, перепуганная. Было очень поздно, когда показался Андрей. Лицо его меня поразило – оно было бледно-серым. Молча взял он меня под руку, и мы вышли на улицу.

– Что?

– Исключен...

Я почувствовала, как на мгновение у меня замерло сердце, а к горлу подступила тошнота. Остановилась, чтобы передохнуть. Потом подняла голову. По глазам резанули синие полосы и россыпь красных звезд американского флага.

– Что это? – Мы шли мимо американского посольства, и огромный флаг хлестал фасад дома Жолтовского. Заглянула в глаза Андрею – опять поразила их синева, как на флаге.

– Неужели окончательно?

Его глаза тоже следили за флагом, и когда мы прошли мимо, опали вниз на мокрый тротуар.

– Совсем.

– Но ведь можно куда-то написать, просить пересмотреть решение, бороться?

Я все заглядывала ему в глаза, стараясь поймать их синеву, а глаза прятались, словно что-то искали на мокром асфальте.

Потом тихо и, казалось, спокойно, он ответил:

– В наше время это смертный приговор.

«Приговор, смертный приговор» – эхом пронеслось в моем мозгу, и я почти закричала:

– Что ты говоришь? При чем тут смерть? Пусть беспартийный, пусть безработный. Ты умница, сильный, энергичный, талантливый. Будем жить! Ты же любишь меня? Я брошу институт, пойду работать, поступлю на строительство метро! Ну? При чем тут смерть?

Я лепетала ненужные, случайные слова. Мысли разбегались, как мальки на отмели от брошенного камня.

– Не надо, милая, – остановил он меня, – зачем ты так? – И глухой, через спазм вздох, похожий на рыдание, потряс меня.

Еще за минуту такая молодая, наивная, неопытная, я вдруг все поняла, постарела, сжалась.

– Я должна быть сильной, – сказала я себе, – сильнее этого большого, но убитого горем мужчины.

И потекли дни. Каждый день приносил новую беду. Сразу же Андрея отчислили из аспирантуры. Через три дня был приказ по академии Жуковского об увольнении за «отсутствием учебных часов». Потом такой же приказ по МИИТу.

Я продолжала ездить в институт. Андрей уже никуда не ходил. Хмурый, молчаливый, он целыми днями сидел за письменным столом, работал над диссертацией, о чем-то думал, чего-то ждал. И все же мы не были готовы. Ждали всего, но не этого.

Они пришли ночью 26 октября. Было далеко за полночь, когда раздался звонок, а потом стук в дверь. Вошли трое в серых коверкотовых пальто и дворник.

– Ключников Андрей Михайлович? Вы арестованы, – сказал один из них и протянул ордер.

– Прошу сидеть на месте.

Привычно и неторопливо они принялись за обыск. Двое занялись столом и книгами, а третий взялся за мои вещи. Он вытряхнул на кровать содержимое сумочки, открыл чемодан и стал выбрасывать из него женское белье. Я с ужасом наблюдала за ним. Лицо у него было круглое и по-бабьи мягкое. Маленькие, близко посаженные глаза за белесой щетиной ресниц не выражали ни одного человеческого чувства. Но самым примечательным в его лице был рот.

Верхняя челюсть с припухлой губой выдавалась вперед, заметно не совмещалась с куцым подбородком. Рот его был полуоткрыт и все время производил жевательное движение, стараясь дотянуть и поставить на место нижнюю челюсть. Он перетряхивал мои рубашки, трусики, а я сидела на краешке кровати, смотрела на его лицо и дрожала. Несмотря на теплый халат, меня била дрожь, исходящая откуда-то изнутри. Зубы стучали, и мучительно хотелось по-маленькому. Прошло полчаса, час.

– Мне нужно в уборную, – не выдержала я, но они оставили мои слова без внимания. Я вся тряслась.

– Послушайте, – вступился Андрей, – ей надо в уборную. Вы видите, ей нехорошо.

– Проводи ее, – кивнул главный куцему.

– Пойдем, – сказал тот, и мы вышли. Я хотела закрыть за собой дверь уборной, но он удержал ее:

– Не положено.

Это было первое оскорбление моего человеческого достоинства. Попирание женской стыдливости. Сколько же их будет потом... Только к утру они закончили обыск.

– Собирайтесь!

Я совала в чемодан Андрею какое-то белье, мыло, полотенце, носки, конечно, не положила одеяло, подушку, теплые вещи. Прощаясь, он обнял меня, поцеловал и сказал:

– Я ни в чем не виноват. Это недоразумение. Там разберутся. Я вернусь.

Все ушли. Я слышала, как прошумел лифт, потом на улице заурчал мотор автомобиля. Внезапно в сердце ударило предчувствие: он больше не вернется! Я вскочила на подоконник, распахнула окно и в темноту, вслед убежавшей машине в безумной тоске закричала: «Андрей, Андрей, Андрей, Андрей...». Огни машины посветили по улице, завернули на Дворцовый мост и навсегда скрылись за домами. Навсегда...

Утром я бежала из этой разгромленной комнаты, где на полу валялись горы растрепанных книг, бумаг, носильных вещей, где царил катастрофа. Я бежала к маме, забыв захватить даже свои вещи. Вернулась через два дня и нашла комнату опечатанной. Зашла в приемную НКВД на Кузнецком мосту. Отстояла день в очереди и услышала ответ: «Местонахождение Вашего мужа неизвестно, определится через месяц».

Потянулись дни ожидания. Я ходила по улицам, занималась в библиотеке, ездила по Москве и везде вглядывалась в толпу. Везде были они. Сколько же было их? Я сразу узнавала энкаведистов по униформе. Длинные коверкотовые пальто и под ними военные сапоги. На голове могли быть кепка, шляпа, а под штатским коверкотом – военное сукно.

Каждый день газеты выходили с большим портретом Сталина. Восхвалялась самая демократичная, самая справедливая сталинская конституция. От имени народа – самого счастливого, самого свободного во всем мире народа – газеты славил лучшего друга человечества – товарища Сталина.

По радио беспрестанно звучали хвалебные гимны Дунаевского: «Дорогой счастья ведет звезда Кремля», «Я нигде такой страны не знаю, где так вольно дышит человек».

Выборы, первые выборы в советской России были назначены на 5 декабря 1937 года. Этот день

объявлялся всенародным праздником, но мне не довелось увидеть премьеру этого фарса.

II. Бутырка

За мной пришли 26 ноября, опять ночью и опять 26-го. На этот раз я не плакала, не дрожала. Какое-то сосредоточенное спокойствие овладело мной. Без волнения смотрела я, как перетряхивают все в комнате, как от горя ломает руки мама.

– Собирайтесь. – Я стала надевать свое легкое демисезонное пальто.

– Нет, подожди, – опомнилась мама, – зима на носу. Надевай мое зимнее пальто. – Она металась по комнате, всовывая мне в чемодан свое белье, меховую шапку, чулки. Сбегала в чулан и принесла старенькие, но крепкие, подшитые кожей валенки. О! Как потом пригодились они мне, как спасали от сибирских морозов. Я благословляла это мамино наитие. Но одеяла она мне тоже не положила. Виною, наверное, был Ярошенко. Помните картину «Всюду жизнь»? Арестант едет в тюремном вагоне в Сибирь, с ним его семья. Из окна ребенок кормит голубей. Все улыбаются. Или его «Заключенный». В каземате из зарешеченного окна солнце отбрасывает свет на стену и на кровать со скомканной простыней, подушкой, одеялом. Арестант встал на стол и смотрит в окно на божий мир. Вот так, по Ярошенко, мы представляли тюрьму, этап. Потому-то ни я, ни мама не собрали в тюрьму одеяло, подушку.

Меня усадили на заднее сиденье автомобиля между двух энкаведистов. И тут я как бы раздвоилась. Отделилась сама от себя. На все происшедшее стала смотреть посторонними любопытными глазами. Машина минула Семеновскую площадь, Елоховский собор, завернула на Кировскую и по переулку подкатила к Лубянской цитадели. Бесшумно отодвинулись металлические ворота и также бесшумно задвинулись за нами. Какими-то узкими и низкими коридорами мы вошли в комнату, чем-то напоминающую больницу приемную. Здесь провожающие сдали меня конвоирам и ушли. Сидящая за столом девица занесла мою фамилию в толстую книгу, туда же припилила ордер на арест и махнула рукой конвоиру: «Ведите». Опять шли узкими коридорами с частыми железными дверями. Перед одной остановились, открыли и втолкнули меня в крохотный чулан-камеру. Она была без окон, свежепобелена и освещена яркой лампой, висящей под потолком.

В углу на чемодане сидела молодая женщина и плакала. Когда дверь захлопнулась, она обратилась ко мне:

– За что вас арестовали?

– Не знаю. По-моему, ни за что. У меня муж арестован.

– У меня тоже. Кто ваш муж?

– Доцент математики.

– А мой – помощник Туполева. Слышали о нем?

– Конечно. А сам Туполев?

– Его забрали раньше моего мужа.

Она назвала свою фамилию – Черышева и тут же разрыдалась. Стала рассказывать, как ее арестовали, как в квартире остались двое маленьких детей. Она плакала и все говорила, что потеряет детей, что в Москве у них нет родственников, а соседи и знакомые запуганы. Она все говорила и плакала, плакала.

Временами в железной двери лязгал глазок, и кто-то наблюдал за нами. Часов у нас не было. Мы были вне времени. В нашем белом каменном ящике ослепительно ярко горела лампочка.

Внезапно открылась дверь, и к нам вошло, вернее, ввалилось что-то непомерно большое и круглое. Круглым были большой живот и зад, оттянутый романовским полушубком, круглая голова, замотанная в шерстяной платок. Круглые узлы громоздились спереди и сзади странной фигуры. Она остановилась, скинула с плеч свои узлы, опустила на пол увесистую сумку и пробасила:

— Здравствуйте, бабоньки. Давно здесь сидите?

— Ночью нас привезли.

— Ну, а сейчас утро красное. Со мной им долго повозиться пришлось. Торопили, да я не спешила. Она скинула с себя меховой полушубок, удобно усесться на одном из узлов, размотала платок, и мы увидели улыбающееся лицо пожилой женщины.

— Ревете? — словно удивилась она, разглядывая наши заплаканные лица, — давно бы привыкнуть пора. Давайте лучше есть пирожки. У меня они свеженькие. Каждый день подорожники в тюрьму пекла.

— Как подорожники? — опешили мы. — Разве вы ждали, что вас арестуют?

— А то как же? Мой муж старый партработник. До революции я с ним в ссылке, в эмиграции была. Как забрали его, — я сейчас окольными путями о других товарищах узнавать стала. Одного, другого, третьего нет. Значит, под метелку всех забирают и жен прихватывают. Какую сразу, какую погоя.. Вот я и пекла подорожники, да пожитки нужные складывала.

Нет, ничего этого мы не знали, не думали, что так могло случиться.

Бабка сунула нам по пирогу и большому яблоку. Только мы хотели ее подробно расспросить, как ее вызвали. Она забрала свои узлы, пироги и ушла, помехав нам рукой. Опять бесконечно тянулось время. Два раза нас выводили в уборную. Но вот вызвали меня. Минувя длинные коридоры, вывели во двор, и я поняла, что опять наступила ночь. Небо было темным и позимнему хмурым. Меня подвели к фургону и впахнули в заднюю дверцу. Но все же я успела рассмотреть, что это — светло-синяя машина, без окон, с надписью «Хлеб». Так вот что за продукты развозят по Москве в крытых автофургонах!

В фургоне было темно, но кто-то взял меня за руку и усадил на скамью. Какая-то женщина заговорила, но из-за дверцы последовал окрик: «Молчать!».

Каждый раз, когда открывалась дверца, к нам вталкивали новую узницу. Вот уже все скамейки заняты. Последние мостятся на полу. Звякнули ключи — это нас заперли снаружи, и мы поехали. Все сразу заговорили: «Я такая-то, моя фамилия такая» — искали знакомых. Куда нас везут? Повернули направо, прямо. Догадались — везут по Большой Дмитровке в Бутырскую тюрьму. Тюрьма, как я потом узнала, жила ночной жизнью. Привозили заключенных, вызывали на допросы, отправляли этапы — всегда ночью. Наша тюремная обработка длилась всю ночь. Сначала раздели догола, отобрали шпильки, заколки, пояса с резинками. Подвергли унизительному осмотру тела. Потом надзирательница швырнула из чемодана смену белья, полотенца, мыльницу. Остальное заперла, навесив на чемодан бирку. Конвой повел к фотографу.

Долго петляли по коридорам. Чулки без пояса падали, мешали идти. Потом мы приспособились обходиться без резинок — туго винтом закручивая чулки под коленом. Точно воров, убийц, снимали в профиль, анфас, печатали краской каждый палец.

Баня. Полуголые мужчины принимают в пропарку одежду, раздают мизерные кусочки мыла, нагло высматривают, высмеивают нашу наготу. Голые, несчастные, беспредельно униженные, долго стоим мы перед дверью в мыльную — там еще кто-то моется. Слышится ругань надзирателей.

Так прошла вторая ночь после ареста.

Было совсем светло, когда нас поодиночке стали разводить по камерам. Один конвой впереди — другой позади. Первый все время стучал связкой ключей о пряжку ремня. Это был сигнал предупреждения — ведут заключенного и никто не должен с ним встречаться. Если же нельзя было разминуться, то заключенного закидывали в специальные каменные карманы, устроенные в стенах, или поворачивали лицом к стене с поднятыми над головой руками.

Против одной из дверей мы остановились. Конвой долго искал в своей огромной связке нужный ключ. Нашел, отпер дверь, грубо впахнул меня и тут же захлопнул ее.

Зрелище, представшее передо мной, было потрясающим. Несметное количество женщин, растрепанных, полуодетых, в одном нижнем белье, стояли на нарах и трясли в руках какие-то тряпки. Одна почему-то все время приседала, а седая старуха в голубом трико стояла в позе боксера и кулачком дубасила кого-то в воздухе. Я обомлела. «Меня закинули в камеру умалишенных», — подумала с ужасом.

Но тут град вопросов посыпался на меня:

— Кто вы? Польша? Харбинка? Жена? Когда арестовали? Что на воле? О чем пишут в газетах? Что говорят люди?

Я молчала, тарасила испуганные глаза и жалась к двери.

— Да опомнитесь, не бойтесь, отвечайте, — заговорила со мной пожилая женщина.

— А это кто? — указала я на старуху в трико. — И почему вы все что-то трясете?

— Ах, эта! Да она просто делает физзарядку, чтобы размять затекшие руки и ноги, а трясем мы выстиранное в уборной белье — сушим его. Так кто же вы?

Ответив на все вопросы, я огляделась. Камера была размером примерно 6х6 м. В ней было два зарешеченных окна с глухими наклонными щитами-намордниками снаружи, оставлявшими вверху лишь маленький открытый прямоугольник, в котором виднелся кусочек неба.

Всю камеру занимали сплошные голые деревянные нары, оставлявшие свободным лишь небольшое пространство у двери. Здесь стоял металлический бак-параша. Было жарко. Пахло мочой и потом.

В этой камере с кирпичным сводчатым потолком находились 75 женщин. Одних уводили, других приводили, но это количество всегда оставалось неизменным.

Говорили, что в такой камере раньше помещалось 5—10 человек, но в 1937 г., высокоурожайном на заключенных, в нее закидывали 75 человек. Конечно, разместить всем на нарах было невозможно. Потому вновь прибывшие должны были спать под нарами

на голом цементном полу. Таких горемык было человек 10–15. Когда кого-то вызывали с вещами, происходила общая передвижка. Освободившиеся места занимали их соседи, а горемыки из «преисподней» выбирались на нары у параша. Лучшими считались места у окна – там помещались старожилы. Но и на лучших местах спать было можно только в скрюченном положении. Мы были не как селедки в бочке, а как кильки в маленькой круглой банке. На хажую из нас приходился участок нар около 30 см в ширину и чуть более метра в длину. Если кому-то во сне случилось повернуться на другой бок, то за ней должен был повернуться весь ряд. Лечь на спину или вытянуть ноги – было невозможно.

Если кто-то вставал, его место моментально исчезало, – так заплывает след человека, идущего по болоту.

В камере было душно и жарко. Несмотря на зимнюю погоду, окна не закрывались. Вечером мне пришлось лезть под нары. Там было темно, грязно и холодно. Воздух из окна не освежал камеру, а холодным душем падал вниз. После двух бессонных ночей даже цементный пол показался желанным.

Подстелив одну полу пальто под себя, укрывшись второй половиной и подложив под голову чахлый узелок, я уснула.

Через несколько дней ночевки под нарами я почувствовала боль в горле. К вечеру меня бил озноб. Наступила ночь, и я опять улеглась под нары. На утреннюю поверку уже не поднялась. С трудом женщины вытащили меня из-под нар. Я вся горела и теряла сознание. Меня положили у параша. Стучали надсмотрщицу, просили прислать врача – все тщетно, лишь на вечерней поверке конвоир передал для меня таблетки стрептоцида.

Эта ангина, перенесенная в Бутырской тюрьме, оставила мне на память ревматизм, который мучит меня всю жизнь.

Попав в тюрьму, я сразу поняла, почему были арестованы Василий и Андрей. В камере было много «полек». Все они имели несчастье приехать из Польши или переписывались с родственниками, оставшимися в Польше, отделившейся после революции от России. Их всех обвиняли в шпионаже, заставляли пытками подписывать признания.

Другая большая часть арестованных были харбинки. Служащие, дети и жены железнодорожников, живших в Харбине и работавших на Китайско-Владивостокской железной дороге, принадлежавшей России. Дорога эта, по договору с Китаем, была построена при Николае II. Она связывала Россию с Порт-Артуром и Дальним и обслуживалась русскими.

В начале тридцатых годов советское правительство продало КВЖД Японии, оккупировавшей этот район Китая. Тогда-то в торговле Москвы появились добротные японские товары.

В это время и возвратились с КВЖД русские железнодорожники. Сейчас они все были арестованы и обвинялись в шпионаже.

Третья группа нашей камеры, и, пожалуй, самая значительная, – жены и дети арестованных.

Одну, молоденькую, звали Геля (фамилию забыла). Она была дочерью еврея-коммуниста, эмигранта, бежавшего из фашистской Германии сначала во Францию, а потом в СССР.

Вся семья Гели была арестована. Она сидела на Лубянке, потом ее перевели в Бутырку. Гелию часто выводили на допрос. Возвращалась она под утро с отеками красными глазами. Следователь сочинял ей разное, а когда она отказывалась подписывать, сшибал с ног и бил ее головой об пол.

Потянулись страшные дни ожидания и надежд. Вызываемых с вещами женщин провожали на волю. А как же иначе? Разобрались в их невинности и отпускают.

Хоть имевшие «свое» дело говорили, что под угрозами и побоями они подписали признание о не совершенных преступлениях – так это же все неправда!

Многие подписывали на себя еще потому, что «так надо». Почему, отчего, кому это нужно «так надо» – никто не знал и не мог объяснить. Но это магическое «так надо» ходило из камеры в камеру. Была ли эта нелепость рождена абсурдностью ареста без вины и обвинений в преступлениях без преступлений или это была провокация НКВД для ускорения и облегчения их мерзкой работы?

Несмотря на явную абсурдность, эта провокация имела успех у многих, чья воля и психика были сломлены. И все же все, находившиеся в камере предварительного заключения, все, не подписавшие и подписавшие на себя, ждали, надеялись, верили, что кто-то мифический, кто-то главный разберется, убедится. Некоторые были арестованы летом, не имели ни теплых вещей, ни обуви, не ходили даже на десятиминутную прогулку. Получившие извещение о денежном переводе были счастливы. Не деньги важны, важно то, что на воле кто-то остался из родных, кто-то помнит о тебе. Но многим передач не было. К концу месяца я тоже получила извещение. Значит, мама нашла меня, она на свободе.

Питание в тюрьме было скудным. Пайка хлеба, утром ложка каши, в обед чашка баланды, на ужин черпак каши-размазни. Ни жира, ни сахара. Все время хотелось есть. Раз в 2 недели был ларек. Две женщины под конвоем шли в тюремный магазин и приносили на 10 руб. чеснок, сахар. В тюрьме у всех прекратились менструации, хотя некоторые сидели по полгода и больше. Они долго не возвращались и в лагерях. Возможно, нам что-то подмешивали в пищу.

Прошел месяц после ареста, а меня никуда не вызывали, ничего не спрашивали, ни в чем не обвиняли. Эта неопределенность пугала. Но вот однажды ночью тюремщик выкрикнул мою фамилию – «Собирайтесь без вещей». Значит, на допрос.

Мы поднялись на верхний этаж, прошли светлым, чистым коридором и остановились против одной из дверей. Конвоир впустил меня в комнату, а сам остался за дверью.

Комната была маленькая. Слева стоял письменный стол, за которым сидел следователь. Это был мужчина лет тридцати, смуглый, с довольно красивыми чертами лица. Перед ним стоял маленький столик и стул для допрашиваемого.

На стене, над головой следователя, большим лиловым сиянием растекалось чернильное пятно. Подтеки убегали за плинтус.

– Кто-то запустил ему в голову чернильницей, – мелькнула догадка. – Может, Андрей!

Следователь попросил меня сесть. Потом положил перед собой лист бумаги и стал задавать анкет-

ные вопросы. Записывая мои ответы, он несколько раз отодвигал ящик стола и, заглядывая в него, вероятно, сверял мои ответы со своими сведениями. Под конец нарочито строго спросил:

– Что вы знаете о контрреволюционной деятельности вашего мужа?

Я ответила, что не знаю за ним такой деятельности и уверена, что ее никогда не было.

Он записал мой ответ. Потом как-то внимательно посмотрел на меня, что-то подумал и протянул мне лист для подписи. Прочитав все вопросы и мои ответы и не найдя никаких подвохов, я подписалась. Он нажал кнопку. Явился конвоир и отвел меня в камеру.

Возвращалась я довольная, уверенная, что теперь, когда даже следователь не предъявил мне никаких обвинений, меня незамедлительно освободят. Через несколько дней меня, действительно, вызвали с вещами. Радостная, почти счастливая, я попрощалась с соседками и весело последовала за конвоиром. Мы пересекли двор и вошли в отдельно стоящее здание – бывшую тюремную церковь. Она была полна женщин с такими же, как у меня, узелками. Нам не пришлось долго ждать. Из отгороженной комнаты вышел военный и вызвал по фамилии первую жертву. Она пробыла там недолго. Вышла неузнаваемой. Лицо ее было бледно, руки дрожали, в расширенных глазах стоял ужас. К ней подбежали.

– Что?

– Восемь лет лагерей, – произнесла она и с рыданием опустилась на скамейку.

Вышла вторая. Слезы ручьем катились по ее лицу.

– Что?

– Восемь лет лагерей, как член семьи изменника Родины.

Все новые и новые обреченные входили и выходили из этой комнаты инквизиции. У всех было по восемь, реже по пять лет лагерей.

Церковь превратилась в преисподнюю горя и отчаяния. Кто-то громко рыдал, кто-то смеялся в истерике, другие молчали, согбенно сидели на скамейках, охватив руками голову. Какая-то женщина металась от стены к стене, взывая к богу:

– Господи! За что посылаешь такое наказание? Что будет с моими несчастными детьми? Спаси и помилуй их, Господи, не дай им погибнуть, святой угодник!

Она упала на колени и, крестясь, клала земные поклоны.

Те, кого еще не вызвали, со страхом смотрели на проклятую дверь.

Вызвали меня. За обычным канцелярским столом сидели двое военных. Один переспросил у меня фамилию и протянул мне маленький листок бумаги:

– Прочитайте и распишитесь.

На официальном бланке НКВД на машинке было напечатано:

«Гр. Степанова-Ключникова Г. Е., 1914 года рождения, решением Особого совещания при НКВД приговаривается к пяти годам лагерей, как член семьи изменника Родины».

– Это окончательно? – еще нашла я в себе силы спросить.

– Окончательно. Распишитесь.

Рука плохо слушалась. Буквы выходили корявы-

ми. Я написала «читала» и подписалась. Выходивших из комнаты уже не спрашивали, что, – спрашивали, сколько.

– Пять лет.

Я отошла, села на скамейку, уткнула голову в колени и заплакала. Сначала плакала молча, потом стала тихонько выть.

В 23 года 5 лет – это крушение жизни, пять лет – это конец молодости, пять лет – это гибель всех надежд, пять лет – это смерть. Смертный приговор Андрею, смертный приговор мне.

Здесь не было ни икон, ни Бога. Был Ад.

III. Этап

В огромной пересыльной камере было свободней и вольготней. На стенах, чуть не до потолка, были выцарапаны фамилии мужчин и женщин, даты и сроки. Целыми днями мы изучали эту стенопись. Многие находили фамилии знакомых. Были здесь и неожиданные встречи. Так, в пересылке встретились все женщины семьи Енукидзе – мать, две дочери и невестка. У всех было по 8 лет и лишь у младшей, четырнадцатилетней Нины – 5 лет.

Шли дни. Пересыльная камера постепенно наполнялась и переполнялась. Мы томились и ждали. Теперь ждали этапа. Скорей бы этап, скорей бы лагерь – там будет небо, земля, свобода, хоть ограниченная ключей проволокой, но свобода передвижения, какая-то работа – не эта страшная тюрьма с нечеловеческой теснотой, с вонючей парашей, с одноразовой оправкой на глазах у стоящей к открытому унитазу очереди, с томительным бездельем, без книг, без радио, с полусном в скрюченном положении, с неотступными мыслями, от которых мутится рассудок. Скорей бы, скорей этап...

О! Если бы знали мы, что такое этап, наверное, не ждали, не торопили события. И вот настала последняя ночь в Бутырке. Нас вывели во двор, вернули наши чемоданы и построили в шеренгу. Какое странное сборище мы представляли. Кто в шубе, а кто не зимнему, в демисезонном, а то и летнем пальто. Кто в модной шляпке, а кто с головой, обмотанной полотенцем. Несколько женщин одеты в старые солдатские шинели и рваные телогрейки, и на ногах у них непомерно большие брезентовые ботсы на деревянной подошве. Этим горемыкам арестовали летом, обманом вызвали на короткое время к следователю, прихватили на улице или сняли с поезда. Они просидели в тюрьме до зимы, а вещевые передачи от родственников были запрещены. Вот и отправившись они в этап в казенном рванье.

От кого исходила эта жестокость? Ради каких «революционных», «социалистических», «коммунистических» принципов садистски издевались над людьми? Немецких нацистских преступников судили, их и сейчас привлекают к ответственности. В советской России никто из рядовых энкаведешников, следователей, избивавших и убивавших заключенных, палачей трибуналов и особых совещаний, садистов-тюремщиков и начальников лагерей – никто из этих преступников не был публично наказан. Они обеспеченно и беззаботно заканчивают жизнь на персональных пенсиях, пользуются почетом и всеми благами работников «органов». «Органы» – слово-то какое-то бесстыдное, преступное – клоака грязи, крови, садизма.

В этап. Впереди и сзади нас слышались приглушенные голоса мужчин. Над головой звездное небо. Чуть морозило. По Новослободской прогрохотал какой-то запоздалый трамвай. Где-то вдали просигналил автомобиль.

Я жадно ловила эти московские звуки и с болью думала, что слышу их в последний раз. С непривычки, от свежего воздуха кружилась голова. Было очень поздно и холодно. Мы ждали долго. Наконец, все были выведены и построены в шеренгу. По бокам рычали и повизгивали собаки, командовали конвоиры, наконец, ворота открылись, и все тронулись. Шли какими-то глухими переулками. Окна домов темны, улицы пустынные. Шли долго, под конец прошли вдоль высокого глухого забора, вошли в ворота и оказались у насыпи на железной дороге. На рельсах стоял состав товарных вагонов (теплушек). Кто-то догадался, что это Алексеевский тулик. Наша колонна растянулась вдоль насыпи, освещенной прожекторами. Я огляделась. Нас было много, примерно около двух тысяч.

Послышалась команда: «Всем сесть!». Уселись прямо на снег. Впереди началась погрузка. Сидеть было холодно. Чулки без резинок съезжали с поджатых колен, снег забивался в трико. Вдруг впереди, недалеко от нас, послышался крик: «Сто! Куда? Стрелять буду!» Я вскинула голову и увидела тощего парня, метнувшегося в сторону забора. На бегу он стаскивал с себя брюки. Защелкал затвор винтовки, и конвоир опять закричал: «Сто! Стреляю!». Отбежавший присел, стянул с себя штаны и закричал, нет, взвыл по животному: «А... А... А...» — его поносило. Конвоир нацелил в упор в него винтовку, но не выстрелил. Человек не смог испражняться с рядом сидящим товарищем. Рискав быть убитым, он не опустился до скотства.

В вагоне мне досталось место на втором ярусе нар. Сейчас, когда я вспоминаю этап, вагон и январь 1938 года, мне удивительно, как никто из нас не умер за этот месяц пути. Сколько же физической и моральной прочности в женщинах, сколько они могут вытерпеть, вынести!

В вагоне площадью 25 м нас помещалось 70 человек. Нас везли не как скот. По сравнению с нами коров и свиней возят с комфортом. По торцам вагона были устроены двухъярусные нары. Против двери стояла железная печурка, а в полу вырезано круглое отверстие, служащее уборной.

На нарах могли разместиться не более 60 человек, а остальным приходилось спать на полу или ждать, когда кто-либо уступит им место. Среди нас была буйнопомешанная, все время пытавшаяся кого-то придушить, одна беременная на сносях и умирающая с тяжелым сердечным приступом — жена Енукидзе. При такой тесноте в вагоне нам приходилось днем и ночью лежать на нарах. Днем, правда, мы могли иногда, скорчившись в три логибели, сидеть. Тогда перед лицом болтались ноги обитателей верхних нар. По необходимости спускались вниз и приседали над дырой в полу, из которой ураганом врывался снег, потому терпели до остановки — там было потише. В пути дыру закрывали ящиком из-под угля. Уголь был оставлен еще в Москве. Его хватило ненадолго. Иногда конвой бросал нам охапку дров. Топили экономно, чаще сутками не было ни полена, и теплушка грелась лишь нашим дыханием. Потом в лагере рассказыва-

ли, что такие этапы иногда приходили на место назначения не с людьми, а с замороженными трупами.

Над нами сжалилась природа. За весь месяц нашего этапа не было больших морозов. Мое место у стены было не из лучших. Спали в шубах, валенках (у кого они были), в шапках. Утром я отдирала от стены полы примерзшего пальто. Но было у меня и некоторое преимущество. На стене, рядом со мной, были две головки от болтов. На них шапкой намерзал иней, и я счищала его в мою мыльницу, служившую мне чашкой. Этот снег я сосала. Он немного утолял жажду. Воду нам давали так же редко, как и дрова. Ежедневно мы получали сухой паек. Это была пайка мороженого хлеба и половина ржавой селедки. Никакой жидкой пищи. Тут-то и выручал иней с болтов. Этап наш двигался малой скоростью, даже слишком малой. Мы чаще стояли, чем ехали, и стояли где-нибудь на дальних запасных путях. Если поблизости не было водоразборных колонок, конвоиры ленились носить воду. Сутками мы ждали, когда с визгом раскроется дверь, конвоир возьмет наше пустое ведро, а потом принесет его обратно с холодной водой.

Кружек почти ни у кого не было. Дежурная разливала воду в наши мыльницы. Об умывании никто не думал.

Шли дни. Тепло терзал холод, внутри все дрожало. Эта внутренняя дрожь никогда не оставляла. Организм просил тепла и пищи. Хотя бы кружку горячей воды. О! Как мечталось об этой горячей кружке! Держать ее в ладонях, согреть сначала окоченевшие пальцы, а потом, обжигаясь, глотать это несравненное питье. Если жажду утоляла холодная вода, то сильнее начинал терзать голод.

— Есть хочу! — кричал пустой желудок. Пищи требовало остуженное, озябшее тело. Съедали мороженый хлеб, но голод не проходил. В голове не было ни единой мысли, ни единого чувства, кроме желания согреться. Все мы были больны. Кто жаловался на сердце, кто-то температурил, терял сознание, стонал от боли, но их никто не утешал, не врачевал. Чем им можно было помочь? Мы все одинаково страдали, мучались от холода, боли, жажды, голода.

Акмолинск встретил ураганом ветром. Он срывал с земли скудный снег и гнал его бело-желтой песчаной поземкой. Что это Казахстан, Акмолинск, мы узнали после, а сначала была разгрузка. Отвыкшие от ходьбы ноги отказывались идти. Многих пришлось поддерживать, чтобы они могли доплестись до барака, отстоящего от пути на двести метров. Барак был пуст — ни нар, ни скамеек. Расселись кто на чем. В дверях конвой с винтовкой. Вокруг колючая проволока. Вдалеке справа маячили саманные мазанки, а вокруг — белая степь, бескрайняя, замороженная, ветряная. Попросившись в уборную, мы втроем вышли из барака. Сколоченная из горбылей уборная стояла в углу нашего колючего загона.

По другую сторону проволоки женщина подгребала и укрепляла стог сена. Ей помогал старичок. Поблизости не было конвоя. Он огляделся и подошел к проволоке, ближе к нам.

Старичок был словно угодник с фрески Феофана Грека — маленькое личико его обрамляла седенькая, подстриженная клинышком борода и поникшие усы. Глаза без блеска занимали треть лица. Крупные и в то же время глубоко запавшие, скорбные, они

Станция Карабас.

Остатки лагеря в степи Карабаса.

были обрاملены старой морщинистой чернью. Маленький рот трехкопеечной монетой круглился под седыми усами. Щеки глубокими бороздами запали в пустоты беззубых десен. Казалось, сильный вакуум втянул внутрь все черты его лица.

– Откуда вы, девоньки? – обратился он к нам.

– Из Москвы, дедушка. А куда нас привезли?

– Вон там Акмолинск, – махнул он рукой в сторону землянок. – Тут разъезд, а это наши хаты.

Дед говорил с заметным украинским акцентом.

– А вы кто, дедушка? Как сюда попали?

– Мы-то, переселенцы мы. Нас еще в тридцатом году сюда сослали. Привезли зшелон, вбили в землю кол с красным флагом и сказали: «Вот станица ваща». Стали мы землянки рыть, траву да корешки какие на зиму сушить. Только мало кто из нас ту зиму пережил. Поумирали, сердечные. Мне повезло. Я бондарь. Взяли меня в Акмолинск бочки делать, вот я и выжил. А теперь колхозом здесь живем.

Эта встреча и рассказ жителя «Белой могилы» запомнился мне на всю жизнь. На разъезде мы пробыли недолго. Пришли грузовики. Нам приказали забраться в кузова, накрыли брезентом и повезли. Хоть ехали мы около часа, но все же некоторые, плохо одетые, успели обморозиться.

Так, в феврале 1938 года я прибыла в 26 отделение Карлага НКВД и поселилась (бывает же такое!) в 26 бараке.

IV. Алжир – Акмолинский лагерь жен изменников Родины.

Всю зиму 1937–38 гг. наш лагерь принимал пополнение. Сложенные из самана бараки, еще не просушенные, заполняли женщины из разных городов. Больше всего было из Москвы, но были также с Украины, Белоруссии, Грузии. Из Владимира и Грузии привезли человек сорок. Вид их меня ошеломил. Все они были наголо обриты. Жалкие, страшные женщины были похожи на нелепых подростков. К весне наша 26 точка Карлага уже насчитывала 8 тысяч «алжиров».

Зима была студеная. В бараках двухэтажные сплошные голые нары и одна печь на всю казарму. Производственной работы не было – начальство Карлага занималось размещением многочисленных эталов.

Мы принялись сами налаживать свой быт. Поблизости было озеро, поросшее камышом. В сопровождении конвоиров и собак мы косили камыш и вязали из него маты, служившие нам матрацами. Камышом и отапливались. Дневальные сутками подкладывали его в печь. Морозы стояли лютые. Однажды, неся воду на коромысле, я поскользнулась и упала. Оба ведра опрокинулись на меня. Я моментально покрылась ледяным панцирем. В бараке женщины содрали с меня ледяную корку, и я оказалась почти сухой.

Так сидели мы на нарах и чего-то олять ждали. Ждали весны, ждали прихода начальника лагеря Баринаова и его заместителя (по политвоспитательной части) Мишина. Когда он появился, женщины бросились к нему, прося, умоляя, требуя сообщить, где находятся их дети, что случилось с оставленными, часто грудными, детьми, больными родителями. Он оправдывался незнанием и раздавал листки бумаги для

заявлений. И мы писали, вопили о справедливости. Адресовали их в Прокуратуру СССР, Калинин, Сталину и бог весть еще кому. Куда девались потом наши прошения – не знаю. Наверное, их тут же уничтожали. Ведь ответов на них никто никогда не получал.

Как-то получилось, что барак наш разделился на землячества – нары бакинок, украинок, белорусок, москвичек. Рядом со мной на втором этаже нар плакала о своей дочке белокурая красавица Клавдия Гавриловна Розынка. Ее фиалковые глаза, казалось, никогда не высыхали. Рядом лежала Нина Григорьевна Михайленко, так же, как и я, студентка. Мы вспоминали с ней наши институты, Москву, концерты, театры. Под нами слала Рахиль Михайловна Плисецкая. Три раза в день она бегала в детский барак кормить грудью сына. При аресте она не отдала грудного ребенка, и ее поместили в специальную камеру Бутырской тюрьмы, где было около ста матерей с грудными детьми. Все они размещались на сплошных нарах. Раз в день в камеру приносили лохань, наливали туда теплую воду с марганцовкой. В этой лохани поочередно купали младенцев, а потом стирали пеленки, которые сушили у себя на голове, на плечах. Вечерами Рахиль рассказывала нам о своей короткой карьере в кино и все беспокоилась – оставят ли энкаведисты ее старшего сына и дочь Майю у сестры – известной балерины Суламифь Мессерер или брата – Асафа Мессерер.

В углу барака тихонько шептались между собой жены белорусских поэтов – Вечер, Астапенко, Таубина. Напротив что-то вязала самодельным крючком Лидия Густавовна Багрицкая, жена поэта Багрицкого. После его смерти она вторично вышла замуж, но все равно получила восемь лет лагерей. По соседству лежала Оля Чукунская. Она была удивительно хороша собой. Роскошные русые волосы, небрежно заплетенные в косу, змеей струились по ее спине или тяжелым венком охватывали голову. Ее серые, распахнутые глаза врубелевского Серафима никогда не плакали. Она разглядывала свое лицо в темном оконном стекле и все повторяла:

– Только бы не подурнеть. Я снесу все, мне все по силам, лишь бы не подурнеть, лишь бы он меня не разлюбил.

Ее вера в скорую встречу с мужем была поразительна. Удивительна была история ее любви. Однажды Чукунский – наш военно-морской аташе в Англии и Италии – будучи в Москве, ехал на электричке к своему другу. Рядом с ним оказалась молочница с бидоном из-под молока. Ее красота поразила. Он заговорил с ней и к приятелю не попал – сошел на ее станции. Через несколько дней женился и увез в Италию. Слушая ее рассказы об Италии, дипломатических приемах, обедах, мы понимали, что не одна ее красота пленила дипломата. Несмотря на необразованность и колхозное воспитание, Оля удивляла своим природным тактом, врожденной интеллигентностью. Она была умна, тонко подмечала все, что ее окружало, обладала милым юмором и была замечательной рассказчицей.

Но были и курьезные истории. Подружились две простоватые тетки. Муж одной был слесарем, а другой – шофером.

– Смотри, Дуся, – говорила одна своей подруге, – в какое общество мы с тобой попали. Вон та –

Степь за Астаной.

Астана. Памятник жертвам политических репрессий. Барельеф.

Марьясина. У нее муж директором банка был, так весь банк и хапанул. А у этой, — она показывала на Серебровскую, — муж золотые прииски американцам продал.

Серебровский был видный горный инженер и работал в Баку. В двадцатых годах его пригласили в Кремль и отправили в Америку изучать методы добычи золота на Аляске. По возвращении в Россию он был назначен главным инженером всей золотодобывающей промышленности СССР. Среди «алжирок» маленькая Серебровская выделялась своей наружностью. На ней была элегантная шубка с великолепной чернобурой лисой, на голове рваная солдатская ушанка, а на ногах непомерно большие брезентовые бутсы на деревянной подошве. Чтобы удержать их на ногах, ей приходилось ходить как бы на лыжах, шаркая подошвами по земле. Была в лагере и секретарь Серебровского — Жуйко Нина.

Историю Серебровского тетки интерпретировали по-своему. Но не менее удивительной была история одной из них. Когда после двух лет полной изоляции в лагере была разрешена переписка, слесарь-водопроводчик написал жене, что арестовали его по ошибке вместо однофамильца, жившего с ними в одном доме, что его уже год как освободили, но он не знает, как высвободить свою жену из лагеря. Так, муж по-прежнему работал в домоуправлении и жил в Москве, а жена отбывала 5 лет лагерей как член семьи изменника Родины.

В 1937-38 годах, когда по большому плану Сталина арестовали миллионы, могли случаться такие удивительные истории.

Все мы понимали, что арестованы по чьей-то злой воле, что мужья наши, так же, как и мы, ни в чем не повинны. Потому между нами царил доброжелательность и дружба. Но среди нас были и такие, которые считали нас и мужей наших преступниками, а себя жертвами недоразумения. Еще в этапе с нами ехала сугубо партийная идейная активистка. Я не помню ее фамилии и не знаю, кем был ее муж, за которого она получила восемь лет. Она сторонилась всех нас и не скрывала своей уверенности, что она единственная невинная жертва среди преступников. Мы не пытались ее разубедить и с презрением игнорировали эту коммунистку с мозгами троглодитки.

Мне была симпатична жена секретаря ЦК комсомола Украины (жаль, забыла ее фамилию). По годам ровесница мне, она была типичным комсомольским работником. Энергичная, непосредственная, боевая комсомолка тридцатых годов. Безыскусственная и немного угловатая, она говорила на ярком украинском диалекте. Узнав, что я никогда не была в комсомоле, неожиданно одобрила:

— Ну и добрѣ. У тюрмѣ я богато побачила. Теперича у сердце не тѣ, — она лихо встряхивала головой с коротко остриженными волосами и сильным голосом запевала:

«Ихалы казаки из дому до Дону, Заманилы Халю, забралы з собою».

Эта удалая песня неожиданно оборачивалась жуткой драмой:

«Привезалы Халю до сосны косами, Пидпалили сосну од гори до низу...» — а бесшабашный припев странно заканчивался скорбно плачущим «Ма...а... а... а...»

— А эта заборена (запрещена), — доверительно поверяла она мне, — сливали ее украинцы-эмигранты. Послухай, как гарно! И проникновенно пела:

Чуешь, брате мий, товарищу мий, вылетают
Срибным шнуром журавли в вири.

Чуты кру-кру-кру, чуйжени умру,

Доки морз перэлэчу, крылынька зитру...

Крылынька... аа... аа... аа... зитру.

Ближе к весне по баракам пошли со списками. Выявляли нужных лагерю специалистов — строителей, сметчиков, агрономов, врачей.

Так было сформировано наше конструкторское бюро «Шарашка», так я, по лагерной терминологии, стала работать «придурком».

Чтобы ввести нас в курс предстоящей работы, из Долинки (центрального пункта Карлага) приехал инженер Фирсов А. П. Говорили, он имел 10 лет, проходил по делу «Промпартии». Под это «дело» были арестованы, расстреляны и сосланы тысячи старых инженеров. Все они обвинялись во вредительстве. Любые неполадки и аварии на производстве, часто базирующемся на изношенном, старом, дореволюционном оборудовании и обслуживавшемся мало-квалифицированными рабочими, — все тогда приписывали вредительству и сажали, сажали.

Я смотрела на этого пожилого деликатного инженера-интеллигента, вспоминала арестованных папиных друзей — Скокова Никифора Ануфриевича, Покровского Нила Александровича и впервые благоговая судья, что отец, старый инженер, умер до этих массовых арестов.

Начальницей нашего конструкторского бюро была назначена Амалия Георгиевна Микаэлян-Кечек. Муж ее был крупным руководителем нефтяников Баку, а свекор — профессор-врач, именем которого названа одна из больниц Еревана. Из Баку была также сметчица Сима Семушкина, из Киева — Евгения Тихоновна Костецкая. Из Москвы — Галина Александровна Семенова, моя этапная соседка, архитектор Люба Нирославская, ученица знаменитого Желтовского, и две студентки старших курсов — Нина Григорьевна Михайленко и я. Нашему маленькому бюро предстояло запроектировать для лагеря швейную фабрику, кирпичный завод, электростанцию, котельную, баню, столовую с кухней и кинотеатр для вольнонаемных вне зоны лагеря.

Весной уже весь «Алжир» работал. По сравнению с другими мне повезло. Я сидела за чертежной доской в маленьком саманном домике. Над нами не стояли конвоиры, не рычали собаки. Тяжело приходилось женщинам с гуманитарным, музыкальным и другим ненужным лагерю образованием. Они месили голыми ногами глину с соломой, набивали этой сырой массой деревянные формы, надрываясь, тащили их и вытряхивали сырые саманы на площадку для просушки.

Из подсушенных саманов другие женщины — каменички — клали стены. Никакой механизации не было. Слабые женщины по 12–14 часов в день таскали двадцатикилограммовые саманы, поднимали их на подмости, укладывали в стены. Другие женщины работали в поле. Сажали, полости, убивали. Солнце степного Казахстана безжалостно. Буйные ветры хлещут в лицо песчаной пылью, обдирая кожу до крови,

Заброшенное здание Главного управления КАРЛАГа

Коридор Главного управления КАРЛАГа

до язв. Из малосильных, больных и старых был организован вышивальный цех. По рисункам художницы Ксении Щуко, родственницы известного архитектора, с раннего утра до позднего вечера, теряя зрение, вышивали «алжирки» тончайшие купоны блузок, украинских сорочек, роскошные скатерти, салфетки.

Изделия шли в Москву и на экспорт. Потому после войны я еще долго встречала в художественных салонах Москвы изделия, выполненные по знакомым рисункам 26 точки Карлага.

Мелькали дни, летели ночи, то холодные зимой, то душные от казахстанского суховея летом. Вся наша жизнь сливалась в беспросветный, тяжкий, серый день. Утром перед баракком общая перекличка, потом в столовой половник жидкой каши. После завтрака работа. На ужин – та же перловая каша-размазня без признаков жира, и снова работа по 12–14 часов в сутки, без выходных.

Так, словно один день, тянулись месяцы, годы. Но чем монотоннее, паршивее жизнь, тем цветистей, насыщенной сны – все счастливо прожитое всплывало в мозгу, уставшем от монотонности, от тоски. Снами мы жили. Днем вспоминали и рассказывали их, жили желанной волей, пусть не настоящей, пусть призрачной, но волей.

Вечером в бараке в проходе между нарами мигала тусклая лампочка. Ни книг, ни радио, ни писем, ни праздников, ни выходных.

Правда, 1 Мая и 7 ноября отмечались. В эти дни нас запирали в бараках, не разрешая даже ходить по

зоне. Эти дни праздновал конвой. И все же после работы вечер был наш. Ворота лагеря запирались. Охрана маячила лишь на вышках, отстоящих довольно далеко.

Мы были одни, и в полутемном бараке начинался литературный вечер. Усталые, измотанные тяжелой работой, «алжирки» размещались на нарах вокруг рассказчицы и замирали.

В Англии есть театр одного актера – Генри Валенс. Поразительный актер один способен занимать зрителей в течение целого спектакля. В нашем бараке была такая актриса. Да и актрисой она не была, но каждый вечер мы присутствовали в театре одного актера. Она читала нам «Графа Монте-Кристо», «Анну Каренину», «Королеву Марго». Генри Валенс перед спектаклем мог пользоваться книгами, заранее разучить текст, отрепетировать его. В лагере не было книг. Наша актриса читала все по памяти. За вечер она прочитывала одну главу, и мы жадной душой ждали следующий вечер, следующую главу. Романы были всем знакомы. Читаны когда-то и перечитаны, и все же никто из нас не мог заметить ни одной неточности.

Была у нас и музыка. Дирижер Ленинградской оперетты Марианна Лер собрала из «алжирок» прекрасный хор. В его репертуаре были Штраус, Легар, Оффенбах и Чайковский. Арии из опер и русские романсы, «а-капелла» лела прима Харьковской оперы Олейникова.

Вавочка Вагина – первая принцесса Турандот театра Вахтангова – читала «Русские женщины».

Поэма вызвала смех, столь разительно отличалась участь жен декабристов от судеб 8 тысяч жен нашего «Алжира».

*Шесть лошадей в возок впрягли,
Фонарь внутри его зажгли.*

– Колбас, печенья припасли, – подрифмовывали мы.

*Сам граф подушки поправлял.
Медвежью шкуру в ноги клал...*

– А не под нары залихал...

И сыплет щедрою рукой

Червонцы челяди ямской.

– Хорош конвой! Нам бы такой..

Мы смеялись. А по душе нам были стихи поэтессы Софьи Солуновой, написанные в нашем лагере.

Надо мной раскаленный шатер Казахстана,

Бесконечная степь протянулась вдали,

Но куда ни пойду я – тебя не застаю,

Рассказать о тебе не хотят ковыли.

Вырываю часами бурьян и осоку,

Чтобы колос пшеницы налился зерном,

Облака проплывают дорогой широкою,

Только нам улететь не придется вдвоем.

Только нам, мой хороший, дороги заказаны,

Даже ветер, и тот не приносит покой.

Я иду по степи без тебя, синеглазый мой,

Крепко сердце сжимая горячей рукой.

Поэтесса читала тоску и боль наших сердец:

Я иду по степи, колосится пшеница,

Белокрылая чайка куда-то спешит,

Мы с тобой отныне бескрылые птицы,

А птенца далеко унесли в камыши

Слушали и плакали. Было больно и чуть отраднее, что вот это о нас и это не пропадет.

Рукописи не горят...

И еще у нас был голод. Он всегда был с нами. Пайка черного хлеба, черпак баланды, примерно чайная чашка каши-размазни – вот неизменное наше питание, из месяца в месяц, независимо от времени года.

Чувство голода никогда не оставляло. Организм изнывал, просил белков, жиров, витаминов. Разговор о еде был запрещен, и все же изредка срывалось:

– Господи! Какие мы были глупые – готовили обеды, пекли пироги, стряпали замысловатые блюда. К чему? Что лучше бутерброда с маслом, луком, чесноком!

От этих слов желудок сводила судорога.

– Ну, хватит! – возмущался кто-нибудь, и слов больше не было, но мысли не оставляли, и голод терзал сильнее.

Раз в месяц был ларек. У кого от тюрьмы остались деньги, те могли на 10 р. купить чеснок или лук, леденцы или пряники. Какие они были восхитительные, эти лагерные пряники – серые, мучнистые, сладкие. Казалось, в мире нет ничего более вкусного. Я до сих пор люблю пряники, хотя, конечно, не считаю их столь совершенными, как тогда.

Прошел год строгого режима – без писем, без посылок, без каких-либо известий о воле. И вдруг весь лагерь взволновало необычное событие. Одна из «алжирок» получила письмо. Настоящее письмо с маркой и почтовым штемпелем. На конверте детским почерком было написано «Город Акмолинск. Тюрьма для мам». Восемилетняя девочка писала, что после ареста папы и мамы ее тоже арестовали и посадили в детский дом. Она спрашивала, когда вер-

Мамина фотокарточка и ее подарок из лагеря.

нется мама и когда возьмет ее к себе. Жаловалась, что в детдоме ей плохо, она очень скучает и часто плачет.

Как удалось этой крошке узнать, где ее мама, и написать письмо? Возможно, какой-нибудь энкаведешник был с добрым сердцем. Чаше оно было у них садистски жестоко. Для таких более характерна история Верочки (фамилии не знаю). Когда пришли арестовывать, пятилетний сынишка уцепился за нее. Ей приказали собрать свои и детские вещи. Уверенная, что их не разлучат, Верочка собрала два чемодана. В одном из них были ее вещи, в другом вещи ребенка. На Лубянке ей объявили, что мальчик будет отправлен в спецприемник. Ребенок ухватился за шею матери и кричал, что никуда без нее не поедет. Их пытались растащить, но бесполезно. Тогда применили, испытанный способ – стали бить револьвером по локтям. Обезумевших от горя и боли мать и сына втолкнули в разные камеры. Потом оказалось, что их чемоданы перепутали. У Верочки оказались детские вещи и игрушки, а с мальчиком отправили платья матери.

Когда через два года была разрешена переписка, Верочка получила извещение, что ее мальчик умер. Несчастливая не перенесла удара. Рассудок ее помутился. Тихонько сидела она на нарах, перебирала детские рубашонки, штанишки и разговаривала с ними, как с живым ребенком.

В лагере были и дети. Арестовывали беременных женщин. Дети родились уже здесь. Их поместили в отдельном домике. При них были врач и нянька из заключенных. Матери жили отдельно в бараках и ходили кормить своих малышек.

Были дети и у внепроволочных. Однажды колонна зеков шла в поле мимо их домиков. Из двора выскочил мальчишка лет пяти и стал кидать в женщин камнями, приговаривая: «Вот вам, собаки, вот вам, собаки!» Одна в колонне не выдержала и обратилась к нему:

– Мальчик, какие же мы собаки? Ты видишь, мы люди, а собаки вон бегут на четырех ногах.

Мальчишка вначале опешил, но потом нашелся:

– А так вас папа называет.

< >

Вечерами любила я забегать в кузницу к Маше Курчевской. В горне еще краснели угольки, пахло окалиной и машинным маслом. В ящиках чернели заготовки, на наковальне горбились молотки и клещи.

Маша работала и жила в кузнице. В уголке стояли ее топчан, столик и табурет. Все это сделала она сама. Была она в лагере кузнецом, слесарем, механиком. Смуглая, среднего роста, с неизменной квадратной челкой, Маша все умела. Жизнь с необыкновенным человеком, неумным, смелым фантастом – изобретателем и экспериментатором – научила ее всем этим неженским профессиям.

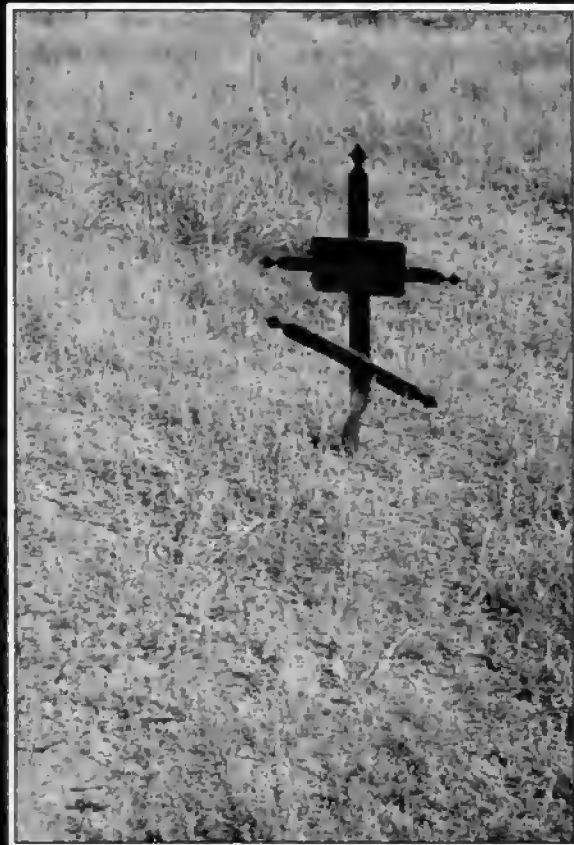
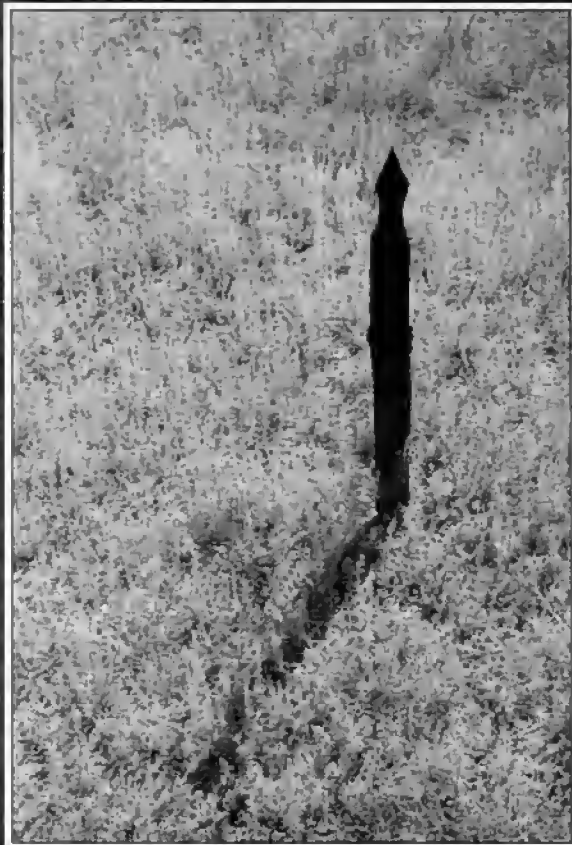
Леонид Васильевич Курчевский был из тех самоходков, каких время от времени дарит русская природа. В двадцатые годы разрухи он увлекся автомобиллизмом. Собранные им автомашины удивляли смелостью фантастики. Толпа глазела на необычное зрелище, когда он пронесся на своем автомобиле по тихим уголкам Переяславля-Залесского. Но самой сильной страстью Курчевского было оружие. Заядлый охотник, он собрал уникальную коллекцию ружей. Они-то и послужили причиной первого его ареста и ссылки в Соловки.

В двадцатые годы условия пребывания в Соловецкой тюрьме оставались в пределах царского времени, то есть были сравнительно либеральны. Курчевский был там техническим руководителем, зав. мастерскими и электростанцией. Маша поехала за мужем. Тут-то он и научил ее профессиям шофера, механика, слесаря, кузнеца.

В Соловках Курчевский продолжал изобретать. Им были сконструированы всевозможные глиссерного типа и азросани.

Детское лагерное кладбище в пос. Долинка.

Детские могилы на лагерном кладбище.

В Москву вызвал его Орджоникидзе и назначил генеральным конструктором военного спецзавода и уполномоченным Наркомтяжпрома по вооружению. Под его руководством велись работы над динамомортивными орудиями. Он был автором безоткатной пушки. Испытания ее успешно прошли в 1936 г., но в 1937 г. после ареста Курчевского о ней забыли. Лишь в 1950 г. о безоткатной пушке с восторгом заговорили, но, увы, как о высоком достижении американцев в авиации на войне в Корее.

В 1941 г. о Курчевском вспомнили, как вспомнили о Туполеве, Королеве, Рокоссовском, Мерецкове и других.

В спецлагере («шарашке») Курчевский работал над созданием «Катюш», но после наладки их серийного выпуска Курчевского и многих других расстреляли. Все это потом рассказал Маше один сотрудник «шарашки», вернувшийся в Москву после смерти Сталина.

На огонек в кузнице собирались у Маши жены военных. Моя соседка Клавочка Розынько, муж которой был заместителем начальника Главного артиллерийского управления, жена начальника Главного артиллерийского управления Ефимова, сестра Тухачевского Лиля, работавшая подавальщицей в нашей столовой.

Алжирки! Сестры мои, НКВД нареченные, встают в памяти ваши лица, имена. Вот наша начальница – мужеподобная, сердитая Маралулис.

Люда Золотова – главный инженер строительства. Обаятельная, энергичная, веселая, она стремительно вбегает в наше конструкторское бюро и кричит:

– Девахи, милые, выручайте! Надо лечи класть, а какие печники из моих интеллектуалок?

И я сажусь вычерчивать порядовки печей, где размечаю каждый кирпичик кладки, каждое дымоходное отверстие. И кладут печи интеллигентки, да еще как ладно!

На стройке работает Запорожец Вера – вторая жена Запорожца, заместителя начальника НКВД Ленинграда, известного в связи с убийством Кирова. Вера очень красива, остроумна, находчива. Она всегда что-то придумывает. Заразила всех устной игрой в шарады. Здесь же и первая жена Запорожца – Проскурякова Роза. У нее в Ленинграде остались двое детей.

В больнице, куда я забегаю навестить мою попутчицу в этапе Головину Елену Леонидовну, жену начальника Главка НКПС, врачом работает Гарина Лида. Она жена дипломата. Елена Леонидовна очень больна. У нее базедова болезнь – глаза вылезают из орбит, пульс сумасшедший, температура. В ее палате задыхается от сердечной недостаточности жена Енукидзе. Ухаживает за матерью маленькая Нина, еще совсем ребенок. Нет, чтобы послать с матерью старшую дочку, так послали маленькую, слабенькую четырнадцатилетнюю девчонку. Ее все жалеют, особенно медсестра больницы Рахиль Осипова – жена крупного работника НКВД Грузии. Потом мать и дочь Енукидзе умрут в лагере.

В вышивальном цехе, где главная художница – мой друг Ксения Щуко, сосредоточенная тишина. Я рассматриваю рисунки художницы Наташи Извар.

Начальник вышивального цеха – Легкая Надежда Семеновна. Ей известно все разнообразие вышивального искусства.

Бригадир по бельевой глади миповидная Тоня Ярофейкина. Она родом из Местеры, жена комсо-

Кладбище АЛЖИРа. Символические мусульманское и христианское надгробия.

мольского работника. Здесь Журавлева Маргарита, Гнуни Марианна.

В столовой на кухне Качкарева Маша, первый муж которой был архитектор Алабян. В хлеборезке я засматриваюсь на красавицу Люсю Лозинскую, голубоглазую брюнетку с толстой косой, обернутой вокруг головы.

На строительстве работают Ашукина Катя, Шендрова Валя, Кузьмина Оксана, много знавшая и хорошо читавшая стихи. Очень красивая Фадеева Галя, Яковлева Тоня, москвичка, жена работника НКПС. Грузинки Золметерс Тосико и Орахелашвили Кетеван – дочь зам. председателя Совнаркома Грузии и жена композитора Микиладзе.

Помню Киру Андроникашвили – жену писателя Пильняка – сестру известной киноактрисы Наты Вачнадзе, Любу Бабицкую, первый муж которой был кинооператор Головня, а второй – начальник Мосфильма.

Трифонову – мать писателя Юрия Трифонова. Весник Женю – мать актера Весника. Солгиник Зину – старосту барака. Ильинскую Зою – жену застрелившегося секретаря Московского горкома комсомола. Кудрявцеву Фаину Абрамовну – жену председателя Закавказского крайкома партии, а перед арестом – 2-го секретаря ЦК Украины.

Исаенко Серафиму Александровну – жену начальника политуправления Московского военного округа, Ольгу Полуян – муж которой был секретарем горкома, Овчинникову Люсю с Дальнего Востока, жену комсомольского работника, Казанову Соню из Баку, Игнатович Марию Ефимовну, муж которой был главным редактором Детгиза; Неврицкую Ольгу Дмитриевну, несколько жеманную аристократическую даму, она сидела за мужа, но в Москве у нее был любовник – немецкий дипломат. Мне рассказывали, что после пакта Молотова – Риббентропа, по ходатайству не-

мецкого посольства, ее освободили из лагеря, и она уехала в Германию.

26 отделение Карлага. Изо дня в день, из месяца в месяц перед глазами охристые саманные бараки, колючая проволока, вышки с часовыми. За проволокой степь. Весной она зеленая, рыжая летом, белая зимой, но всегда глухая, враждебная. Небо, только небо обворожительно над лагерем «АЛЖИР». Только оно волнует и радует. Я забираюсь в укромный уголок лагеря и упиваюсь красками зорь, сполохами дальних зарниц и еще облаками. Неслешно плывут бычки, спешат-кувыркаются барашки. Я пристально вглядываюсь в них. В облачках видятся мне лица людей, окончивших свое земное существование.

«Уходя из жизни, люди оставляют свою тень» – говорит народное предание Востока. Н. Рерих запечатлел «тень учителя» в горах Тянь-Шаня. В облаках чудятся мне профили людей, умерших в тюрьмах, в лагерях. Молодые и старые, скорбные и гневные, они редко предстают красивыми. Чаще замученные, изуродованные страданием, они меняют ракурсы, выражения, стираются, исчезают и вновь возникают уже в других лицах. Однажды я увидела Андрея. Он лежал на спине. Кудрявые волосы обрамляли его высокий лоб. Глаза были закрыты. На секунду мне показалось, что рот его тронула улыбка, но потом она растеклась в гримасу скорби. Лицо стало расплываться и исчезло. Видение меня потрясло. Он умер, поняла я, и горько заплакала.

Зимой небо над лагерем менялось часто. Оно то затягивалось белой пеленой снега, то ослепительно сверкало низким солнцем.

Морозными ночами бриллиантами рассыпались Стожары, а над головой, точно на что-то важное обращающая мое внимание, ярко сияла Кассиопея...

Впервые опубликовано в журнале «Простор» (Алма-Ата) №9, 1989 г.

Александр ДАНИЭЛЬ, Арсений РОГИНСКИЙ

«АРЕСТУ ПОДЛЕЖАТ ЖЕНЫ...»

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Тема «женщина в лагере» трагична по самой своей сути. Не случайно самые яркие и самые страшные страницы лагерной мемуаристики вышли из-под женского пера: «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург, «Мои воспоминания» Екатерины Олицкой, мемуары Надежды Суровцевой, Ольги Адамовой-Слиозберг, Хавы Волович, Ады Войтоловской и десятки других. Женщины Колымы, женщины Воркуты, женщины Норильска и Тайшета – сказанное ими и о них принадлежит к числу наиболее весомых и наиболее пронзительных свидетельств о ГУЛАГе.

И все-таки даже внутри «женской темы» история Карагандинского лагеря занимает особое место. Именно здесь в начале 1938 г. на базе 26-го трудпоселка было открыто Акмолинское женское спецотделение, один из трех островов «Архипелага ГУЛАГ»,

куда власть свозила тех, кто получил свои сроки заключения как «ЧСИРы» – «члены семей изменников родины». Два других лагеря, куда отправляли в 1937-1938 гг. «жен изменников», находились в Мордовии и Томске.

В разговорах между собой акмолинские узницы полушутя называли свой остров экзотическим словом АЛЖИР - Акмолинский Лагерь Жен Изменников Родины.

<...>

В 1934 г. в советском законодательстве появляется термин «член семьи изменника [родине]». По постановлению ЦИК СССР от 8 июня наказывались семьи военнослужащих, перебежавших за границу. В зависимости от того, были ли они (по мнению следователей) в курсе планов перебежчика или нет, членов

семей карали лагерем от 5 до 10 лет или ссылкой в Сибирь на 5 лет.

<...>

Специальная операция против жен и детей «право-троцкистских шпионов и диверсантов», проведенная НКВД в 1937–1938 гг., — лишь эпизод в ряду репрессий, которые советская власть обрушивала на родственников тех, кого она считала своими врагами. У этой операции, однако, была своя специфика. И своя, хотя и достаточно короткая, предыстория.

23 мая 1937 г. Политбюро приняло постановление, согласно которому из Москвы, Ленинграда и Киева выселялись все, кто был на этот момент исключен из ВКП(б) за принадлежность к различным внутрипартийным оппозиционным группам и за «протаскивание враждебных взглядов в преподавании и в печати». Выслаются ли вместе с ними их семьи, в постановлении не сказано. Семьям, но не просто исключенных из партии, а уже арестованных и осужденных, был посвящен отдельный пункт: «Все семьи троцкистов, зиновьевцев, правых, децистов и участников других антисоветских террористических и шпионских организаций, расстрелянных и осужденных к лишению свободы на сроки от 5(лет) и выше, — из Москвы, Ленинграда и Киева выселить в непромышленные районы Союза с прикреплением на жительство к определенным пунктам». Через три недели, 15 июня 1937 г., Ежов, во исполнение этого решения, утвердил специальную инструкцию по высылке. Высылка производилась не из трех, как в постановлении Политбюро, а из шести городов (прибавились Ростов, Таганрог и Сочи). Исключенные из ВКП(б) подлежали высылке теперь уже вместе с семьями; была обозначена и хронологическая точка отсчета для отбора высылаемых — высылались те, кого исключили после 1 декабря 1934 г.

<...>

Май-июль 1937, в особенности последние полтора месяца этого периода, после расстрела «военно-фашистских заговорщиков», — это время интенсивного планирования будущих массовых репрессивных кампаний.

В первые дни июля 1937 г. были приняты решения, определившие судьбу многих сотен тысяч будущих жертв террора. Главное из них — постановление Политбюро от 2 июля «Об антисоветских элементах», давшее старт самой масштабной репрессивной операции эпохи «большого террора». На основе этого решения к концу июля будет подготовлен знаменитый теперь оперативный приказ НКВД № 00447 («кулацкий приказ»), по которому с 5 августа 1937 г. до середины ноября 1938 г. специально созданные тройки НКВД-УНКВД приговорят не менее 800 тысяч человек, половину из них — к расстрелу.

Стремительное развитие установок террора привело к повороту и в планах относительно участи, уготованной семьям «врагов народа». 3.07.37, наряду с телеграммой, требующей провести учет «бывших кулаков» с целью их последующего ареста, Ежов направил своим подчиненным два распоряжения на эту тему. Первое адресовалось только в те регионы СССР, откуда производилась высылка по инструкции от 15 июня. В нем предписывалось приостановить высыл-

ку семей лиц, осужденных Военной коллегией Верховного суда СССР. Была прямо указана и причина приостановки: «Эти семьи ближайшее время будут заключены специальные лагеря». Второе распоряжение было разослано всем начальникам УНКВД:

«К десятому июля с.г. представьте мне списки на все семьи лиц, осужденных после первого декабря 1934 года Военной коллегией Верховного суда по первой, второй и третьей категории, а также списки на социально-опасные семьи лиц, осужденных Спецколлегиями судов.

В списках указать:

1) Фамилию, имя и отчество осужденного главы семьи, по какой категории осужден; 2) Фамилии, имена, отчества членов семьи осужденного, а также их возраст, где в какой должности работают или в каком учебном заведении учатся.

Состав семьи считать: жена, муж, дети, а также состоящие на иждивении и совместно проживающие отец, мать, братья и сестры. Эти семьи в ближайшее время будут заключены в специальные лагеря.

По получении от Вас списков, указания о порядке направления этих семей в лагеря дам дополнительно. Ежов».

И, наконец, в тот же день, 3 июля 1937 г., из Москвы на имя начальника УНКВД по Западно-Сибирскому краю Миронова и наркома внутренних дел Казахстана Залина ушла еще одна шифротелеграмма, содержащая важные детали намечавшейся операции. Она подписана начальником ГУЛАГа М.Берманом, но нет сомнений, что распоряжение, в нем содержащееся, исходит от Ежова:

«Ближайшее время будут осуждены и должны быть изолированы особо усиленных условиях режима семьи расстрелянных троцкистов и правых, примерно количестве 6–7 тысяч человек, преимущественно женщины и небольшое количество стариков. С ними будут также направляться дети дошкольного возраста.

Для содержания этих контингентов необходима организация двух концлагерей, примерно по три тысячи человек, с крепким режимом, усиленной охраной (только из вольнонаемных), исключая побег, с обязательным обнесением колючей проволокой или забором, вышками и тому подобное, использованием этих контингентов на работах внутри лагеря.

В связи необходимостью быстрейшего создания этих лагерей считаю наиболее целесообразным организацию их на базе существующих трудпоселков Нарыме и Караганде, использованием, первую очередь, свободных помещений или не полностью заселенных, которые можно быстрее освободить, переместив имеющихся там переселенцев.

Предлагаю срочно проработать вопрос организации концлагеря Нарыме и Казахстане три тысячи человек каждый. /.../ Ответ жду обязательно не позднее седьмого июля».

Телеграмма Бермана — первый документ, имеющий прямое и непосредственное отношение к созданию АЛЖИРа.

<...>

Окончательно контуры будущей операции против жен «изменников родины» были очерчены еще через два дня. 5.07.37 Политбюро постановило:

«1. Принять предложение Наркомвнудела о заключении в лагеря на 5–8 лет всех жен осужденных изменников родины членов право-троцкистской шпионско-диверсионной организации, согласно представленному списку.

2. Предложить Наркомвнуделу организовать для этого специальные лагеря в Нарымском крае и Тургайском районе Казахстана.

3. Установить впредь порядок, по которому все жены изобличенных изменников родины право-троцкистских шпионов подлежат заключению в лагеря не менее, как на 5–8 лет.

4. Всех оставшихся после осуждения детей-сирот до 15-летнего возраста взять на государственное обеспечение, что же касается детей старше 15-летнего возраста, о них решать вопрос индивидуально.

5. Предложить Наркомвнуделу разместить детей в существующей сети детских домов и закрытых интернатах наркомпросов республик.

Все дети подлежат размещению в городах вне Москвы, Ленинграда, Киева, Тифлиса, Минска, приморских городов, приграничных городов». (В цитируемых документах сохранена пунктуация оригинала – ред. «Карты»)

Сам по себе факт утверждения списка на осуждение не являлся чем-то сверхординарным, выходящим за рамки обычной работы Политбюро. Примечательно в постановлении другое. Члены Политбюро по сути не только согласились в будущем не рассматривать списки жен, но и не оставили в вопросе о женах места для какой-либо самостоятельности НКВД. Судьба жен была решена заранее и – скопом. Они подлежали аресту и осуждению автоматически, что определялось коротким словечком «все». Это слово и стало смысловым ядром будущей операции.

<...>

После 5 июля в НКВД началась усиленная подготовка к будущей операции.

Были учтены все члены семей арестованных и осужденных. Данные пересылались в Москву, где их обрабатывали сотрудники учетно-статистического отдела центрального аппарата НКВД. Велась переписка с Наркоматом просвещения о подготовке мест в детских домах, расширялась сеть детских приемников-распределителей НКВД. Продолжались поиски подходящих мест для устройства женских лагерей.

<...>

Наконец, 15.08.37 был издан приказ НКВД СССР № 00486.

Во-первых, согласно этому приказу, аресту подлежали жены тех, кто после 1 августа 1936 г. был осужден к расстрелу, заключению в тюрьмы или лагеря Военной коллегией Верховного суда или военными трибуналами за принадлежность к «право-троцкистским шпионско-диверсионным организациям».

Во-вторых, в дальнейшем предписывалось «впредь всех жен изобличенных изменников родины, право-троцкистских шпионов, арестовывать одновременно с мужьями».

В-третьих, определялся механизм оформления приговоров – Особое совещание НКВД СССР, и срок заключения – «не менее 5–8 лет».

<...>

Приказ 00486 детально расписывает процедуры арестов, контингенты, порядок конфискации

имущества, механизмы направления детей в детдома. Однако в одном он разительно отличается от всех других оперативных приказов НКВД 1937–1938 гг. – в нем нет так называемой мотивировочной части. <...>Текст его открывается прямо с распоряжения: «С получением настоящего приказа приступите к репрессированию жен изменников родине...».

<...>

С точки зрения Сталина, женщины, репрессированные в рамках приказа 00486, были не просто женами «врагов народа». Это были жены «главных врагов» – «право-троцкистских заговорщиков». Говоря современным языком, это были жены элиты: партийных и советских деятелей, руководителей промышленности, видных военных, деятелей культуры. Той самой элиты, которая сложилась в первые два десятилетия советской власти и которую Сталин (не всю, конечно, но значительную ее часть) к середине 30-х годов рассматривал или как балласт, или как постоянный источник заговоров против этой самой власти и против него лично. А его собственный опыт наблюдения над семейным бытом революционеров-подпольщиков начала века подсказывал: жены его бывших соратников и сторонников, как старых, так и более молодых, чьи пути разошлись с его собственным, должны быть на стороне своих мужей. По логике вождя, это вовсе не значило, что они прямо помогали им в их «контрреволюционной деятельности». Но знали о ней, не могли не знать. И это знание, а может быть даже и сочувствие, делало в его глазах женщин соучастницами своих мужей. Такого рода представления и легли в основу репрессий против жен.

<...>

Вождь мыслил в терминах не индивидуальной вины и индивидуальной ответственности, а коллективной вины и коллективной ответственности. Для того чтобы развернуть операцию против «жен изменников родины», ему достаточно было знать: женщины, как правило, сочувствуют взглядам своих мужей. А значит: все жены арестованных «заговорщиков» – фактические соучастницы заговоров, которые организовывали их мужья. И ответственность за эту коллективную вину несет каждая из них; стало быть, каждая заслуживает своих 8 лет АЛЖИРа. Индивидуальная же вина или невиновность в данном «преступлении» не имеет равным счетом никакого значения.

НКВД требовалось лишь превратить метафизическую вину сочувствия и фантастическую вину соучастия в юридически оформленный приговор.

Сколько же всего женщин было отправлено в 1937–1938 гг. в лагеря в качестве «членов семьи изменников родины»? Точная цифра нам неизвестна. Восстановить ее можно только по протоколам Особого совещания, к сожалению, пока еще остающимся для нас недоступными. Некоторым ориентиром могут служить данные из уже упоминавшейся записки от 5 октября 1938 г. В ней руководство НКВД сообщало Сталину, что всего на основании приказа № 00486 «по неполным данным репрессировано свыше 18 000 жен арестованных предателей, в том числе по Москве свыше 3000 и по Ленинграду около 1500».

Более точными выглядят данные об «изъятых» детях. В Административно-хозяйственном управле-

нии НКВД, которое занималось распределением этих детей по детским учреждениям, велся тщательный учет. Из сохранившейся внутриведомственной и межведомственной переписки мы узнаем не только об их числе, но и о том, что вся операция по приказу 00486 носила отчасти «плановый характер».

<...>

Итоговые цифры по 1937-1938 гг. сообщил 29 января 1939 г. начальник АХУ НКВД Сумбатов в записке на имя Берия:

«Приказом НКВД № 00486 1937 года на Административно-хозяйственное управление НКВД было возложено особое задание по изъятию детей врагов народа и определению этих детей в детские учреждения или передаче родственникам на опеку.

С 15 августа 1937 года по настоящее время Административно-хозяйственным управлением проделана следующая работа:

Всего по Союзу изъято детей25 342 чел.

из них:

а) Направлено в детдома Наркомпроса и местные ясли22 427 чел.

из них г. Москвы1909 чел.

б) Передано на опеку и возвращено матерям.....2915 чел.»

Цифры эти выглядят вполне достоверными. Но они заведомо неполны.

В них не включены данные о детях старше 15 лет, которые были признаны «социально-опасными», арестованы и осуждены. Нам известно совсем немного имен – считанные десятки. На самом деле осужденных детей было больше.

Нет здесь данных и о других 15-, 17-летних детях репрессированных родителей – тех, у которых не обнаружилось родственников, желающих взять их в свои семьи. Их направляли в детские дома до окончания средней школы или принудительно трудоустроивали. Но и направление детей старше 15 лет в детдом, и трудоустройство осуществляли местные управления НКВД без участия АХУ НКВД СССР, поэтому в статистике АХУ эти данные не отражались.

Нет сведений о детях, как старшего, так и младшего возраста, которых родственники забирали к себе сразу после ареста родителей (иногда уже из детприемников), не оформляя официально опеку в органах НКВД. Не учтены многочисленные случаи, когда сами дети сумели избежать «изъятия», на свой страх и риск отправляясь к родным (иногда совершая при этом далекие путешествия, пробираясь тайком в другие города и регионы) или просто пополняя ряды беспризорников.

Нет в записке начальника АХУ НКВД и сведений о грудных детях, которых матери забирали с собой в лагерь, о детях, родившихся в заключении (несмотря на запрещение в приказе 00486 арестовывать беременных женщин, правило это постоянно нарушалось).

Дело, однако, не в цифрах, а в непреложном факте – операция по приказу № 00486 была направлена не только против жен, но и против детей «врагов народа». И когда мы пытаемся подсчитать общее число жертв этого приказа, необходимо включать и их в итоговые цифры.

Первые этапы ЧСИР пошли в лагерь в сентябре 1937 г. Как уже упоминалось, в июле 1937 г. было

приказано создать для женщин два специальных лагеря – в Западной Сибири и в Казахстане. Но к началу операции их еще не успели подготовить. Поэтому в приказе № 00486 в качестве места, куда следовало направлять заключенных, был обозначен Темниковский ИТЛ, дислоцированный недалеко от Москвы – в Мордовии. К сентябрю 1937 г. здесь было организовано первое специальное отделение для женщин – членов семей «изменников родины». Оно, однако, не могло вместить всех ЧСИРов, направляемых в Темлаг, и для них вскоре начали освобождать дополнительные лагпункты.

Сами заключенные вспоминали впоследствии, что всего в Темлаге сидело около 7 тысяч женщин-ЧСИРов. По-видимому, на самом деле их было несколько меньше – от 4,5 до 5 тысяч.

Вслед за спецотделением в Темниках такое же отделение, примыкающее к местной тюрьме, было открыто в Томске. В мемуаристике сохранилось название – «Томский лагерь жен изменников родины». По воспоминаниям одной из заключенных, привезенной туда в конце 1937 г., здесь к этому моменту находилось около 4 тысяч ЧСИР.

Наконец, в самом начале 1938 г. было открыто спецотделение в Акмолинске, входившее в структуру Карагандинского ИТЛ. Разрешение на его создание ГУЛАГ дал еще в начале сентября. Следующие четыре месяца ушли на подготовительные работы, причем Москва постоянно торопила Карлаг. Начиная с 10 января 1938 г. стали приходить этапы. Акмолинское спецотделение быстро заполнялось и в течение полугода переполнилось настолько, что руководство Карлага вынуждено было вначале временно распределять очередные этапы осужденных жен по другим лаготделениям, а к осени создать еще одно специальное отделение для ЧСИР – Спасское.

Первые полтора года существования лагеря были самыми трудными для заключенных. Теснота, тяжелый, непривычный быт, не налаженное производство – все это вместе с определенным для «спецконтингента» режимом строгой изоляции делало их жизнь особенно мучительной. И весь этот период АЛЖИР рассматривался не просто как лагерь для ЧСИР, а как место содержания «особо опасных» из них. Лишь в мае 1939 г., через полгода после того, как на воле закончилась операция против жен «изменников родины», был издан приказ ГУЛАГа, во исполнение которого в течение лета-осени отделения Темлага, Сиблага и Карлага, где были сконцентрированы ЧСИРы, были переведены со «спецрежима» на общелагерный. Это означало несколько принципиальных изменений в жизни узниц АЛЖИРа. Главное из них: женщинам была разрешена ранее запрещенная переписка с волей. Только сейчас многие смогли узнать о судьбе своих мужей, о том, что произошло с их детьми. Разрешили также получать посылки, сняли запрет на использование специалистов по их рабочим специальностям и т.д.

Переход на общелагерный режим означал, в частности, что ЧСИРы не являются больше «спецконтингентом», который содержится в строгой изоляции от других заключенных. Их можно было теперь объединять с другими лагерными «контингентами», переводить в другие лагпункты, в случае производственной или режимной необходимости – в другие лагеря. Это довольно быстро привело к раскраси-

Памятник узницам АЛЖИРа в поселке Малиновка.

рованию Томского лагеря ЧСИР, откуда большую часть женщин перевели в ИТК №1 Сиблага на станции Яя, к нескольким этапам ЧСИР из переполненного Темлага в другие лагеря, например, на строительство Сегежского лесобумхимкомбината в Карелию (оттуда многие из них потом будут переведены в Карлаг). В самом Карлаге было ликвидировано недавно созданное Спасское отделение, а ЧСИРы перераспределены между другими отделениями лагеря (значительная часть попала в Долинку). Начались и переводы ЧСИР из Карлага в другие лагеря – на строительство Соликамского ЦБК, в Красноярский ИТЛ и т.д.

Акмолинское спецотделение в самом конце 1939 г. вошло окончательно в Карлаг (до того оно входило в структуру Карлага формально, в основном подчиняясь непосредственно ГУЛАГу) и было переименовано в 17-е отделение Карлага. Однако до начала войны оно еще сохраняло первоначальную специфику, оставаясь прежде всего местом сосредоточения именно ЧСИР. Позднее сюда стали помещать женщин и мужчин, осужденных за другие «контрреволюционные преступления», иногда и осужденных по общеуголовным статьям. По мнению современного исследователя, «Акмолинское отделение к началу 40-х годов стало смешанным и все более походило на другие отделения Карлага».

<...>

Всего в Карлаге в 1938-1946 гг. отбывали наказание около 6500 женщин-ЧСИРов. Из них более 4500 прошли через АЛЖИР – один из крупнейших (если не самый крупный) советских женских лагерей.

Ныне во многих городах и поселках Республики Казахстан воздвигнуты мемориальные комплексы, монументы, памятные знаки жертвам политических репрессий советской эпохи. В новой столице – Астане (бывший Акмолинск) – к памятнику жертвам возлагают цветы, сажают около него деревья.

В Малиновке – так называется теперь бывший трудпоселок № 26 – стоит памятник узницам АЛЖИРа. На тополиной аллее, посаженной когда-то их руками, установлены стенды с именами и фрагментами воспоминаний; в Доме культуры создан музей АЛЖИРа. На месте, где хоронили умерших заключенных, установлены символические надгробия – христианское и мусульманское. Ежегодно в День памяти и скорби сюда приезжают родственники женщин, когда-то отбывавших заключение в Акмолинском лагере.

Приезжают сюда и сами бывшие узницы. Их осталось уже совсем немного.

Впервые опубликовано в книге: Узницы «АЛЖИРа»: Список женщин — заключенных Акмолинского и других отделений Карлага / Ассоц. жертв незакон. репрессий г. Астаны и Акмол. обл., Междунар. о-во «Мемориал»; — М.: Звенья, 2003. В публикации использованы материалы архива Международного общества «Мемориал», экспедиции Международного общества «Мемориал» «Казakhstanский АЛЖИР» (фотографии Николая Середы, Рязанский «Мемориал»). Фотографии 1936 года: Александр Родченко.

Редакция журнала выражает благодарность Международному «Мемориалу» за предоставленные материалы.

«ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ГРУППА... ПОЭТОВ»

*...А знает ли кто твои стихи
Наизусть? И те, кто знает,
Уцелели ли они?
Бертольт Брехт*

Эту книгу* невозможно прочитать «на одном дыхании». И дело не в том, что в ней без малого тысяча страниц. Просто едва ли не на каждой странице перехватывает горло...

В этой книге-антологии собраны стихи самых разных людей: блестящих поэтов Серебряного века и гениев литературного авангарда, великих философов и религиозных мыслителей, «пролетарских» и «крестьянских» поэтов, всемирно известных академических ученых и людей «малознаменитых». Многих и мно-
пх...

Всех их объединило одно – судьбу, а зачастую – самую жизнь каждого из 367 авторов антологии сломал или уничтожил «коммунистический» режим Ленина-Сталина.

Стихи, опубликованные в книге «ПОЭЗИЯ УЗНИКОВ ГУЛАГА» сочинялись в тюрьмах, лагерях, ссылке, заучивались наизусть, ибо записывать было опасно, повторялись про себя чуть ли не каждый день, а если и записывались, то хранились с максимальной осторожностью: «И мятый убористый список / Под стелькой сапог берегу.» – писал заключенный Каргопольлага, автор искрометной героической комедии «Давным-давно» Александр Глазков.

С научно-исторической точки зрения название антологии неточно, поскольку в книгу включены и стихи тех поэтов, которые прошли свой крестный путь до официального возникновения ГУЛАГа, (как открывающий книгу Николай Гумилев), или же был расстрелян вскоре после ареста. Но с «легкой руки» Александра Солженицына, чьи стихи(!) также представлены в антологии, ГУЛАГ стал метафорой сталинского режима, и с этой позиции – название справедливо. И эта метафора, пожалуй, единственная, которую позволил себе составитель, оставив право на метафоры – поэтам.

В антологии авторы представлены в хронологической последовательности, нет, не дат рождения, а дат **арестов** – от 1921 года (Николай Гумилев) и до 1953 года (Рудольф Бершадский). Понятно, что строго соблюсти такой порядок невозможно – о некоторых авторах отсутствуют сведения, многие арестовывались по несколько раз. Но представляется, что решение, выбранное составителем, было единственно верным: перед нами предстает не «механическое» собрание стихов, а единая книга о жизни и судьбе нескольких поколений...

Марина Пантелеевна Яриева, девчонкой, вместе с семьей раскулаченных из Саратовской губернии, по-

павшая в Казахстан, пишет во вступлении к своим стихам: «Они примитивны и смелы, наверное, для профессионала. Но в них правда жизни. Судьба близка».

*Отец, я не помню тебя,
Мне мало годков тогда было, прости ты за это меня.
Я старше в два раза тебя – виски седина побелела.
А ты молодой навсегда. И мама такого любила.*

Стихи, за сочинение которых могли добавить (и добавляли!) лагерные сроки, становились не только **документом эпохи**, не только **средством самоснашения** человеческого сознания, но и явлением истинной **поэзии**.

Стихи в антологии предваряются биографическими справками. Этот сухой термин не подходит к тем разным по величине, от нескольких страниц до нескольких строк, текстам, повествующим о судьбах людей, – здесь и фрагменты автобиографий, выдержки из официальных документов, воспоминания родных и друзей и, самое страшное – слова: «никаких сведений об авторе обнаружить не удалось».

Когда читаешь включенные в биографии «обвинительные заключения», перед глазами раскрывается жуткий театр абсурда, который не могли представить, а могли лишь предчувствовать обреченные – (за это **предчувствие** – страшно поплатились!)

Поэт Иван Приблудный был расстрелян в 1937 году «за принадлежность к террористической группе из среды поэтов». Вдумайтесь в эту фантазмагорическую формулировку: **террористическая группа поэтов!** Абсурд? Увы, нет...

Поэты – люди свободомыслящие по определению, и потому всегда изначально воспринимаются диктаторами как люди ненадежные и даже опасные.

Именно это – свободное биеие мысли (ни конъюнктуры, ни самоцензуры) в стихах узников ГУЛАГа долгие годы после освобождения из лагеря и даже реабилитации пугали «литературное начальство» и вызывали ненависть всевозможных «литературоведов в штатском». Никакие государственные архивы не собирали произведения бывших заключенных.

Ко времени работы над антологией «умерли и многие поэты, и их друзья – хранители рукописей; многое исчезло бесследно» горестно пишет в предисловии Семен Виленский, человек, проделавший поистине титаническую работу по составлению антологии.

Потому, увы, скорбный список поэтов ГУЛАГа отнюдь не исчерпывается именами, представленными в этой уникальной книге.

Александр Введенский, Лев Квитко, Ян Озолин, Давид Гофштейн, Ицик Фефер, Владимир Свидзинский, Виктор Эглитис, Изн Харик, Евгений Забелин...

«Хотелось бы всех поименно назвать...» – написала Анна Ахматова.

Хочется верить, что голоса узников ГУЛАГа, вырванные из небытия этим (и последующими) изданиями, вновь зазвучат в нашей жизни.

* *Поэзия узников ГУЛАГа: Антология / Сост. и авт. предисл. С.С. Виленский. М.: МФД: Материк, 2005. – 992 с. – (Россия. XX век. Документы).*

СТИХИ УЗНИКОВ ГУЛАГА

Дополнение к антологии

ИЗИ ХАРИК

1898–1937

Изи Харик родился 17 ноября 1898 года в местечке Зембин Борисовского района Минской губернии. С ранних лет пришлось много трудиться. Он научился многим профессиям. Работал пекарем, аптекарем, учителем, библиотекарем. С восторгом он принял Октябрьскую революцию, которая, как ему казалось, несет свет и свободу простым людям. Об этом и первые его стихи. В 1919 году Харик стал членом партии и тогда же добровольно вступил в Красную Армию, участвовал в гражданской войне. В 1920 году он впервые опубликовал свои стихи.

Изи Харик учился в Высшем литературном институте им. В.Я. Брюсова, закончил еврейское отделение педагогического факультета 2-го Московского государственного университета. Переехав в Минск, работал редактором еврейского журнала «Штерн» («Звезда»), был членом президиумов Союзов писателей СССР и БССР.

При жизни вышли более десяти книг его стихов и поэм на идиш.

Досконально зная быт евреев в белорусских местечках и городах, знаток фольклора, человек широкой эрудиции, хорошо знакомый с достижениями мировой литературы, Харик вошел в еврейскую литературу как талантливый и опытный мастер. Его сочинения становились хрестоматийными, их изучали в еврейских школах и училищах.

Казалось, впереди — целая жизнь... Но судьба распорядилась иначе. Изи Харик прожил всего 39 лет. Его постигла злая участь тысяч ни в чем неповинных соотечественников, уничтоженных в годы сталинских репрессий.

В сентябре 1937 года Изи Харик был арестован, а спустя полтора месяца Военная коллегия Верховного суда СССР подписала ему смертный приговор.

Нет, не молодость согрелась
В ровном солнечном огне, —
Плодоносным летом зрелость
Наливается во мне.
Радость, в сердце возникая,
Новью мудрой велика,
И тоска теперь иная —
Рядом с радостью тоска.
Шире стали мои плечи,
Стала грудь почти стальной...
Здравствуй, счастье зрелой встречи
С жизнью вечно молодой!

1926

Перевод С. Наровчатова

Я не горюю, не любимый славой,
К моим следам никто не припадет...
Теперь, когда сердца пылают лавой,
В моих стихах — сведенный гневом рот.
И я хотел бы петь, чтобы забыться,
И по ветру развеять трепет свой,
Но как к беспечной жизни мне стремиться.
Когда не весь ликует шар земной?
Я и сейчас люблю звезды снянье,
Люблю кипящий вспененный поток.
Но душу мне приводит в содроганье
Игривый и беспечный ветерок.
Я не горюю, не любимый славой,
Никто к моим не припадет следам...
Теперь, когда сердца пылают лавой,
Я песнь мою сердцам людей отдам.

1925

Перевод А. Ахматовой

АЛЕКСАНДР ВВЕДЕНСКИЙ 1904–1941

Александр Иванович Введенский родился 23 ноября (6 декабря) 1904 года в Петербурге. Во второй половине 20-х годов Введенский вместе с Хармсом и Заболоцким принимает участие в нескольких литературно-театральных начинаниях. На почве театра «Радикс», где ставилась пьеса Введенского и Хармса «Моя мама вся в часах», происходит сближение с К. С. Малевичем. В записных книжках Хармса зафиксированы переговоры группы «Радикс» с Малевичем о новом объединении, ставящем целью «консолидацию всех левых сил в искусстве».

В конце 1927 года «Радикс» преобразуется в знаменитое ОБЭРИУ – Объединение реального искусства. После серии сначала издевательских, потом открыто доносительских печатных откликов обэриуты получают трехлетние сроки «а контрреволюционную деятельность в области детской литературы», замененные ссылкой. По возвращении из ссылки объединение Введенского и Хармса замыкается в узком

кругу друзей-единомышленников, в который кроме них входили философы Я. С. Друскин и Л. С. Липавский, а также поэт Н. М. Олейников.

С 1937 года Введенский живет в Харькове. Накануне оккупации города немцами он, как лицо ранее репрессированное, был подвергнут «превентивному аресту» с последующей принудительной эвакуацией и на этапе погиб. Одновременно в Ленинграде был арестован Хармс. Архив Хармса, в составе которого находилась и большая часть дошедших до нас произведений Введенского (сам поэт рукописями не дорожил), был спасен из опустевшей квартиры Хармса Я. С. Друскиным. В настоящее время архив этот хранится в Рукописном отделе Ленинградской публичной библиотеки.

На стихотворении Николая Заболоцкого «Прощание с друзьями», включенном в антологию, стоит посвящение: «Друзьям молодости, погибшим после ареста, – Д. Хармсу, А. Введенскому, Н. Олейникову».

ИЗ «СЕРОЙ ТЕТРАДИ»

Над морем темным благодатным
носился воздух необъятный,
он синим коршуном летал,
он молча ночи яд глотал.
И думал воздух: все проходит,
едва висит прогнивший плод.
Звезда как сон на небе всходит,
пчела бессмертная поет.
Пусть человек как смерть и камень
безмолвно смотрит на песок.
Цветок тоскует лепестками
и мысль нисходит на цветок.
(А воздух море подметал
как будто море есть металл).
Он понимает в этот час
и лес и небо и алмаз.
Цветок он сволочь, он дубрава,
мы смотрим на него направо,
покуда мы еще живем
мы сострижем его ножом.

(А воздух море подметал
как будто море есть металл).
Он человека стал мудрее,
он просит имя дать ему.
Цветок мы стали звать андреем,
он нам ровесник по уму.
Вокруг него жуки и птички
стонали как лесные чашки,
вокруг него река бежала
свое высывая жало,
и бабочки и муравьи
над ним звенят колоколами.
приятно плачут соловьи,
летая нежно над полями.
А воздух море подметал,
как будто море есть металл.

1932-33(?)

ЕВГЕНИЙ ЗАБЕЛИН

1908–1943

«...Мы самым серьезнейшим образом предупреждаем молодежь держаться подальше от этих пылелускателей в поэзии и мышинных жеребчиков в жизни... Забелин-Васильев и иже с ними – не с нами. Они против нас!»

Газета «Рабочий путь», Омск. 1930 г.

«...Забелин Евгений Николаевич, сын протоиерея. Настоящие имя и фамилия – Леонид Савкин. Ярый ненавистник советского строя. Странник диктатуры на манер колчаковской. Мечтает работать в контрразведке... Автор многочисленных х/р стихов, как, например, "Адмирал Колчак", "Россия"...»

Из материалов уголовного дела Павла Васильева. Март 1932 г.

«Обвинительное заключение по делу 122613 о нелегальной контрреволюционной организации литераторов "Сибирская бригада".

Формула обвинения. ОГПУ ликвидирована нелегальная антисоветская группа "Сибирская бригада", созданная группой сибирских литераторов, осевших в Москве... Группа ставила своей задачей широкую антисоветскую агитацию, в частности, антисоветскую пропаганду через художественно-литературные произведения, обработку и антисоветское воспитание молодежи и враждебных к соввласти слоев, расценивавшихся как актив антисоветского движения...

В качестве первого этапа на пути к фашизации СССР группа выдвигала создание независимой белой Сибири. Идея белой Сибири породила культ колчаковщины и Колчака как предвестника и грядущего диктатора фашистской России.

По данному делу суду предаются следующие лица: Анов Николай Иванович, Забелин Евгений Николаевич, Марков Сергей Николаевич, Мартынов Леонид Николаевич, Васильев Павел Николаевич, Черноморцев Лев Николаевич – личный состав контрреволюционной группы "Сибирская бригада".

* * *

Евгений Николаевич Забелин родился и вырос в семье священнослужителя. Из-за своего происхождения в полной мере испытал на себе всевозможные подозрения и ограничения. В первой половине тридцатых годов Забелин по нелепому обвинению был сослан на русский Север. А после круга первого, в тридцать седьмом, – снова суд и лагерь у Магадана. Там он и погиб. Реабилитирован посмертно. Настоящая его фамилия Савкин, но ему пришлось стать Евгением Забелиным. Он не оставил после себя ни одной книги – только стихи, разбросанные по газетам Омска и Вологды, журналам и альманахам Москвы, Новосибирска, Архангельска. В 1990 году в Омске вышла книга стихов Евгения Забелина «Польнь».

РОССИЯ

Хватив накипевшего зелья,
Ударив стаканом о стол.
Томится она от похмелья.
Задрав кумачовый подол.
И рот припаскудила рвота.
Башку заломив набекрень.
Кто вымазал дегтем ворота
Курносых ее деревень?
Не батя встречается с батей –
То хлещется юбка в крови.
«Ну, девка, теперь забрюхатим.
Ну, девка, теперь не реви!»
Ты, Русь, пестрокрылая птица,
Быстрой бубенцом отзвони.
Тебя октябрили, срамница,
Чекистские ночи и дни.

1930(?)

ВЛАДИМИР СВИДЗИНСКИЙ

1885–1941

Родился Владимир Свидзинский 8 октября 1885 года в селе Маянив Винницкого уезда Подольской губернии (ныне Тывровский район Винницкой области). Владимир сначала учился в Тывровской бурсе, а затем в Каменец-Подольской семинарии (не окончил по болезни). Со временем получил экономическое образование в Киевском коммерческом институте (1906—1913).

В 1912 году журнал «Українська хата» напечатал первое стихотворение Свидзинского, тем не менее первый сборничек «Ліричні поезії» от той публикации отделяет целое десятилетие: он датирован 1922-м. Эта таинственность творческой личности Свидзинского обрела истолкование у Василя Стуса как «способ благородной герметизации собственного духа»... «В этой позиции, — пишет Стус, — единственное его спасение и надежда на выживание. Замкнуться, чтобы сохраниться. Стать незаметным, чтобы не ошибиться в собственной сути. Отстраниться, чтобы не быть соучастником...»

Такая позиция, однако, обрекала его на недоброжелательность критики, а это, в свою очередь, затрудняло выход к читателям. И первая книжка «Ліричні поезії», и вторая, «Вересень» (1927) заслу-

жили упреки и проработку за «идеалистическое мировоззрение», за «бесперспективное буржуазное миропонимание». Неудивительно поэтому, что третью книжку от второй отделяют целых 13 лет, что длительное время поэт писал, по его выражению, лишь для себя и для дочурки — не писать не мог.

В Харькове Свидзинский в течение многих лет работал корректором, потом литературным редактором в журнале «Червоний шлях» (с 1936 года — «Літературний журнал»). Всю жизнь снимал углы и бедствовал. Сборник 1940 года «Поезії» оказался последним прижизненным: в следующем году, в начале войны, поэт погиб.

Когда немецкие войска приблизились к Харькову, НКВД предпринял выборочные аресты тех жителей, которые еще не эвакуировались. Свидзинский также попал под эту облаву. Его вместе с другими насильно эвакуированными гнали под конвоем на восток, а потом сожгли заживо в каком-то строении между Кулянском и Старым Салтовом.

*Из статьи доктора филологических наук
Элеоноры Соловей «Неузнанный гость: судьба и
наследие Владимира Свидзинского»*

КОЛДУН

Наболели у дерев за долгий день,
Наболели головы от буйного шума:
Бушует над ними порывистый ветер.
Уж ночь на дворе, а нету покоя...
«Ну-ка, сверчок, печь стереги,
Темных богов, дымные струи,
Я же пойду ветер прогнати».
Выходит из хаты дряхлый дедок:
О горе, горе, — не спится земле,
Тяжко скрипит старый журавель,
Ветряк трясет сухими костями,
Горестно стонет корявая верба:
Сердце ее дупло расколело!
Шепчет дедок колдовские слова,
Подымает дедок недобрые руки:
Схватить за рога неумный ветрило,
Ветер, что бык, рога вырывает,
Тычет в грудь со словом глумливым:
— Мертвец — во гробе, камень — в море,
Тебе бы, старому, вразумиться,
Да в вербе дуплистой схорониться.
Будет тебе там славно стоять,
Ногтями-когтями грести-подгребати,
Гнилой трухою шурушати.

1.VII.1934

Перевод И. Захаровой

ЛЕВ КВИТКО

1890–1952

Лев (Лейб) Квитко родился в 1890 году в местечке Голосков Подольской губернии. Семья жила очень бедно, поэтому будущему поэту с детства пришлось работать. Стихи начал писать с двенадцати лет. Ранние стихотворения Квитко, вошедшие в его первую книгу «Тріт» (1919), проникнуты романтическими настроениями. В 1921 году эмигрировал, жил в Берлине и Гамбурге, где работал в советском торговом представительстве.

Волна петлюровщины, захлестнувшая кровью Украину, отразилась в творчестве Квитко книгой стихов «1919», рисующих жуткие переживания погромов. В 1925 году вернулся в Советский Союз. Яркой отличительной чертой, характеризующей все творчество Квитко, является своеобразная установка на народность, сказывающаяся как в речевой стихии поэта, так и в построении образов.

Стихи Льва Квитко переведены на многие языки. Ему принадлежит также ряд переводов с украинского, белорусского и других языков.

* * *

«...Вместе со своими коллегами по Антифашистскому еврейскому комитету Лев Квитко творил добро для всего воюющего с фашизмом отечества. Могли он знать, что его добро будет жестоко покарано. Знал ли он, что произойдет диффузия фашизма и в самых омерзительных формах антисемитизма он испытает ее вместе с народом, к которому принадлежит. Испытавший до революции антисемитизм на Украине, в России, а также в Германии Лев Квитко в результате кампании борьбы с космополитизмом, развязанной в конце 40-х годов, был арестован в 1949 году вместе с лучшими представителями советской еврейской культуры.

Многие произведения Льва Квитко в рукописи были забраны при аресте и пропали. Таким образом, наше знание поэта неполно, недостаточно. Сказано, что рукописи не горят. Не горят, но их арестовывают, их уничтожают. Планы поэта были обширны. Жизнь Льва Квитко трагически оборвалась 12 августа 1952 года. Он был убит в числе других видных деятелей еврейской культуры. Он был посмертно реабилитирован и признан невиновным. Уничтожение такого человека — преступление перед человечеством».

Лев Озеров

ТРЕВОГА

Ей слышится: бессонница — со мною,
И непрерывно в сумраке ночном
Кровать скрипит и ходит ходуном...
“О чем он думает — мой милый?
О плохом?”

Тревога сердце залила волною.
Ее волшебный сон одолевает,
Таким бы сладким сном забыться мне!
Смыкает он глаза, уста смыкает,
Но ноги сами тело поднимают
И ощупью ведут ее ко мне.
И пять шагов для сна — далекий путь.
И, полуспящая, к моей постели
Она подходит, произносит еле:
“Ты понимаешь, не могу заснуть!”
Она почти что в сон погружена,
Ее блаженство отдыха зовет,
Но мне она свой сон передает...
Я засыпаю. Бодрствует она.

1947

Перевод М. Светлова

ТЮРЕМНЫЙ РОМАНС

Нет, милый друг,
Не свидеться нам —
Дверь мою холод сковал по углам.
И вырваться трудно, поверь мне,
поверь мне...

И ты не являйся сегодня, мой друг!
Гостят у меня тишина и забвенья,
И в сердце от горьких предчувствий испуг.
Мы встретимся завтра...
А может быть, позже.

Когда засверкает на листьях роса,
Когда засияет в окне день погожий
И солнце заглянет в глаза.
Придешь и развеешь ты тяжкие думы,
И дверь распахнется в разбуженный сад,
И будет мой голос веселым и юным,
И нежностью будет лучиться мой взгляд.
Нет, милый друг,
Не являйся теперь —
Холодом лютым закована дверь...

1952

Перевод Л. Фрухтмана

ДАВИД ГОФШТЕЙН

1889–1952

Давид Наумович Гофштейн родился в г. Коростышеве (ныне Житомирская обл.) в семье земледельца. Учился в хедере и у частных учителей в Петербурге и Киеве. Во время службы в армии (1912–13 гг.) экстерном сдал экзамены за курс гимназии. Из-за процентной нормы не был принят в университет и поступил в Киевский коммерческий институт.

Стихи Гофштейн писал с девяти лет; вначале на иврите, позднее также на русском и украинском языках, с 1909 г. — на идише.

Октябрьскую революцию поэт воспринял как воплощение библейских идеалов справедливости, как избавление евреев от национального гнета. В 1920 г. Гофштейн переехал в Москву, был одним из редакторов ежемесячника «Штром» («Поток»). Еврейскими погромами на Украине (1918–19 гг.) были навеяны проникнутые гневом и болью стихотворения «Украина» и «Tristia», вошедшие в сборник «Троер» (К., 1922; иллюстрации М. Шагала).

Появление сборника «Лирик» («Лирика», 1923) выдвинуло Д. Гофштейна в число ярчайших поэтов СССР. Зоркое виденье природы и широкие философские обобщения органично слиты в его стихах с задушевностью непосредственно выраженного чувства. В равной мере виртуозно владея классическим и свободным стихом, Гофштейн обогащал их энергичным ритмом, сложной системой ассонансов и внутренних рифм.

В 1924 г. Гофштейн подписался под протестом против гонений на иврит, за что был отстранен от редактирования «Штрома» (вскоре закрыт). В 1927 г. поэт был избран в бюро еврейской секции Всеукраинского союза пролетарских писателей, в 1928-м стал членом редколлегии ее журнала «Пролит».

В конце 1929 г. Гофштейн был обвинен в «мелкобуржуазных взглядах» из-за несогласия с кампанией, развернутой против Л. Квитко, и исключен из писательского союза. Во время Второй мировой войны и в первые годы после нее Гофштейн активно сотрудничал в Еврейском антифашистском комитете и еврейской секции Союза еврейских писателей. Переводил на идиш Пушкина, Шевченко, Руставели, советских поэтов. 6 сентября 1948 г. он был арестован и 12 августа 1952-го расстрелян по делу ЕАК.

* * *

«... В конце января 1953 года, когда я была одна в квартире, ко мне ворвались шесть человек: управдом, дворник, представитель суда, представитель писательской организации и двое рабочих. Они потребовали очистить одну комнату, начали швырять вещи.

— Что вы делаете?

— Освобождаем комнату. Здесь жил враг народа, — сказал представитель суда.

— Что вы говорите? Что за враг народа? Ведь еще нет приговора!

— Кто сказал, что нет? Есть!

Он достал из портфеля бумагу, встал на середину комнаты и торжественно, слово за словом, прочитал приговор суда.

Так я, единственная из членов семей писателей, узнала об ужасном приговоре. Никому из нас, жен, официально об этом никто не сообщил до ноября 1955 года. Видимо, КГБ нас «щадил». Но у правления Союза писателей не было сантиментов. Чтобы отнять у меня комнату побыстрее, они получили из КГБ копию приговора».

*Из книги воспоминаний
Фейги Гофштейн, вдовы поэта.*

УТРО

К моим дверям
Снежинок намело,
Одну кодной. —
И вот уж горка снега,
И вот уже кругом белым-бело
От жемчуга,
Ниспосланного небом.
Вода и воздух
Ткут, прядут снежок
И на канву
Кладут узор жемчужный,
И каждый бело-голубой стежок
Земле я небу несомненно нужен.
И вот уже
Белым-бела душа,

Раскрыты настезь
И глаза и сердце...
Как эта горка снега хороша.
В тумане пара,
Возле новой дверцы!
А там,
Толпою выйдя на простор,
Сняющие в первозданном глянце,
Стоят громады настоящих гор.
Роня с плеч
Лавины
Снежных мантий.

Перевод А. Эфрон

* * *

Дыхание весны
Меня едва коснулось...
О чудо из чудес! Тебя ли объясню
Тем, что земля
Чуть ближе
К солнцу
Повернулась?
Нет меры у меня,
Чтоб силу чувств измерить,
Нет у меня весов,
Чтобы на них проверить
Тот свет
И то тепло,
Какими я объят!
Я знаю лишь:
От тягот всех избавлен,
От всех преград.
Такой свободы
И ее истоков
Мне суть ясна:
Настало утро года,
Пришла весна!

Перевод А. Эфрон

* * *

Любая пядь земли ждет
пристального взгляда.
И кучка мусора. И тень. И угол темный,
Что в клетку заперли наваленные бревна.
Тогда и пыльный хлам милей цветенья сада,
Милей, чем город шумный,
праздничный, огромный.

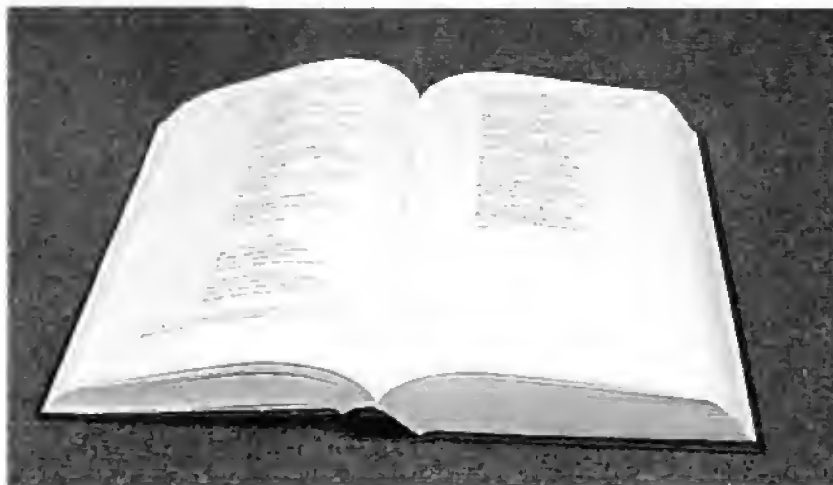
Я нынче понимаю снова:
Любая пядь земли
ждет пристального взгляда.
И во владенье мне дано живое слово,
Для песен я рожден, много мне не надо.

Перевод Р. Гинзбург

Источники публикаций:

- Изи Харик. Стихи и поэмы. М., Советский писатель, 1958.
Александр Введенский. Полное собр. соч. в двух томах. М., Гилея, 1993.
Евгений Забелин. Журнал «Наш современник», № 6, 2000.
Юрий Феокистов. Журнал «Даугава», № 6, 1990.
Володимир Свідзінський. Твори у двох томах. Киев, «Критика», 2005.
Лев Квитко. Избранное, М., Художественная литература, 1990.
Давид Гофштейн. Стихотворения. М. Художественная литература, 1970.

Подготовка текста и вступительная статья: Владимир Холмогорский.

«НЕ СУЖДЕНО ОТ УЧАСТИ НАМ СКРЫТЬСЯ...»

Евгений ЗАХАРОВ

Харьковская правозащитная группа подготовила к печати билингву Василя Стуса — публикацию первой части «Палимпсестов» на украинском и русском языках (в переводе Марлены Рахлиной). Скоро это издание, где впервые будут представлены в таком объеме стихи Стуса на русском языке, увидит свет.

Перевод был сделан в конце 90-х годов по киевскому изданию 1992 года «Вікна в позапростір», где была напечатана первая часть «Палимпсестов», сформированная поэтом в магаданской ссылке, — 166 стихотворений, написанных в заключении в 1972–1977 гг. Предлагаем вниманию наших читателей несколько переводов из этой книги. Но вначале несколько слов о поэте.

Василь Стус родился 6 января 1938 г. в селе Рахнивка Винницкой области. Через два года семья переезжает в Донецк, где в 1954 г. будущий поэт заканчивает среднюю школу, затем украинское отделение историко-филологического факультета Донецкого пединститута. После окончания института в 1959 г. преподавал украинский язык и литературу в Таужнянской школе Кировоградской обл., потом два года служил в армии на Урале. По окончании службы в армии Стус недолго работал журналистом. В 1963 г. он поступил в аспирантуру Института литературы АН УССР, с 1964 года работал в государственном историческом архиве Украины. В украинских журналах печатаются его стихи и литературно-критические статьи.

Послеармейский период был периодом поэзии. Это была эпоха Пастернака и безоглядно большая любовь к нему. Сейчас больше всех люблю Гете, Свидзинского (о Свидзинском см. стр. 106 – ред.), Рильке. Славные итальянцы (то, что знаю). Особенно – Унгаретти, Квазимодо. Еще люблю «густую» прозу – Толстого, Хемингуэя, Стефаника, Пруста, Камю, Фолкнера... Поэтом себя не считаю. Считаю себя человеком, который пишет стихи. Некоторые из них – как по мне – стоящие, – писал он в обращении к читателю в 1969 году.

4 сентября 1965 г. в переполненном зале кинотеатра «Украина» после того, как Иван Дзюба сообщил об арестах среди украинской интеллигенции (в конце августа арестовано более 20 человек — поэтов, художников, публицистов и т.д.), Стус с места громко сказал: «Кто против тирании — встаньте!» и первым встал.

Этот день — фатальный в биографии поэта. И не только потому, что вследствие этого поступка уже 20 сентября Стуса исключают из аспирантуры и затем увольняют из архива, вычеркивают сборник «Зимові дерева» («Зимние деревья») из издательских планов «Радяньского письменника», устанавливают за ним надзор КГБ.

Фатальность состоит еще и в том, что по странному стечению обстоятельств, ровно через 20 лет, в ночь на 4 сентября 1985 года, Стус погибнет в камере пермского лагеря особого режима, не дожив, возможно, нескольких месяцев до освобождения и последующей полной реабилитации.

В двадцать последних лет жизни поэта укладывается немало важных событий. Бракосочетание с Валентиной Попелюх и рождение сына Дмитрия, выход книги стихов «Зимние деревья» в брюссельском издательстве (1970), создание многих стихов и ряда блестящих литературоведческих исследований, активное участие в диссидентском движении. Все это прерывает первый арест 12 января 1972 года:

*Не суждено от участи нам скрыться,
ударил гром — и сразу — круговерть!
Вся жизнь вверх дном. Ты — все, что может сниться,
как смертопрозябанье, жизнесмерть.*

(«Не суждено от участи нам скрыться...»)

Стусу инкриминировали написание 14 стихотворений и 10 правозащитных и литературных статей. Среди них статья-эссе о творчестве П. Тычины «Феномен доби» («Феномен эпохи»), в которой исследуется влияние партийности литературы на творчество.

Ему инкриминировали и составление в 1970 самиздатского сборника своих стихов «Веселий цвинтар» («Веселое кладбище»), в котором речь шла «об условиях жизни советских людей, о социалистической демократии» и «возводится клевета на мероприятия КПСС в связи с празднованием 100-летия со дня рождения основателя советского государства». 7 сентября 1972 г. Киевский областной суд осудил Стуса по ст. 62 ч. 1 УК УССР (аналог ст. 70 ч. 1 УК РСФСР) и приговорил к 5 годам лагерей и к 3 годам ссылки.

Судебные процессы 1972–73 гг. на Украине — это суды над мыслью, над самим процессом мышления, над проявлениями сыновней любви к своему народу, — писал Стус в письме из лагеря

С февраля 1973 года Стус — в мордовских политических лагерях. Солагерник Стуса Михаил Хейфец характеризует его так: «Он был гордый и гонимый, как китайский император... С начальством и ментами говорил тоном победителя и прокурора на будущем Нюрнбергском процессе, а краснопогонники были для него преступниками, о которых он собирает данные, чтобы потом передать суду правдивую, хоть и небеспристрастную информацию».

Стус участвовал во всех протестных акциях политзаключенных. В письме от 1.08.1976 в ПВС

Евгений Захаров — председатель Харьковской правозащитной группы.

СССР он отказывается от советского гражданства, поскольку в этой стране его права человека «нагло нарушаются».

Он много пишет, переводит. Время от времени стихи забирали при обысках. В письме к ПЕН-клубу от 11 сентября 1976 г. Стус просит принять меры и использовать весь авторитет этой организации для спасения его сочинений (лирические стихи, переводы – около 200 стихотворений Гете и 100 стихотворений Рильке).

Лагерная администрация так формулировала свои претензии к творчеству Стуса: «само пребывание автора в заключении может придать лирическим текстам политическое звучание».

11 января 1977 г. Стуса отправили этапом в ссылку в поселок Матросово Тенькинского района Магаданской области. Там он работал в золотодобывающей штольне. Жил в общежитии вместе с бывшими уголовниками. Снять комнату ему не разрешили. После тяжелой травмы попал в больницу, где пробыл 2 месяца. За это время из его комнаты в общежитии пропало много книг и рукописей. В местной газете о нем публиковали злобные, лживые статьи.

В августе 1979 г. Стус наконец возвращается в Киев. Как скоро выяснилось – ненадолго. Член ПЕН-клуба (принят в 1978 г.), известный в Европе и Соединенных Штатах поэт не находит на родине ни одного пристойного места работы. Об издании книги и литературной работе не приходится даже мечтать. Поэт с серьезно подорванным здоровьем (из-за язвы у Стуса вырезали в 1976 году в лагерной больнице две трети желудка) вынужден устроиться на работу в литейный цех формовщиком с наиболее низким разрядом. Он толкает вперед себя вагонетки, нагруженные стальными болванками.

В октябре 1979 г. поэт вступает в Украинскую Хельсинскую группу, устанавливает связь с правозащитниками в Москве и за границей. ...Я вступил в

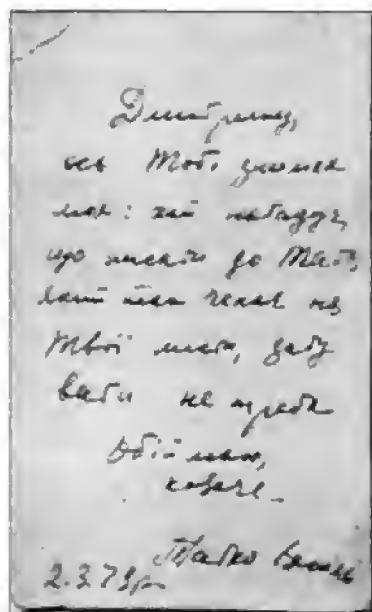
нее, потому что не мог иначе... Психологически я понимал, что тюремная решетка уже открылась для меня, что днями она закроется за мной — и закроется надолго. Но что я должен был делать?... Голову сгибать я не собирался, несмотря ни на что. За мной стояла Украина, ее угнетенный народ, честь которого я вынужден отстаивать до смерти («Из лагерной тетради», 1983 г.).

На свободе Василь Стус пробыл меньше года. 14 мая 1980 г. его арестовывают во второй раз. Приговор, учитывая состояние здоровья поэта, равен смертному наказанию: десять лет заключения в лагере особого режима и пять лет ссылки. В 1982 г. наказание еще более ужесточают – Стуса на год упекают в камеру-одиночку.

Условия содержания Стуса в пермской политзоне особого режима были крайне тяжелыми. Тем не менее, он много писал и переводил. Примерно 250 верлибров и 250 переводов должны были составить книгу, названную им «Птах душі» («Птица души»). Но все написанное немедленно конфисковалось.

Судьба этих текстов до сих пор неизвестна. Согласно официальному ответу на запрос родных, они уничтожены в связи с ликвидацией лагеря. В то же время в учетной карточке в лагере отмечено, что сразу после смерти Стуса тексты были вывезены в Москву.

28 августа 1985 г. под надуманным предлогом Стус в очередной раз был брошен в карцер. Он объявил голодовку протеста «до конца», а в ночь с 3 на 4 сентября умер. Вест о трагической гибели Стуса транслировали едва ли не все информационные агентства мира. Ведь за его судьбой давно следили многочисленные правозащитные организации, требуя от советского правительства освобождения поэта. Упрямо циркулировали слухи, что ему в скором времени присудят Нобелевскую премию, к которой он был представлен Генрихом Беллем...

Письмо к сыну.

Обложка книги «Василь Стус. Жизнь как творчество».

Обложка книги «Феномен Злохи».

Василь Стус, 1954 г.

С сыном Дмитрием, 1964 г.

В ссылке, 1978 г.

Вопреки невозможным условиям существования, или, говоря его словами, «смертопрозябания», Василь Стус все годы в заключении продолжал писать. Версии его «Палимпсестов» одна за одной проникали за стены тюрьмы – и дальше, за «железный занавес».

Его поэзия свободна от оголенной публицистичности, присущей многочисленным произведениям диссидентов. Стихи Стуса – стихи выдающегося поэта, а не политика. Его поэтическое творчество питается глубинными философскими и религиозными вопросами о судьбе человека, заброшенного в пограничную бытийную ситуацию.

Все силы его уникальной творческой личности направлены на решение вечных, «проклятых» проблем бытия. Советуя сыну, какие именно стихи Бориса Пастернака хорошо было бы выучить наизусть, Стус в одном из писем сжато излагает свою философию творчества: Он [Пастернак. – Е.З.], скажем, пишет такое: «единственное, что в нашей власти, это суметь не исказить голоса жизни, звучащего в нас». И это, конечно, касается не только самих творцов, то есть писателей, композиторов, а всех людей. Так как каждый человек, чем бы он не занимался, есть творец – когда человек живет по-человечески, то есть по-настоящему, а не паразитирует на жизни. Другое дело, что прожить жизнь творчески – это не легко. В конце концов, думаю, жизненные роли часто меняются: т.н. люди творческих профессий, бывает, перестают быть творцами, а люди т.н. нетворческих профессий – становятся творцами. Ведь всегда на кого-то ложится эта миссия – создавать. Как женщине – рожать жизнь, обновлять жизнь, поднимать ее над своей головой.

Сложную и уплотненную поэзию Василя Стуса чрезвычайно тяжело переводить на иной язык, впрочем, как поэзию любого большого творца. Поэтому, переводя «Палимпсесты», Марлене Рахлиной удалось (смирив собственную «поэтическую гордость») воспроизвести стихи Стуса с высокой мерой точнос-

ти и самоограничения, счастливо избежав «украшения» авторского текста.

Почти во всех переведенных ею стихотворениях Василя Стуса Рахлина смогла решить сложную задачу равного оригиналу количества слов в строке, что даже в переводах с родственных языков – весьма непросто... Переводчик активно использует многочисленные украинизмы, максимально сохраняет оригинальную лексику Стуса, часто основанную на диалектных (в частности, галицких), архаических и редко употребительных в обычной украиноязычной речи. Эти раритеты, заботливо воспроизведенные переводчиком, придают поэтическому языку Василя Стуса особое, всегда узнаваемое драматически-приподнятое звучание.

Конечно, каждый добросовестный переводчик постарался бы сохранить в собственных интерпретациях вышеупомянутые характерные особенности поэтики именно Стуса. Однако, переводы Марлены Рахлиной выходят за границы тщательной имитации. Сама прекрасный и самобытный поэт, она создает не просто «переложение на иной язык», а воссоздает неповторимый дух сложной вязи философической поэзии Стуса.

Прибегая к заимствованному из лагерного жаргона понятию, можно сказать, что Марлена Рахлина выступает как *подельник* поэта, причастный ко всем его творческим озарениям и потерям. Трагедия стихов с его голоса, она создает образ Иного, но не чужого, и вся ее кропотливая работа есть проявление любовного отношения к этому Иному. Как раз такого отношения, творческого и открытого одновременно, можно пожелать украинско- и русскоязычному читателю «Палимпсестов».

Благодаря двуязычному изданию этот вдумчивый и открытый читатель сможет по достоинству оценить как творческий подвиг Василя Стуса, так и творческую отвагу его переводчика.

При подготовке публикации использованы материалы
Константина Москальца.

Василь Стус

Перевод Марлены Рахлиной

Из сборника «Палимпсесты»

* * *

Сто дзеркал спрямовано на мене,
в самоту мою і німоту.
Справді – тут? *Ти – справді тут?*
Напевне,
ти таки не тут. Таки – не тут.
Де ж ти є? А де ж ти є? А де ж ти?
Досі зросту свого не досяг?
Ось він, довгожданий дощ (як з решета!)
заливає душу, всю в сльозах.
Сто твоїх конань... Твоїх народжень...
Страх, як тяжко висохлам очам!
Хто еси? Живий чи мрець? Чи, може,
і живий, і мрець – і – сам-на-сам?

Сто зеркал – меня ли отражают,
одиночество и немоту?
Правда – тут? Ты – правда тут?
Не знаю,
все же ты не тут, не тут, не тут.
Где же ты? А где же ты? А где же?
Так ты до себя и не дорос?
Вот он, дождь желанный (как и прежде)
заливает душу шквалом слез!
Сто твоих смертей... Рожденный... Боже,
страх как тяжело высохшим очам!
Кто еси? Живой? Мертвец? А может,
и живой, и мертвый – сам-на-сам?

* * *

Боже не лютості – лютості
боже не ласки, а мсти,
дай розірвати нам пута ці,
ретази ці рознести.
Дай нам серця неприкаяні,
дай стрепіхатий стогнів
душ смолоскипи розмаяні
між чужинецьких вогнів.
Пориве, пориве, пориве
разом пірвемося в лет.
Бач – розсвітається зариво,
Хай і на смерть, а – вперед.

Боже, не жалость, а лютость,
Боже, не милость, а мсть,
дай эти путы распутать,
дай эти цепи разнести!
Сердце нам дай необузданное,
дай нам мятежный стогнев,
души, как факел, развеяны –
меж чужинецких огней!
Заново, заново, заново
разом прорвемся – в полет!
Вот рассветается зарево,
пусть хоть на смерть – а вперед.

* * *

Аби лиш подолати гнів,
сторозтриклятий гнів здолати,
я б поіменно міг назвати
усіх братів, усіх катів.
Та погляд застус імла.
Та погляд застус імла
І ти, мов лев, у цій оборі,
де стільки кроків в коридорі,
аж світ зайшовся дубала!
Намарне. Бога не гніви –
хай б'є пропасниця тобою,
допоки вижде час двоюбою
той вершник, що без голови.

О, только б гнев убить сполна,
стораспроклятый гнев прикончить!
Я смог бы палачей припомнить
и милых братьев имена.
Но мгла твой застилает взор.
Но мгла твой застилает взор,
ты словно лев за тем забором.
Шагов так много в коридоре,
и дыбом встал тот коридор.
Напрасно. Бога не гнечи –
тебя трясет, а ты упорствуй:
ведь призовет к единоборству
тот всадник, что без головы.

* * *

Здається, чую: лопають каштани,
жовто-зелену викидають брость
і зовсім поруч – київське весняне
пахуче небо гуком назилося.
Здається, бачу: рвуться буйні трави,
де вже відговорили всі струмки,
а Україна, Лебедина, Слава
за сином назирас з-під руки.
Невже то – квітень, і шпачиний клекіт,
ачи немудрі кпини, чи чужі
обірвані рулади? Чий же шепіт
урвався на воронованім ножі?

* * *

Яка нестерпна рідна чужина,
цей погар раю, храм, зазналий скверни!
Ти повернувся, але край – не верне:
йому за трумну п'ятьма кам'яна.
Як тяжко нагодитись і піти,
тамуючи скупу сльозу образи,
радійте, лицеміри й богомази,
що рідний край – то царство німоти.
Та сам я єсм! І є грудний мій біль,
і є сльоза, що наскрзь пропікає
камінний мур, де квітка процвітає
в три скрики барв, три скрики божевіль!
Обрушилась душа твоя отут,
твоїх грудей не стало половини,
бо чезне чар твоєї Батьківщини,
а хоре серце чорний смокче скрут.

* * *

Уже моє життя в інвентарі
розбите і розписане по графах.
Це кондаки твої і тропарі,
це кара, це з отрутою карафа.
Над цей тюремний мур, над цю журу
і над Софіївську дзвіницю зносить
мене мій дух. Нехай-но і помру –
та він за мене відтонкоголосить
три тисячі пропавших вечорів,
три тисячі світанків, що зблудили,
як оленями йшли між чагарів
і мертвого мене не розбудили.

Как будто слышу: лопнули каштаны,
выбрасывают почек желтизну
и киевское небо так медвяно,
так сладко, шумно празднует весну.
Как будто вижу – буйно рвутся травы,
где все отговорили ручейки,
а Украина, Лебедина, Слава
вслед сыну все глядит из-под руки.
Апрель ли это и скворцов ли клекот,
или насмешки чьи-то, или уже
оборваны рулады? Чей же шепот
замолк на ворононом том ноже?

Как нестерпимо Родина чужда.
Сожженный рай и храм, познавший скверну.
Вернулся – а земля твоя, наверно,
в могильном мраке: в этом вся беда.
Ты побыл тут, и вот уходишь ты,
скрывая горькую слезу обиды.
Что ж, радуйтесь, нуды, лизоблюды,
что край родной мой – царство немоты.
Но сам я есмь! И за грудной – боль,
и есть слеза, что насквозь пронекает
глухой забор, где вишня расцветает:
три вскрика красок, а на веках – соль.
Твоя душа обрушилась вот тут.
В оцепенении Отчизна дремлет,
ее, такую, сердце не приемлет,
и жадно гложет сердце черный спрут.

Вся жизнь моя – уже в инвентаре,
разбита и расписана на графы.
Здесь кондаки твои и тропари,
здесь кара, здесь графин с отравой.
Меня мой дух над каменной тюрьмой
и над Софией звонницу возносит,
и если отойду – то надо мной
и за меня он оттонкоголосит
три тысячи пропавших вечеров,
и утр три тысячи, что заблудились,
оленями прошли среди кустов
и мертвого меня не добудились.

Фото из коллекции Музея им. Сахарова

Пермь-35

Александр Галич

ДЛЯ ОБЕИХ РУК

Lento

Я запер дверь (иди-свищи!),
Сижу, молю неистово:
- Поговори! Поклевети -
Родной ты мой, транзисторный!
По глобусу, как школьник,
Ищу в эфире путь:
- Товарищ-мистер Гольдберг,
Скажи хоть что-нибудь!...

Поклевети! Поговори!
Молю, ладони потные,
Но от зари и до зари
Одни глушилки подлые!
Молчит товарищ Гольдберг,
Не слышно Би-Би-Си,
И только песня Сольвейг
Грамит по всей Руси!

Я отпер дверь, открыл окно,
Я проклял небо с сушию -
И до рассвета, все равно,
Сижу - глушилки слушаю!

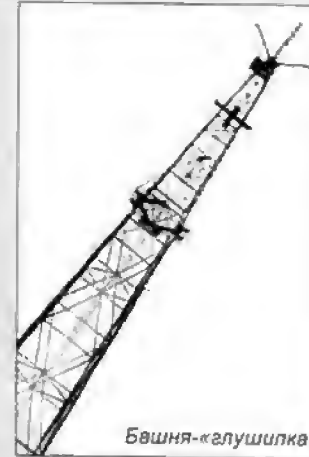
1971 г.

... Гай вдруг расвирицел и стал говорить, что это же глупо, что Максим просто не представляет себе, сколько таких башен стоит по стране, сколько их строится ежегодно, ежедневно, так неужели же эти огромные миллиарды тратятся в нашем бедном государстве только для того, чтобы дважды в день доставлять неприятности жалкой кучке уродов, которые сами по себе – нуль в океане народа... «На одну охрану сколько денег уходит», – добавил он после паузы...

*Аркадий и Борис Стругацкие
«Обитаемый остров»
1968 г.*

Башня-«глушилка»

РАДИОЦЕНЗУРА

Римантас ПЛЕЙКИС

Иновещание широко освещено в литературе. Увы, этого пока нельзя сказать о радиодоцензуре (синонимы: радиозащита, радиоподавление, постановка помех, глушение, радиопротиводействие, забивка антисоветских радиопередач, радиоэлектронная борьба).

В статье читатель найдет минимум технических сведений о радиоподавлении, полезный для расширения профессионального кругозора работников связи, радиовещания и журналистов.

Надеюсь, что моя работа послужит толчком для изучения поправки помех в странах, которые ее широко применяли. До сих пор известна лишь одна научная статья о глушении, написанная чешским автором.

СССР производил забивку «антисоветского радиовещания» почти 60 лет, с большой интенсивностью – 40 лет. Тема живая: радиозащита Китая, Кубы, Ирана, Вьетнама и других стран засоряет международный эфир искусственными помехами.

Автор

Идеологическое противостояние Востока и Запада в годы холодной войны сопровождалось радиоподавлением. То, что во Всеобщей декларации прав человека именуется «свободным потоком информации сквозь государственные границы», СССР расценивал как «грубое вмешательство во внутренние дела страны и антисоветскую пропаганду».

В области военной связи радиоподавление впервые применили немецкие вооруженные силы в годы Первой мировой войны. В начале 20-х Рейхспост (почтовая служба Германии) глушил радиотелеграфную линию между Петроградом и Парижем при помощи 5-киловаттного искрового передатчика. Установка позднее перешла в руки Рейхсвера и в 1926 г. еще находилась в Берлинском районе Рулебен. В 1923 г. французы из Эйфелевой башни создавали помехи телеграфному передатчику Берлина.

Первенство в области глушения принадлежит Германии и Советскому Союзу. В конце 20-х Берлин блокировал радио Коминтерна. В 1931 г. СССР глушил передачи Румынского радио. С 1934 г. Австрия транслировала шум на волне Берлина. В 1936 году Италия глушила передачи из Лондона, направленные на Абиссинию. В 1937 г. вспыхнула радиовойна между Москвой и Мадридом. В 1938 г. СССР глушил иновещание радио Германии, а немецкий Рейх подавлял передачи Московского радио и Би-

Римантас Плейкис – радиожурналист. Преподавал на кафедре журналистики Вильнюсского государственного университета, был внештатным автором службы иновещания Литовского радио. В 1989 г. учредил первую независимую р/с «М-1». Был главным редактором коммерческой р/с «Radiocentras». Депутат парламента Литвы в 1996-2000 гг., министр связи в 1996-1998 гг., член парламентского комитета национальной безопасности и обороны. Координатор проекта «Радио Балтийские Волны».

Радиоцентр Поповки, Ленинградская обл. Зал КВ передатчиков, откуда в 1971-1988 гг. вели радиоподавление польской службы Радио Свободная Европа/Радио Свобода (RFE/RL) с позывным «1Г». Передатчики мощностью 200 кВт, пары – до 400/800 кВт.

Би-Си (British Broadcasting Corporation – BBC; список сокращений – в конце текста) на немецком языке.

В 1940 г. Советский Союз начал систематическое глушение радио Ватикана. В 1941-1945 гг. происходили эфирные сражения между СССР и Германией. Берлин передавал на волнах Москвы и Лондона короткие враждебные комментарии, на что последние отвечали тем же. В 1946 г. продолжалось обоюдное глушение передач Москвы и Мадрида. 3 февраля 1948 г. началось широкомасштабное глушение передач «Голоса Америки» (Voice of America – VOA), 13 апреля – передач BBC из Лондона.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР принимали постановления о строительстве всесоюзной сети дальней и ближней радиозащиты. Их претворяло в жизнь Министерство связи. Толчком для развития радиоподавления послужила история учительницы советской школы в Нью-Йорке Оксаны Косенкиной, выбросившейся из окна консульства в августе 1948 г. Событие получило широкую огласку в передачах VOA и вызвало много слухов. В 1949 г. заметно усилились помехи на всех частотах зарубежных радиостанций, вещающих на Советский Союз.

Секретарь ЦК КП Литвы А. Снечук в письме от 30 марта 1951 г. министру связи СССР Н. Псурцеву требовал для вильнюсского объекта № 600 дополнительно выделить 6-8 передатчиков. К концу года в Вильнюсе работало 18 передатчиков глушения Министерства связи, 1 – Гражданского воздушного флота и 1 – Министерства рыбной промышленности. В приложении письма сказано, что «в массивные сеансы антисоветского вещания с 06-15 до 06-45, с 00-15 до 00-45 и с 17-15 до 17-45, когда работают одновременно 66, 48 и 45 вражеских радиостанций, обеспечить полную забивку не возможно из-за нехватки радиосредств». В другом письме на имя секретаря ЦК КПСС Г. Маленкова А. Снечук просит подключить для глушения береговую радиостанцию в Кретинге. 8 декабря 1953 г.

ЦК КП Литвы принял постановление «О ходе строительства объектов № 60 и № 61». В нем требовалось ввести в эксплуатацию шяуляйский и клайпедский объекты до 25 декабря 1953 г.

Состояние на 1 января 1954 г. по Литве: на вильнюсском объекте № 600 установлено 30 передатчиков с перспективой увеличения их количества до 40 штук (запланировано 940 тыс. рублей для закупки оборудования и реконструкции антенн), на каунасском объекте № 603 – 22 передатчика (план – 30), на шяуляйском объекте № 60 – 15 (увеличить их количество нет возможности из-за отсутствия площади и территории; необходимо строительство нового радицентра), на клайпедском объекте № 61 – 21 передатчик (план – 30). Строительство последнего обошлось в 120 тыс. рублей, аппаратура – в 247 тыс. Совет Министров Литвы обратился в Совмин СССР и ЦК КПСС с просьбой обязать союзное Министерство связи в Паневежисе «построить новый объект для борьбы с а/с вещанием», так как «количество зарегистрированных радиоприемников в городе и его окрестностях – 3000 шт.»

Для радиозащиты выделялись большие средства, о чем свидетельствует стремительный рост мощностей. В 1949 г. в Советском Союзе радиозащитная борьба велась с помощью 350 коротковолновых (КВ) передатчиков. В 1950 г. их было 600, в 1955 г. – около 1000, в социалистических странах – еще 700, однако положение «по забивке антисоветского вещания» не считалось удовлетворительным. Так, в постановлении ЦК КП Литвы от 23 сентября 1954 г. «О мерах борьбы с антисоветской пропагандой по радио» отмечено, что «несмотря на сдачу в эксплуатацию в 1953 г. в городах Вильнюс, Каунас, Шяуляй и Клайпеда специальных объектов, защита от антисоветских радиопередач в полной мере не обеспечена». Кроме прочего, было решено «обязать министерства и ведомства Литовской ССР, имеющие в своем ведении радиопередатчики мощностью 0,5 кВт и выше, предоставлять их безвозмездно по требованию Уполномоченного связи для заглушения антисоветского радиовещания». В «Плане усиления защиты территории Литовской ССР от антисоветского радиовещания» предусмотрено к 1958 г. «увеличить количество радиоволн, подлежащих заглушению», до 45.

Не удивительно, что при таких тенденциях резолюция ООН от 14 декабря 1950 г., осудившая глушение, не имела воздействия на Кремль. В начале 60-х годов сеть ближней и дальней радиозащиты СССР (не считая объектов в соц. странах) включала около 1700 передатчиков общей мощностью порядка 16.000 кВт. Много это или мало? В утренние и вечерние часы на Советский Союз вели вещание одновременно до 70 передатчиков «капиталистических стран» общей мощностью около 8.000 кВт. Несмотря на перевес по мощности, радиозащита не могла полностью оградить население от «массивных антисоветских радиосеансов». 19 января 1961 г. было принято постановле-

ние ЦК КПСС «О мерах по усилению борьбы с вражеской радиопропагандой», поставившее задачу значительно усилить сеть радиозащиты и с этой целью создать специальное управление в Министерстве связи СССР.

Материальная база росла как в количественном, так и в качественном отношении. После окончания Второй мировой войны на многих РПП еще имелось оборудование из «спецпоставок» – трофейное немецкое, а также приемники и передатчики бывших американских союзников. Например, на каунасском объекте № 603 и его контрольно-корректировочном пункте (ККП) в 1953 г. было 10 передатчиков «ВС» (1 кВт) и несколько приемников «AR-88» американского производства. В 50-е и 60-е годы отечественная промышленность освоила производство связных и вещательных КВ передатчиков, пригодных и для создания радиопомех: «КВ-5», «ПКВ-20», «Снег» (100 кВт), «КВМ-120».

Крупнейшими целями радиоподавления стали «Свободная Европа» («Radio Free Europe» – RFE) и «Свобода» («Radio Liberty» – RL). В 1949 г. американский «Комитет свободной Европы» (Free Europe Committee) сначала пытался арендовать передатчики коммерческих радиостанций Люксембурга, Монте-Карло и «Европа-1». Получив отказ, американцы были вынуждены строить собственную радиосеть. Чехословацкая служба RFE вышла в эфир 4 июля 1950 г. через 7,5-киловаттный КВ передатчик под кодовым названием «Барбара», установленный на грузовике под Манхаймом. Передачи на румынском языке зазвучали 14 июля, на польском и венгерском – 4 августа, на болгарском – 11 августа.

Программы RFE тогда заранее записывались в студиях радиостанций WMCA в Нью-Йорке и пересылались в Германию воздушной почтой. Мюнхенская штаб-квартира RFE начала работу 1 мая 1951 года в 11 часов дня передачей чехословацкой службы. Через 5 часов появились помехи, продолжавшиеся почти 40 лет. RFE вещала на болгарском, венгерском, польском, румынском, словацком и чешском, а в 1951-1953 гг. и на албанском языках. До 1957 г. национальные редакции RFE выходили в эфир под названиями «Голос свободной Чехословакии», «Голос свободной Польши» и т. д.

Русская служба RL дебютировала 1 марта 1953 года через два КВ передатчика мощностью по 10 кВт: «Говорит радиостанция "Освобождение"». Слушайте нас на коротких волнах в диапазоне 31 метра». Ежедневную получасовую программу повторяли с полудня до полуночи по московскому времени. Через несколько минут сигналы наткнулись на глушение. Передачи записывались в одной из 6 студий RL в бывшем здании аэродрома Oberwiesefeld на улице Lilienthalstrasse в северной части Мюнхена. Ленты на радиоцентр Лампертхайма возили курьеры. Кроме русского, RL вещала на азербайджанском, армянском, грузинском, казахском, киргизском, таджикском, туркменском, узбекском и 6 язы-

Советская фотогазетация. Первый мобильный 7,5-киловаттный КВ передатчик RFE (Радио Свободная Европа) – кодовое название «Барбара» – под Хальцкирхеном в Баварии, 1950 год. К чехословацкой границе в 1953-56 г. подъезжал не он, а 50-киловаттный средневолновый «Орёл» (позднее он транслировал «Радио Марти» из Флориды).

ках народов Северного Кавказа. В декабре 1953 г. вышла в эфир татаро-башкирская, в августе 1954 г. – белорусская и украинская редакции. В мае 1959 г. название радиостанции стало «Свобода».

Для прорыва радиопомех в феврале 1952 г. американцы ввели в строй новый мощный радиоцентр RFE в Глории под Лиссабоном, в 1955 г. – ретранслятор RL на Тайване для охвата восточной части СССР (4 передатчика), в марте 1959 г. – передающий комплекс RL возле испанского городка Пляя-де-Пальс у берега Средиземного моря (6x250 кВт). В сети RFE и RL также работали радиоцентры в Библисе и Лампертхайме под Манхаймом и в Хальцкирхене под Мюнхеном.

В начале 1968 г. ЦРУ обсуждало возможность закрыть RL (но не RFE) «по финансовым причинам», из-за сильных помех и «во имя жеста доброй воли в отношении Москвы». После вторжения советской армии в Чехословакию в августе 1968 г. такие предложения отпали. Ярко выраженный критический характер носили также передачи «Свободной России». На QSL карточке 1962 г. изображена эмблема Народно-Трудового Союза, антенна и микроавтобус «Volkswagen» с передатчиком. «Свободная Россия» в 1950 г. вышла в эфир из ФРГ. Длительность ее программы постепенно достигла 8 часов в сутки, были включены дополнительные передатчики на Тайване и в Южной Корее.

Советская сеть радиозащиты была самая мощная, но не единственная. В 1953 г. объекты местного и дальнего глушения начали строить Чехословакия, Болгария, Польша, Венгрия и ГДР, 5 марта 1956 г. Великобритания начала глушить передачи Афин для Кипра. Греция в ответ блокировала трансляции BBC, а Китай воздвиг заслон на частотах VOA. В 1960 г. Франция глушила «Голос свободному Алжира». В 1962 г. Куба начала радиозащиту против передач VOA на испанском языке. В 1965 г.

Мачты радиостанции постановки помех (РПП) в Балашихе, Московская обл.

Родезия забивала сигналы BBC, а Великобритания – радио Булавайо. В 70-е годы взаимное радиоглушение применяли Египет и Израиль. Иран глушил иновещание ГДР на персидском языке, Греция – «Немецкую волну» (Deutsche Welle – DW), Чили – передачи радиостанций Москвы, Восточного Берлина, Гаванны, Софии и Стокгольма.

Трансляции RFE и VOA на средних и длинных волнах осложняла нехватка частот в насыщенном европейском эфире. В 1953 г. RFE включила первый СВ передатчик под кодовым названием «Eagle» («Орел») мощностью 50 кВт на территории ФРГ вблизи границы Чехословакии. Радио американских войск в Германии (American Forces Network – AFN) освободила частоту 854 кГц для передач RFE на чешском и словацком языках. Чехословакия начала глушение. Данной частотой издавна пользовался Бухарест. В темное время суток какофония чехословацких помех и программа RFE ухудшила слышимость государственного радио в Румынии. Разразился конфликт. Прага сняла глушение, а вскоре частоту 854 кГц покинула и RFE.

В 1953 г. в районе Мюнхена (Erching) начал работу длинноволновый передатчик VOA мощностью 1000 кВт. Он занял частотный канал 173 кГц, выделенный для советского внутрисоюзного вещания. Американский передатчик типа Continental 105B питался от 5 дизель-генераторов, в час потреблявших 560 литров топлива. Мегаваттник транслировал передачи VOA на русском (для советских военнослужащих в ГДР и ЧССР), английском, чешском, словацком, польском и венгерском языках, а также программу RIAS на немецком. ГДР и ЧССР незамедлительно начали глушение. СССР на частоте 173 кГц развернул синхросеть I программы Всесоюзного радио общей мощностью более 3000 кВт. Станция Erching работала в 1953-1963 и 1968-1973 гг.

Во время потеплений международных отношений СССР дважды прекращал глушение передач BBC, DW и VOA: от 19 июня 1963 г. до 21 августа 1968 г. и вновь от 10 сентября 1973 г. до 20 августа 1980 г. В ответ американцы выключали свой мюнхенский передатчик, сигналы которого были слышны в западных районах СССР. Освободившиеся

коротковолновые мощности СССР перебрасывал на подавление RL, «Голоса Израиля», радиостанций Пекина и Тираны. Когда США построили в ФРГ средневолновый ретранслятор VOA (1196 кГц, 300 кВт), на его частоте в Минске был включен передатчик «Маяка» мощностью 50 кВт.

В марте 1977 г. президент США Дж. Картер обратился в Конгресс с просьбой выделить средства для покупки 11 новых 250-киловаттных КВ передатчиков. Уровень годового финансирования RFE/RL в 70-е годы составлял около 50 млн. долларов, а в 80-е вырос до 227 млн.

Президент Р. Рейган в 1983 г. утвердил пятилетний план расширения передающих сетей VOA и RFE/RL. На покупку 102 передатчиков мощностью 250 и 500 кВт выделили 1,3 млрд. долларов. Американцы построили новые радиостанции в Португалии (Махоqueira) и Марокко (Briech). В июне 1987 г. ВВВ подписал соглашение с Израилем о строительстве сверхмощного радиоцентра RFE/RL и VOA (16x500 кВт). Дело сорвалось из-за протестов местных «зеленых», опасавшихся, что антенны повредят перелетным птицам. Таких проблем не было в Испании, где на радиоцентре Пляя-де-Пальс мощности четырех 250-киловаттных КВ передатчиков сложили на одну антенну. Пришлось ограничить прибрежное плавание судов, чтобы рыбаки не попали в поток радиоизлучения, уходящего в сторону Средиземного моря.

В 1984 г. было принято секретное постановление Политбюро ЦК КПСС и Совета Министров СССР о строительстве 18 РПП по 15-20 передатчиков. Секретарь ЦК КПСС Е. Лигачев и председатель КГБ В. Чебриков в письме в ЦК КПСС от 25 сентября 1986 г. «О прекращении глушения передач радиостанций «Голос Америки», «Би-Би-Си», «Радио Пекина» и «Радио Кореи» отметили, что «средствами дальней и ближней защиты с разной степенью эффективности перекрываются регионы страны, в которых проживают около 100-130 млн. человек». Следовательно, около половины жителей Советского Союза имели возможность слушать западные радиоголоса. По словам В. Чебрикова и Е. Лигачева, «обеспечение качественного глушения на всей территории СССР является трудно осуществимой в техническом плане задачей и требует значительных материальных затрат». В ответ на увеличение мощности радиоцентров RFE/RL Советский Союз намеревался построить РПП дальней защиты в Сирии и во Вьетнаме.

С начала 50-х годов СССР и страны Восточной Европы вели координированный обмен по дальнему радиоподавлению. Выход в эфир RFE/RL послужил толчком для его развития. Совместную радиозащиту проиллюстрируем на примере польской службы RFE. В конце лета 1951 г. начальник главного радиоуправления Министерства связи СССР А. Жаров с коллегами Савковым и Павловичем посетили польские радиоцентры Варшавы, Щецина, Гданьска, Гдыни, Кракова, Катовиц и Радома. Предложения о создании совместной системы ра-

диоподавления А. Жаров вручил министру связи Н. Псурцеву в справке от 15 сентября 1951 г. 24 декабря советское правительство приняло постановление № 4028/1849. Для борьбы с «антипольской радиопропагандой» решили задействовать передатчики в СССР. Министр общественного правопорядка Польши С. Радкевич издал приказ № 0171 о создании службы «БО» с «пунктами К» (РПП) в Варшаве, Кракове, Познани, Вроцлаве, Лодзи, Щецине, Быдгоще и Катовицах.

Глушение передач RFE в Польше началось в мае 1952 г. и продолжалось до 24 ноября 1956 г. Во многих городах на РПП работали КВ передатчики мощностью 1-10 кВт. Их сконструировал зам. директора Управления радиостанции (Zarząd Radiostacji – ZR) инженер Й. Шмит (J. Szmit). За удачную разработку одноктных спец. передатчиков ему вручили польскую государственную премию. «Шмитовки» устанавливали в почтамтах и других зданиях государственных учреждений. На крышах строений подвешивали проволочные диполи «ВГД» (вibrator горизонтальный диапазонный, диполь С. Надененко) и «ВГДШ» (шунтовый, с расширенным диапазоном частот). В Варшаве радиоподавление вели четыре РПП: на 13-м этаже Министерства связи по ул. Халубинского 4/6 (12 КВ передатчиков), возле Макотовского форта, в дирекции железных дорог и на радиостанции Рашина (50-киловаттный СВ передатчик). Для польской сети ближней радиозащиты чехословацкая фирма «Tesla» в начале 70-х годов поставила 17 КВ передатчиков типа «KV-1» мощностью 1 кВт.

Местность, удаленную от городов более чем на 30 км, закрывали РПП дальней защиты с передатчиками мощностью 10-50 кВт. Польские РПП работали под надзором службы безопасности – UB. В 1955 г. сеть радиоподавления включала 249 передатчиков. В декабре 1956 г. восставшая польская общественность добилась снятия радиопомех. 52 КВ и 11 СВ передатчиков были переданы Польскому радио. Польскую службу RFE продолжили глушить из Болгарии (до апреля 1962 г.), Венгрии (до марта 1963 г.), Румынии (до сентября 1963 г.), Чехословакии (до мая 1964 г.) и СССР. Уровень помех значительно снизился в ноябре 1964 г., когда глушение продолжал один объект во Львове с позывным «ЛГ», а электронный шум заменили на «Маяк».

Передачи «Голоса Америки» на польском языке СССР глушил до июня 1963 г., и вновь с декабря 1981 г. Советский Союз вел дальнейшее радиоподавление на Румынию (до 30 июля 1963 г.), Венгрию (до января 1964 г., кроме РПП Ивано-Франковска), Чехословакию и Болгарию (до января 1988 г.).

В марте 1970 г. Варшава выступила с резкими нападками в адрес RFE за «искаженное освещение» правительственных переговоров Польши с ФРГ. После 14-летнего перерыва начали готовиться к возобновлению глушения передач RFE на польском языке. По данным инженерной службы RFE, 11-27 декабря 1970 г. радиочастотный центр польского инновационного вещания в Лещинке под Варшавой провел серию «музыкаль-

ных трансляций» на частотах польской службы RFE. В связи со слабым покрытием страны в диапазонах 13, 16, 19 и 25 метров пришлось искать другое решение. Государственная радиоинспекция Польши получила указание проверить качество приема передач Московского радио. Данные прослушивания оказались хорошими. Для глушения решили задействовать передатчики «братских стран».

На Польском радио записали ленты с музыкой в исполнении ансамблей западных и социалистических стран, кроме СССР. Репертуар был достаточно пестрым: от «Полета шмеля», танго и «Битлз» до польки, джаза и кубинских оркестров. Несколько студийных магнитофонов было установлено в телефонной станции Варшавы (Główny Urząd Telekomunikacji Międzydzielowej – GUTM) на ул. Новогродзкой. «Музыкальную программу» из Варшавы через Москву распределяли по КВ радиочастотам СССР.

18 марта 1971 г. на частотах польской службы RFE заработали советские передатчики. Одну частоту в диапазоне 13 м оставляли открытой для служебного пользования. Определенные радиостанции подбирались по условиям прохождения радиоволн, в зависимости от частоты, времени суток и сезона. Ниже перечислены радиочастоты СССР, расположенные на оптимальных расстояниях для глушения на Польшу:

Диапазоны	Средняя длина первого скачка	Подходящие радиочастоты
4 МГц	800 км	Киев, Григориуполь
6, 7, 9 МГц	1200-1500 км*	Ленинград, Москва
11 МГц	1800 км	Краснодар, Куйбышев
15 МГц	2600 км	Свердловск, Ереван
17, 21 МГц	3000-3500 км	Ташкент, Алма-Ата

* Длина скачка радиосигнала, отраженного от ионосферы, зависит от сезона года. Например, для работы на Польшу в диапазоне 9 МГц (31 м) в 9 час. утра летом лучше всего подходил Ленинград, а зимой – Свердловск.

Контроль за качеством глушения осуществляла польская государственная радиоинспекция (Państwowa Inspekcja Radiowa – PIR). Главный мониторинговый пункт был расквартирован на приемной радиостанции в Боруче, 40 км восточнее Варшавы. Сотрудники называли этот спецотдел «2-й мастерской», где в смене работали два оператора. Для прослушивания эфира были установлены связные радиоприемники фирмы «Racal» типа «RA-1772». Прием велся на вертикальной штыревой всенаправленной антенне высотой 15 м. Каждые 4 часа по телетайпу поступали рапорты из 8 региональных пунктов радиоконтроля. На основе всех рапортов составлялись усредненные суточные сводки для PIR. Для внесения необходимых поправок в расписание работы передатчиков данные радиоконтроля через Министерство связи Польши посылались в Москву. Уровень глушения выражался двухцифровыми

В вестибюле РСЦ в Глории (Лиссабон) можно встретить и бывшего сотрудника гетеросексуального гостиницы, и продавца, и измененного социалистическому Отечеству.

Советская фотоагитация. Аппаратный зал (а не вестибюль) главного радиопередающего центра RFE/RL в Глории, Португалия: 11х250 кВт, 8х100 кВт КВ передатчиков, 1988 год

вой оценкой – например, «1/4» значило плохую слышимость подавляемой радиостанции и сильную помеху. Специалисты PIR столкнулись с проблемой идентификации советских радиостанций, транслировавших музыку на частотах RFE. По просьбе Польши в 1976 г. радиостанциям присвоили позывные из цифры и буквы. Морзянка прерывала музыку однажды в минуту. Радиостанция Боруче также вел прием западных радиовещательных станций с помощью направленных КВ антенн. Их программы посылались в службу «радиоперехвата» Польского радио на ул. Собеского, 102, для записи и распечатки узкому кругу руководителей лиц.

В 1997 г. Н. Крестьянинова, 25 лет руководившая советской системой радиозащиты, в телефонном разговоре с автором этой статьи подтвердила, что «музыка шла только на поляков». На каждую радиостанцию музыку подавали с 2-3 магнитофонов. Их запускали по окончании пленки на предыдущем аппарате. Длительность фонограмм – обычно 45 мин. – была равна времени звучания пленки длиной 1000 м на студийных магнитофонах со скоростью 38,1 см/сек. Известно, что в начале 70-х «музыкальная программа» поступала из Варшавы. Для устранения неудобств, связанных с использованием длинных соединительных линий, схему связи упростили. Фонограммы стали воспроизводить на ККП советских РПП. К середине 70-х там были установлены катушечные магнитофоны «Тембр-2М» для подачи речеподобного сигнала. На скорости 9,53 см/сек. ленты длиной 250 м звучали 45 минут. Обратная перемотка длилась 35-40 секунд, что тоже указывает на длину не более 250 м. Взамен изношенных рулонов записывали свежие рабочие копии.

В 1971-1980 гг. на частотах Польской службы RFE прослушивалась музыкальная помеха с позывными «1Г», «1Д», «4Н», «4Ф», «7К», «7М», «8А», «8Л». В 1980-1988 гг. те же позывные звучали с речеподобным сигналом. Международный союз электросвязи установил местонахождение источников радиопомех у Ленинграда, Киева, Свердлов-

ска (Екатеринбурга), Алма-Аты, Ташкента и Куйбышева (Самары). Координаты пеленгации совпадают с местонахождением 3 радиостанций, применявшихся для иновещания на Польшу.

Согласно документу «Изменения по каналам иновещания», программу Московского радио на польском языке по каналу «И-7» подавали на р/с Куйбышева, по каналу «И-48» – в Свердловск, по каналу «АИ-1» – в Алма-Ату (объект № 840). Перечень антенного хозяйства радиостанций тоже свидетельствует о том, что во всех р/с, откуда шли помехи на Польшу, имелись антенны, направленные на центральную Европу. По данным мониторинговой службы BBC, до 1980 г. музыкально-развлекательную «тройку» варшавского радио транслировали и через КВ передатчики в СССР на частотах 6035, 7180 и 9755 кГц (радиостанция Ленинграда и Куйбышева) для того, чтобы создать альтернативу польской службе RFE.

Для подавления RFE применяли амплитудную (АЗЕ) и частотную (ФЗ) модуляцию. Когда уровень помех в Польше был слишком низким, включали дополнительные передатчики, на что указывали различные позывные и музыкальные программы. В середине 70-х однажды музыка неделю звучала в пустом эфире: RFE покинула частоту, а операторы глушения перехода не заметили. Польская служба RFE работала на 5-8 частотах одновременно. Иногда неисправные передатчики глушения излучали сильные паразитные сигналы. Например, музыкальная программа на частоте 9695 кГц была слышна на соседних частотах:

...9665←9675←9685←9695 кГц→9705→9715→9725→...

20 августа 1980 г. вместо музыки зазвучал «речеподобный сигнал». Впервые были закрыты частоты RFE в диапазоне 13 метров.

В 1985 г. польскую службу RFE глушили с 7:00 утра до 2:10 ночи по Московскому времени на 5-8 частотах по 115 канало-часов в сутки. Приходилось создавать перевес по мощности. Например, на частоте, где работал 250-киловаттный передатчик RFE, включали пару передатчиков в Поповке общей мощностью 400 кВт, позывной «1Г». Суточная выработка составляла около 180 передатчиково-часов. По экономическим понятиям того времени, «цена продукции» радиовещательного передатчика мощностью 200 кВт равнялась 43 руб. в час. Таким образом, радиоподавление польских передатчиков RFE стоило по 2,8 млн. рублей в год, а за 17 лет обошлось почти в 50 миллионов.

Расходы оправдали себя только частично. Мониторная служба RFE/RL регулярно оценивала качество своих трансляций. По сравнению с сентябрем 1970 г., когда помех не было, в мае 1971 г. слышимость в Вене и Западном Берлине ухудшилась в два раза. Но, хотя и с помехами, принимать программу все еще было возможно в 40% случаев. Дополнительно стоило дальнейшее радиоподавление из СССР польских передач BBC, VOA, до 1976 г. – и DW. Государство не жалело средств на внутреннюю и внешнюю радиоцензуру, хотя в 80-х годах

информационная телепрограмма «Время» каждый вечер просила зрителей «выключить лишние приборы освещения».

Польша до конца ноября 1956 г. вела дальнейшее радиоподавление на СССР, Чехословакию, Болгарию и Венгрию из объектов Лидзбарка Варминьского, Вензовны (под Варшавой) и Тыхова (в районе Щецина). Согласно протоколам, подписанным представителями Министерств связи и внутренних дел ПНР и ЧССР 17.03.1954 г. и 8.03.1955 г., в Лидзбарке Варминьском планировалось установить 10, в Тыхове под Старгардом – 12 КВ передатчиков мощностью по 50 кВт. Кроме того, для обмена радиоподавлением с Чехословакией и другими соц. странами во Вроцлаве собирались установить 2 СВ передатчика типа «SRV-30», в Тыхове – 2 СВ передатчика по 120 кВт. Польша обязалась поставить в ЧССР 30 КВ передатчиков (10 кВт). Планы сотрудничества оборвались в ноябре 1956 г., когда Варшава передала Праге официальную просьбу о прекращении глушения польскоязычных передач VOA, BBC, радиостанций Парижа, Рима и Ватикана, а вскоре – и мюнхенской RFE. 26.11.1956 г. прекратилось глушение, направленное из ЧССР на ПНР, 29.11 – и в обратном направлении. Сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что общий объем дальнейшей постановки радиопомех из Чехословакии на Польшу составлял около 24 частото/часов в сутки, тогда как из ПНР на Польшу – всего около 10 частото/часов. При обмене услугами Варшава задолжала Москве. Как, впрочем, и София с Прагой – ведь Советский Союз глушил западные передачи на болгарском, чешском, словацком языках. Счеты за дальнюю радиозащиту повысили задолженности соцстран. Возможно, что они покрывались поставками в СССР промышленных и продовольственных товаров. Эта область сотрудничества между странами Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) заслуживает дальнейшего изучения.

После Радомских событий 1976 г. Польша приступила к глушению RFE в диапазоне СВ. С этой целью передатчики II программы Польского (150 кВт) в Воли Раштовской, Катовицах, Вроцлаве и Щецине были перестроены с 818 кГц на 719 кГц. Прием RFE из Мюнхена значительно ухудшился. В дневное время программу RFE на той же волне глушила Чехословакия. Польша не блокировала передач VOA (1196 кГц), но их прием осложняла синхросеть в Белоруссии. В 1987 г. премьер Урбан в Лондоне объявил о скором прекращении глушения. Помехи стихли в январе 1988 г.

В статье «Глушение зарубежного радиовещания в Чехословакии» П. Томек приводит данные о том, что РПП ближней защиты имелись в 18 городах (135 КВ передатчиков мощностью 1 кВт). В Пльзене и Кошице работали РПП дальней защиты (19x10 кВт, 10x1 кВт). Кроме того, РПП у городов Подебрады, Литомысл, Римавска Собота и Литовел (35x18-50 кВт) с ККП в г. Драгельчицы вели глушение на СССР, Польшу и Болгарию, а до 1962 года – и на Венгрию, Румынию. В свою очередь,

Четыре башни высотой 85 и 65 м, между ними – 3 антенны «СГД» для диапазонов 16/19, 25/31 и 41/49 метров на радиостанции Ситкунай в Литве. Азимут 259° – для иновещания на Западную Европу, 79° – для вещания или глушения на Россию и Кавказстан.

Москва, Варшава, София, Будапешт и Бухарест глушили передачи западных радиостанций, направленные на Чехословакию. Для совместной радиозащиты с Польшей и другими соц. странами в 1956 г. ЧССР намеревалась установить 10 СВ передатчиков на 6 радиостанциях (1x100, 1x80, 8x40 кВт), а также построить новый объект в западной Чехии для подавления ДВ трансляций общей мощностью 400 кВт. Забивка передач VOA и BBC на чешском и словацком языках началась в августе 1949 г. и продолжалась до 1 апреля 1964 г. Чехословакия вела помехи на Польшу до декабря 1956 г., на Венгрию – до 1964 г., после чего обмен дальним радиоподавлением имел место только между Чехословакией и Советским Союзом. В августе 1968 г. ЧССР прекратила глушение RFE/RL, но ненадолго. Дальнее радиоподавление из СССР не стихало, а уровень местных помех был восстановлен до апреля 1969 г. Производилась забивка 15 зарубежных радиостанций на более 100 частот с помощью 120 КВ и СДВ передатчиков (1-30 кВт).

Болгария глушила передачи VOA (с 1949 г. до сентября 1974 г.), RFE (с 1952 г. до 27 декабря 1988 года), BBC и DW, а также транслировала помехи на другие соц. страны. Румыния полностью прекратила глушение 29 июля 1963 г., Венгрия – 1 февраля 1964 г. ГДР в 1952 г. развернула сеть 52 передатчи-

Башня станции местного радиоглушения в Таллине.

ков мощностью 1-2 кВт для глушения программы р/с RIAS на СВ частотах 683, 737, 854 и 989 кГц. Передатчики были настроены несколько сот герц в сторону от частот RIAS. В результате биений несущих в эфире звучал характерный гул. Помехи затихли в ноябре 1978 г. после вступления в силу нового Женевского плана частот. В 50-е годы глушение имело место и в Югославии. В конце 90-х Белград глушил передачи RFE/RL на сербском языке, а также частную радиостанцию «Б-92».

В различные периоды между 1945 и 1988 гг. СССР глушил передачи 15 радиостанций на русском, украинском, белорусском, литовском, латышском, эстонском, грузинском, армянском, казахском, узбекском и других языках (следует добавить бартерное радиоподавление передач на польском, чешском, словацком и болгарском языках):

«Радио Свобода/Свободная Европа», США
 «Свободная Россия», ФРГ/Тайвань
 «Голос Америки», США
 «Би-Би-Си», Великобритания
 «Немецкая Волна», ФРГ
 «Голос Израиля», Израиль
 Радио Пекина, КНР
 «Радио Тирана», Албания
 RNE, Испания
 ORTF, Франция
 RAI, Италия
 CBC, Канада
 Радио Афганистана
 Радио Белграда, Югославия
 Радио Ватикана

Интересно, что СССР не трогал одну частоту китайского радио, на которой лента с записью передачи звучала в обратном направлении. Наверное, китайцы надеялись, что советские РПП не станут глушить канал заднего хода, а находчивые «дорогие советские радиослушатели» догадаются записать программу на магнитофоны. Хитрость заключалась в том, что, воспроизводя пленку задом наперед, можно было прослушать передачу без помех. Еще один трюк, характерный только для «Свободной России» и радио Пекина — перестройка частоты во время трансляции. Не все РПП успевали вовремя уследить и накрыть «плавающую» цель. До ухудшения советско-китайских отношений, с декабря 1954 г. до мая 1965 г., Пекинское радио посылало в Москву записанные радиопрограммы на русском языке, которые передавались в эфир по центральному радиостанциям Советского Союза.

Инженеры RFE/RL для прорыва радиопомех применяли следующие методы:

1. 50/100-киловаттные передатчики меняли на 250/500 — киловаттные.
2. На одну антенну подключали до 4 передатчиков общей мощностью до 1000 кВт.
3. Сильно сжимали динамический и частотный диапазоны звука.
4. Увеличивали число одновременно работающих передатчиков до 10 (русской службы RL — до 19).

5. Вечерами долго работали в «дневных» диапазонах 13, 16 и 19 метров, чтобы до наступления ночи западную часть СССР достигали сигналы передатчиков RFE/RL из Германии, Испании и Португалии. Оттуда короткие радиоволны легко приходили по освещенной части Земли. Мощные РПП в Сибири и Центральной Азии с наступлением темноты уже не могли покрыть Европу, потому что радиотрасса отсюда пролегла по темноте и ионосфера не отражала радиоволн высших диапазонов.

6. В начале каждого часа на многих частотах делали паузы продолжительностью 2-3 минуты, что вводило в заблуждение операторов РПП. Как правило, они прослушивали эфир в начале и в середине часа. Не обнаружив «корреспондента» — зарубежную радиостанцию, операторы не включали передатчик до следующего прослушивания частоты. «Свобода», вернувшись в эфир после паузы, некоторое время звучала без помех.

Ниже приводим список 40 стран и территорий, которые в разное время цензурировали радиозфир (подчеркнуты названия стран, систематически практикующих радиоподавление в настоящее время):

Алжир, Австрия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Вьетнам, ГДР, Германия, Греция, Египет, Израиль, Ирак, Иран, Испания, Италия, Кампучия, Кипр, Китай (КНР), Колумбия, Куба, Марокко, Молдова, Мьянмар (Бирма), Польша, Приднестровье, Родезия, Румыния, Саудовская Аравия, Северная Корея, Советский Союз, Сомали, Турция, Франция, Чехословакия, Чили, Эфиопия, Югославия, Южная Корея, Япония.

Во время операции в Кувейте вооруженные силы США недолго глушили, а потом разбомбили радио Ирака, в Афганистане – радиостанцию талибов «Голос Шариата». Американские радиолюбители создавали преднамеренные помехи пиратской станции своих соотечественников «Объединенное радио патриотов», а российские военные – чеченской радиостанции «Кавказ», дислоцированной в ущелье Грузии. Севастопольская станция «Радио 75» глушила трансляции радиостанции «Radio Without Borders», о чем свидетельствуют уникальные QSL-карточки* 1993 г.

Сильнейшими источниками эфирных помех в 2002 г. являются Иран, Куба и Китай. Последний располагает наибольшим арсеналом радиосредств. Пекин глушит программы «Радио Свободная Азия» (Radio Free Asia – RFA), VOA, BBC, «Голоса Тайваня», «Голоса Тибета» и других станций на более сотни частот. До 2001 г. прослушивались два типа помех: 1) программа Китайского радио, амплитудная модуляция; 2) Китайское радио, узкополосная частотная модуляция (искаженный звук на бытовых приемниках). В течение 2002 г. перешли почти исключительно на петлевую запись китайской инструментальной музыки продолжительностью в 1 час, режим АМ. На каждой частоте включают группу передатчиков мощностью до нескольких сот киловатт. 1 сентября 2002 г. китайские РПП начали работать «на экспорт» против передач BBC на узбекском языке, тогда как в самом Узбекистане программу из Лондона свободно ретранслируют местные станции. Еще в ноябре 2001 г. такая же участь постигла и трансляции на Европу движения «Фалун Гонг» (5925 кГц, 9945 кГц).

Пекин пытается замаскировать радиоцензуру не только под концерт народной музыки. В 1996 г. журнал «Monitoring Times» описал случай глушения «Голоса Тибета» при помощи программы частной радиостанции «Easy FM». Ее руководитель британец Питер Абелес и не подозревал, что вытворяют с его сигналом. Согласно агентству AFP, в 1998 г. на «Голос Тибета» Пекин накладывал звук международного радио Канады. По сообщению радио Нидерландов, президент Китая Янг Земинь публично выразил озабоченность «пагубным влиянием» иностранных радиопередач. В 2001 г. правительство выделило много средств для сооружения новых источников радиопомех. С этой целью Китай закупил на Западе (предположительно во Франции) несколько десятков современных коротковолновых передатчиков мощностью 100–500 кВт.

Передачи «Голоса свободного Ливана», транслируемые через Краснодар, на Ближнем востоке подвергаются забивке арабской музыкой с добавкой гетеродинного свиста.

В начале XXI века электронная цензура приобретает новые мрачные контуры. Китайские власти

Советская фотоагитация. Радиоцентр RFE/RL в Плайде-Пальс, Испания, на диком пляже Средиземного моря. В 1988 году там было 5x250 кВт, 1x100 кВт КВ передатчиков Радио Свобода.

блокируют доступ к интернет-страницам западных средств массовой информации, в первую очередь – RFA и VOA. На сайтах RFA и IBW описано, как смастерить самодельную антенну для уменьшения радиопомех. Компания «Safe Web» разработала для китайских интернаутов компьютерную программу «Triangle Boy», которая должна облегчить проникновение в запретные сайты американских радиостанций.

Куба и Иран ставят помехи несущей волной качающейся частоты, которая на приемниках выдает типичный булькающий звук (англ. bubble или warble jammer). Он слышен потому, что бесшумная помеха входит в биения с сигналом накрытой станции и с излучениями других передатчиков радиоподавления. Тегеран глушит передачи VOA и других западных радиостанций на персидском языке, Гаванна – круглосуточную программу «Радио Марти» на испанском языке. В феврале 2001 г. кубинские радиопомехи были слышны на 13 частотах «Радио Марти» и 12 частотах других станций, передающих на испанском языке.

Работа операторов РПП «острова свободы» отличается некоторой рассеянностью. Так, после ухода радиостанций Гринвилла (Сев. Каролина) и Дилэйно (Калифорния) на новые частоты, помехи еще долго не смолкают в пустом эфире. На СВ частоту 1180 кГц 100-киловаттного флоридского передатчика «Радио Марти» в Маратон-Ки Гаванна настроила 500-киловаттник с программой «Радио Ребельде». Тегеран на частоты VOA дополнительно наводит программу своего иновещания – «Голос Исламской Революции Ирана».

Вьетнам и Северная Корея глушат электронным шумом старого советского образца, но объем радиоподавления в этих странах небольшой. Что касается Северной Кореи, то там наличие индивидуального КВ радиоприемника считается преступлением. Так было в СССР при Сталине в военные годы: за найденную дома радиолампу грозило длительное лишение свободы в ГУЛАГе. В августе

*Специальные карточки, которые высылают радиостанция своим слушателям, сообщившим ей о качестве приема в какой-либо стране.

Аппаратный зал объекта № 1656 (Паневежис, Литва): пять из десяти передатчиков «Вязь-2М-ОП».

1941 г. ЦК ВКП(б) приняло постановление «О сдаче жителями радиоприемников и передающих устройств».

Самая действенная форма радиоцензуры – полный запрет эфирных приемников и их замена на проводные «радиоточки». Секретарь ЦК КП Литвы А. Снечкус 27 сентября 1954 г. писал Центральному Комитету КПСС: «В целях сокращения в сельской местности числа радиоприемников, непосредственно принимающих радиопередачи из эфира, ЦК КП Литвы просит обязать Совет Министров Латвийской ССР изготовить на радиотехническом заводе им. Попова в 1954 г. 7 установок и в 1955 г. 40 установок аппарата [проводного вещания] типа РТУ-ВРС, изготавливаемых заводом для радиофикации села в Латвийской ССР».

В 50-е годы Болгария перестраивала импортные радиоприемники на фиксированные частоты радио Софии. В СССР с 1958 г. для внутреннего рынка производили радиоприемники без КВ диапазонов 13, 16 и 19 метров, потому что на них было труднее создать надежные радиопомехи. Несколько моделей приемников с дефицитными волнами (например, рижские «VEF-206») поставлялись в основном на экспорт. Все-таки желающие находили умельцев, которые добавляли недостающие частоты. В 1964 г. в стране было 35 млн. радиоприемников, большинство – с КВ диапазонами.

Руководители партии и правительства К. Черненко и Н. Тихонов 24.02.1984 г. подписали совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров «О частном изменении пункта 5 постановления ЦК КПСС и Совета Министров от 11.02.1983 г. № 142-62. Цитируем: «(...) принять предложение Госплана СССР, Министерства промышленности средств связи, Министерства радиопромышленности и Министерства торговли СССР о перенесении на XII пятилетку срока реализации задания по прекращению выпуска массовых вещательных радиоприемников с диапазоном коротких волн. Госплану СССР предусмотреть выполнение этого задания при формировании Государственного плана экономического и социального развития СССР на 1986-1990 годы».

В варшавской телефонной станции по ул. Новоградзка в 1971-1980 г. на студийных магнитофонах воспроизводили музыкальные записи, которыми по 19 часов в сутки глушили передачи польской службы RFE через мощные РПП в Ленинграде, Куйбышеве, Киеве, Свердловске, Алма-Ате, Москве и других городах СССР

Выполнение данного решения было сорвано в связи с новой политикой «гласности».

Во время Московского путча в августе 1991 г. из военной части вблизи Вильнюса велось радиодавление I программы Литовского радио. В Москве военные глушили СВ радиостанцию «Дома Советов» (19-21.08.1991 г. и 20.09-4.10.1993 г.). В 1954-1960 гг. СВ передатчик в Вильнюсе по окончании радиовещательной программы ночами перестраивали на промежуточную частоту радиоприемников (465 кГц), чтобы блокировать не только западные голоса, но и вообще парализовать прием во всех диапазонах.

В 1975 г. ЦК КП Литвы обсуждал возможность организовать постановку помех на 5 канале польского телевидения, передачи которого через новый ретранслятор в г. Сувалки хорошо принимались в южной и западной Литве. Возмущение местных властей вызвали кинофильмы капиталистических стран, содержание которых явно переступало границы того, что было дозволено советскому зрителю. Все-таки на глушение телевидения соседней дружественной страны не решились, но по пятницам и субботам до двух часов ночи продлили передачи республиканского телевидения, чтобы отвлечь внимание зрителей от «сомнительных» фильмов. Программу «для тех, кто не спит» много лет показывало Белорусское телевидение. Ночную программу транслировали только через передатчики, находящиеся в западной части Литвы и Белоруссии. В 1989 г. в Гродно начали строительство станции для подавления передач Польского телевидения, однако к концу работ в 1991 г. объект перепрофилировали на вещательную КВ радиостанцию. Ночную ТВ программу показывали и для районов западной Украины.

В 1959 г. в Чехословакии было установлено 38 телевизионных передатчиков мощностью 3-10 кВт для предотвращения приема передач из Австрии и ФРГ.

До сих пор Куба систематично глушит американскую телестанцию «TV Marti», передатчик которой установлен на дирижабле в Карибском море. В конце XX века Турция подавляла спутниковые транс-

ляции из Лондона курдской станции «Med TV». В 2003 г. началась забивка передач частной калифорнийской телестанции иранцев. Помехи ведутся на транспондер из Кубы по заказу Тегерана. Азербайджан приступил к подавлению передач Иранского телевидения, содержащих критику в отношении Баку.

В Советском Союзе применялись РПП двух типов:

1. Мощные КВ радиоцентры с направленными антеннами для действия посредством отраженной от ионосферы волны на расстоянии 500–3500 км (это длина одного скачка радиосигнала в зависимости от рабочей частоты, времени суток, характеристики антенны, сезона года и уровня солнечной активности). Их назначение – покрыть населенные пункты и сельскую местность на больших площадях, где нет местных РПП. На объектах «800-й» и «900-й» серий устанавливали по 10 и более передатчиков мощностью 50–500 кВт. Если уровня помехи в каком-либо районе не хватало, включали дополнительные передатчики в нескольких радиоцентрах. Ниже приводим типы КВ передатчиков советского производства, которые использовались не только для радиовещания и радиосвязи, но и в объектах дальней радиозащиты:

Тип передатчика	Мощность
«ПКВ-20»	20 кВт
«КВ-50», «Снег»	50 кВт
«Пурга»	80 кВт
«Снег-М»	100 кВт
«ПКВ-100»	100 кВт
«Арарат»	100 кВт
«КВМ-120»	120 кВт
«ПКВ-200»	200 кВт
«ПКВ-250»	250 кВт
«ПКВ-500»	500 кВт

В конце 70-х на украинской РПП № 810 (Копаны) испытали многоэлементную КВ антенну. Ее подвесили на 13 башнях, образующих параболу. Главный горизонтальный лепесток был сжат до 5–10° при усилении до 38 дБ. К спецантенне подключили несколько передатчиков. Излучение в эфир (ERP) достигло 18 миллионов кВт. Контрольный прием в Вашингтоне показал, что уже при мощности 2000 кВт сигнал начал слабеть, а при дальнейшем повышении – исчез. Прорвал ионосферу и ушел в космос.

В случае удачного эксперимента такие сверхмощные излучения могли найти применение и в области дальней радиозащиты.

Не добившись желаемого результата, усиление антенны снизили до 29 дБ, тем самым расширив рабочий диапазон от 3 до 16 МГц и главный лепесток – до 30°. На Ангарском радиоцентре мощность КВ передатчиков «РВ-707» и «РВ-713» была 2000 кВт. Во время обострений международной обстановки RFE/RL и VOA на радиостанции Пляда-Пальс (Испания) и Дилэйно (Калифорния) путем сложения 2 или 3 передатчиков поднимали мощность до 1000 кВт.

Дальнобойные РПП работали с ромбическими и синфазными горизонтальными диапазонными антеннами «СГД» (конфигурации 2/4, 4/4, 4/6 и др.), состоящими из нескольких горизонтальных и вертикальных рядов диполей.

2. Для частых случаев, когда из-за плохих условий распространения радиоволн дальние РПП не могли обеспечить желаемый результат, в городах СССР с населением свыше 100 тыс. человек строили радиоцентры малой мощности с радиусом действия до 30 км. На объектах «60-й» серии устанавливали передатчики мощностью 1 кВт, «600-й» – 5 кВт, «700-й» – 20 кВт, по 10–25 передатчиков. Основной тип антенны – широкополосный проволочный диапазонный вибратор «ВГД» или «ВГДШ» (шунтовый) кругового излучения, вертикальный или наклонный. На верхушке стандартной металлической башни городской РПП монтировали четыре «рога» – жесткие антенны под углом 45° к горизонту. Из-за небольших размеров они оправдали себя только на высших КВ диапазонах 13, 16 и 19 метров. Городские объекты состояли из передающего центра и отдельно размещенного ККП. Вот некоторые типы передатчиков таких РПП:

Тип передатчика	Мощность
«Снежинка», «Береза», «KV-1» («Tesla»)	0,5–1 кВт*
«КВ-5», «Вяз-2М», «ПКМ-5»	2,5–5 кВт

* В зависимости от рода работы

Иногда на объектах больших городов ставили передатчики мощностью 10–20 кВт («Молния-2/3» – 12 кВт, «ПКВ-20» – 20 кВт). Например, в Балашихе Московской области было пятнадцать 20-киловаттных передатчиков в дополнение к объекту на Октябрьском Поле с пятнадцатью 5-киловаттниками и другим столичным РПП. Московский ККП размещался на Таганке.

В 80-е годы в Литве с населением 3,5 млн. человек имелось 60 передатчиков на 5 РПП, в Белоруссии (10 млн.) – 90 передатчиков, в Украине – более 300 передатчиков. В 1986 г. в СССР имелось 13 мощных РПП дальней радиозащиты (100–120 передатчиков) и городские станции глушения в 81 городе (порядка 1200–1300 передатчиков).

С. Глубоков, бывший начальник Главного радиоуправления РСФСР, писал автору этой статьи, что «основное предназначение Союзных узлов радиовещания и радиосвязи (СУР) было инновационное и магистральная радиосвязь, а также местное вещание на территориях их нахождения. Одновременно эти технические средства использовались в сети дальнего глушения. Специальных радиоцентров для этой цели не строилось». Суммарная мощность всей радиосети глушения достигала 40 тыс. кВт.

В сентябре 1986 г. Е. Лигачев и В. Чебриков писали в ЦК КПСС, что «дальней защитой обеспечивается глушение передач примерно на 30 процентах территории Советского Союза» (...) Многие внутренние районы страны радиозащитой не прикрыты, а эффективность глушения в ряде крупных

Спецслужбы соцстран не только глушили передачи, но и засыпали террористов. Штаб-квартира Радио Свобода в Мюнхене после взрыва. 21 февраля 1981 г.

городов центра России, Прибалтийских и Закавказских республиках существенно ниже, чем в среднем по стране». В вечерние часы приходилось одновременно закрывать до 7 радиопрограмм (35-40 частот). Даже перевес по мощности в 3-4 раза не позволял обеспечить 100-процентное «прикрытие». По сравнению с 60-ми годами, количество частот, используемых крупными западными радиостанциями для вещания на СССР, в 80-е снизилось примерно на половину, но значительно выросла мощность передатчиков на обеих сторонах радиофронта.

Комитеты по телевидению и радиовещанию платили передающим центрам за трансляцию программ. «Тарифные доходы» предприятий связи включали определенную прибыль, из которой покрывались и расходы на радиоподавление. Иначе говоря, радиоцензура, как деятельность особой важности, подлежала кросс-финансированию. Существовали два понятия стоимости трансляционных услуг. «Цена продукции» за 1 час покрывала себестоимость эксплуатации средств связи, но была ниже тарифа их аренды клиентам от 10% (передатчики мощностью 500-1000 кВт) до 70% (5 кВт).

Надо подчеркнуть, что никакие клиенты не платили за радиоподавление, поэтому ее стоимость наиболее точно отражает понятие «объем продукции в денежном исчислении». Анализ экономических показателей Литовского республиканского радио-телевизионного передающего центра (РРТЦ) за 1971-1988 гг. показывает, что годовой «объем продукции» 5 РПП составлял около 1,3 млн. рублей. По оценкам западных экспертов, в указанный период общесоюзные годовые затраты на радиозащиту (со строительством новых мощностей и закупкой оборудования) достигали 1 млрд. рублей.

Наряду с другими структурными подразделениями РРТЦ, «станции радиосвязи» принимали

участие в «социалистическом соревновании», их деятельность оценивалась по таким показателям, как выполнение плана продукции, рост производительности труда, снижение себестоимости, уровень коэффициента качества, наличие жалоб. Интересно, что в 1988 году планы по объему продукции, включая IV квартал, в Литве были выполнены на 112%, и это несмотря на то, что радиоподавление в декабре уже не велось.

Функции ККП (другое служебное название – «приемная р/с»): нахождение частот, где прослушиваются подлежащие глушению программы; указания дежурной смене РПП настроить передатчики на нужные частоты; подача по проводной линии связи в РПП звука принимаемой радиостанции для точной настройки передатчика (необходимость в этом отпала, как только

начали работать с передатчиками типа «Вяз» с синтезаторным набором частоты); подбор звукового сигнала помехи и его подача на передатчики через линии связи; дистанционное включение и выключение передатчиков; обеспечение работы передатчиков РПП на сетке частот и по расписанию, полученных (по радиотелеграфу или телетайпу) от московского центра, составление для него рапортов о приеме работы других РПП; проведение сеансов радиосвязи по линии гражданской обороны.

Кроме того, ККП РПП были обязаны выявлять пиратские радиостанции, число которых значительно возросло в 60-е годы, особенно на Украине и в Казахстане. На основании совместного приказа Министерств связи, внутренних дел, КГБ и ЦК ДОСААФ от 10.07.1970 г. «О мерах по усилению борьбы с незаконным использованием радиопередатчиков» зам. министра связи В. Шамшин в письме от 15.07.1970 г. указал: «Прослушивание эфира на территории области, края, республики с целью выявления незаконных радиопередач возложить на существующие контрольно-корректировочные пункты особой службы, докомплектовав их состав из расчета организации дополнительно одного рабочего места».

Штатное оборудование ККП: 3-4 радиоприемные устройства (в разное время – «Крот», «Р-250», «Катран», «Р-399» и др.) с панорамным индикатором; источники помехи: генератор мешающего действия (ГМД), линия радиопрограммы «Маяк», аппараты подачи сигналов вещания (АПСВ) и магнитофоны для воспроизведения речеподобного сигнала; радиоприемник и телетайп для получения указаний из Москвы. На крыше здания ККП или рядом с ним между мачтами высотой 10-20 м натягивали широкополосный диполь «ВГДШ».

Работа на ККП обычно велась в 3 смены по 2 человека. Дежурные операторы наблюдали каж-

дый за своей частью радиоспектра и управляли группой («стволом») передатчиков. Для принятия расписания из московского центра управления пользовались шифровальными блокнотами. Был установлен приоритет радиоцелей, где первое место занимала «Свобода». По данным западных авторов, до 70% мощностей советских РПП отводились для забивки этой радиостанции.

Функции передающего центра: настройка передатчиков на частоты, указанные из ККП, стабильная их работа по заданным параметрам, коммутация антенн, профилактическое обслуживание аппаратуры, а также эксплуатация вещательных и связных передатчиков, если таковы были размещены на РПП (например, на объекте № 600 в Вильнюсе 2,5-киловаттный «Вяз» в диапазоне 49 м транслировал пятую литературно-художественную программу Всесоюзного радио). В 70-е годы месячная зарплата электромонтеров РПП составляла около 110 руб., электромехаников – 150 руб. У передатчиков обычно трудились мужчины, а на ККП – женщины. В результате усовершенствования передатчиков состав смен на радиостанциях уменьшился с 4 до 2 человек.

Как правило, комитеты по телевидению и радиовещанию имели свои службы радиоперехвата. Еще 17 января 1957 г. ЦК КП Литвы приняло постановление «О записи зарубежных радиопередач на литовском языке». Сигналы иностранных радиостанций перехватывали на приемном радиоцентре возле пос. Нямежис при помощи остронаправленной КВ антенны типа «БС-2». Звук по линии связи подавали в спец. аппаратную магнитной записи Радиокomiteта. Содержание передач распечатывали на бумаге и в виде бюллетеня рассылали ограниченному кругу абонентов. Через 10 лет после окончания постановления помех, в 1998 г., бывшая Главная редакция радиоперехватов всесоюзного радио в новом качестве информационного агентства «Эфир-дайджест» предлагала СМИ солидный пакет эфирных сводок.

Ниже приводим список советских объектов дальней радиозащиты:

№ 800	Краснодар (Тбилисская) – 12 РПП, 120-500 кВт
№ 808	Ереван (Камо) – 9 РПП, 50-500 кВт
№ 810	Николаев (Копани) – 5 РПП, 500 кВт
№ 811	Львов (Красие) – 4 РПП, 200-500 кВт
№ 840	Алма-Ата (Каратурук) – 10 РПП, 50-500 кВт
№ 850	Григориуполь (Маяк) – 5 РПП, 500 кВт
№ 900	Ташкент – 12 РПП, 50-120 кВт
№ 903	Советск (Большаково) – 9 РПП, 80 кВт

Номера и местонахождение остальных РПП дальнего действия подлежат уточнить. Предположительно, использовались мощности союзных узлов радиосвязи Новосибирска, Ангарска, Читы, Хабаровска и радиоцентр Саранска. Дано общее количество КВ передатчиков возле названных городов. Для радиоподавления использовалась только часть из них, установленных на отдельном объекте. Надеемся, что таблицу уточнят читатели – связисты, ученые, радиолюбители, журналисты.

К 13 советским РПП дальней радиозащиты следует добавить еще 10-12 таких станций в Польше, Чехословакии, Болгарии и ГДР (всего порядка 100 передатчиков мощностью 20-50 кВт). До 1963-1964 гг. ионосферные РПП работали и в Румынии, Венгрии. Как выразился один связист, при дальнем глушении лучше всего бить «в хвост сигнала» – то есть, чтобы помеха приходила с того же направления, как и радиопрограмма. Для выполнения этой задачи государства Восточной Европы находились в очень благоприятном географическом положении. В 1953 г. начали разворачивать и примерно к 1964 г. закончили строительство сети совместной дальней радиозащиты. Работа шла на основе двухсторонних договоров.

Страна	Количество дальних РПП	Количество передатчиков
СССР	13	>100
Чехословакия	4	35
Польша	3	~20
Болгария	2-3	~30
ГДР	1-2	10-15
Всего:	23-25	~200

На советских РПП дальней радиозащиты в основном использовались КВ передатчики мощностью 50–120 кВт, на некоторых объектах – до 500 кВт. На РПП дальнего действия стран Восточной Европы работали передатчики мощностью 20–50 кВт, поэтому было трудно поддерживать баланс по объему глушения между государствами. Например, в 1956 г. чехословацкие передатчики вели радиоподавление на Польшу в общей сложности до 24 час. в сутки, а польские на Чехословакию – всего 10 час. В 70-е годы СССР транслировал помехи на ЧССР в объеме 33 тыс. кВт/час, в сутки (показатель включает умножение мощности и продолжительности работы передатчиков), а Чехословакия на СССР – всего 16 тыс. кВт/час.

Кроме того, в Советском Союзе имелся большой резерв: во второй половине 80-х работали 64 радиоцентра с 327 КВ передатчиками мощностью: 50–120 кВт – 260 ед., 200–250 кВт – 35 ед., 500–1000 кВт – 32 ед.

Расскажем подробнее о технических характеристиках РПП дальней радиозащиты № 903 в составе радиоцентра Большаково Калининградской обл., введенного в строй в 1975 г. На данной РПП установили 9 связных передатчиков «Пурга» производства Красноярского радиозавода. Их мощность в режиме АЗЕ – около 50 кВт, в режимах ОБП и ТЛГ – до 80 кВт. Было смонтировано 9 антенн типа «СГДП» (на одну возможно сложение всех передатчиков), 2 антенны типа «СГДП 1/4» (сложение до 4 передатчиков), 14 ромбических антенн «РГЛ» и две «ВГДШ». Азимуты антенн: 70°, 83°, 118° – на разные регионы СССР, 205° – на Польшу и Чехословакию, 245° – на ГДР. После прекращения глушения радиостанцию в 1989 г. начали использовать для иновещания на немецком (245°), польском (205°), французском (245°) языках, а также для трансляции «Маяка» (83° и 118°). Работали отдельные (60 кВт) и сдвоенные (120 кВт) передатчики.

Станция слежения на местной «глушилке» (объект 600) в Вильнюсе.

Многие вещательные радиостанции были укомплектованы оборудованием для постановки помех. На главном литовском радиоцентре Ситкунай имелся спецприбор «Зенит-2» – ДСВ модулятор для передатчика «Вихрь» («РВ-120», 500 кВт). Получив указание от ККП каунасского объекта № 603, дежурная смена должна была перестроить передатчик на частоту радиоподавления. Это разрешалось только во время ночного перерыва трансляции 1 программы Литовского радио в 01:00-05:00. Подать звуковой сигнал для глушения могли либо с блока ГМД, либо с ККП («Маяк» или речеподобный сигнал).

6 ноября 1954 г. зам. уполномоченного Министерства связи по Литовской ССР Стрелков писал в ЦК КП Литвы тов. Нюньке: «За последнее время усилилась антисоветская пропаганда по радио на средних волнах (частота 1195 кГц, языки: литовский, русский, польский, украинский и латышский), которые особенно прослушиваются в часы 18:00–22:00. Имеющихся специальных средств для борьбы с антисоветским вещанием на частоте 1195 кГц недостаточно, для этой цели в гор. Вильнюс может быть использован средневолновый передатчик «РВ-92», который в это время передает программу комитета Радиоинформации Литовской ССР. Прошу Вашего разрешения о использовании радиовещательной станции «РВ-92» ежедневно с 18 до 22 часов и снятии программы комитета Радиоинформации в эти же часы». В просьбе было отказано. На

письме поставлена резолюция: «Вопрос решен. Забывать другими средствами».

В начале 60-х на вильнюсской радиостанции (Виршулишкес) установили 10-киловаттный связной передатчик «Ураган» промежуточного диапазона (1-3 МГц), снятый с военного корабля. Он позволил глушить СВ трансляции ВВС, VOA и радио Тираны. В 1965 г. передатчик модернизировали для трансляции программы «Маяк» на частоте 1430 кГц, но и после этого по требованию ККП его ежедневно перестраивали на частоту 1394 кГц для получасовых сеансов подавления радио Тираны.

В 1973 г. функцию СВ глушения перенял объект № 600. Четыре 5-киловаттных связных КВ передатчика «КВ-5» и «Вяз» на радиостанции Виршулишкес работали по заказу республиканского центрального телеграфа (90% времени), штаба гражданской обороны и только до 10 часов в месяц – в режиме постановки помех, когда на «600-ом» не хватало мощностей. Связь проводили с ромбической и дипольными, глушили – с дипольными антеннами «ВГДШ».

Технический уровень сети радиоподавления был не на высоте. В 1975 г. ведомственная газетка «Кауно радистас» писала, что на объекте № 603 не хватает цоколей радиоламп ГУ-50, монтажного провода, измерительных приборов. Передатчики «КВ-5» почти четверть века идут без кап. ремонта, физически и морально устарели, часто ломаются, да и антенны нужно менять из-за многократных срывов проводов. Согласование с диполями «ВГДШ» давалось с трудом, вместо 5 кВт выжимали половину, а то и меньше. Даже в пределах города не хватало уровня помехи. На незакрытые частоты приходилось ставить по два передатчика.

Вспоминаются случаи, когда во время перегона видеoinформации из Каунаса в Москву объект № 603 давал наводку на аппаратуру союзной радиорелейной линии. Чтобы обеспечить качество телевизионной трансляции, приходилось временно отключать передатчики РПП. В 1958 г. здесь пришлось выключить передатчики глушения в диапазоне 13 метров, потому что их 3 гармоника наводила помеху на слабый сигнал изображения Вильнюсской телестанции (в то время ретранслятора в Каунасе еще не было).

КГБ следил за чистотой эфира, до приема на работу проверял «идейно-политическую надежность» новых работников. Однажды выяснилось, что родители электромеханика после войны были сосланы в Сибирь. Человека перевели в другой цех. Персонал объекта 603 и ККП имел допуск (уровень секретности) третьей степени. Все знали, что среди сослуживцев есть стукачи. Раздражение КГБ и партийных органов вызывали «дыры» в эфире. Особенно плохо дела обстояли в сельской местности.

В середине 80-х в Литве собирались строить новые РПП в пригородах Вильнюса и Паневежиса, но был сооружен только последний. Несмотря на упущения, в целом эффективность системы радио-

18.12.47

268

Секретарь ЦК ВКП(б)

товарищу МАЛЕЦКОВУ Г.И.

Литовские радиопередатчики, а том числе и на литовском языке за последние время усиленно работают.

Внутренние технические средства в республике не обеспечивают полностью засекречивания этих передач.

Постановлением Совета Министров СССР от 4/ХП.50г. за № 4809-2091 и приказом Министра связи СССР от 16/ХП.50 г. предусматривалась строительство радиопередатчиков в городах Вильнюс и Каунас с заводом их на полную мощность в 1952 году.

Планы по строительству на 1952 год Министерством связи СССР для этих целей выделяет средства только около 10% от общей стоимости работ.

Строительство радиопередатчиков в городах Клайпеда и Каунас совершенно не планируется и Министерством связи т.Шурцевым сам в этом отказано.

ЦК ВКП(б) Литвы просит Вас обязать Министерство связи СССР принять в 1952 году исчерпывающие меры для полной забивки антисоветских радиопередатчиков в республике.

Секретарь ЦК ВКП(б) Литвы (А.Снечук)

10.3
924

18.12.47

1951 г.

18.12.47

262

Секретарь ЦК ВКП(б)

Подполковник поварову в ОУ НКВД Литвы

С П Р А В К А

о выполнении борьбы с антисоветскими радиостанциями на территории Литовской ССР.

На территории Советской Литвы, во время массированных радиосвязей с литовского радио прослушиваются следующие количество частот:

в гор. ВИЛЬНУС

Время сеансов	Всего прослушано частот	Закрытых частот: импорт, пункт, сред-ства нем	Открытых частот: импорт, пункт, сред-ства нем	Примечание
17-15 - 17-45	40	9	25	0
00-15 - 00-45	40	12	25	3
19-00 - 19-15	20	8	12	-
00-00 - 00-15	15	3	12	-
17-00 - 17-15	15	10	5	-
02-30 - 03-05	20	10	10	-

В гор. Каунас и в г. Шулуэй посылание такое же в гор. Клайпеда в указанные сеансы открытых частотна русском языке бывает до 10-12.

До 1 января 1952г. построено и пущено в эксплуатацию:

гор. Вильнюс - 60°ект 600. Общее количество передатчиков-30 шт.

гор. Каунас - 60°ект 603. Общее количество передатчиков-22 шт.

(Счетная стоимость обеих об'ектов по оценкам 7 млн. руб.)

гор. Шулуэй - 60°ект 60. Общее количество передатчиков-15 шт.

(Счетная стоимость технической части об'екта 247 т.р., трансформационных сооружений - 150 тыс. р.).

гор. Клайпеда - 60°ект 61. Общее количество передатчиков-21 шт.

(Счетная стоимость технической части об'екта 268 т.р., гражданского строительства - 120 тыс. р.).

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ ЦК ВКП(б) Литвы

подавления была высокая. По сравнению с «Радио Свобода», которую в СССР слушали более 7 млн. человек, у «Немецкой волны», «Би-Би-Си» и «Голоса Америки» (в 1973-1980 г. они звучали в чистом эфире) аудитория была в 1,5–3 раза больше. В 1991 г. после снятия помех популярность «Свободы» возросла в 4 раза и достигла 30 млн. слушателей.

По данным мониторинга западных экспертов, в июле–октябре 1981 г., когда все ниже перечисленные радиостанции подвергались глушению, их слышимость на территории СССР была такова (%):

	Хорошая	Средняя	Плохая	Не слышно
RFE/RL	1	6	20	73
VOA	3	31	45	22
BBC	1	14	27	58
DW	4	29	20	47

Как видим, в среднем в 28% случаев прием был значительно затруднен, а в 50% – невозможен. В соцстранах дела обстояли лучше. Ниже в таблице приводим данные 1977 г. об аудитории RFE/RL.

Страна	% слушателей	Наличие и характер помех
Румыния	57	Без помех
Венгрия	49	Помехи от одной украинской РПП
Польша	46	Дальнее глушение из СССР*
Чехословакия	34	Мощное глушение внутри страны и из СССР
Болгария	24	Мощное глушение внутри страны и из СССР

* Кроме диапазона 13 м

Для глушения использовались и вещательные передатчики – во время, свободное от трансляции радиопрограмм. Организационную структуру советской системы связи многократно меняли. Мощные РПП дальней радиозащиты, будучи в составе союзных узлов радиовещания и радиосвязи (СУР) или как отдельные радиоцентры, напрямую подчинялись союзному Минсвязи. Городские объекты, как правило, были составными частями (цехами) местных предприятий связи, подотчетных министерствам связи союзных республик.

До начала 60-х годов применяли выборочное радиоподавление: помехи включали только на определенные промежутки времени, иногда лишь на 1-2 минуты по нескольку раз в час, в зависимости от содержания текущей передачи. Москва круглосуточно слушала эфир и отдавала оперативные указания для РПП по телетайпу и КВ радиоканалам (эфирный маркер «У»). В командах указывались частоты и продолжительность сеанса постановки помех. По данным американской радиомониторной службы в Хельсинки, СССР выборочно глушил передачи VOA на русском и украинском языках с 16

Радиопередающая аппаратура на объекте №600. Вильнюс, конец 70-х.

апреля 1957 г. по 18 июня 1963 г. Такой сложный, трудоемкий метод не оправдал себя, и от него отказались, когда Советский Союз впервые временно снял помехи с программ BBC, DW и VOA на языках народов СССР и стран Балтии. С той поры программы определенных зарубежных станций глушили на протяжении всего времени их работы в эфире и на всех частотах.

В зависимости от степени «враждебности» передат. станции, вещавшие на СССР, подразделялись на три категории:

1. Радио «Свобода», «Голос Израиля», радио Тираны и «Свободную Россию» глушили электронным шумом ГМД, с 1976 г. – речеподобным сигналом. Звуковой сигнал ГМД состоял из шума I генератора (135 Гц), колеблющегося на частоте II генератора (3 Гц), сложенного с шумом III генератора (320 Гц), колеблющегося на частоте IV генератора (5 Гц).

2. BBC, DW, VOA, радио Китая и радио Кореи: сначала их глушили электронным шумом, а с 3 августа 1964 г. – музыкально-информационной программой «Маяк». Передатчики работали в режиме частотной телефонии F3, преимущество которого – широкая (16 кГц) полоса, высокий уровень модуляции и искаженный звук «Маяка» на бытовых приемниках.

3. Радиостанции Швеции, Канады, Югославии, Франции, Египта, Италии и другие, в передачах

Оператор местной станция радиоглушения в Каунасе.

*Здание бывшей станции глушения дальнего действия.
Польша, 40 км к западу от Варшавы.*

которых не было острой критики в отношении властей СССР, после 1963 г. не подвергались глушению.

С 1976 г. ГМД постепенно заменили на речеподобный сигнал, смонтированный из коротких (0,5–5 сек.) фрагментов мужского и женского голоса дикторов Всесоюзного радио. Его звучание напоминало рокот толпы. Для рассылки на все ККП сигнал тиражировали в ленинградском доме звукозаписи (ленты «типа 10» на лавсановой основе, ширина 6,25 мм, толщина 37 мкм, катушки № 15, скорость 9,53 см/сек, 1 дорожка, звучание 65 мин.). Так как имевшиеся на ККП жесткие трехмоторные магнитофоны «Тембр» быстро растягивали ленты, вместо их применили устройства «АПСВ», где спиральную магнитозапись с дорожки крутящегося диска считывали две магнитные головки на тонарамах.

Посравнению с монотонным шумом ГМД «речеподобный сигнал» сильнее раздражал слушателей и не поддавался отфильтровке. Позднее сотрудник института общественных наук при ЦК КПСС В. Ярошенко предложил использовать в качестве помехи передачу накрываемой радиостанции с задержкой звука на несколько секунд. Минсвязи отвергло идею, опасаясь сложности приема и распределения по РПП программ забиваемых радиостанций.

Дважды в минуту шум ГМД и речеподобный сигнал прерывался позывным, составленным из двух букв азбуки Морзе. Каждой городской РПП был присвоен индивидуальный позывной. До конца

шестидесятых позывные меняли в полночь по московскому времени с 4 на 5 и с 19 на 20 число. Это начали делать после того, как узнали о существовании американского комитета TEAC (Technical Evaluation Advisory Committee) из представителей RFE, RL, VOA и ЦРУ. Комитет составил карту сети радиоподавления Советского Союза и соцстран. Западные радиомониторные службы зафиксировали более 500 позывных.

В 70-е позывные стали менять редко. Вильнюсский объект № 600 между 1976 и 1988 г. только однажды поменял позывной с «БЛ» на «ЛМ». Позывные были нужны для опознания работы отдельных РПП. Операторы ККП докладывали центральному пункту управления о приеме сигналов РПП других городов. Например, Вильнюс мог зафиксировать позывной, по которому Москва определяла, что какой-нибудь украинский объект вовремя не сошел с частоты радио «Свобода» и создал помехи «Родине». Это означало неприятности для смены провинившегося ККП.

Радиовещательным передатчикам присваивали позывные из серии «РВ» (в эфир они не передавались). Например, «РВ-848» был 200-киловаттный КВ передатчик типа «Снег-М» радицентра Поповка Ленинградской области. (Напомним, что отсюда с 1971 по 1988 год вели радиоподавление польских передач RFE со позывным «1Г»). После снятия помех многим передатчикам бывших РПП выдали «гражданские» позывные. Так, «РВ-1291» обозначил 80-киловаттную «Пургу» на объекте № 903 радиостанции Большаково в Калининградской области.

Что касается позывных мощных «восьмисотых» радиочастот, то есть два варианта: либо им давали общий для всех передатчиков позывной, либо – по отдельному для каждого передатчика. Позывные поступали на передатчики от электромеханических устройств. Крутящийся от электромотора диск с вырезами дважды в минуту замыкал контакты, прерывая шум ГМД (или речеподобный сигнал) и вставляя тон генератора двухбуквенного позывного. Такие устаревшие «машинки» потом заменили на более совершенные изделия с фотоэлементами.

До наступления времен спутниковой связи VOA посылал программы в ретрансляторы по КВ РПЛ через узловой радиочастотный центр Гринвилл в Северной Каролине. Передачи русской службы VOA выходили в эфир через радиостанцию Вуфертон (Великобритания), Мюнхен-Исманнинг (Германия), Кавала (Греция) и Танжер (Марокко). В Гринвилле шесть 50-киловаттных связанных передатчиков работали в режиме двух независимых боковых полос с подавленной несущей.

Что касается вопроса, ставил ли СССР помехи на КВ радиорелейные линии, то мнения экспертов противоречивы. До 1975 г. для РПЛ VOA были характерны часто возникавшие шумы и обрывы от искусственных помех или из-за слабого прохождения радиоволн над Атлантикой во время возмущения

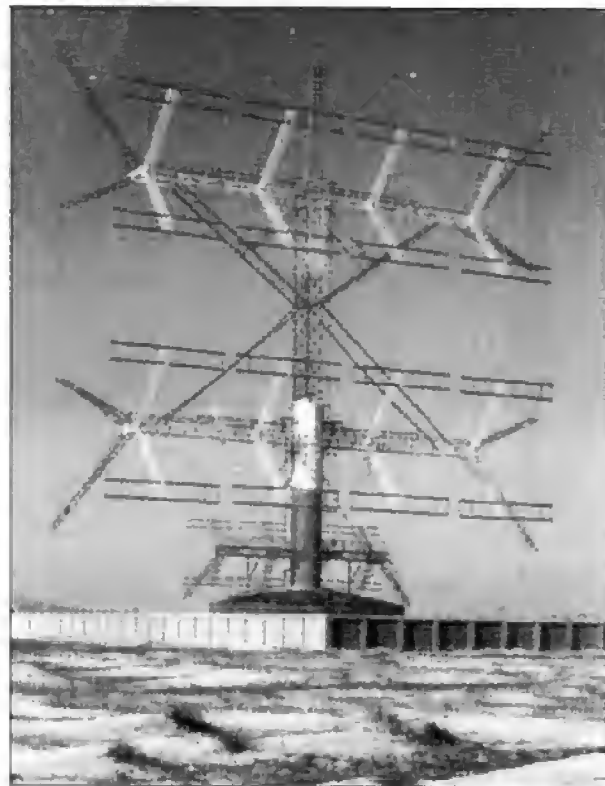
ний ионосферы. Русская служба VOA записывала концерты попмузыки на виниловые пластинки и рассылала их по ретрансляторам, чтобы адресаты в СССР могли слушать музыку без треска межконтинентальной РРЛ.

Первые признаки смягчения радиоцензуры появились в июне 1986 г., когда работавший «на экспорт» советский журналист Владимир Познер в одной из телепередач США заявил: «Глушение было контрпродуктивным». В конце того же года на встрече в Исландии Михаил Горбачев предложил Рональду Рейгану нечто вроде обмена. Пусть коммерческие станции США начнут ретранслировать Московское радио на английском языке, а в ответ СССР снимет помехи с VOA (но не с RFE/RL). Идею пытались развить Александр Яковлев и Чарльз Уик, но у них ничего не вышло.

Еще раз вернемся к письму в ЦК КПСС Е. Лигачева и В. Чебрикова от 5 сентября 1986 г.: «Передачи неправительственных радиостанций «Радио Свобода», «Свободная Европа», а также радиостанций «Немецкая волна» и «Голос Израиля» имеют откровенно антисоветский характер и изобилуют злобной клеветой на советскую действительность. Радиостанции же «Голос Америки» и «Би-Би-Си» подают свои материалы, как правило, тенденциозно, с антисоветских позиций, стараясь при этом придерживаться объективистского подхода к освещению событий и фактов международной жизни, политики, экономики и культуры. Пропагандистские материалы радиостанций «Радио Пекин» и «Радио Корея» недружественны по отношению к СССР, но мало убедительны, а подача их осуществляется предвзято и примитивно».

Далее, ссылаясь на «продланную значительную работу по расширению гласности» после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, рекомендуется прекратить глушение «Голоса Америки», «Би-Би-Си», «Радио Пекина» и «Радио Кореи», а «высвобождающиеся при этом технические средства использовать для более качественного и надежного глушения радиостанций «Радио Свобода», «Свободная Европа», «Немецкая волна» и «Голос Израиля». Представляется также целесообразным часть технических средств использовать для расширения советского вещания на капиталистические страны».

Надо отдать должное М. Горбачеву, который на этом не остановился. Помехи покинули BBC 21 января 1987 г., VOA – 23 мая 1987 г. Генсек понимал, что политика гласности не вяжется с цензурой и в ноябре 1988 г. добился решения Политбюро ЦК КПСС о полном снятии радиопомех. 8 декабря 1988 года М. Горбачев на пленарном заседании ООН в Нью-Йорке заявил: «В контексте хельсинкского процесса рассматриваем и снятие помех для передач всех иностранных радиостанций, вещающих на Советский Союз». Все советские РПП были выключены в полночь по московскому времени со вторника, 29 ноября, на среду, 30 ноября 1988 г. Интересно, что приказ министра связи СССР № 38с «О

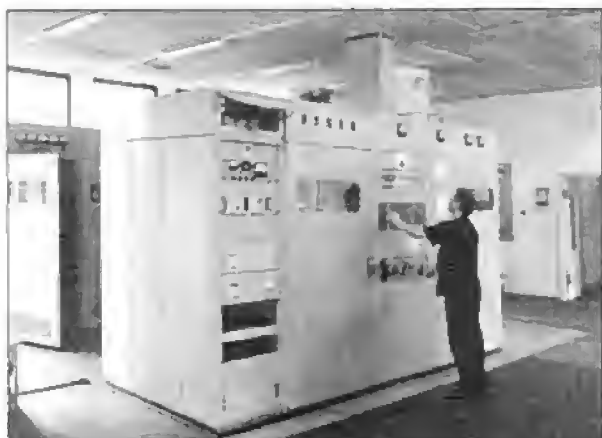

Современная станция глушения в Китае
Передачи каких станций она «забивает» сегодня?

прекращении с 30 ноября 1988 г. глушения зарубежных радиостанций, ведущих вещание на Советский Союз», был подписан только 19 декабря, спустя 11 дней после выступления М. Горбачева и спустя 20 дней после прекращения глушения. Позднее еще наблюдались случаи применения «техники близкого прилегания» – вещания на частотах «Свободы» или на прилегающих к ним.

После 1989 г. некоторые передатчики бывших РПП арендованы для BBC, DW, RFE/RL и VOA. Часть радиосредств, использовавшихся для глушения, сейчас не работает, но содержится в хорошем состоянии. По сообщению «Фонда защиты гласности», московское издательство «Палая» в ноябре 1997 г. направила на «Свободу» ультиматум: если радиостанция не перестанет «оскорблять национальное достоинство народов России», то «Палая» начнет выборочное глушение в Москве и Санкт-Петербурге. В том же году американский ученый Джэми Метцл предложил создать мобильную службу радиоподавления при ООН. По мнению автора идеи, массовые убийства и зверства, совершенные в отношении руандийского народа тутси, подстрекались радиоголосом воинствующих хуту. Жертв было бы гораздо меньше, если бы международная общественность своевременно нейтрализовала подрывную станцию.

В октябре 2002 г. президент России В. Путин отменил указ президента Б. Ельцина от 1991 г., гарантировавший для радио «Свобода» предоставление «необходимых каналов связи». Декрет В. Путина создал юридические предпосылки для уп-

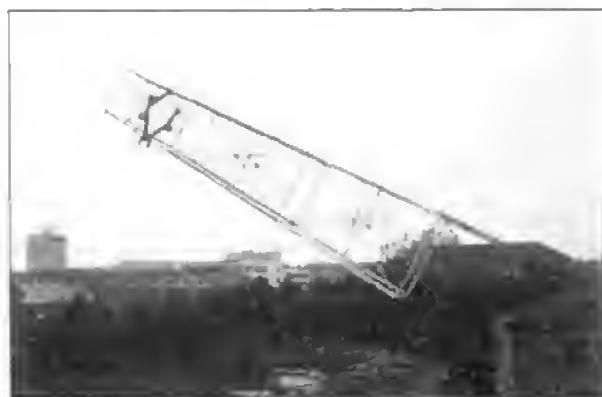

100-киловаттный коротковолновый передатчик «Тесла», который использовался для глушения польских программ станции Радио Свободная Европа в 1970 г.

разднения лицензий ретрансляторам русской службы RFE/RL в России. Анонимная общественная группа в 2003 г. в интернете на сайте под лозунгом «Нет русофобии в России!» требует «закрытия штаб-квартиры радио «Свобода» в Москве, запрета трансляции на средних волнах передач радио «Свобода», «Немецкой волны», «Голоса Америки» и глушения всех антирусских передач во всех диапазонах».

В 1997 г. мы обратились к заместителю председателя Государственного комитета по связи и информатизации Российской Федерации А. Батюшкину с просьбой рекомендовать экспертов по теме радиоподавления. К сожалению, таковых найти не удалось. Ответное письмо от 8 октября 1997 г. завершается словами: «В связи с принятием правительственных решений, работы по «радиоглушению» в 1988-1989 г. были закончены, объекты перепрофилированы, эксплуатационно-техническая и нормативная документация уничтожены, оборудование списано».

Пытался ли кто-нибудь в Советском Союзе протестовать против ограничений доступа к потоку международной радиоинформации? Ответа на этот вопрос следует искать в материалах самиздата. При наличии эфирных помех советские граждане могли писать жалобы в инспекции электросвязи по

Демонтаж «глушилки» в Вильнюсе. Апрель 1989 г.

месту жительства. Однако 5 пункт «Инструкции о порядке приема и рассмотрения заявлений на индустриальные помехи радиоприему» гласил, что «по заявлениям на помехи приему радиовещания в ДВ, СВ и КВ диапазонах меры по устранению помех принимаются в случае неудовлетворительного приема только тех радиостанций, которые предназначены для обеспечения вещанием зоны, в которую входит данная область (край, республика)». Конечно, передачи западных станций и были предназначены для «обеспечения вещанием» большей части территории СССР, но жалобы на помехи зарубежным голосам означали неприятности для их авторов, в какой «зоне» они бы ни жили.

Сокращения

АМ – амплитудная модуляция
 АПСВ – аппарат подачи сигналов вещания
 ВГД(Ш) – вибратор горизонтальный диапазонный (шунтовый)
 ГМД – генератор мешающего действия
 ДВ – длинные волны
 КВ – короткие волны
 ККП – контрольно-корректировочный пункт
 ОБП – одна боковая полоса
 ПКВ – передатчик коротковолновый радиовещательный
 ПКМ – передатчик коротковолновый магистральной радиосвязи
 РВ – радиовещательный
 РПП – радиостанция постановки помех
 РПУ – радиоприемное устройство
 РРЛ – радиорелейная линия
 р/с – радиостанция
 СВ – средние волны, средневолновый
 СГД – синфазная горизонтальная диапазонная антенна
 ТЛГ – радиотелеграфный
 УКВ – ультракороткие волны, ультракоротковолновый

BBC – British Broadcasting Corporation
 DW – Deutsche Welle
 IBB – International Broadcasting Bureau
 RFA – Radio Free Asia
 RFE, RL, RFE/RL – Radio Free Europe/Radio Liberty
 RIAS – Radio in the American Sector
 VOA – Voice of America

Консультациями, переводами, воспоминаниями, сбором информации и технической помощью написанию статьи «Радиоцензура» содействовали следующие лица, которых Р. Плейкис сердечно благодарит:

А. Батюшкин, А. Варбанский, К. Гусев, С. Дубавец, В. Жаров, В. Журин, А. Клепов, С. Колесов, Н. Крестьянинова, О. Максименко, И. Машенко, П. Михайлов, Г. Могильницкий, В. Орлов, А. Осипов, И. Померанцев, В. Тумарев, И. Толстой, А. Солдатов, С. Соседкин, О. Alm, M. Andruszczenko, J. Bóhač, V. Butnimas, J. Čepas, M. Drygas, G. Jacobs, L. Jonušys, A. Kita, T. Kopecka, J. Kozel, M. Król, H. Kuhl, P. Leškevičius, V. Lickus, I. Lickuvienė, R. Markevičius, S. Mason, N. Mickienė, M. Pietruski, J. Pleikys, E. Ramonas, J. Staniulis, A. Stelingis, R. Stirblis, G. Tamulis, B. Trutenau, D. Walcutt, S. Žilionis

© Copyright: Rimantas Pleikys

...Они смотрели на него, будто ждали, что он вот сейчас, немедленно снимет с них кошмар, терзавший их ежеминутно, каждый день и каждую ночь много лет подряд... Ну что же, подумал Максим, здесь я по крайней мере буду нужен не для того, чтобы убивать, а для того, чтобы лечить... Но почему-то эта мысль не доставила ему никакого удовлетворения. Башня, думал он. Какая гадость... Это же надо было придумать. Надо быть сумасшедшим, надо быть садистом, чтобы это придумать...

Аркадий и Борис Стругацкие
«Обитаемый остров»
1968 г.

« Я ЗНАЛ, ГДЕ НАХОДИТСЯ «ГЛУШИТЕЛЬ»... »

«Вспоминается судьба Сергея Ханженкова, отсидевшего за попытку – или даже намерение – взорвать «глушитель» в Минске, а ведь исходя из общечеловеческих забот, нельзя понять этого преступника иначе как борца за всеобщий мир».

Из интервью А. Солженицына агентству «Ассошиэйтед Пресс», газете «Монд». Москва, 23 августа 1973.

Какие же события привели студента 4 курса Минского автодорожного института Сергея Ханженкова на скамью подсудимых? Обратимся к сухим строкам Обвинительного заключения по уголовному делу № 55.

«Произведенным по делу расследованием установлено, что Ханженков, систематически прослушивая с 1958 года антисоветские передачи зарубежных радиостанций, попал под влияние буржуазной идеологии и, начиная с весны 1962 года, проводил организационную деятельность по созданию антисоветской организации».

Далее из обвинительного заключения следует, что С. Ханженков привлек к «совместной антисоветской деятельности» Я. Храповицкого и Г. Серегина. Обвиняемые, считая себя ядром созданной организации, пришли к выводу о необходимости значительного увеличения ее и создания хорошо законспирированной организации...».

«Осенью 1962 года Ханженков написал программу и проект устава организации, в которых сформировал преступные цели и планы организации, методы их осуществления...».

«Проведение своей организованной борьбы с Советской властью участниками организации по предложению Ханженкова решили начать с совершения диверсионного акта – подрыва Минской радиостанции № 3...» (речь идет о радиовышке «глушителя» зарубежных радиопередач. – Э.Х.).

«Подрыв радиостанции должен был явиться толчком, призывом к активизации антисоветски настроенных лиц в стране, свидетельствовать о наличии антисоветской организации и облегчить установление связи с другими антисоветски настроенными лицами и организациями...».

«...Ханженков, начиная с весны 1962 года и до осени этого же года, изучая расположение объектов радиостанции № 3, неоднократно проникал на ее территорию и произвел необходимые измерения, на основании которых составил схематический и масштабный планы расположения объектов радиостанции и окружающих ее строений, а также рассчитал количество взрывчатого вещества, необходимого для подрыва радиостанции».

«С целью приобретения взрывчатого вещества для подрыва радиостанции № 3 Ханженков и Храповицкий в конце лета и осенью 1962 года приобрели 9 артиллерийских снарядов и две минометные мины».

«Одновременно с подрывом радиостанции № 3 Ханженков, Храповицкий и Серегин готовились к изготовлению и распространению антисоветских листовок, для чего обсуждали способы изготовления листовок, вопрос о приобретении пишущей машинки и приобрели 5 кг 840 граммов типографского шрифта, используя для этой цели малолетнего брата Ханженкова».

Сергей Ханженков. Мордовия, лагерь ЖХ – 385 17, апрель 1973 г.

27 мая 1963 года С. Ханженков и его друзья были арестованы. Уже через сутки Сергею стало ясно: КГБ знает все. Молодых подпольщиков «вели» практически с самого начала их деятельности. Один из членов группы, по мнению Сергея Ханженкова, был провокатором...

Отрицать наличие организации было бессмысленно, поэтому свою главную задачу на следствии С. Ханженков видел в том, чтобы как можно меньше людей Комитет государственной безопасности мог привлечь к ответственности. Суд признал его инициатором и руководителем организации и приговорил по обвинению в попытке совершить диверсию и в проведении антисоветской агитации и пропаганды к 10 годам заключения в лагерях строго режима.

– Сергей, расскажи, пожалуйста, о своей семье.

– Я родился в 1942 году на Колыме. Мой отец, будучи студентом 3 курса одного московского института, был в 1935 году посажен на 5 лет (тогда, как правило, давали такой срок) по обвинению в антисоветской агитации. Кстати, он являлся секретарем комсомольской организации факультета. После освобождения ему не разрешили покинуть Колыму. Дед по линии матери был эсером, сидел на Соловках, освободился, в тридцатые годы вновь арестовали и расстреляли. Естественно, в семье была особая атмосфера, я ребенком все это впитывал в себя.

Конечно, мои взгляды формировались и под влиянием окружающей действительности. Кто жил на Колыме? Бывшие эски. Ни о какой любви к Сталину не было и речи. Когда умер «вождь народов», все откровенно радовались. Не было у меня никогда и пиетета к Ленину, уже с детства понимал: он главный виновник бед. Лет с десяти я пристрастился к газетам, научился находить в них массу противоречий и нелепиц.

После 1956 года нашей семье разрешили выехать с Колымы. Мы поселились в Минске. Я много читал, литература помогла осознать, что была и есть жизнь иная, отличная от нашей. Слушал радио, зарубежные передачи подтверждали правильность уже сложившихся взглядов, давали дополнительную аргументацию... И в школе, и в институте я вполне сознательно не вступал в комсомол.

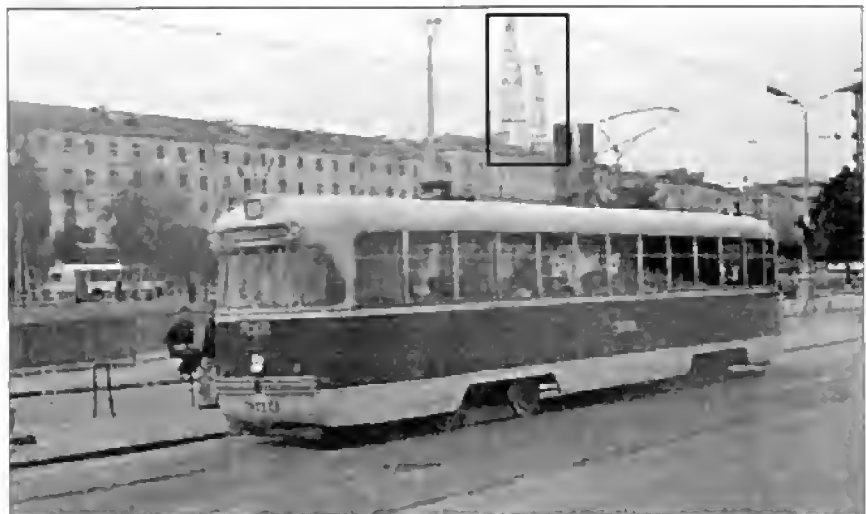
Конечно же, я слушал западные радиостанции: «Голос Америки», Би-би-си, «Немецкую волну», «Освобождение» – так тогда называлось «Радио «Свобода». Ламповый приемник – большой такой ящик! – ночью, на кухне сидишь, слушаешь... И идет это навязчивое глушение, которое бесило, – да какое они право имеют глушить! При-

Сергей Ханженков в 1991 г.

чем я ведь знал – слушают почти все! Однако относятся к глушению безразлично, словно к природному явлению. Идет дождь... глушат «голоса»... ничего не поделаешь... надо приравниваться... Но это же неправильно!

Я знал, где находится «глушитель». В центре Минска, во дворе одного из домов на пересечении нынешних проспекта Скорины и улицы Козлова, стояли две металлические мачты. Одну сейчас убрали, а вторая до сих пор цела, используется для каких-то радиотехнических функций. Когда мы в Минск приехали, в этом доме поначалу снимали

Минск, площадь Якуба Коласа. За домами – те самые башни-«глушилки».

комнату. Я запомнил: вселяемся, раскладываем вещи, а за окном в темноте светятся красными огоньками эти самые мачты. Спрашиваю у хозяйки: что это? Она махнула рукой: «Ай, глушитель!» «Глушитель» – таких все звали. Может, объект и считался секретным, но любая местная бабуся рассказала бы вам, что это и для чего.

Собственно, так и возникла мысль – взорвать «глушилку»! Боже упаси, никакой крови! Никаких человеческих жертв! Чисто демонстративный акт. Просто однажды вечером тысячи людей привычно включают приемники – а эфир будет чистым. Обязательно пойдут разговоры: взорвали «глушитель»! А что такое «глушитель»? Зачем он вообще нужен? И народ встрепенется... Так нам виделось.

...Через забор «глушителя» я лазал только раз, измерял диаметр опор для того, чтобы рассчитать заряд. И план местности составил. Нам же надо было повалить мачты так, чтобы они, падая, ни в коем случае не задели ближайшие дома.

– *Что представляла из себя зона для политических, когда ты прибыл в Мордовию?*

– Я попал в Мордовию в конце 1963 года. Оказался на седьмой зоне, поселок Сосновка. Наши политические «статьи» сидели и в одиннадцатой, и в первой, в семнадцатой и в девятнадцатой зонах. Всего насчитывалось в Мордовии особо опасных заключенных тысяч десять, из них около двух тысяч находилось на «семерке».

В зоне много было сидевших за войну, а также «семидесятников» (антисоветская агитация и пропаганда. – Э.Х.). Самый интересный лагерный период, на мой взгляд, я не застал. К тому времени многие посаженные в 56 – 57 годы уже освободились. Закончили отсидку Револьт Пименов, Михаил Молоствов... Правда, оставались еще Краснопевцев, Меньшиков...

Началось ужесточение режима. К семидесятым годам – мы тогда с тобой встретились – порядки уже в зоне были совсем иные.

– *Насколько я знаю, Сергей, и в дальнейшем режим становился все жестче и жестче... Изменялась обстановка в стране, менялись и порядки в лагере. В середине пятидесятых годов целая плеяда молодых реформаторов пришла в лагерь с верой в неизбежность скорых коренных реформ в жизни страны...*

– Все верно, надежды улетучились в связи с неожиданными «заморозками». Одно дело, когда садишься с верой в близость победы, другое – когда перспектива совершенно неопределенная. Ведь и сегодня такая взаимосвязь видна.

– *Многие приходили в лагерь марксистами, ревизионистами, а уходили людьми совершенно других убеждений. С тобой что-нибудь произошло подобное?*

– Нет! Я ведь не был ни марксистом, ни ленинцем... Я считал, что не стоит изобретать велосипед, нам надо использовать уже апробированную модель западной политической системы. С такими же убеждениями и освободился. Правда, годы заключения меня сильно обогатили знаниями; где еще

можно было встретить столько разных, умных и интересных людей!

– *Сожалел ли ты когда-нибудь о случившемся? Изменилась ли твоя оценка себя, тогдашнего?*

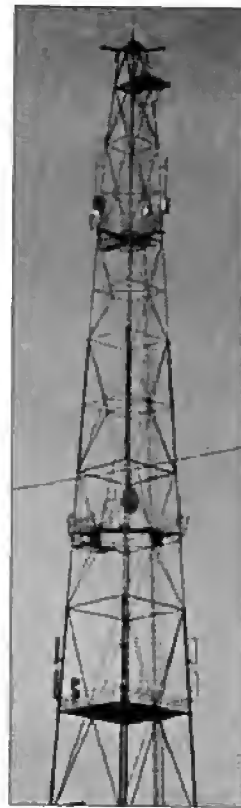
– Совершенно не жалел. Считаю, что я действовал в соответствии со своим пониманием действительности. Я представлял, что впереди долгая, кропотливая работа по разрушению тоталитаризма. Попытка взорвать глушитель, конечно, совершенно не являлась актом экономической диверсии. Это акция была задумана как чисто пропагандистская. Мы произвели расчеты (я изучал взрывное дело), все предусмотрели, чтобы во время взрыва никто не пострадал.

– *Что ты делал после освобождения?*

– Сам понимаешь, создавать какие-либо организации после отсидки, когда ты под неустанным наблюдением КГБ, не очень-то реально. Приходилось выбирать иные формы воздействия на окружающих тебя людей. Я вышел из лагеря с совершенно уникальным багажом знаний о нашем недавнем прошлом. Ведь лишь когда заговорили о расстреле польских офицеров в Катыни, а я сам был знаком со свидетелем этих трагических событий. О страшном голоде на Украине мне рассказывали люди, пережившие его.

Совсем не обязательно было знакомиться с пактом Молотова – Риббентропа, чтобы поверить в его реальность. В зоне сидели те, кто наблюдал совместные советско-фашистские парады. А сколько мог поведать участник Кронштадтского мятежа, отсидевший в лагерях сорок лет! Разве многие знали историю сопротивления после войны в Прибалтике, на Украине? Кто имел какое-либо представление о «власовцах»?

Все это я не держал в секрете. Уверен, что мои рассказы заставили задуматься многих. И второе. Я был живым примером того, что можно, отсидев за свои убеждения, выйти на свободу ни капли не изменившись, не сожалея ни о чем...

В настоящее время целевую вышку преобразовали в опору под антенны сотовой связи

В публикации использованы материалы интервью Эдварда Хамалайна с Сергеем Ханженковым («Набат Северо-Запада», Петрозаводск, 1991), Сергея Нехамкина («Известия», Москва, 2004) и фотографии проекта «Минск старый и новый» Владимира Воложинского <http://minskoldnew.iatp.by>

Андрей БЛИНУШОВ

«СЛЫШУ “ГОЛОС” ИЗ ПРЕКРАСНОГО ДАЛЁКА»

Мне было десять лет, гостил я в маленькой деревне в Рязанской глухомани. Дядька Володя, про которого намекали – «не так давно вернулся из-за Полярного круга», – часов в семь вечера торжественно снял кружевную салфетку со старенького, когда-то полированного радиоприемника без задней стенки и выключил свет.

Я хотел было испугаться, – мало ли какие там у них заморочки за Полярным кругом в темноте на приемниках происходят, но дядька, вдруг озаренный загадочным светом радиоламп, преобразился.

– Так-так-так, между Стокгольмом и Рехьявиком, контурочек крутанем, Вашингтончик сейчас возьмем, – загадочно заколдовал он, склонившись к тускло освещенной шкале приемника. В динамиках завывало, потрескивало, долетали какие-то «ауф видер зейн» и «пшепрашам паньство».

– Садись поближе, рыжий, научу тебя «Голос Америки» ловить, – коварно предложил заполяренный дядька. – Да не верти ты так настойку, к «голосам» по миллиметру надо подходить...

Вот так и вошло в мою жизнь РАДИО. За тридцать лет я раскурочил штук сто приемников всех марок и назначений, собрал с десяток радиостанций, был «радиохулиганом» с позывным «Ульяна-Анна-три», заделался коротковолновиком с лицензией работы в эфире, вещал с островов и горных вершин. И редкий день со мной не было «вражьих голосов». Немецкая Волна, Голос Анд, Голос Америки, Би-би-си, Тель-Авив, Ватикан и даже Тирана с Пекином. Труднее всего было с Радио Свобода – давили ее власти от души.

И чем свирепей «Софья Власьевна» глушила «голоса», тем более совершенную приемную аппаратуру мы доставали и переделывали: «Фестиваль», «Спидола», «Казахстан», Р-250, «Калина», «Крот» и прочая-прочая-прочая. Диполи «Восток-Запад», четвертьволновые штыри, магнитные рам-

Андрей Блинусов – главный редактор журнала «Карта», член правления Международного общества «Мемориал».

ки – нашими антеннами были буквально опутаны многострадальные крыши и чердаки.

Когда хватка режима ослабла, «по секрету» стал внештатничать на «Свободе». Отчетливо помню пьянящее предчувствие вольности, когда перестали глушить Би-би-си и «Голос Америки».

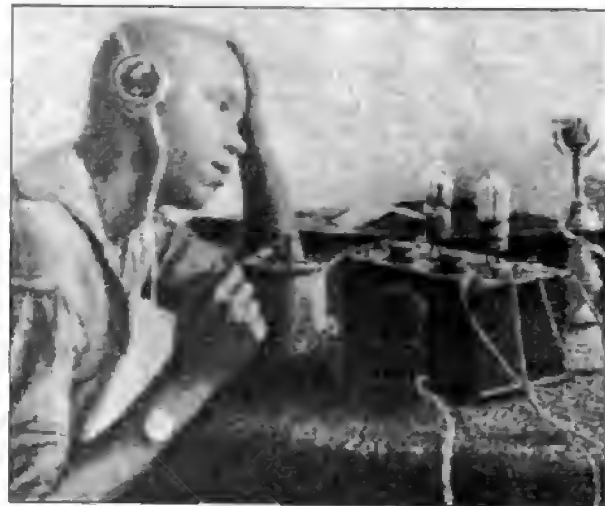
Но рано, рано политологи хоронили «голоса», – теперича, мол, полная гласность на Руси, нечего нас из-за бугра поучать. Как же...

Царь-реформатор спился, грянула война на Кавказе, повыползли из оперативных щелей такие правители, что телеканалы позакрывали и преобразили до неузнаваемости, либеральных медиамagnатов повыперли из страны, меценатов гласно-

сти принялись сажать. Журналисты опять затащили шарманку про большое и железное, посещение птицеферм и распорядок дня «двора» на бывших сталинских дачах.

...Эх, взгромоздил себе на крышу спутниковую «тарелку», поколдовал с настройками на спутник «Жар-птица», – и вот они, родненькие вы мои, – «Свобода», Би-би-си – без помех и «глушилок», в отменном «цифровом» формате.

Подполковники, может, и старые Кремль заняли, только времена-то все-таки сменились – технологии другим людям стали доступны. Как говорится, мы мирные люди / но наша «Спидола» / стоит на запасном пути...

СПИДОЛА

Виктор КУЛЕРСКИЙ

*Сташеку и Миреку
в 25-ю годовщину создания «Солидарности»*

«Спидола» – так назывался замечательный, пользовавшийся большим спросом портативный радиоприемник, который в СССР производили на экспорт.¹ Стоил он относительно недорого, и некоторое время его можно было купить в государственных магазинах – разумеется, по знакомству или заплатив соответствующее вознаграждение продавцу.

Главным достоинством «Спидолы» было то, что она обеспечивала более или менее чистый прием постоянно глушившихся передач Би-Би-Си, «Голоса Америки» и «Свободной Европы».

По тем временам, да еще учитывая ее преимущества, «Спидола» была не так уж велика – она умещалась в небольшом портфеле или в наплечной сумке, благодаря чему мы могли брать ее с собой в отпуск.

В тот год нашей базой было маленькое, всего в пять домов, селение на поляне, затерявшееся среди елово-пихтовых лесов в одной из укромных, проточенных рекой долин Татранского национального парка. От ближайшего магазина, куда два раза в неделю завозили хлеб, газетного киоска или хотя бы шоссе его отделял по меньшей мере час пути по одной из утомительных горных троп. Именно там нас (то есть меня, жену и присоединившегося к нам в порядке исключения Адама Михника) застало то памятное лето 1980 года.

Адама мы уговорили спрятаться там от преследований госбезопасности и заодно немного отдохнуть. О месте его пребывания не знал никто, кроме нас и, разумеется, гуралей, у которых мы жили. Позднее мы узнали, что его искали не только гезбисты, но и обеспокоенные друзья, причем обе стороны подозревали друг друга. Сообщение о загадочном исчезновении Михника передавали даже в западных новостях.

Конечно, Михник не мог соблюсти закон о прописке, особенно строгий в приграничной полосе, и встать на учет в старостстве, к которому было при-

писано селение. Мы объяснили нашим хозяевам, что тогда к ним явятся не только охранники из национального парка и пограничники, но и – может быть, в первую очередь – ГБ и милиция. А будет контроль – ну и пусть! Непрописанный всегда мог быть случайным гостем – только что приехал и уже уезжает.

Соседей опасаться не приходилось: в приграничных селениях слабое зрение и слух были ценными, а может, и необходимыми для выживания добродетелями. Видимо, всех тамошних жителей соединяла невидимая сеть связей и пограничных сделок, в которую дополнительно влетались сложные отношения с национальным парком. Местные привыкли держать язык за зубами.

Михник мог спокойно жить инкогнито в селении, где его называли просто Адам. Переутомленный и не привыкший к горному воздуху и прогулкам, он рано засыпал в своей комнатке на чердаке, тем самым компенсируя хронический недосып. Между тем именно поздними вечерами были лучше всего слышны западные радиостанции. В горах наша «Спидола» работала еще качественнее, чем в низинной Мазовии.

В полуподвальной кухне стоящего на склоне горы дома мы вместе с хозяевами слушали последние известия. Больше всего новостей о том, что делалось в Польше, передавала «Свободная Европа». А новости эти были таковы, что мы ощутили необходимость во внутренней цензуре и наложили мораторий на передачу Михнику сведений о волне забастовок, которая охватила всю страну после того, как 1 июля было объявлено о повышении цен на мясо и мясопродукты. Бастовали уже не только отдельные предприятия, но и целые промышленные центры и даже города <...>

Было ясно, что, узнав о происходящем, Михник немедленно вернется в Варшаву, где его снова постигнет гебуха <...>

Тем временем на поляне жизнь так и шла бы своим чередом, если бы не какой-то продавец, завернувший две бутылки керосина в свежие газеты. Бутылки мы принесли в рюкзаке нашим хозяевам –

Виктор Кулерский – историк искусств. Был вице-председателем «Солидарности» Мазовии, вице-министром образования в правительстве Мазовецкого.

¹ *Рижский завод ВЭФ широко производил «Спидолу» и на внутренний рынок, но с ограниченным диапазоном коротких волн (от 49 м). Советские радиослушатели справлялись с этим, отдавая приемники частникам, которые добавляли диапазоны 31, 25 и 19 м. – Ред.*

керосиновые лампы были единственным видом освещения, применявшимся в селении. К несчастью, газеты эти попали в руки Михника. На следующий день он выехал в Варшаву, где, разумеется, был немедленно арестован <...>

<...> Карнавал кончился меньше чем через полтора года. 13 декабря 1981 г. военное положение загнало «Солидарность» в подполье. Вновь сжала свои клешни цензура. С новыми силами заработали «глушилки». «Спидолы» опять вернулись на почетное место.

Впрочем, они негодились тем, кто был вынужден не только работать, но и жить в подполье. Для кочевой жизни они были слишком громоздкими и тяжелыми. Им на смену пришли новые миниатюрные транзисторные приемники, контрабандой провозившиеся в Польшу с Запада.

Однако «Спидолы» оказались незаменимы для тех, кто вел как бы двойную жизнь, сохраняя обычный ритм ежедневных занятий и в то же время работая для подполья. Со временем эти изношенные до предела, да к тому же еще и устаревшие приемники отказывали.

Тогда их приводил в порядок неоценимый Сташек Русинек, член правления НСПС «Солидар-

ность» Мазовии. Счастливо избежав интернирования, он занимался ремонтом теле- и радиотехники. Однако его главная заслуга заключалась в том, что он был незаменимым связным между подпольной «Солидарностью» и епископалом.

Именно благодаря вмешательству епископата, Мирека Одоровского, казначея Мазовецкого региона и рабочего уже несуществующего электrolампового завода им. Розы Люксембург удалось вытащить из тюрьмы в Бялоленке и на «скорой помощи» привезти прямо на операционный стол.

Впоследствии оба они окружали заботой семьи интернированных или скрывавшихся и работавших в подполье товарищей.

С тех самых, постепенно стирающихся в памяти, времен к Сташеку приклеилось прозвище «Спидола».

Сегодня «Спидола» получает пенсию по инвалидности и подрабатывает в качестве консьержа, а Мирек пополнил ряды безработных. Автору этих строк повезло: вместо того чтобы слушать «Свободную Европу», он пишет статьи для «Новой Польши»...

Впервые опубликовано в журнале «Новая Польша», 2005

Публикуется в сокращении.

Частоты вещания

Часы (МСК.)	00	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
ЧАСТОТЫ																								
5955	+	+
5985
6095
6000
6105	+	+
6130	.	.	+	+
6140
7120	.	.	.	+	+
7155	+	+
7175	+	.	+	+	+
7190
7220	+	+	+	+	+	.	+	+	+	+	.	.	+
7230
7245
7265
7270
9505
9520	+	+	+	+	+	.	+	.	+	+	+	+	+	.	.	+
9565	+	.	.
9585	+
9590	.	.	+
9635	+	+	+
9645
9660
9690	+
9760	+	+
11660	+
11705	+
11725	+	+	+	.	.	.
11815	+	+	+
11855	+	+
11860	+	+
11885
11895	+	+
11970
13745	+	+
13755	+	+	.	.	.
15130	+	+	.	.	+	+	+	.	+	+	+	.	.	.
15195	+
15205	+
15280	+	+
15250
15265
15370
17730	+	+	+	+	+	+	+
17810	+	+	+
21530
ЧАСТОТЫ																								
Часы (МСК.)	00	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23

Зеркало в России: <http://euro.svoboda.org>

Радио Свобода в Интернете: <http://www.svoboda.org>

Сетка вещания Радио Свобода обновлена в сентябре 2005 г.

КАК МЫ СЛУШАЛИ «ВРАЖЕСКИЕ» ГОЛОСА

...У меня вон приемник барахлить начал, шумы какие-то на коротковолновом диапазоне, отстроиться никак не могу. Сумеешь, слесарь? – На коротковолновом? Это нам семечки! – победно хохотнул парень и тут же сплинял из ванной, будто и не было его. В одной фантастической книжке – старик помнил – подобный эффект назывался нуль-транспортировкой. Да и как иначе обозвать сей факт, если старик только на дверь глянул, а из комнаты уже доносился ернический говорок парня: – А ты, отец, жох, жох, короткие волны ему подавай... Небось вражеские голоса повишь, а, старый? А ты «Маячок», «Маячок», он на длинных фурычит, и представь – без никакой отстройки... – Дурак ты! – легонько ругнулся старик. – Балаболка дешевая... – опять тронулся догонять парня, даже о чае забыл – так ему гость голову заморочил. Шел по стеночке – по утрам ноги плохо слушались, слабость в них какая-то жила, будто не кровь текла по жилам, а воздух. – Вражеские голоса я слушаю, как же... Я против них, гадов, четыре года, от звонка до звонка, ста километров до Берлина не дошел... Буду я их слушать, щас, разбежался... Делать мне больше нечего...

Сергей Абрамов. «Стена»

В уголовных делах того времени слушание иностранных радиопередач выступает как дополнительное доказательство преступной сущности подсудимых, а иногда и как идейный источник их «преступной» (по советским понятиям) деятельности:

«Обвиняемый по нему 33-летний электромеханик из г. Гори (Грузия) Сурков в апреле 1953 г. был приговорен к 10 годам лишения свободы. На судебном процессе [свидетель] Казакова Т.С. показала:

«[...] 6 марта 1953 г. [...] Сурков сказал, что он слышал «Голос Америки» и что передавали, что Вождь находится на краю гибели и его место займут руководители партии, и высказался нецензурно про одного из руководителей партии. Потом в цеху сказал мне, что «теперь начнется борьба за престол». Я ему сказала, чтоб он прекратил бы такой разговор, и он повернулся и ушел». [...]

«...Панфилов Ф.Н., железнодорожный контролер, 5 марта 1953 г. на Курском вокзале в Москве сказал сослуживцу по поводу смерти Сталина, что «свято место пусто не бывает» и что, вероятно, на это место уже есть кандидаты и может быть, не хуже Сталина. В 1948-1953 гг. в разговорах критиковал советских руководителей, колхозы, говорил, что за границей живут лучше и так далее – он пересказывал передачи «Голоса Америки»...

«...Соколова В.И., учительница из Горьковской области, 6 марта 1953 г. в учительской комнате пересказала содержание передачи «Голоса Америки» о смерти Сталина и слух об отравлении Сталина врачом; кроме того, в марте 1952 г. на

уроке истории «искажала советскую действительность»: сказала, что в 1928 г. при строительстве бумажного комбината выписывались машины и специалисты из Америки.

Из архива «Радио Свобода»

Я слушал на даче. Это Валентиновка под Москвой. И можно было отстроиться от «глушилок», поворачивая радиоприемник необходимым образом и вывешивая наружную антенну.

Перескакивая с волны на волну, можно было найти волну, где «глушилки» отставали от основного сигнала и достаточно внятно слушать. Там же часовой, по-моему, цикл был повторения.

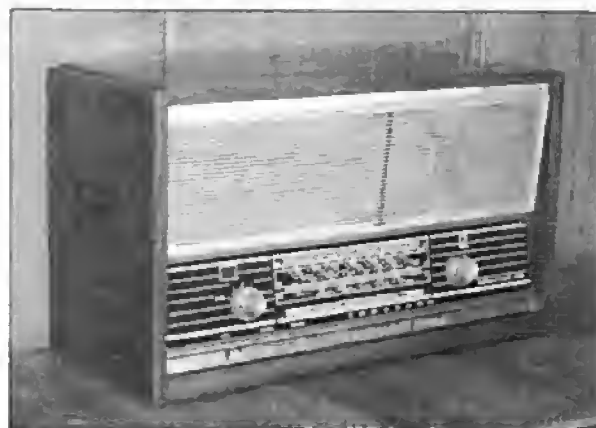
Если что-то очень важное не удавалось прослушать в течение первого часа, можно было подстроиться во второй час и дослушать то, что тебе было необходимо. В 53 году (это был, конечно, Берлин) вся информация, которая была недоступна, – она шла через радиостанцию Освобождение...

Яков Бергер

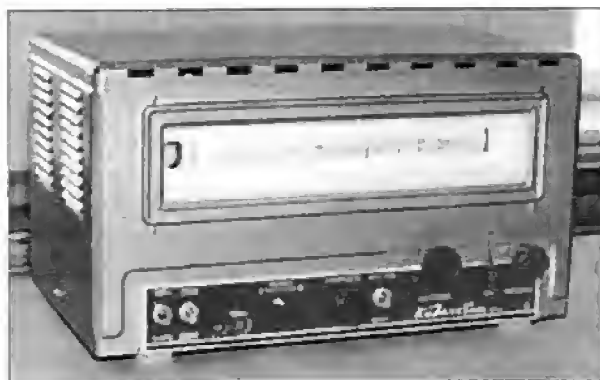
Настоящим, огромным событием стало появление в эфире в марте 1953 года русскоязычной радиостанции «Освобождение», которая потом стала всем хорошо известным теперь Радио Свобода... У меня и сейчас в ушах слышится тот далекий голос: «Говорит радиостанция «Освобождение». Слушайте нас на коротких волнах в диапазоне 31 метра...

Владимир Сидоров, радиоинженер

...Всю жизнь он слушал радиоточку в виде черной тарелки; в звуках из черной тарелки было постоянство, как в свете электрической лампочки. Сейчас он крутил ручку «Слидола», впервые познавая неуловимость волн, и привыкал преодолевать помехи. Вечер за вечером глядел он в зеленый глазок, мерцающий то драконьей угрозой, то светом маяка, к которому он продвигался через шипение, свист, писк и хрип волн, уа-уи, пши-вши, и вот,

«Романтика-103»

«Казахстан» 1963 г.

наконец, на этих волнах заплясали голоса. Эти голоса предупреждали о своем приближении разными позывными мелодиями и, пробившись через «шумелки» и «глушилки», объявляли о себе, как на праздничном концерте: «Говорит голос Такой-то», и говорили, говорили, говорили. Когда было плохо слышно, Наратор прижимался к ним ухом и ушам своим не верил. «Вот те на!» – говорил сам себе Наратор, вытирая пот со лба, и выпивал рюмку водки, чтобы поддержать разум, сидя жарким воскресным днем у себя в Бескудникове. Поначалу Наратор думал, что все эти сногшибательные факты о советской стране – шутки радиостанции «Маяк», такая сатирическая программа по самокритике для юмора в шутку, которую он упустил всю жизнь в результате усердного просиживания в министерстве над заклеиванием и подчисткой орфографических ошибок начальства. Иногда, слушая «голоса», его разбирал смех, потому что в «Правде» на стенде у булочной было написано одно, а «Спидола» говорила совсем обратное.

Но чем больше он слушал, тем меньше смеялся, потому что даже если все это неправда, все равно волосы дыбом вставали при одной мысли, что хоть доля правды в этом есть. Если раньше Наратор, придя со службы домой, съедал пачку пельменей, ложился на кровать с орфографическим словарем полистать или точил карандаши и засыпал под передачу «Для тех, кто не спит» из

«Фестиваль» 1958 г.

черной тарелки, то теперь он с воспаленными глазами крутил ручку «Спидолы» и впивался взглядом в стрелочку, ползущую по названиям городов: Лондон, Нью-Йорк, Мюнхен.

И если раньше эти названия были не более чем кружочками с буквами со школьного урока географии, то теперь они обрели голос, заговорили, и одного этого было достаточно, чтобы смутить недалекий ум, привыкший к тому, что все эти города – лишь наименования могил мирового капитализма, где вурдалаки с мощной копошатся в золоте, обогранным кровью пролетариата, и ребенок тянет хилую ручку: «Папа, не пей!», а молочка-то нет, а где коровка наша, а увели, мой свет; в то время как мы здесь уже давно исправили орфографические ошибки прошлого.

Короче, раньше была одна на свете «Правда», а теперь она раздвоилась. И голоса из «Спидолы» были не похожи на те, к которым он привык за свои сорок лет: они были другими голосами, с ненашим выговором, вежливые и не назойливые и, что совсем невероятно, ошибались, в то время как голосу из репродуктора ошибаться не полагалось; эти же ошибались и, ничуть не смутившись, говорили «извините», как будто это не радио, вещающее правду и только «Правду» на весь мир, а ресторан с вымпелом «За отличное обслуживание».

Зиновий Зиник. «Русская служба»

Еще учась в школе, порочный Миша запоем слушал вражеские голоса, в том числе и культовую джазовую передачу Уиллиса Кановера.

Из биографии певца Михаила Шуфутинского

Когда-то Эдуард Успенский сочинил замечательные (и, кажется, по сию пору не изданные) «Письма ребенку» – адресованные дочери воспоминания о собственных школьных годах. И среди прочего подробно рассказал о том, как его класс якобы был вынужден экспериментально доказывать верность учения тогда знаменитого академика Лысенко. И один охламон в связи с этим притащил на зачет некое блеклое растение: «Оно бледно, потому как стояло рядом с приемником, по которому вражеские голоса вещают...», «Что потом бы-ло-о-о! – пишет Успенский. – Блеклым растением все страшно заинтересовались; а где этот приемник расположен? И кто еще, кроме цветка, его слушает?.. Хорошо еще, выяснилось, что в доме у охломона вообще не было приемника, а была лишь радиоточка, от передач которой, наоборот, все должно, как известно, цвести и пахнуть».

Павел Гутионов. «Новая газета»

Как указывалось в докладных записках ТАСС в ЦК КПСС, «Служебный вестник иностранной информации» включает «особую закрытую информацию». Поэтому этот бюллетень выходил в серии ОЗП – так называемое «особое закрытое письмо». Подготовкой и выпуском «Служебного вестника»

«ВЭФ» 1954 г.

«Минск» 1961 г.

занимался 4-й секретный отдел ТАСС. Особенными из публиковавшихся в «Вестнике» видов информации были радиоперехваты. В Советском Союзе прослушивалось большое количество зарубежных радиостанций.

Например, как отмечал в докладной записке руководитель ТАСС Николай Григорьевич Погулинов Лаврентию Берии, в 1953 году принималось 307 иностранных радиопередач на 19 языках. В пятидесятые годы в «Вестнике» помещались радиоперехваты передач «Голоса Америки», «Радио Освобождение», радио Лондона, Парижа, Бонна, Гамбурга и многих других. Передачи ловились на многих языках: английском, французском, русском, немецком, болгарском, венгерском и так далее.

Радиопередачи записывались и переводились на русский язык, а в «Вестнике» делалась помета «протокольная запись». Спектр тем радиоперехвата был очень широк. Это обзорные передачи по искусству, передачи, посвященные отдельным событиям внутри страны, в них обсуждались внутриполитическая и экономическая обстановка в СССР, настроения советского населения, а также комментировались смещения и перемещения в советском государственном аппарате, съезды и пленумы КПСС и так далее.

Многие темы кочевали из «Вестника» в «Вестник», перепевались на разные лады многими радиостанциями, и чем острее был интерес руководства страны к определенной теме, тем объемнее были материалы «особых закрытых писем». Например, много «Вестников» с радиоперехватами о смещении Берии с поста министра внутренних дел, об издании романа Пастернака «Доктор Живаго», присвоении ему Нобелевской премии, об отставке маршала Жукова...

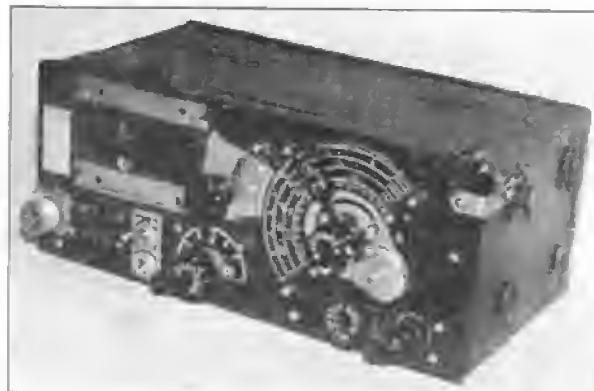
Юлия Орлова, историк-архивист

В моем случае было полегче с получением информации – я слушал Би-Би-Си и «Голос Америки» на английском, английский эфир у нас тогда не глушили. С друзьями мы пытались слушать «голоса» и на русском, где удавалось пробиться через «глушилки».

Борис Пустынцев, правозащитник

Вот пара из Ленинграда. Он и она не первой молодости. Им даже повезло. Американская родня ссудила денег, и они купили в рассрочку обувной магазин в Бруклине. Сбылась мечта идиота – сиди, подсчитывай прибыли. Послушайте, что она рассказывает. У меня память, как магнитофон. Даю дословно:

– Этот идиот – мой муж, когда ехал из России, потащил с собой радиоприемник «Спидола». В Америку «Спидолу» тащить! Как будто здесь нельзя купить по дешевке «Соню». Но он там с ней не расставался, слушал «Голос Америки» по-русски и здесь держит возле уха: тот же «Голос Америки» и так же по-русски, потому что английского он не

«PR-4V»

«Минск» 1955 г.

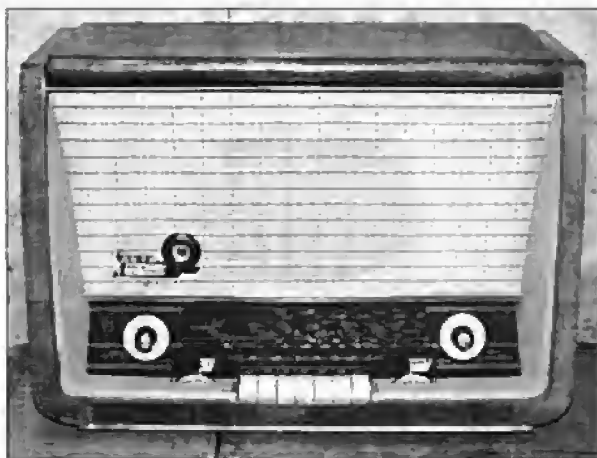
осилит до конца своих дней. Сидит в нашем магазине у кассы и слушает свою «Спидолу», будь она проклята.

Эфраим Севела.
«Остановите самолет – я слезу!»

Один случай из истории глушения. 1969 год, американцы высаживаются на Луну. Би-Би-Си и «Голос Америки» ведут прямую передачу с синхронным переводом – и в этот момент включаются «глушилки». У них был такой метод: радиостанция «Маяк», искаженная, на этой же частоте. И в этот момент по «Маяку» идет песенка из «Бриллиантовой руки»: «А нам все равно, а нам все равно, косим трин-траву...» Я не знаю, специально или нет, но это совершенно жутко воспринималось.

Николай, слушатель РС

С утра до позднего вечера он работал в детдоме, там же проводил репетиции драмкружка имени Мейерхольда (он сам дал кружку такое название) и занятия литкружка «Бригантина», редактировал стенгазету «Счастливое детство», а приходя домой, сразу кидался к своему ламповому приемнику «Рекорд», слушал «вражеские голоса», закуривал папиросу «Прибой» и тут же, времени не теряя, заправлял в машинку четыре листа бумаги с копир-

«Сагла» 1960 г.

кой и начинал с бешеной скоростью выстукивать очередной текст в строчку или столбиком...

Владимир Войнович. *«Монументальная пропаганда»*

Одним из первых купил отец в Москве приемник «Рига-10», тогда еще не было телевизоров, и слушал «Голос Америки». Папа мой, безграмотный человек (он окончил 4 класса), слушал «Голос Америки», а мама, коммунистка, пряталась под одеяло, пугаясь, что нас всех заберут. Я до сих пор думаю, почему он это делал.

– И почему?

– Потому что уже тогда знал, что мы все врем. Когда показывали фильмы про войну, он уходил, не мог их видеть. Все эти «Небесные тихоходы», «Сталинградскую битву»... Он прошел всю войну, прошел три концлагеря, все видел и пережил. И говорил, глядя на экран: «Все это ложь...»

Роман Карцев, актер. *Из интервью*

... Но помимо того, что мы читали Маршака и Михалкова, мы ели американскую тушенку, американский яичный порошок, американскую сгущенку. И в любом переулке, на любой улице можно было увидеть мальчишек, гонящих банки от консервов вместо футбольных мячей. С годами мы начинали понимать, что фашизм мы победили во многом благодаря колоссальной американской помощи. Богу – Богово, но кесарю – кесарево. Потом была американская выставка в Москве, и по всей Москве дети и взрослые везли к себе домой бумажные стаканчики с пепси-колой, чтобы дать попробовать соседям и родным. На этой же выставке была впечатляющая фотозэкспозиция «Род человеческий», были беседы с живыми американцами об их образе жизни. Для многих это был хотя и скудный, но непосредственный взгляд на Америку. Ну и, конечно, «вражеские голоса». Вся страна пыталась ночами хоть что-то услышать сквозь «глушители» из Америки по «Голосу Америки». Лед тронулся!

Иосиф Раскин. *«Энциклопедия Хулиганствующего Ортодокса»*

В Магадане, в доме одноклассника, родители которого работали в геологическом тресте и казались мне настоящими богачами, я впервые услышал «Голос Америки». У них был приемник «Балтика» с большим, как свиный глаз, индикатором настройки. Шорох и треск этого аппарата, долетающие иногда звуки музыки и иностранная речь очень сильно действовали на мальчишеское воображение, как бы открывая в ночи необозримую даль Тихого океана едва ли не до Новой Зеландии. Однажды совершенно отчетливо донеслось по-русски: «Вы слушаете «Голос Америки», вы слушаете свободное радио...»

...Как-то раз во второй половине шестидесятых годов на собрании в Московском доме литераторов один из секретарей писательского союза, о котором было известно, что он в своем сейфе дер-

жит погоня генерала КГБ, ругал с трибуны писателей за то, что они слушают иностранное радио. Время было непростое, писатели крамольничали, собирали подписи под письмом протеста против суда над Александром Гинсбургом и Юрием Галансковым. Парторганизация союза пыталась повлиять на заблудших и даже пригласила на встречу с ними прокурора, человека с неустойчивыми кровеносными сосудами, который при неподготовленных вопросах из зала почему-то густо краснел.

Борясь с этой особенностью своих кожных покровов, прокурор все-таки рассказал собравшимся, как развивался подрывной замысел «спецслужб Запада» и как из Венесуэлы был послан агент, который привез в Москву шапирограф.

— Позвольте, товарищ прокурор, — поинтересовались крамольные писатели, — какая неувязочка получается. Как же это спецслужбы Запада отправили венесуэльца с шапирографом к Гинсбургу и Галанскову, когда те уже несколько месяцев как были арестованы и в тюрьме сидели?

Кожные покровы опять до последней степени подвели прокурора, со лба даже брызги полетели. Откуда вы знаете, товарищи, что они уже несколько месяцев сидели, кто же это вас информирует? Тут и вскочил секретарь-генерал.

— Это они из «Голоса Америки» получают информацию, — воскликнул он. — Как вам, товарищи, не стыдно слушать радиоклеветников?!

Далее он сказал, что у руководства накопилось немало фактов о неприглядной деятельности некоторых писателей, которые черпают информацию из дурно пахнущих источников.

— А теперь, — сказал он, — я преподнесу вам эти факты «в подробном изложении».

В зале начались, как гласят стенограммы, оживление и смех. Генерал попал в лексическую ловушку. Дело в том, что выражение «в подробном изложении» было, так сказать, торговой маркой как раз «Голоса Америки». Никаким другим образом генерал не мог подцепить этого оборота, как только при слушании — и, очевидно, регулярно — «Голоса Америки».

Василий Аксенов.
«Радиодневник писателя»

Забавные истории времени «глушилок». Я тогда была молодым врачом, и у меня был благодарный пациент, и он не знал, как меня отблагодарить. И он мне предложил: «У вас есть какой-нибудь приемник?» — «Да». — «Принесите мне». Я ему принесла в больницу приемник, а он был очень хороший радиоинженер и вел радиокружок чуть ли не дома отдыха ЦК партии. И он мне в моем приемнике сделал что-то такое, короткие волны, по которым я могла более или менее спокойно слушать Радио Свобода. И я это делаю по сей день...

И вторая история: моя подруга с маленьким сыном в те годы пришла в магазин. Магазин, как всегда, у нас был пустой, и такие были сырки, назывались «Волна». И она говорит: «Вот мы сейчас купим с тобой, Леша, «Волну». А он как закричит: «Не хочу Волну, хочу Немецкую волну!» Она

«Ригонда-102» 1968 г.

так и охнула! Народу было мало, она его схватила и потащила. Теперь этот мальчик уже кончил университет.

Анна Андреевна, слушатель РС, Москва

Немного физики: радиус уверенного приема (а следовательно и охват аудитории) зависит от мощности передатчика, высоты передающей антенны и несущей частоты. Чем выше частота, тем меньше радиус приема (исключение — особые свойства КВ-диапазона, которые позволяют за счёт ионосферного отражения передавать сигнал на очень большие расстояния, чем пользовались «вражеские голоса»).

Сергей Баричев. «Журнал Инфо-бизнес»

«Звезда» 1954 г.

«Донецк» 1952 г.

«Октава» 1957 г.

Слушать «Голос Америки» я начал летом 1969 года, когда перешел в 6 класс. Мой друг детства, сын потомственного моряка, был счастливым обладателем настоящих джинсов, жвачки, кока-колы и других заграничных «штучек», милых сердцу советского отрока. А еще у него был транзисторный приемник «Айва». Наша дача, кстати, находилась по-соседству, что и явилось поводом для дружбы.

Уж не помню точно, когда это случилось, но мы оказались помешаны на рок-музыке. Каждую субботу мы собирались у телевизора на даче соседа и записывали начало и конец передачи «В объективе Америка» на магнитофон «Грюндиг». — Can buy me lo-o-ve, can buy me lo-o-ve... — пели Beatles. Комментарии Бовина нас интересовали мало. После передачи мы по многу раз прокручивали запись, мечтая о создании собственной рок-группы.

Обычно, «Айва» была настроена на «Маяк». Сводки с полей и классика усаждали слух бабушки, которая профессионально дежурила по кухне. Однажды отец моего друга стал крутить ручку настройки.

— Can buy me lo-o-ve, can buy me lo-o-ve...! — выдал приемник.

С этого дня бабушка лишилась своих привилегий. Мы же почти каждый вечер пропадали в дюнах на берегу залива и слушали рок на коротких волнах. Есть некий физический эффект прохождения радиоволн и отражения их от морской поверхности. В дюнах мы ловили любые радиостанции и никакие «глушилки» не могли нам помешать. Передача «В объективе Америка» была больше не нужна. Каждую субботу в 9:30 вечера начиналась «Танцевальная программа «Голоса Америки». Через полчаса давали сводку новостей. Мы внимали ей вполуха, чтобы не пропустить начало второй части. Посте-

пенно я начал прислушиваться к новостям. Они очень отличались от того, что я слышал по телевизору. Даже голоса у «Голоса» были другие. Со мной явно разговаривали, как с умным человеком.

Вскоре мне полюбились программы «В мире науки», «Новости Американской культуры и техники», джазовый вечер с Уиллисом Кановером и политические комментарии. Я жил с «Голосом Америки» до конца 80-х, когда события, происходящие вокруг, показались интереснее радио. Вскоре советская действительность стала мной восприниматься через призму «Голоса Америки». Она была очередной дурной игрой, которую придумали взрослые. Достаточно было говорить нечто противоположное тому, о чем рассказывали по «Вражескому Радио», чтобы с уверенностью прослыть политически грамотным советским гражданином. Я стал бессменным комсоргом класса, а потом и институтской группы. Сомнения не терзали меня. Твердая четверка по общественным дисциплинам вроде истории коммунистической партии и научного коммунизма была мне гарантирована, хотя я не открывал учебников. «Голос Америки» из Вашингтона всегда подсказывал правильные ответы и подвел меня только один раз...

Серия исторических передач о Троцком была не просто интересной, а замечательной.

Он оказался не такой уж проституткой, но человеком волевым и талантливым, к тому же создателем Красной Армии. Каждую неделю я ждал продолжения и выучил расписание «Голоса» наизусть. По роковому стечению обстоятельств в экзаменационном билете по научному коммунизму мне попался вопрос о Троцком...

Легко наговорив кучу белиберды от противного тому, что слушал почти каждый день на коротких волнах, я перешел к третьему вопросу. Тут у меня

в мозгу что-то заклинило и вместо политически грамотного анализа Льва Давыдовича в духе истории партии ваш покорный слуга стал пересказывать версию «Радио из-за Бугра»!

Экзаменационная комиссия привстала со стульев. Ужас сковал мои члены, в желудке образовалась пустота, когда я понял, что произошло. Научный коммунизм был единственным госэкзаменом, несдача которого отбирала право на получение диплома! Чертов Троцкий! Отчаянно и жалко я кричал, что он политическая проститутка.

Комиссия недоверчиво присела. В конце концов мне поставили тройку, попеняв, что политически безграмотно ответил на третий вопрос. На большее я в тот момент не надеялся и был искренне рад, что меня пожалели. Кто знает, может быть эти преподаватели тоже тайком слушали «Голос Америки».

В выписке из зачетной ведомости к диплому у меня единственная удовлетворительная оценка — по научному коммунизму. В муках становится истина правдой.

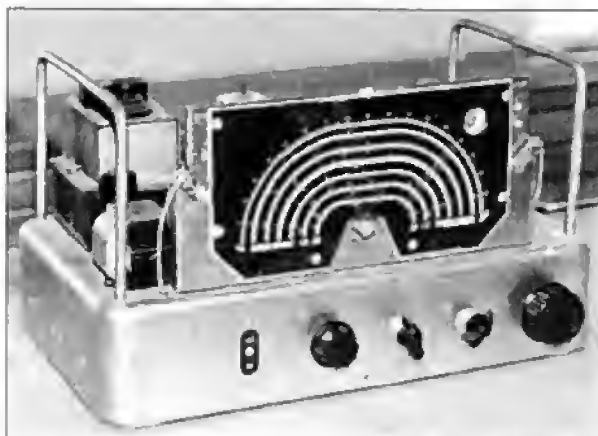
Сергей Калеис

«Радио Свобода» мы начали впервые слушать по ламповому приемнику, сквозь гул и гуд. У нас был дома приемник, который Вацлав Янович Дворжецкий сам собрал. Собрал такой приемник ламповый. И мы так тихонечко в комнатке слушали «Радио Свобода». Нам было и страшно, и очень приятно. Во-первых, это было вдвоем, мы только-только поженились, а во-вторых, Вацлаву Яновичу уже вообще ничего не было страшно, он уже «погулял» 14 лет по ГУЛАГу. А мне, начинающему режиссеру, было все интересно и все очень любопытно. Такой, знаете, запретный плод, он всегда был очень интересен и очень полезен, кстати.

Рива Левите, нижегородское театральное училище им. Евстигнеева

Алекс: Я всю жизнь слушал все «вражеские голоса» (VOA, BBC, Испания и пр.) на коротких волнах на советском приемнике со сломанной антенной вечером на западной стороне здания перед окном. В районе 20-25 метров...

www.efl.ru

«TPS-54» 1954 г.

«Беларусь» 1959 г.

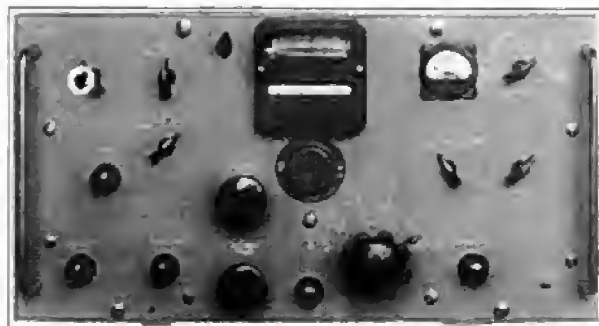
Когда Коля был маленьким, он часто слушал по ночам старенькую «Ригонду», пытаюсь поймать вражеские голоса. Правда, всегда ловился «Маяк», но Коля об это не догадывался. «Маяк» впоследствии об этом забыл, а вот Коля без радио уже не мог.

Николай Грахов

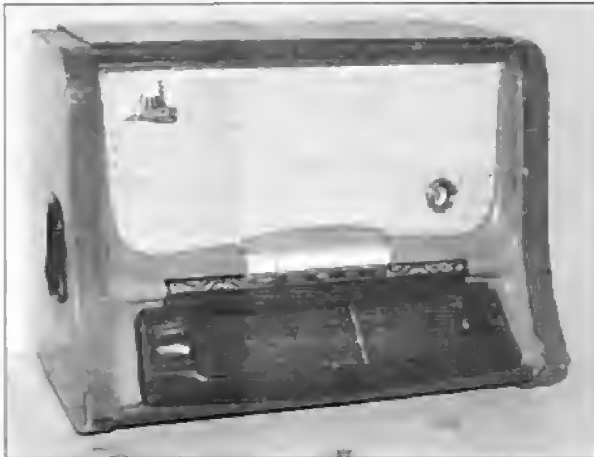
Обнинск распустился до того, что поголовно слушал «вражеские» голоса, а это строго-настроено запрещалось. Не останавливало даже сверхусердие стукачей, которых легко вычисляли: они подсказывались где-нибудь на концерте и заговорщически начинали: «Вчера передавали по Би-Би-Си, что...» Словом, втягивали в разговор, который мог обернуться для собеседника весьма и весьма печально.

Нонна Черных. Журнал «Город»

Покойный писатель Солоухин был постоянным слушателем «Радио Свобода». Более того, он охотно выступал в моих передачах «Поверх барье-

Радиоприемник «Крот-М» использовался на станциях слежения в 50-60-х годах. Но вот парадокс: в руки которых иногда попадали такие «списанные» «Кроты», охотно слушали «голоса» с помощью этой спецпаратуры.

«Даугава» 1955 г.

ров», и при этом не любил он «Свободу». Ну, человек он был не слишком либеральных взглядов, и когда его спрашивали: «А почему же все-таки вы, господин Солоухин, слушаете "Радио Свобода"?» — он отвечал: «Для озлобления». Так что могут быть совершенно разные мотивы у наших слушателей, и это здорово.

Игорь Померанцев, редактор программы «Радио Свобода»

Жесткие условия — это вещь, уже неоднократно пройденная нашим государством. И к чему это приводило, все знают. Люди тихо сидели, но все равно потихоньку слушали то же «Радио Свобода» по радиоприемникам и хотели получить какую-то информацию. Это может скатиться к тому же самому...

Станислав Сиражев, Ассоциация компаний сферы информационных технологий

Буквально через день узнали, о чем говорилось в докладе хрущевском... У нас был приемник замечательный «Рекорд-46», который так и стоял на «Голосе Америки», и мы все про это узнавали...

Я пошел на журфак. Венгрия для нас — это было совершенно нечто невероятное. И вот это, наверное, было единственное время, когда коротковолновый приемник стоял в аудитории, он не

«Эстония-2» 1959 г.

включался во время лекции, но лекция кончалась, преподаватель выходил, включался приемник. И мы все слушали про Венгрию. Все слушали, едва ли «Голос Америки», по-моему, по «Голосу Америки» были вечерние передачи, так что скорее «Свободу»...

Александр Гинзбург, правозащитник

Когда Игорь Масленников задумал свой знаменитый сериал о Шерлоке Холмсе и докторе Ватсоне, он решил, что лучшей заглавной темой для него будет английская имперская музыка, наподобие позывных Би-би-си. Однако в то время капиталистическое радио глушили и услышать то, что хотел режиссёр, Дашкевичу не представлялось возможным. В итоге, чтобы записать музыку, Масленникову пришлось всю ночь ловить «вражеские голоса». Сразу после этого он позвонил в Москву Дашкевичу и дал ему послушать отрывок по телефону. Услышав музыку, композитор произнёс: «Это не проблема» и тотчас же, положив трубку около фортепиано, сыграл будущую тему к фильму.

Газета «Версия»

Мы в простоте своей думали, что, прорываясь сквозь сипы и хрипы, мечась по эфиру в рассуждении, где слышнее — на Би-Би-Си или «Немецкой волне», — осуществляем акт личного освобождения от всевидящего ока. Но снова попадали в ситуацию романа Оруэлла — в зону пропущенной сержантом Петровым или майором Прониным слышимости. Вышел сержант покурить — проглотили новости. Выкроил майор часок для брифинга с секретаршей — похавали культурки.

Марина Кудимова, газета «Среда»

Старшим сыном такого убежденного коммуниста был мой брат — не менее убежденный домашний диссидент. Он исправно слушал вражеские «голоса», а время от времени совершал эпохальные поступки. Скажем, 21 августа 1968 года, в день советской агрессии в Чехословакию, он вооружился самодельным чешским флагом и отправился единолично демонстрировать по Одессе, где тогда отдыхал, — в знак протеста. Авторитета отца едва хватило, чтобы погасить скандал.

Конечно, это была настоящая драма; практически ежевечерне, собравшись за столом к ужину, семья затевала настоящие политические баталии. Я был в то время еще ребенком, но ужасно переживал и за брата, и за отца, стараясь понять обоих. Надо сказать, что аргументы брата мне всегда казались разумными, но душою я был скорее на стороне отца — человека очень искреннего и прямого.

Анатолий Чубайс, РАО ЕЭС

Я — типичный продукт своего времени. Я октябренок, пионер, комсомолец, не верящий ни в какие ценности никакого коммунизма с самого детства, слушающий «Голос Америки» с 12 или 13 лет вместе с папой, издевавшийся над Брежневым и советской властью...

Петр Авен, Альфа-Банк

«Радио Свобода» я всегда слушал, будучи еще школьником. Это была тайная, так сказать, такая вещь. А потом – все время: и когда учился в университете, мы же все студентами слушали «Свободу». И она, наконец, пришла... Но не все оказались готовы к этому, к сожалению. Не к «Радио Свобода», а к свободе вообще.

Григорий Ерицян, издательский дом «Искусство»

Очные ставки продолжали идти тем же порядком. Я в них никакого участия не принимал, теперь даже сам старался ничего не слушать, что было не так уж трудно. Видя мое полное безучастие и внешнее безразличие, Камаев, да и Антонов старались заводить меня посторонними разговорами, не по протоколу:

– Нет, Марченко, надо быть умнее. Книгу написал – а какой тебе прок? Слава где-то, а сам ты здесь, в лагере, и сидеть будешь, пока не сгниешь. Подумаешь, назвал одного-другого. Кто этого боится? Пожалуйста, вот о нас пусть хоть Би-би-си передает, хоть даже «Свобода». Ты наши фамилии знаешь, их мы не скрываем. К этой теме они возвращались не раз:

– Можешь о нас передавать хоть в ООН, мы этого не боимся!

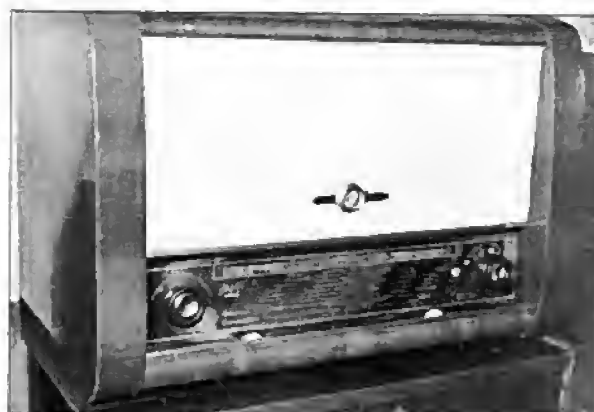
Так и вижу этих верных сынов отечества прикиньками к транзистору в ожидании, что вражеские голоса не забудут и их имена.

Это своеобразное тцеславие очень характерно для низшей администрации. Лариса рассказывает, что начальник Чунской милиции так же набивался на известность:

– Думаете, я боюсь, если вы передадите обо мне «Голосу Америки»? Я этого не боюсь. Моя фамилия Владимиров.

Анатолий Марченко. «Живи как все»

Ровно полвека тому назад появилось – в смысле было сочинено и исполнено одно из самых знаменитых сочинений современной музыки – 4'33" –

«Октябрь» 1958 г.

Tacet американца Джона Кейджа. Словом *tacet* (молчит) в партитурах принято обозначать длинные паузы. Сочинение Кейджа, собственно, и состоит из одних пауз (в нотном издании все четыре с половиной минуты еще и поделены на три неравные части) – сами исполнители в течение этого времени никаких звуков не издают. Так что публика вынуждена мучительно вслушиваться в то, что обычно только мешает: скрип стульев, кашель, шумы улицы... На первом исполнении, натурально, вышел скандал, сравнимый с возмущением, которое вызвала в 1913 году премьера «Весны священной». Но в отличие от балета Стравинского, 4'33" уже полвека продолжает вызывать все такую же бурную реакцию. Собственно, и это тоже входило в задачу композитора.

Но мало кто знает, что Кейдж и до, и после 4'33" сочинял в том же духе – в частности, знаменитые «Воображаемые ландшафты». «Четвертый ландшафт», впервые исполненный буквально накануне 4'33", состоит из звуков радиозфира – следуя партитуре Кейджа, исполнители крутят ручки громкости и настройки на нескольких радиоприемниках.

Вот она, идея неопределенности, когда, казалось бы, ничего уже не зависит от личности автора и исполнителей – в самом незамутненном виде.

Ан нет – замутненном, да еще как!

«Дайна» 1958 г.

«Комета» 1962 г.

«Беларусь» 1953 г.

Весной 1968 года я пытался организовать исполнение «Воображаемого ландшафта №4» в обществе любителей новой музыки – не без труда нашли четыре транзисторных радиоприемника «Спидола», уселись, включили, но сразу поняли, что ничего не выйдет. Известно, почему? Потому что не наткнуться в процессе настройки на «вражеские голоса» было нельзя! На публике это могло выглядеть, как «антисоветская агитация и пропаганда», а за это можно было и схлопотать...

Прошел еще год, пианист Алексей Любимов исполнял другое сочинение Кейджа – Water Music, там по сценарию тоже надо включать радиоприемник. Так вот, как ни крутил ручки пианист Любимов, – ничего, кроме адского рева, по сравнению с которым перегруженный усилитель в Metal Machine Music Лу Рида (в прошлом солиста группы нью-йоркских интеллектуалов Velvet Underground) или все железки группы «3га» (единственного нашего ансамбля шумового рок-авангарда) показались бы ангельской гармонией. Это ревели глушители. На дворе стоял 1969 год – за полгода до этого советские танки вошли в Прагу. И все «голоса» без разбора нещадно глушили.

Перенесемся еще на год вперед: записывается грандиозный цикл «Из 7 дней» немецкого композитора Карлхайнца Штокхаузена – так сказать, европейского Кейджа. Там тоже «играет» радиопри-

«P-250» 1959 г.

емник. Пластинку с записью всего цикла оперативно получил один московский музыковед, ныне живущий в Лондоне. В своей квартире на 23-м этаже в одной из башен у метро «Юго-Западная» он поставил мне одну из этих пластинок. И опять все мы вздрогнули: не знаю уж, в какой стране делалась запись, но на пластинке громче и внятнее всего звучала радиостанция «Свободная Европа» на польском языке. И никто ее, естественно, не глушил!

С того момента, как глушение западных радиостанций у нас «законсервировали», меня все время не покидает осознание того, что молчание молчанию рознь. Вместо «трудной», «непривычной» кейджевской тишины сейчас эфир заполняет сами знаете что.

Дмитрий Ухов

Ну, кто в советские времена не пытался пробиться через шумы приемника на «Свободу»? Голоса были еле слышны, а все равно слушали. Говорят, на «глушилки» в СССР тратили больше, чем сами американцы на вещание.

Ульяна Бобоед, «Комсомольская правда» в Белоруссии»

В 1968 году, когда советские войска вошли в Чехословакию, я жил в Литве, и все воспринималось, понятно, болезненно и с большой настороженностью. Все слушали западные голоса. Я тогда находился на Балтийском море, в Паланге, и мы слушали в основном шведское радио и «Голос Америки».

Савик Шустер, журналист

В 80-е самые ушлые из нас подпольно слушали «Радио Свобода», Pink Floyd и Sex Pistols, почитывали Солженицына и журнал «Rolling Stones», а также косили от колхоза.

Tima Altrueast, свободный художник

В те редкие минуты в конце 60-х – начале 70-х годов, когда, преодолевая яростный треск советских «глушилок», гражданам Советского Союза все же удавалось услышать обрывки фраз из передач «Радио Свобода», они старались запомнить каждое предложение, каждое слово.

Дани Дворин

«Глушилки» придавали некоторую остроту и обостряли внимание. Я, скажем так, из династии слушателей «Радио Свобода». Мой папа еще называл «глушилки» «джазом НКВД» в свое время.

И недавно я слушал «Русские вопросы» Бориса Парамонова на «Радио Свобода», и вдруг – то ли действительно «Свободу» немножко стали глушить, то ли у меня сосед включил за стеной какой-то электроприбор... Но у меня рефлекс сработал: я сразу включился в передачу, мгновенно, уцепился за слово и начал от него разматывать всю тему.

Михаил, слушатель РС, Москва

«ВЭФ-201» 1970-е годы.

Когда в 1971 году на незабываемых концертах Дюка Эллингтона в Ленинграде маэстро слегка касался пальцами клавиш рояля и в ритме трех четвертей только намекал тему «Take The «A» Train» своего друга и коллеги – композитора, аранжировщика и второго пианиста оркестра Билли Стрейхорна – зал мгновенно взрывался аплодисментами. И это были аплодисменты не только великому маэстро, его другу и знаменитому и долгожданному оркестру. Это были аплодисменты и человеку, которого хорошо знали и любили джазмены и джазфаны в СССР, да и во всей Европе – американцу Уиллису Коноверу, имя которого не знает и не помнит Америка. Не знает и не помнит – потому что он около 40 лет проработал на государственной радиостанции «Голос Америки», где бессменно вел программу джазовой музыки, транслировавшейся на Европу. Ее позывными и была пьеса Билли Стрейхорна «Take The «A» Train» в исполнении оркестра Дюка Эллингтона.

Именно благодаря радиопрограмме «Голоса Америки» эта пьеса было хорошо известна миллионам любителей джаза во всей Европе, в том числе и в СССР, и в тогдашнем Ленинграде. И именно поэтому любители джаза Ленинграда (да я уверен, что так было и в Москве, и в Минске, и в Ростове, где пролегал маршрут гастролей оркестра Эллингтона), узнав по первым тактам тему «Take The «A» Train», приветствовали аплодисментами и американца Уиллиса Коновера, давшего им столько знаний о джазе через свои радиопрограммы.

...Вспомним: в не очень богатые на культурные развлечения годы в послевоенном СССР, после драконовского постановления ЦК ВКП(б) об опере Вано Мурадели «Великая дружба» и других драконовских постановлений в области искусства чуть ли не единственным неконтролируемым знатоками искусства в штатском источнике информации и были передачи Уиллиса Коновера – его англоязычная программа «Time for Jazz». Каждый вечер к радиоприемникам принимали тысячи или милли-

оны любителей гонимого в СССР джаза, ловя запретные звуки, знакомясь с именами исполнителей, композиторов, аранжировщиков и познавая неведомый мир свободы и свободной импровизации. Вот как пишет об этом в своей книге «Джаз от Ленинграда до Петербурга» музыковед и критик Владимир Фейертаг: «Честно признаюсь, что первые английские слова и фразы я выучил благодаря Коноверу... Думаю, что Коновер был учителем английского языка для целого поколения любителей джаза».

...Не могу не вспомнить, как, будучи шестиклассником (наверное, год 1950-й или 51-й), вместе со старшим приятелем из 9-го класса я записывал передачи Уиллиса Коновера на какую-то чудовищную магнитофонную приставку, лентопротяжный механизм которой приводился в движение от семидесятивосьмиоборотного проигрывателя, а звук мы брали через микрофон от динамика приемника. Потом мы многократно прослушивали запись, пытались понять имена музыкантов, названия тем...

Мои добрые друзья в Сан-Франциско сделали мне неожиданный подарок – эту самую пластинку «1969: All-Star White House Tribute to Duke Ellington». Но для меня важно, что выход этой пластинки – это не только дань великому Дюку Эллингтону и звездам, участвовавшим в этом концерте. Это еще и дань памяти Уиллису Коноверу, одному из тех, кто своими радиопрограммами сделал огромный вклад в торжество идей демократии и свободы в странах Центральной и Восточной Европы, входивших в так называемый социалистический блок. И самое удивительное, что Уиллис Коновер сам никогда не думал о своей гражданской миссии. Ему никто не вручал Медали Свободы, но большинство из тех, кто стремился к свободе в мрачных бараках социалистического лагеря, черпали силы в приверженности к свободе в его программах и в той музыке, жизнерадостной и печальной, строгой и озорной, но всегда свободной и существующей только тогда, когда творят ее и слушают независимые и свободные люди, и когда слушатели своей свободной и независимой реакцией на то, что они слышат – помогают музыкантам творить и импровизировать. Так импровизировать, как импровизируют в джазе, могут только свободные люди.

На радиопрограммах Уиллиса Коновера воспитывались в духе внутренней свободы и независимости не только миллионы рядовых радиослушателей. Слушали Уиллиса Коновера наши знаменитые теперь джазовые музыковеды и критики – Владимир Фейертаг, Алексей Баташев, Аркадий Петров, Леонид Переверзев и многие другие. Блистательный переводчик большого количества книг о джазе, изданных в то идиотское время в джазовом самиздате в провинциальном Воронеже по 5 экземпляров (столько пробивали механические печатные машинки «Эрика» или «Москва») – Юрий Верменич и работающие ныне на Би-Би-Си Ефим Барбан (в эфире – Джеральд Вуд), и Александр Кан, и Сева Новгородцев, игравший когда-то в джаз-оркестре Иосифа Вайнштейна, и ведущий джазовых про-

грамм на радио «Свобода» Дмитрий Савицкий... Почти все наши джазовые музыканты слушали эти передачи, записывали на пленку, «снимали», учились и стали на уровень, сравнимый с уровнем американских джазменов. Но учились они не только музыкальной технике и музыкальным идеям. Они впитывали дух свободы, присущий джазу, и несли его в концертные залы, на концертные площадки, в студенческие аудитории и залы НИИ и КБ, в радио и звукозаписывающие студии. И именно поэтому тоталитарная власть на интуитивном, подкорковом уровне ненавидела джаз, что у Гитлера, что у Сталина, что у Брежнева.

Юрий Вдовин, правозащитник

Наши представления о мире были ограничены – и о внешнем мире, и особенно о собственной стране. И многие важные факты наши граждане могли узнать только из передач западных радиостанций. В ходу была знаменитая поговорка: «Есть обычай на Руси: ночью слушать Би-Би-Си».

Ясен Засурский, факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова

А наша уфимская «глушилка», между прочим, на мази, ее можно в любой момент пустить в ход. Я недавно был в Музее связи, и экскурсовод с гордостью показал здоровый железный ящик и сказал: «Вот один из аппаратов нашей станции глушения, она у нас на полном ходу. И если родина потребует, то мы всегда...»

Аркадий, слушатель РС, Башкирия

Был такой радиоприемник под названием «Урал», замечательный, из красного дерева, с громадным динамиком, который давал великолепные низкие частоты. И я – тогда еще совсем маленький мальчик, школьник (это было в 60-е годы). Было

темно в квартире, а отец слушал Китай, тогда Китай был враг. Сейчас его не глушат, а тогда глушили. Можете себе представить: темно в квартире, я захожу в комнату (а там такая, знаете, зеленая лампочка-индикатор была) – и я слышу эти «глушилки», вижу эту лампочку и освещенное этим зеленым светом демоническое лицо отца. И я заорал, просто было страшно...

Потом были годы, когда я учился с «глушилками» бороться. Например, в радиоприемнике «Океан» можно было чуть влево повернуть ручку так называемого верньерного устройства – и как-то «глушилка» оставалась, а голос звучал отдельно. Или, например, потом мы освоили 19 метров, 13 метров – вот эти диапазоны, в которых «Свобода» работала. И выяснилось, что там еще легче отстраиваться от «глушилок». Кроме того, иногда происходили вообще удивительные вещи: «глушилка» вдруг (это понятно, поскольку станция вещала с одного места географического, а «глушилка» – с другого) уходила, ее становилось плохо слышно, и всей мощи наших оборонных передатчиков не хватало для того, чтобы заглушить спокойный голос диктора, который нам рассказывал. И о самом удивительном глушении, которое я когда-то слушал. Вы, наверное, помните, что тогда не разрешали слушать «Свободу» и ее глушили, и нельзя было «Битлз» слушать, ломали пластинки в аэропорту и так далее, волосы обрезали... Вы можете себе представить, что на 13 метрах «Радио Свободу» глушили искаженным сигналом пластинки «Битлз» «Abby Road»!..

Город Анапа, я там студент. Вот 1987 год. И мы там отдыхаем, какие-то ведем дискотеки. И у меня тогда уже был не приемник «Океан» (он был большой), а был такой радиоприемник «Россия», тоже переделанный, за 35 рублей в радиомастерской мне сделали диапазоны 16, 13 и 11 метров. И я «голоса» слушал. И вот, вы представляете, история: белый день, где-то 5 часов вечера, пляж, мы сидим, я слушаю какую-то музыку. Вдруг бежит человек по кромке, где вода, где волны, и орет: «Глушилки выключили!!!» Выяснилось, что «Голос Америки» и Би-Би-Си перестали глушить. Вы можете себе представить, бежит человек, как в фильме, который всем кричит: «Глушилки выключили!» – и люди с изумлением оборачивают головы. Я сразу начал шарить по диапазонам и действительно нашел «Голос Америки». Без «глушилок».

Матвей Ганапольский, журналист

В те годы я оказался в общественной столовой в Севастополе, и, ожидая, пока очередь подойдет к раздаче блюд, я выступал на подносе пустом позывные Би-Би-Си. И в очереди сразу несколько человек посмотрели на меня, и один покрутил пальцем у головы. Совсем недавно, будучи в командировке, я повторил этот номер в другой столовой в провинциальном городе. Никто на меня не посмотрел, и только подавальщица, которая отлучилась, сказала: «Ну иду я, иду». Времена меняются.

Владимир Тольц, историк

«ВЭФ Спидола-232» 1980-е годы.

A TRUSTED SOURCE OF NEWS
AND INFORMATION SINCE 1942

**Телевизионные и радио передачи «Голоса Америки» в
отменном качестве на спутнике «HOTBIRD 3», 13°East**

Параметры настройки ресивера (спутникового приемника):

Freq: 12.226 GHz

FEC: 3/4

Signal Polarization: Vertical

Symbol Rate: 27.5 MS/S

Typical L-band Freq: 1476 MHz

Local Oscillator (LO) freq: 10.75GHz

Network ID#1: H-pol setting to provide 19V to LNB for High Ku-band.

OR

Network ID#4: V-pol setting to provide 13V for polarizer control.

Virtual channel for VOA TV SERVICE: CHANNEL 240

**Хрустально чистый голос Свободы
на спутнике «HOTBIRD 3», 13°East**

Тип доступа: открытый

Параметры настройки ресивера

Freq: 12.226

FEC: 3/4

Signal Polarization: Vertical

Symbol Rate: 27.50 MS/S

Video & PCR PID: HB1-8:4260, HB9-28:4360

**Традиционно качественная информация в
первоклассном звучании –
Би-Би-Си на спутнике «HOTBIRD 6», 13°East**

Тип доступа: открытый

Параметры настройки ресивера

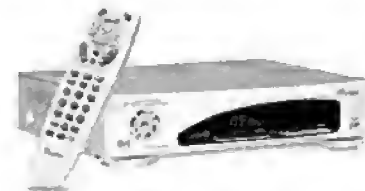
Freq: 11,131 GHz

FEC: 3/4

Signal Polarization: Vertical

Symbol Rate: 5,632 MS/S

Video & PCR PID: 357

Информация, размещенная в журнале «Карта», не является коммерческой рекламой и не была оплачена радиовещательными или иными компаниями.

СВОЙ В СВОЕМ ГОРОДЕ

Российский правозащитный журнал «Карта» и интернет-портал «Права человека в России» (<http://www.hrgo.org>) продолжают знакомить читателей с интересными людьми – представителями российского правозащитного сообщества. Сегодняшний наш гость – правозащитник из г. Орла Дмитрий КРАЮХИН. С ним беседуют Юлия СЕРЕДА, Сергей СМИРНОВ и Андрей БЛИНУШОВ.

История семьи

– Мой дед был из богатых купцов, а бабушка из бедных дворян. Их брак мог произойти (и произошел) только благодаря революции, потому что – мезальянс. (Хотя любовь-морковь у них была еще дореволюционной). В Первую мировую дед служил в «самокатных» войсках – велосипедист¹. Сохранилась открыточка-фотография: усы такие, ух, завитые! Велосипед с керосиновым фонарем. «Наилюбезнейшая Анна Федоровна, пишу Вам с фронта...».

В 1929 году деда сослали в Архангельск. Вместе с ним его жену (то есть мою бабушку), моего девятилетнего дядю (который там же умер от менингита) и мою шестилетнюю мать – она в Архангельске «заработала» туберкулез. Да что туберкулез... там, в ссылке, ее на всю жизнь сломали. Это, наверное, беда того поколения. Она не раз мне твердила: «Перестань этим заниматься! Что ты против властей идешь?» Или так: «Мой отец говорил, что и у стен бывают уши». Это ее тогдашний страх. Вообще, она была убеждена, что «нет власти, кроме как от Бога».

– Что власть – это святое?

– Да. Она меня в 80-х укоряла: «Тебе Брежнев не нравился, Черненко не нравился, Андропов не нравился. Теперь тебе Горбачев не нравится!»

– Это искренне?

– Искренне. Мать рассказывала, как в 1953 году бабушка, узнав о смерти Сталина, плакала и говорила: «Нина, как мы теперь жить-то будем?» А ведь в нашей семье досталось очень многим. Деду еще повезло: его дважды отправляли в ссылку и каждый раз «вовремя». Первый раз в 1929 году – и он не попал под репрессии 31-32 годов. Второй раз в конце 35-го – и он не попал под 37-38 годы. «Отсиделся» в ссылке.

– Вернулся?

– Вернулся и умер в собственной постели. А в Архангельске развелся с бабушкой. Официально.

– Чтобы ее не трогали?

– Да. Они так и прожили всю жизнь вместе, но в разводе. Бабушкина сестра, тетя Тоня, вышла замуж за внука декабриста, человека из очень прогрессивной, либеральной семьи еще царских времен. Помните роман Вересаева «В тупике»? Там описывается такая либеральная интеллигенция. «Мы ждали революцию, как невесту, что она придет вся в белом, а вместо нее появился грязный, пьяный матрос». Он был из той семьи, в которой революцию ждали, как невесту.

По семейным преданиям, после революции он сразу передал Советам свой заводик, который у него был под Тулой. Рабочие были горой за него, за хорошего хозяина. Власти даже выдали ему благодарственное письмо, а его самого оставили директором завода. Теперь это письмо, наверное, хранится в каком-то из уголовных дел. Потому что его трижды арестовывали и, в конце концов, расстреляли.

После третьего ареста тетя Тоня пошла в НКВД, чтобы спросить, где муж. – «Где надо. Сиди и не рыпайся». Она была женщина очень боевая, продолжала поиски. В результате ее тоже арестовали и осудили – то ли как французскую, то ли как англий-

¹ Велосипедные войска использовалась в этой войне с обеих сторон. Франция, Бельгия и Германия широко применяли велосипехоту в начальный период войны. Россия также использовала велосипеды, сначала зарубежные, а с 1916 года и собственного производства («Дукс-боевой»).

скую шпионку. Она так и не запомнила, чьей шпионкой была.

Она не любила рассказывать об этом, но я помню одну историю. В НКВД ее не били, женщина все-таки. Просто кормили соленым и не давали пить. Однокамерницы научили ее: когда вызывали на допрос, она просилась в туалет, а там, в управлении, был унитаз, не параша. Она спускала воду и пила из унитаза. Какое-то время продержалась.

Помню еще один эпизод, который относится уже к концу 60-х или началу 70-х годов. У тети Тони в паспорте, в графе «На основании какого документа выдан» было записано: «На основании справки об освобождении». К нам явились две женщины: одна в милицеевской форме, другая в штатском. Они пришли к тете Тоне, у них был долгий разговор. После чего тетя Тоня – представьте, женщина она маленькая, мне ниже плеча была, худенькая, а тетки здоровые, – подходит к дверям, распахивает их, указывает пальцем и говорит: «Уходите. Мне не стыдно. Пусть вам будет стыдно!» Так и умерла с «зекским» паспортом.

– Зачем они приходили?

– Пытались уговорить поменять паспорт на новый, без записи о справке об освобождении.

– И многие в твоей семье через такое прошли?

– Да, и дядя Леля, и тетя Тамара. Советская власть очень эффективно «поработала». Из моей матушки она сделала человека, который убежден, что всякая власть по определению не может поступить неправильно. И любой, кто выступает против власти, выступает против страны...

Годы юности

– В прошлой жизни я был Дмитрием Краухиным в очень многих ипостасях. Недавно на одном тренинге участников опрашивали – кто, откуда, когда начал заниматься общественной деятельностью. Выяснилось, что я самый старенький.

– Не старенький, а опытный...

– Ну, хорошо, самый опытный... Как все начиналось? В 1974 году при молодежной газете «Орловский комсомолец» возникла некая неформальная молодежная группа «Бежин луг». Для тех, кто не читает классиков – это по рассказам Тургенева, нашего великого земляка. Только, ради Бога, не спрашивайте, почему «Бежин луг». Ну, называлась наша группа так.

– Хорошо еще, что не «Муму». Или из другого классика – «На дне»...

– «На дне» – это не наше. Вот если вы Лескова возьмете, там можно такие названия отыскать... Ладно. Так уж получилось, что «Бежин луг» стал моей первой встречей с системой, первым «набиванием шишек».

– Ты тогда ходил еще в пионерском галстуке?

– Нет, мне в ту пору двадцать годиков стукнуло. Учился в машиностроительном. Пытался стать

специалистом, чтобы приборы строить. Ну а между делом – этот самый молодежный клуб. Развлекались, валяли дурака, писали стихи, пародии.

– Кого пародировали?

– Наших орловских поэтов. Мой приятель написал целый цикл пародий под псевдонимом «Лишай Стригуций». Одно стихотворение было посвящено некой старухе: «Старуха слепая, горбатая, и нос крючковатый, большой. Казалось бы, ведьма проклятая, но ведьма с прекрасной душой...» А заканчивалось так: «Недавно отличным транзистором старуху колхоз наградил». В духе того времени. Как ни странно, КГБшники заинтересовались нашей группой.

– Ты тоже писал стихи?

– Я тоже писал... Мы были молодые, не задумывались о границах. Одна девчонка, Ольга, писала роман «Если бы ничего не было». Сюжет очень простой: город Орел, 1974 год, наша компания. Единственное, чего не было – Великой Октябрьской социалистической революции. Буржуазное общество, а мы – компания хиппи. Она писала очень интересно: давала «вводные ситуации», и каждый по возможности честно говорил, как бы он в этой ситуации себя повел. Таким образом, каждый из нас в какой-то мере был соавтором. Каждый придумывал, каким он был бы в этой колонии хиппи. У меня, помню, была кличка «Пастор». Никто не знал, откуда я взялся. Я занимался тем, что продавал цветы, свернутые из бумаги. Сворачивал прямо на глазах заказчиков.

В нашей компании – не той, фантомной, а реальной – был парень по прозвищу «Чекист». Он мечтал работать в КГБ. Да, бывали у молодых людей такие мечты! Читал всякую дребедень о чекистах, детективы. Тогда тоже были детективы, не менее бредовые, чем сейчас. И вот его забрали в армию. Он пишет своей подруге, мол, недавно прочитал в журнале «Огонек» великолепный роман «Вне игры», где очень интересно рассказывается о деятельности наших «органов». Ирка достает подшивку журналов, мы все начинаем читать и, честно говоря, обалдеваем! Роман начинается так: прибегает в КГБ взволнованная телеграфистка и говорит: «Знаете, только что мне пришла телеграмма, ее нужно доставить, а я боюсь!» Текст такой: «Явки провалены. Срочно ховай игрушки в огороде. Твой Чижик».

Мы решили проверить: что будет, если действительно отправить такую телеграмму? Оформляем красиво. Представьте себе: ночь, половина двенадцатого, почта, входят пять человек. Двое замирают в дверях, расставив широко ноги и заложив руки за спину. Трое подходят к окошечку телеграфистки. Я на глазах телеграфистки надеваю перчатки, беру бланк и пишу печатными буквами: «Явки провалены. Срочно ховайте игрушки. Неер (Хипп), Пижонка, Пастор».

Подходим к телеграфистке, она берет телеграмму, начинает читать и меняется в лице.

– Что здесь написано?

Я объясняю: город Орел, улица Комсомольская...

– Это я понимаю. А вот дальше? «Явки провалены... срочно ховайте игрушки...» Что это значит?

– Ну, как что... Явки провалены, надо прятать оружие, радиостанцию, шифры и коды.

Длинная пауза, потом она говорит:

– Я не буду принимать такую телеграмму.

– Хорошо, – говорю я, – дайте жалобную книгу.

– Только, если старшая разрешит.

– Хорошо. Давайте старшую.

– Я ей сейчас покажу, – говорит она и уходит. Мы стоим, ждем.

– *Неужели, такое могло быть?*

– Ну, ребята, это же советские времена! Добрые, старые советские времена, 1974 год. Провинция. Нам было по двадцать лет. Мы валяли дурака, развлекались. Мы были уверены, что нас тут же «заметут», поэтому у Ирки в кармане был журнал – показать, что мы просто-напросто проводили эксперимент, хотели разоблачить плохих писателей.

В конце концов, тетенька прибегает назад и говорит: «Сейчас, подождите!» Тут у нее звонит телефон, она снимает трубку: «Да... да... нет... нет... Двое парней, одна девушка. Нет, русские, русские. Хорошо». Сидит с трубкой около уха и внимательно смотрит на дверь. Я говорю ребятам: «Сейчас нас будут брать». К нашему большому удивлению, «брать» нас не стали. Более того, телеграмму Ольге доставили. Правда, мы умудрились, когда писали адрес, сделать две ошибки: переврали одновременно номер квартиры и фамилию адресата. Тем не менее, телеграмму доставили, правда через 12 часов после отправки.

И вот представьте: утро, в квартире у Ольги раздается звонок, ее матушка открывает дверь, а там стоит молодой человек, который представляется сотрудником милиции. Он целый час допрашивает Ольгину матушку, кто такая Ольга, что у нее за друзья, чем занимаются. Мать ничего не может понять. А днем через несколько часов доставляют эту телеграмму. Мы потом целый месяц не могли к Ольге домой показаться... пока гнев матушки не остыл...

– Тебя за эту шутку никто не тронул?

– Тогда – нет. Но, разумеется, это не могло пройти незамеченным. В 74-м году на праздники, в День Советской Конституции, я поехал в Москву. Просто так, к приятельнице в гости. В это время ко мне домой приходит начальник 5 отдела нашего КГБ, товарищ Сапожников. Он сообщил моей матушке, что я – ни больше ни меньше – поехал делегатом от Орла к Сахарову, на демонстрацию Комитета борьбы за права человека в Советском Союзе².

Мама была в панике. С того времени нас начали, как я понимаю, «разрабатывать». Честно говоря, не знаю, почему не дергали меня. То ли «на закуску» оставили, то ли (сейчас себе польщу) решили, что «не перспективный». А на других было давление.

Одного из ребят папа, бывший первый секретарь горкома, отправил в армию, от греха подальше. Но и там, в армии, его допрашивал «особист». Этот протокол прислали в Орел и показывали нам: «Смотрите, что Юрка про вас говорил».

Мой приятель – тот, который писал под псевдонимом «Лишай Стригуший», дал мне машинописный сборничек своих стихов. Потом зашел, чтобы забрать назад. Я отдал ему стихи, и поехали мы вместе, как это у нас называется, «в город» (я живу на окраине). Он говорит, мол, пойду в Союз писателей. А я собрался в библиотеку. Подхожу к библиотеке и вижу – санитарный день. Ну ладно, думаю, сейчас Сашку догоню, вместе в Союз писателей зайдем. Смотрю издали – шагает, не оглядываясь, мимо Союза. Передумал? Ой, ведь он сейчас пройдет рядом с КГБ, а мне такая хохма в голову пришла, ну просто укатайка! Сейчас он поравняется с КГБ, я его догоню сзади, прямо перед дверью хлопну по плечу и скажу строго: «Пройдемте!». Вот будет весело!

Я подбираюсь к нему, он уже поравнялся с дверью... Только я поднял руку, чтобы хлопнуть его по плечу и сказать: «Пройдемте!», как он входит в эту самую дверь. На самом пороге оглянулся. Я первый раз увидел, как человек по-настоящему побелел.

Совершенно белое лицо, и одними губами: «Уходи, уходи... Потом все объясню, уходи, уходи!» Это был шок. Конечно, я нашим ребятам рассказал об этом. Интересно, как потом говорил Сашка, ему это помогло. Его вербовали, пытались использовать. А он им сказал: «Бесполезно. Меня только что видел Краюхин, он сообщит всем».

– *От него отвязались?*

– Да. Правда, у него «накрылась» стажировка. Он учился на последнем курсе, был лучшим. Его тема – история советско-английских отношений. Его собирались послать в Англию. Но этот эпизод, о котором я рассказывал, все погубил.

– *Как у вас с ним потом сложились отношения?*

– Сейчас он работает в Москве, в академическом институте. Доцент. Какое-то время никаких отношений не было. Только потом, лет через десять-пятнадцать, у нас был разговор обо всем – в том числе и об этом. Он сказал, что благодарен мне, потому что именно этот случай помешал его завербовать. Но – этот случай его «слома». Причем, не разово – «по жизни».

– *А что другие ребята?*

– Началась паника. Например, Ирка – у нее были фотокопии Венички Ерофеева «Москва – Петушки»³. Она полночи жгла фотографии. Пред-

² Имеется в виду Комитет прав человека в СССР, созданный в Москве в ноябре 1970 г. Одним из основателей Комитета был академик А.Д. Сахаров. Ежегодно 5 декабря в день Советской Конституции Комитетом на Пушкинской площади в Москве проводилась демонстрация Комитета – которая, разумеется, через три-пять минут разгонялась КГБ.

ставьте себе, пятисантиметровую пачку фотографий сжечь в духовке газовой плиты! У меня были микрофильмы. Я их положил в банку из-под майонеза, закрыл полиэтиленовой крышкой, плотно обмотал изолентой и зарыл в парке Дворца пионеров. Кстати, в двухстах метрах от здания КГБ, под кустами сирени.

- Ночью?..
- Поздно вечером.
- Потом отрыл? Они целы?
- (Смеется) Да!

Краюхин и КПСС

– Сейчас модно говорить, мол, еще с младенчества выступал против этого самого ненавистного советского стоя. Нет. Не выступал я с младенчества против «ненавистного советского». Конечно, я знал, что в Москве есть такой Сахаров, вроде бы шумит чего-то, иногда даже по делу шумит. Какие-то легенды про него ходили в нашей провинции. Конечно, мы слушали «Голос Америки», Радио «Свобода», «Немецкую волну». Как тогда говорили, «что творится на Руси – узнаем по Би-би-си»⁴. Но я не был диссидентом. Впрочем, именно тогда я познакомился с самиздатом, больше с литературным, чем с политическим.

- С чем именно?
- У меня много всего было. В том же семьдесят четвертом собственноручно перепечатал «Москва – Петушки».

В одном из давних интервью, где-то в году девяносто четвертом, я выразил благодарность сотрудникам Орловского управления КГБ и лично товарищу Сапожникову за то, что я стал тем, кем я стал. Именно благодаря ему – готов повторить это сейчас – я задумался над ситуацией. Правда, чекисты меня укоряли: «Дмитрий Александрович, ну зачем вы так? Он ведь на пенсии уже». А я действительно считаю, что именно благодаря тогдашней дурацкой, неуклюжей работе КГБ я стал правозащитником.

- Но ведь тогда они тебя не арестовывали? Потом неприятности от них были?

– Я был звукорежиссером областного драматического театра. Зарплата – сто рублей в месяц. Надоело, подал заявление об уходе. Меня вызвал директор и сказал: «Давайте так: будете заниматься ремонтом аппаратуры, повысим зарплату до 120 рублей...» Я сказал «спасибо», повернулся и пошел простым советским рабочим на завод, где люди получали 260 рублей.

- И кем ты работал на заводе?
- Бригадиром группы охранно-пожарной сигнализации. Завод был «режимный», делал всякую электронику. Нужен был допуск. Сказали, что ко мне есть какие-то претензии у КГБ. Я, будучи человеком простым и непосредственным, пошел в КГБ разбираться. Побеседовал с Сапожниковым, который заявил, что у КГБ ко мне никаких претензий нет. После чего, действительно, меня взяли на работу. Через три дня оформили, а до этого почти месяц мусолили!

В то время я уже крепко задумывался над тем, что есть наше общество. Заинтересовался историей страны. Чтобы понять, я начал читать. Как полагось по традиции, Ленина. Искал редкие материалы и находил. Однажды мне в горкоме КПСС сказали, что я идеологически не вполне выдержан.

- Что за претензии к тебе были у горкома КПСС?

– К своей позиции я пришел через кандидатство в КПСС. После того, как Михаил Сергеевич заявил о демократизации, гласности, ускорении и так далее, я (как и очень многие) воспринял эти заявления как возможность изменить общество. В тот период единственной реальной силой была КПСС. И я подал заявление о вступлении в партию. Кстати, красивое заявление написал. (Смеется)

- То есть?
- В 1903 году была дискуссия между Мартовым и Лениным по уставу партии⁵. Мартов говорил, что членом партии должен быть человек, который просто поддерживает партию, а Ленин говорил о том, что должен быть тот, кто работает в партии. И вот, я хотел бы работать — так и в заявлении написал! Дескать, хотел бы вместе с партией менять общество. Я не врал, и мою честность оценили. Заявление отдали в райком в качестве образца.

- Вдохновился ты Мартовым...
- Нет, я Лениным вдохновился. Если ли бы Мартовым, меня сразу бы исключили.
- Ты встал на сторону Ленина в дискуссии с Мартовым.

– Да. Ходил я кандидатом почти полтора года. Вообще-то по уставу через год меня должны были либо принять, либо не принимать в члены партии. Но исключать было не за что, а принимать – боязно.

Ездил я как-то в город Болхов (есть такой городок в Орловской области, ровесник Москвы, 1147 года рождения). Там огромное количество церквей, все в ужасном состоянии. Я фотографировал их. На одном снимке лошади, прежде чем войти в полуразрушенный храм, задумчиво разглядывают разбитую вывеску о том, что это памятник истории, охраняемый государством. Я вернулся в Орел,

³ Поэма Венедикта Ерофеева, написанная в 1970 году и ставшая классикой советского андеграунда. При советском режиме распространялась только в самиздате. Копировальные машины в СССР еще не появились, поэтому самиздат обычно тиражировался на пишущих машинках. Иногда страницы переснимали с помощью фотоаппарата. В интервью речь идет именно о таких фотоснимках произведения Ерофеева.

⁴ Западные радиостанции, которые вели передачи на русском языке. В эпоху тотального контроля над информацией внутри СССР эти радиостанции являлись для советских граждан одной из немногих возможностей получить новости из-за «железного занавеса».

⁵ Юлий Мартов (1873-1923) – известный социал-демократ и публицист. Дискуссия с Лениным состоялась на II съезде РСДРП.

пришел в Общество охраны памятников, говорю: давайте что-то сделаем! Они посмотрели на фотографию, отвечают: да, вы правы, доска стоит 300 рублей, надо бы поменять.

– Не надо, – говорю я им. – Давайте на эти деньги купим обычных, деревянных досок! Я соберу несколько человек, поедem туда, хотя бы забьем вход и окна, чтобы лошади не заходили в храм. А доску... Я готов сам найти лист железа и написать на нем, что это памятник истории, и прибить его.

– Нет, – сказали мне, – на обычные доски денег нету. Есть только на мраморную. Но это хорошо, что вы предлагаете помощь. Есть такие «безвозмездники» – те, кто ездит и безвозмездно помогает. Оставьте телефончик, мы в течение месяца перезвоним.

Ждал, ждал – не дождался. Прихожу. Меня вспомнили.

– Ах да, «безвозмездники»! Вы, значит, хотите безвозмездно помогать? Где же ваш телефон? Э-э-э... потерялся. Давайте запишем. Мы вам позвоним.

Прихожу в третий раз.

– Помним-помним, «безвозмездники», хотите помогать, что-то делать... Где вы работаете? Отлично. У вас там есть первичная организация. Идите к ним, они вам все скажут.

Прихожу в первичную организацию.

– В чем дело? – удивляются. – Взносы платили? Платили. Вот и все, что от вас нужно.

Я заинтересовался и прошел по разным первичным организациям. Всюду задавал один и тот же простой вопрос: «Чем вы занимаетесь?» Какой-то «красный крест» сказал, что вместе с парткомом проводил субботник. Большинство прямо признавалось: «Ничем не занимаемся, только взносы собираем».

Моя активность привлекла внимание. Вызвал секретарь парткома и говорит:

– Дим, ты вот что... зря ты это... тут сверху звонили, говорили, что ты ходишь, выясняешь... Ну на хрена тебе это нужно? Какая разница – работает, не работает... Плати взносы, и все дела. Да, кстати: мне тут в парткоме сказали, нужно дать тебе оценку. Ты вот что... У нас через неделю партсобрание, ты выступи и скажи, что действовал неправильно.

– Покайся...

– Да. Мне было предложено покаяться и разоружиться. Я спрашиваю: «Коля, в чем каяться? Я не вижу своей вины».

– Сам смотри, – ответил Коля. – Ты сколько времени в кандидатах ходишь? Мы ведь тебя вообще можем не принять. В общем, ты подумай, что именно ты будешь говорить, но выступить ты должен.

Идет собрание. Коля объявляет:

– Сейчас выступит кандидат в члены КПСС Дмитрий Александрович Краюхин. Многие, наверное, знают, он ходит по различным обществам и выясняет, кто чем занимается. Сейчас он даст оценку своим действиям.

Я выхожу и говорю:

– Перед собранием мне сказали, что я должен осудить свои действия. Фактически меня поставили перед выбором: либо мои убеждения, либо членство в партии. В этой ситуации я, к своему глубокому сожалению, должен сделать выбор.

Я вытащил кандидатскую карточку и положил ее на стол.

Разразился огромный скандал – перестройка-перестройкой, но такого на заводе еще не было... Через день меня вызывает заместитель начальника цеха, смотрит куда-то в сторону и говорит: «Знаешь, Дим, претензий к тебе нет, работаешь хорошо, но тут вот...» И буквально срывается: «Тра-та-та, ну зачем ты выступил?! Нужно было сказать, как все говорят, и было бы все нормально! Из парткома уже звонили, сказали, надо тебя убирать с секретной работы!»

И перевели меня на радиоузел. Заводское радио. Через две недели на радио по каким-то делам наведалься секретарь парткома. Увидел меня, глаза вытаращил! После этого визита меня вызвал мастер и, снова глядя куда-то в сторону, сказал: «Знаешь, партком требует убрать тебя с радиоузла. Вдруг ты что-нибудь не то дашь в эфир?»

– Глупый какой-то партком. Как же они такого странного человека допустили к радиоузлу? «Горбачевские» годы. Бдительность уже не та, что раньше...

– Да, бдительность упала. Но и я «полез в бутылку». Написал официальное заявление в горком партии о том, что меня преследуют за убеждения. Была беседа с секретарем горкома по идеологии. Кстати, нормальная тетка, мы до сих пор с ней в хороших отношениях. Она у нас сейчас в соцзащите работает.

– И что? Горком за тебя вступился?

– Да! Меня опять поставили заниматься сигнализацией, охранять «секреты Полишинеля» нашего завода.

Комиссия по правам человека

– Демократическая общественность в Орле начала формироваться в 1986 году. Сначала была непонятная тусовка самых разных людей. Потом появился Орловский народный фронт и другие группы: социал-демократы, григорьянцевский фонд «Гласность»...⁶

⁶ Народные фронты (объединения граждан демократической направленности) получили распространение в СССР в конце 80-х годов. Орловский народный фронт был одной из (примерно) 50 таких региональных структур. Фонд «Гласность» был основан в 1987 году диссидентами, освобожденными из политлагерей и тюрем. Среди заметных видов деятельности Фонда – регулярное освещение событий на Северном Кавказе и проведение конференций «КГБ вчера, сегодня, завтра». Сергей Григорьянц – в те годы председатель Фонда.

Я был одним из основателей Орловского общества «Мемориал», потом я из этого общества вышел потому, что орловский «Мемориал» занялся политикой и перестал заниматься историей репрессий. В 1991 году немного поработал помощником депутата.

Потом мы с одним моим приятелем обратились к заместителю губернатора с предложением восстановить фактически «почившую в бозе» комиссию по реабилитации. Буквально через месяц из Москвы приходит письмо о необходимости создать такие комиссии в регионах. Наша идея легла на хорошую почву, и комиссия была создана. Я стал работать там.

Со временем на Орловщине была создана комиссия по правам человека. Кстати, создана очень тактично. Провели собрание правозащитных организаций области, которые внесли свои предложения по составу комиссии. Саша Ромаш⁷, тогда он еще занимался правозащитной деятельностью, стал заместителем председателя Комиссии. Из трех руководящих должностей две были у правозащитников.

– Комиссия до сих пор работает?

– Два года назад она была ликвидирована.

– Почему?

– «В связи с реорганизацией администрации». Реальная причина была такова. В 2001 году мы провели одну очень серьезную кампанию «по мемориальскому направлению». Если помните, в 2000 году Конституционный суд вынес решение о том, что дети репрессированных должны признаваться не пострадавшими от политических репрессий, а репрессированными⁸. Это было в апреле. А в декабре 2000 года заместитель Генерального прокурора России Сабир Кехлеров⁹ разослал по городам и весям письмо, в котором рекомендовал не выдавать документы о реабилитации до внесения в законодательство соответствующих изменений. Он фактически предлагал бойкотировать решение Конституционного суда.

В других регионах комиссии по правам человека признавали, что гражданин является репрессированным, и на основании этих документов Прокуратура этих граждан реабилитировала. Мы же ре-

шили пойти по другому пути: стали обжаловать отказы прокуратуры. Первые два дела мы «продули». А потом в семнадцати случаях добились судебных решений в свою пользу. Прокуратура не стала обжаловать эти решения. Она просто не выполняла их. Тогда я обратился в суд с заявлением о выдаче исполнительных листов. Большой поддержкой была мощная информационная кампания. Тогда-то мы впервые поняли силу прессы.

– Пресс-конференции собирали?

– Нет, работали с журналистами индивидуально. Я всем журналистам раздавал решение Конституционного суда, письмо Кехлерова, документы, решения судов и т.д.

– То есть ходил по редакциям, встречался, ждал, показывал документы?

– Да. Кстати, с этим письмом кехлеровским... Его не было даже в Конституционном суде, а вот нам удалось достать. В областной прокуратуре мне высказали возмущение: «Какое вы имели право передавать в газеты это письмо?» – «Но там же не было никакого грифа. Оно не секретное», – отвечал я. – «У нас все секретное. И вообще, где вы его взяли?» Ну, какой вопрос, такой ответ. «Вот, послушайте, – говорю я. – Иду как-то раз по улице Красноармейской...»

– «Вижу, лежит бумажка...»

– Да, в кустах. «Наверное, – говорю, – его потерял Николай Иванович Габов, помощник облпрокурора. Он по всем судам бегал и всем судьям показывал. А мне ни разу не показал! Вот у него и спросите. Думаю, прокуратуре надо организовать внутреннюю проверку. Я даже готов дать по этому поводу письменное объяснение».

– Они, наверное, тебя здорово «любят», раз ты над ними вот так издеваешься?

– Пожалуй, особой любви между нами нету. Но позиция наша была безупречной. В судах в качестве заинтересованных лиц на стороне граждан привлекались Комиссия по реабилитации администрации и Комиссия по правам человека при Главе администрации – и представители обеих госструктур утверждают, что отказы нарушают права граждан, и просят признать действия прокуратуры незаконными.

Как написала в 2001 году газета «Коммерсант», из-за этих процессов Генпрокуратура была вынуждена фактически дезавуировать письмо Кехлерова. Другой заместитель, Давыдов, составил документ, в котором предписал региональным прокурорам выдавать нужные справки. Для нас это был первый пример, как одна небольшая организация при хорошо продуманной тактике может изменить правоприменительную практику по всей стране.

Мы поддерживали связь с Конституционным судом и с Комиссией по правам человека при Президенте. Ни в одном регионе подобного направления не было. Во всех других регионах работа шла в индивидуальном порядке.

– Дима, скажи, когда ты барахтаешься в пуганице этих бесконечных препятствий, чинов-

⁷ Александр Ромаш в конце 80-х был одним из лидеров Орловского народного фронта, возглавлял орловскую группу Международного общества прав человека, Орловский областной Христианский общественный Союз, входил в областную Комиссию по правам человека. В середине 90-х ушел из активной общественно-политической деятельности.

⁸ Изменение статуса давало право гражданам этой категории на дополнительные льготы в соответствии с законом «О реабилитации жертв политических репрессий».

⁹ Кстати, именно он в конце 2004 г. внес в Госдуму поправки в законодательство, возлагающие на подозреваемых в терроризме обязанность доказывать свою непричастность — то есть фактически упрядняющие презумпцию невиновности.

ничьих порогов, розаток... бывает, что руки опускаются?

– Не-а.

– *Никогда?*

– Ну, разве что однажды... в начале 2002 года. После того, как было принято решение о ликвидации Комиссии по правам человека. Мы стали первым российским регионом, где комиссия была официально ликвидирована. Я был официально предупрежден о предстоящем увольнении. Честно скажу, какое-то время был в депрессии. Потом я подумал: «Господи, чего, собственно, я плачусь?» Начал бороться, попытался восстановить комиссию.

– *Удалось?*

– Комиссию восстановили. Меня даже оставили там работать – секретарем. Но ее полностью выхолостили. Комиссия стала дохлая. Фактически ей запретили участвовать в судах. Даже работу с гражданами – и ту убрали из перечня ее полномочий.

– *Для чего тогда нужна комиссия?*

– Чтобы «анализировать ситуацию». А все остальное – по указанию руководства. Заместителем председателя Комиссии была назначена дама, которая прямо заявила: «Я считаю, что Комиссия по правам человека в нашей области не нужна».

– *И долго ты пробыл секретарем такой комиссии?*

– На следующий день после подписания губернаторского Указа об утверждении Положения о Комиссии я подал заявление об отставке. Насколько мне известно, это первый случай в нашей области, когда государственный служащий не просто написал заявление: «Прошу уволить...», а на полутора страницах обосновал, почему. Но получил письменный отказ в увольнении.

– *Подробный? Идеологически обоснованный?*

– Нет, маленький совсем. А на словах мне сказали: «Дим, ну чего ты? Напиши коротко». Я снова написал длинно... Но в конце концов все-таки уволили. Кстати, хочу отдать должное: за все время работы нашей Комиссии мне никто никогда и ни в чем не мешал. Как я понимаю, против нее накапливалось недовольство, и, в конце концов, на ней поставили жирный крест.

– *Как работала Комиссия? Какой это был механизм?*

– Очень простой. У меня в неделю было два приемных дня. Все остальное время занимали запросы, проверки, суды. В положении о Комиссии указывалось, что я без доверенности могу представлять интересы Комиссии в суде, запрашивать от имени Комиссии информацию о государственных органах. Это я и делал.

«Единая Европа»

– В 1996 году мы создавали свою организацию и думали, как ее назвать. Я предложил «Институт общественных проблем «Единая Европа». Вроде бы красиво, неожиданно...

– *Скорее, непонятно. Что такое «Единая Европа» для жителей России? Многие из граждан не идентифицируют себя с европейцами.*

– Здесь есть какой-то общий намек на то, что мы занимаемся общественными проблемами и ориентированы на европейские ценности. Впрочем, тогда в название не вкладывался такой глубокий смысл. Он появился уже потом, в ходе работы. 22 апреля 1996 года мы были зарегистрированы Управлением юстиции Орловского облсисполкома. Получается, у нас с дедушкой Лениным юбилей в один и тот же день (смеется).

Сегодня Институт «Единая Европа» – это уже не организация. Это блок организаций, где мы в какой-то мере являемся головной. Не в том смысле, что мы – начальники, просто мы работаем как стержень.

Есть Центр защиты потребителей – самостоятельная, хорошо раскрученная организация. Наши ребята-волонтеры зарегистрировали молодежную правозащитную группу, которая тоже работает самостоятельно¹⁰. Мы уже не одни. Нас знают. Когда власти однажды приостановили нашу деятельность, об этом несколько раз объявили в региональном выпуске программы «Вести» в рубрике «Главная новость дня»: начало посевной, строительство молодежного общежития, приостановка деятельности Института «Единая Европа»...

Я понимаю, нас можно завтра же закрыть. Это будет удар по работе, серьезный удар. Но это не будет гибелью и прекращением работы¹¹. – *Существует такое мнение, которое очень успешно используют против правозащитников: мол, настоящая цель их борьбы – сама борьба с властью. Приводят примеры, шумные акции, заявления, за которыми не следует никаких конкретных действий. Берут статью Новодворской, например, и приклеивают один ярлык на всех правозащитников¹².*

– Действительно, немало правозащитных организаций шумит, занимается «пиаром». Иногда это нужно. На Орловщине в одном из районных центров есть небольшая организация. Честно говоря, она мне не нравится. Но она делает огромное важное дело: в сонном болоте этого городка она шебуршит, не дает дремать судьям, милиции, прокуратуре.

И второе. «Пиар», которым занимается наша организация, – не цель, а всего лишь метод.

¹⁰ В начале 2005 года Институт «Единая Европа» создал еще одно структурное подразделение — правозащитное информационно-аналитическое агентство «ЦентрРус» (Центральная Россия).

¹¹ Уже после этого интервью решением Орловского областного суда от 22.06.04 г. все действия Управления Минюста России по Орловской области по внесению предупреждения, представления, а также распоряжение о приостановке были признаны незаконными. 13.08.04 г. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда России оставила решение областного суда без изменения, а жалобу регионального Управления Минюста без удовлетворения.

¹² Резкие выступления лидера «Демократического союза» Валерии Новодворской нередко служили поводом для критиков обвинить все правозащитное сообщество в радикализме и маргинальности.

– Раскрой, пожалуйста, понятие «пиар». У этого слова есть негативный оттенок, очевидно, в связи с недобросовестной рекламой и нечестными выборами. Что ты имеешь в виду под «правозащитным пиаром»?

– Именно изначальный смысл — «паблик рилейшн», связь с общественностью. Продвижение наших идей, интересов, взглядов, в меньшей степени — самой организации через средства массовой информации для того, чтобы сформировать общественное мнение по какому-либо вопросу.

– Ты уверен, что общественному мнению, то есть обществу, это нужно?

– Да.

– Дима, на уроке ощущений: тебе не кажется, что ты в своем городе чужой?

– Лучший ответ на вопрос «свой или чужой?» мы получили, когда на нас был сильный нажим. К нам пришли общественные организации и предложили помощь. Еще у меня был интересный разговор с одним орловским журналистом. Он сказал, что именно нажим властей стал для него поводом для переоценки моей деятельности. «Раньше, — говорит, — я думал, что Дима хороший человек, потому что делает нужное дело, не дает властям бездельничать. И только сейчас я понял: вас запрещают потому, что вы действительно оказываете реальное влияние на то, что происходит в области».

– Можно какие-нибудь примеры работы вашей организации?

– Например, несколько лет назад у нас был проект под названием «Оливер Твист». Социальная реабилитация подростков, которые находятся в Шаховской воспитательной колонии. Это в двадцати километрах от Орла. Там две колонии: женская, строгого режима, и подростковая, которая «обслуживает» несколько регионов: Тверь, Орел, Ярославль. С нашей помощью впервые в колонии был организован учебный класс. Точнее, колония уже получала компьютеры. Кто-то из «первых леди», кажется, Людмила Путина, передавала в колонию для девочек компьютеры, но эти машины быстро разошлись по службам и не использовались по назначению.

– Что значит «по службам»?

– По бухгалтериям, воспитательным частям. А мы передали компьютеры не в собственность, а в бессрочное, безвозмездное пользование. В договоре сказано, что они могут быть использованы для организации учебного класса и ни для чего другого. В противном случае мы имеем право забрать компьютеры. Было подписано соглашение между органами образования, колонией и нашей организацией. Органы образования выделили ставку преподавателя по информатике.

Таким образом, на базе нашего учебного класса было организовано первое в воспитательных колониях профессиональное обучение по специальности «пользователь ЭВМ» с выдачей свидетельства о профессиональном образовании государственного образца. Это обучение ведет госу-

дарственное профессионально-техническое училище на базе учебного класса, состоящего из наших компьютеров.

– Кстати, откуда взялись деньги на компьютеры?

– Дедушка Сорос выделил.

– А сколько всего было компьютеров?

– Двенадцать. У нас был многопрофильный проект — создание системы социальной реабилитации. Именно тогда впервые была опробована социальная педагогика. С нашей подачи (как в Шаховской воспитательной колонии, так и в других воспитательных колониях России) появилась такая официальная должность — социальный педагог. Мы отработывали, чем социальный педагог должен заниматься.

Наряду с этим было еще такое направление: подготовка к освобождению, в частности получение профессионального образования, которое может быть востребовано на воле. Раньше воспитанников обучали профессиям сварщика, каменщика, столяра, швейника. Теперь есть еще и «пользователь ЭВМ». Ребята не только обучаются работе на компьютерах (Windows, Word и так далее). Их учат даже основам программирования.

– Они это усваивают?

– Да. Преподаватель — энтузиаст, действительно хороший педагог. Когда Наталья Мамченко, наша коллега из Твери, рассказала, что мальчишка, вышедший из колонии, пришел к ней и сказал: «Помогите мне поступить в техникум, я хочу учиться на компьютерщика», — я понял, что мы сделали полезное дело. А таких ребят не один и не два.

Любитель фантастики

– От чего ты еще получаешь удовольствие, кроме работы?

– Мечтаю об одном — вернуться на государственную службу. Чтобы отдохнуть! (смеется)

– А еще? Книжки?

– С 1985 года я был в движении «Клубов любителей фантастики». Более того, я был председателем ревизионной комиссии Всесоюзного объединения любителей фантастики. Клубы появились давно, а движение оформилось в 1985 году.

Уже через год их начали громить. В «Комсомолке» была опубликована большая статья «Меню фантастики на детектив». Через несколько месяцев появилось закрытое письмо ЦК КПСС о журнале «Уральский следопыт», в котором было рекомендовано «прихлопнуть» все клубы любителей фантастики. К 1987 году они были фактически запрещены. Впрочем, в том же году в Киеве прошло первое Всесоюзное совещание любителей фантастики.

– Борис Бурда¹³ рассказывал, что тогда была популярна идея развития клубного движения. Не только любителей фантастики, вообще клубного движения. Клубы были прообразом ячейки гражданского общества. В общем, оттуда вышло много активных людей.

– Так и получилось. Клубы любителей фантастики – интереснейшее явление. С одной стороны, это объединение социально активных людей в регионах. С другой стороны, фантастика по сути своей – стержень, который заставляет людей думать.

В тот период очень много читали, прорывались через самиздат к западной фантастике, где было немало прогностики, утопии, антиутопии. Кстати, и в нашей фантастике, в лучших образцах, это было. Она неизбежно заставляла людей смотреть на мир по-другому, перспективно. Вы помните, как запретили «Космическую Одиссею 2010 года»?

– ?

– О, это была интереснейшая история! Артур Кларк¹⁴ написал свой фантастический роман «Космическая одиссея 2001». Во время поездки в Советский Союз он сообщил, что, оказывается, написал что-то типа продолжения, новый роман «2010: Вторая одиссея». Отличный сюжет. К Юпитеру летит совместный советско-американский экипаж. Корабль называется «Космонавт Алексей Леонов». Леонов, услышав это в ходе телевстречи с Кларком, расплылся в улыбке и сказал: «О, я буду великолепным кораблем». Этот роман Кларк передал своему другу Василию Захарченко, тогдашнему редактору журнала «Техника – молодежи», чтобы он был опубликован в России. До этого роман нигде не публиковался и не переводился.

– Какой это был год?

– 1984-й. Начинают публиковать. Помню, напечатали первую часть в февральском номере, вторую в мартовском. В апрельском – уже не публикуют. А в майском номере – одна колонка, краткое содержание оставшегося романа. Никто ничего не может понять. Роман как роман, хороший. Сюжет, вроде, ничего. К Юпитеру летит советско-американский экипаж, четверо американцев, шесть человек советских. Простые советские граждане с такими фамилиями: Орлов, Якунин...

– Только к третьей части до издателей дошло, кто такие Орлов и Якунин?¹⁵

– Фамилии были не на слуху. В нашей стране простому обывателю их можно было взять только из самиздата, «голосов» и знаменитой книги «ЦРУ против СССР»¹⁶ (она вышла в конце 70-х). Но цензоры «прохлопали ушами», заметили слишком поздно.

Захарченко сняли, Пухов (редактор отдела фантастики) едва не полетел – его спасло только то, что решение принималось лично Захарченко, правда, по согласованию на самом высоком уровне...

– Ну, а кроме фантастики, что лежит близко к сердцу? Какой-то отдых у тебя есть в выходные?

– Самый обычный... Иду на рынок, по хозяйству. По дороге смотрю, собрались ли на тусовку орловские РНЕшники. Потом в офис немножко поработать, сижу там часиков до...

– Тебе знакомо слово «отпуск»?

– Знакомо. Года три-четыре назад там был. Жил в палатке на острове Хачин посреди Селигера¹⁷.

– Наверное, ты и там обложился бумагами, и при свете костра...

– Нет! Это было очень хорошо. Представляете, телевизора нет, компьютера нет, приемника нет, одни комары вокруг. Ближайшая стоянка – направо метров двести, налево метров триста. Утром встал, пробежался, авоську грибочков набрал... Вечером вышел на берег, я там мостки сделал, смотришь, а там под мостками раки ползают...

– Ты рыбак?

– Нет. Но раков мы там наловили, правда. Я впервые в жизни раков ловил. Мы их сварили, съели, после чего младшая дочь говорит: «Пап, ну посмотри, тут мяса – всего ничего, а мы их убиваем...» После этого, мы их перестали ловить и начали макаронами подкармливать...

¹³ Одесит Борис Бурда известен читателям, прежде всего, как участник интеллектуальной игры «Что? Где? Когда?». Он также бард, автор различных кулинарных рецептов и вообще очень разносторонний человек.

¹⁴ Известный английский писатель-фантаст.

¹⁵ Юрий Орлов – советский физик и диссидент, основатель и лидер Московской Хельсинкской группы, провел почти 9 лет в лагерях, был выслан из СССР и лишен гражданства. Глеб Якунин – участник правозащитного движения в СССР, провел в заключении более 7 лет, создатель Общественного комитета защиты свободы совести. «Техника – молодежи» начала печатать роман Кларка, не обратив внимания на то, что он был посвящен, помимо космонавта Леонова, физика и диссиденту А.Д. Сахарову.

¹⁶ Пропагандистская книга Николая Яковлева, направленная, в том числе, против советских диссидентов. В своих воспоминаниях академик Сахаров назвал это идеологическое произведение «провокационной ложью».

¹⁷ Селигер – озеро на северо-западе Тверской области.

ЗАКОНЫ ЗАЗЕРКАЛЯ

Татьяна ЛОКШИНА

В Назрани гостиница «Асса» – неизбежное пристанище командировочного. Когда-то лучшая гостиница Северного Кавказа, с претензией на отель международного класса, – строили словаки при Аушеве, сдали в «первую войну». Ковролинное покрытие, душевые кабинки с матовым стеклом, открывающиеся во всех плоскостях пластиковые окна и изящные деревянные столики в номерах. На втором этаже – ресторан с белыми скатертями, просторной летней террасой и толстенным меню.

Правда, этот шик чем дальше, тем больше захлебывается ветхостью. Пресловутые ковролиновые покрытия местами протерлись и усеяны темными пятнами самой причудливой формы. Столы поцарапаны. От душевых кабинок отваливаются дверцы и стенки. Вода из крана течет с перебоями. Телефоны таинственным образом перестали принимать входящие звонки. Половина перечисленных в меню блюд и три четверти напитков – отсутствуют как класс. Последнюю бутылку белого вина в этом заведении, помнится, выпили мы с друзьями-журналистами полтора года назад. Нового до сих пор не завезли. Но, как бы то ни было, больше остановиться практически негде. И для тех, кто ездит сюда регулярно, «Асса» – дом родной.

Сидим втроем за столом в одноместном номере на пятом этаже (эти комнаты слабо отличаются от остальных, но почему-то самые дешевые) и ужинаем чем Бог послал. То есть тем, что сами купили на рынке. Кроме общей работы нас объединяет и общее стремление бойкотировать гостиничный ресторан: там дорого, немислимо медленно, да и вообще... Копченая конина, полкруга сулугуни, кирпич хлеба, заранее припасенное вино. В углу еле слышно журчит телевизор. Волшебное устройство «фумигатор» то ли отгоняет, то ли усыпляет злобных комаров. Чем не жизнь?

Правда, разговор не ахти. Через пару месяцев в Чечне парламентские выборы. Международные организации суеются – наблюдать? не наблюдать? Дергают нас на эту тему: «А какова ваша позиция?» И понятно, что свободные выборы не светят, как не светили в августе 2004, и в декабре, и в октябре 2003, и еще раньше, в марте (обратная хронология: алхановские выборы – кадировские выборы – конституционный референдум).

У людей свободно волеизъявляться на фоне убийств, похищений и других «радостей» местного бытия получается плоховато. Да и к реальному политическому процессу вся эта выборная эпопея никакого отношения с самого начала не имела.

Сначала создали формально лояльные воензированные структуры и теперь с ними же договариваемся. Но, в отличие от предыдущих «вех политического процесса», партии демократического толка на этот раз пытаются активничать. Для них очевидно, что большинство кресел уже поделено, но на стыке интересов различных конфликтующих структур они надеются получить хоть сколько-то мест в парламенте.

И если парламент, пусть в самой малой степени, но все же станет противовесом Рамзану Кадырову и силовикам – имеем ли мы право эти выборы игнорировать и даже не пытаться сделать их чуть лучше, чуть честнее? Тем более – сейчас, в ситуации, когда любые призывы к переговорам с «другой стороной» звучат крайне неубедительно: после смерти Масхадова позиции умеренного сепаратистского лагеря совсем ослабли, а диалог с Басаевым и Удуговым в принципе невозможен. А при этом...

Дискуссия набирает обороты. Голоса звучат все громче. Где-то в середине звонит телефон: проживающие двумя этажами ниже сотрудники «Международной Амнистии» выражают желание услышать, что же мы все собираемся делать в ближайшем будущем. Бормочу в трубку по-английски: «Да-да, поднимайтесь. Через 5 минут? Да, конечно, ждем».

Вот и стук в дверь. Пять минут уже пробежали. Иду открывать, на ходу заканчивая фразу. Рука уже на ручке двери, в голове формируется англоязычное приветствие. Вообще-то здесь не стоит распахивать дверь, не поинтересовавшись предварительно, кто за ней стоит.

Но я заранее знаю, кто идет, открываю не задумываясь... и оказываюсь лицом к лицу с двумя амбалами в камуфляже, черных масках, с «калашниковыми» наперевес. От неожиданности теряюсь и автоматически произношу по-английски: «Excuse me?» – аналог нашего: «Простите, что привело вас к нам в сей поздний час?».

Незванные гости, похоже, воспринимают мою неуместную сентенцию как особо циничное оскорбление. Один орет: «Назад, быстро! Сесть! Документы!» Почему-то никак не могу перестроиться на правильный язык и тон. Попросту говоря, откровенно торможу.

Вооруженная туша придвигается совсем близко, толкает в плечо. Тут, наконец, прихожу в себя. Да и коллеги уже оценили ситуацию.

Завязывается короткое агрессивное препирательство о том, кто же кому должен первым показывать документы, как положено входить в комнату и как разговаривать. От непривычного напора пришельцы ломаются. Оказывается, ингушский ОМОН.

Все заканчивается довольно быстро. Мы удостоверились в том, кто они такие. Они – в том, что у нас в порядке документы и нет взрывчатки в чемодане, зато есть пара внушительных удостоверений. Тут звучат чутко запоздалые слова о проверке паспортного режима и сложной обстановке в республике. Мы остаемся. Они уходят.

Садимся допивать вино и продолжать разговор. Проехали. В смысле, мы-то проехали. Но другие живут каждый день с ожиданием таких ночных визитов. Обычные люди, неспособные заткнуть пришельцам рот четким знанием того, что должно, и официальной корочкой в придачу. А ведь Чечня живет именно так. И все в большей степени так начинает жить Ингушетия.

На следующий день – какое-то село, плачущая женщина, у которой посреди ночи забрали сына. Забирали при свидетелях – и говорили, что из РОВД, мол, проверят и отпустят. Родственники, конечно, побежали в РОВД, а там про это вроде как знать ничего не знают.

Несколько дней искали парня через посредников. Не могли найти. И тут неожиданно какой-то адвокат, уроженец того же села, по делам оказался в Урус-Мартановском РУБОПе. И кто-то из сотрудников ему сказал к слову, что к ним недавно его односельчанина привели.

Адвокат и решил посмотреть, что да как. Парень избитый еле на ногах стоял. И сознался за эти пару дней во всех преступлениях, мыслимых и немыслимых: пособничество незаконным вооруженным формированиям, подрывы, хранение оружия... Адвокат, конечно, привычный и то удивился: «Зачем ты на себя столько всего повесил?» А парень бормочет: «Другого выхода не было». Тоже понятно.

Адвокат поехал в село, рассказал родителям, какая коллизия с сыном приключилась. Родители

от такой новости опомниться не успели, буквально пара часов прошла – и к ним нагрянули с обыском из того же РУБОПа. Целая кавалькада приехала: два бронетранспортера, два бронированных «Урала», два уазика и одна легковушка в придачу. Вроде русские и один чеченец с ними.

Позвали понятых, весь дом перерыли – ничего не нашли. Хозяева-то не сомневались, что у них все чисто. Как только сын исчез, они сами дом обшарили от подпола до чердака – вдруг, не дай Бог, сын все-таки хранил что-то от них тайком. Взрослый парень. И если лесные люди его во что-то вовлекли, родителям не стал бы докладывать.

Но нет, никакого оружия, ничего подозрительного. Да и парень у них особой смелостью не отличался – когда село бомбили, первый в подвал бежал, не разбирая дороги, от выстрелов вздрагивал. Куда ему в боевики...

В общем, знали хозяева, что все в порядке. И РУБОПовцы, казалось, отчаялись криминал обнаружить, а подкинуть при понятых не решались. Сказали, обыск закончен. Понятые в прихожую вышли, и тут один страж порядка в спальне из-под подушки, которую до этого два раза безрезультатно переворачивал, торжественно извлек черный пакет, а в нем – взрывное устройство.

А второй полез на чердак и там, среди старых тряпок, «нашел» лимонку. Понятых загнали обратно. Потребовали, чтобы подписали протоколы. Они долго уговаривали: «Если не подпишете, парню хуже будет. Вы же мальчику только вредите». Они почти сломались. Но все-таки не подписали.

Что дальше? Да ничего. Будет «террорист» сидеть до суда.

Вроде такая откровенная, легко доказуемая фальшивка. Но здесь такие приговоры пекут как блины. Можно попробовать поднять страшный шум, найти и оплатить сильного адвоката... Нет, родители резкие телодвижения предпринимать бояться, по крайней мере, пока.

Еще бы! Парня уже успели отправить в Грозный, в изолятор временного содержания ОРБ-2, которым в Чечне по нынешним временам детей пугают. А тот самый адвокат, изначально его обнаруживший, взялся вести дело и обещал, что быстро добьется перевода своего клиента поближе к селу, в райцентр. Ну, и дальше, глядишь, удастся сговориться на минимальный срок. Посидит мальчик 2-3 года и выйдет. Стоит это недешево, но...

Адвокат знает, что говорит. И добиться перевода, и срок скостить – за соответствующую мзду возможно. И родственники, как только появляется подобная перспектива, сразу перестают жаловаться и просят их дело огласке не предавать.

Наверное, при нашей работе надо настойчиво убеждать родителей «бороться за сына правовым путем». Но не отпускает мысль, что с этим самым

правовым путем ему все 20 веляют, а по-другому, может, действительно, парой лет отделается, и потом семья его отправит из Чечни подальше.

Парадокс, о который бьешься, как лбом об стену. Если не следовать правовому пути, не пытаться заставить закон работать, здесь ничего никогда не изменится. Это очевидно. Но что делать, когда, настаивая на правовом подходе, ты можешь повредить, а не помочь конкретному, живому человеку?

Вечером мы уже в Грозном. Приютившая меня подруга делится новостями: «К нам недавно приходят в дом, говорят – нужно платить коммунальные платежи. Отвечаю: «Давайте. С удовольствием заплачу. Только скажите, за что? За воду с радостью заплачу, только пустите ее сначала, мы ее в кране больше пяти лет не видели. За свет – с удовольствием, если электричество заново проведете. За отопление? Замечательно, оно нам совсем не помешает. Скажите, когда ждать». Ну, ушли, конечно. Куда б они делись?». Смеемся. Мы здесь, вообще, непрерывно смеемся.

Эта семья, мать и четверо девочек, всю войну не выезжала из Грозного. Сначала не собрались, да и не ожидали, что так жестоко будет, а потом оказалось поздно. Самое страшное время пересидели в подвалах. Одна из девочек вечером за чаем мне рассказывала, что в их подвал забежала собака с оторванной человеческой головой в зубах. Собаки, брошенные убежавшими из города людьми, бродили по улицам, обгладывали трупы, пьянели от крови. «Так страшно было!» – девчонка встряхивает головой и смеется.

В городе случайно сталкиваюсь с женщиной из Гудермесского района, Лизой, сестрой известного полевого командира Вахида Мурдашева. Познакомились мы прошлой зимой, через пару месяцев после того, как «кадыровцы» взяли в заложники ее мать, сестру и сноху, а родовой дом сожгли. Все, чтобы выманить брата. Тогда Лиза плакала, смотрела в сторону, говорила полупшепотом.

Теперь, улыбаясь во весь рот, рассказывает, что 25 апреля ее родных отпустили. А зачем их было держать, раз Мурдашева взяли там же, где убили Масхадова? Мать каждое утро просыпается и плачет от счастья, поверить не может, что после многомесячного сидения в холодном, грязном подвале можно вот так, на чистой постели, и чтобы солнечный луч полз по подоконнику.

«Дом, оказывается, сожгли у них на глазах! А потом они думали – расстреляют. Увезли в лес. Поставили. Автоматы вскинули. И все на камеру снимали. Но не тронули. Бросили в сырую яму. Там огромные крысы бегали. Трое суток продержали. И за эти три дня к ним ни один человек не подошел. Потом перевезли, ну, сами знаете куда. И в подвале оставили.

Пять месяцев они света не видели. И мыться не давали. Мать все тазик с водой просила. С них сорочки клочьями сползали. А сестра все это время прорыдала – не могла терпеть, как в других камерах люди от пыток кричат.

Ну а брата сейчас в Грозный перевели, в СИЗО. В Верховном Суде по его делу слушанья начнутся через неделю. Обращаются вроде нормально, вежливо и передачи у меня принимают. И вообще, все хорошо. Адвоката не посоветуете? Нам сильный адвокат нужен. Ой, как же приятно Вас повстречать! Нет, ну надо же! Сейчас как раз из СИЗО иду. Мать для брата галушек сделала, ну и еще покушать. И все взяли, а судочек назад вернули», – Лиза сияет улыбкой, в правой руке зажато синее пластиковое ведерко.

С виду за последний год в городе стало лучше. Где-то что-то построили, где-то что-то подкрасили. Уличной рекламы все больше. Кафе на каждом углу. Жизнь. Замешенная на страхе и абсурде.

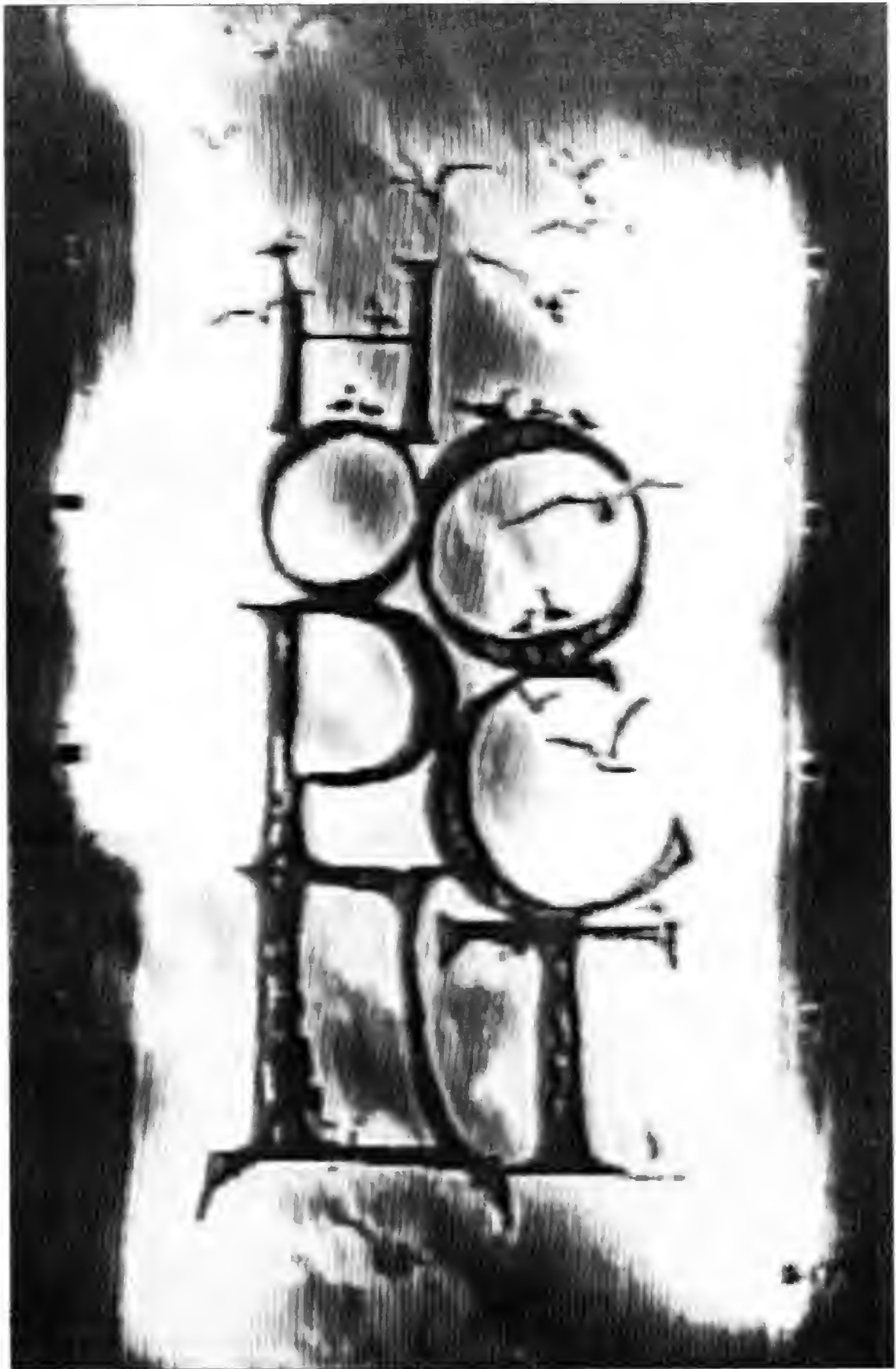
Знакомый по Москве политтехнолог, подписавшийся «окучивать» одну из демократических партий на парламентских выборах, объясняет за чашкой кофе: «Сам парламент не решит никаких проблем, но может открыть хоть маленькие перспективы для маленьких побед. И если у людей появится хоть какая-то перспектива, то, может быть, со временем, постепенно... Конечно, большинство мест уже поделено, но нам дают понять, что немножко можно отхватить».

Усмехается. Отводит глаза. Со стены дома напротив улыбается гигантский Рамзан Кадыров с орденом героя России на груди. Под портретом надпись: «Заслужить награду – значит добиться победы».

Логика извращенная до изумления. Мир вверх дном. Мир наизнанку. Если в нем появится парламент – хуже не будет. Что с ним, что без него – жизнь по законам зазеркалья.

Впервые опубликовано на Полит.ру

ВЕРСИИ, ОТБРОШЕННЫЕ СЛЕДСТВИЕМ К ГОДОВЩИНЕ «НОРД-ОСТА»

Николай БОГДАНОВИЧ

В эти дни, 23–26 октября, три года назад наша страна сидела у телевизоров и следила за тем, что происходит в Театральном центре на Дубровке. Как только на просторах Отечества случается очередной масштабный террористический акт, общественность вновь задаётся одними и теми же стандартными вопросами: «Как это могло случиться? Кто допустил? Можно ли было предотвратить?..» Нет, тема терактов этими вопросами не исчерпывается, но именно к ним обычно и сводится публичное обсуждение.

Когда же дискуссия обостряется до постановки вопроса: «Кто конкретно виноват в гибели конкретного же человека?» – следует стандартный ответ: «Подождите, следствие разбирается, а пока ещё поговорим о...» – смотри вопросы из предыдущего абзаца. И невъедливая общественность продолжает разговор «вообще»...

А что же следствие? Следствие по «Норд-Осту» идёт три года, и мы всё ждём, пока оно скажет, «кто же виноват в гибели конкретного гражданина?» Ответ этот, впрочем, останется самым заинтересованным – остальные своё уже отспрашивали и отговорили.

В целом все ответы следствия уже давно известны: в гибели заложников виноваты террористы, и только они; все террористы убиты; судить некого. Расследование уголовного дела № 229133, которое ведёт Московская городская прокуратура, вновь и вновь продляется – до поимки Басаева, установления личности нескольких террористов и уточнения некоторых второстепенных фактов.

Конечно, буквоеды могут разбирать документы, – например, постановления о продлении следствия – интересоваться мелочами и деталями. Можно удивляться формулировкам, типа повторенного не менее 35 раз «такой-то, контролируя за поведением заложников, перемещался по залу». Можно исследовать фактические несуразницы и нестыковки, что-то выявлять и представлять общественности. И за всем этим похоронить ясные и, казалось бы, очевидные вещи.

Да, это важные вопросы: «Как же террористы пробрались в Москву и организовали атаку? Были у них взрывные устройства или всё-таки муляжи? Можно ли было правильно вести с ними переговоры?» – и так далее. Искать на них ответы – безусловно, важно, но эта работа прежде всего увеличивает уровень «информационного шума». Нормальный человек просто не может столько переработать и осмыслить. А в итоге, забывая предыдущий теракт, общественность занимается уже следующим.

Следствие не комментирует и не публикует результаты своей работы – до закрытия дела публиковать не велит Уголовно-процессуальный кодекс. Заметим, кстати, что, согласно принимаемому сейчас Думой закону о парламентском расследовании, «Норд-Ост» теперь такому расследованию не подлежит по той же причине: дело не закрыто, следствие продлевается. Формальное основание для продления – Басаева не поймали, поэтому пока что рано. А на самом деле? От нежелания показывать собственную безграмотность? Не только. Не хотели являть миру «тенденцию»? Ведь, как ни пытались «спрятать концы в воду», в документах они видны. Да, но не в этом суть.

Главное же, по-моему, в том, что в ходе теракта общественность уводилась от основного и очевидного вопроса: чеченская война порождает терроризм, и рассматривать нужно прежде всего эту связку. В ходе самого теракта журналисты задавались вопросами: «Сколько заложников? Есть ли у них пища? Кто будет переговариваться? Какова психология террористов? Как вести с ними переговоры? Надо ли идти им на уступки?» – и так далее. Не ставился главный вопрос: до чеченской войны разговора о таком терроризме не было вообще.

Те, кто стоит за следствием, и сейчас хотели бы, чтобы представленные частные выводы увели общественность от главного и общего вопроса: если есть такое явление как терроризм, то существует ли у государства возможность реагировать адекватно? Не ситуативно, а воздействуя на породившие терроризм причины? А если и ситуативно, то с учётом контекста и причин?

Конечно, не всегда стоит вслед за жертвами террора и контртеррора ставить под сомнение саму возможность применения силы. Здесь речь вовсе не пойдёт о том, что не надо штурмовать террористов, удерживающих заложников.

Но когда такая операция объявляется блестящей через четверть часа после её окончания, то есть «не задумавшись», – становится понятно, что после этого «задумываться» тем более не будут. А информацию о трупах будут выдавать порциями.

Да, Россия и весь мир были шокированы кадрами, на которых была запечатлена площадь, заваленная телами, и автобусы, куда грузили ещё живых. Эти съёмки были произведены без разрешения «силовиков» и в дальнейшем вызвали национальный гнев.

Но мало кто знает, что руководители операции «благоразумно» не показали нам другое. 114 трупов заложников, которые умерли сразу, на месте, и тридцать-сорок трупов террористов не выносили из здания до 16:00 дня 26 октября, когда общественности всё ещё кричали о «замечательно проведённой операции». То, что тел заложников было 114, следует из «Постановления о продлении расследования уголовного дела». А сколько было террористов – тут вопрос. И точнее было бы сказать: «сорок тел людей, причисленных к террористам», – некоторые из трупов, доставленных в Лефортовский морг, в дальнейшем оказались телами заложников. Мысли о том, не удалось ли кому-то из террористов уйти, беспокоили общественность с самого начала. Видимо, следствие хотело застраховаться от таких сомнений и брало тела «с запасом».

Действительно, руководители операции говорили правду: «большая часть заложников освобождена» – но не всю правду: вид такого количества трупов мог смазать ощущение победы.

Вот она, дистанция между реальностью и самым смелым её представлением: пока журналисты, а вслед им и мы ужасались кадрам, снятым снаружи здания, внутри лежали полтора ста тел, среди которых – больше ста заложников!

Примерно такая же дистанция между сложностью и значимостью проблемы и уровнем её обсуждения. Вопросы задают к одной сложившейся версии – официальной, с ней не соглашаются, её оспаривают.

Дело не только в том, что следствие должно было рассматривать не одну «единственно верную» версию событий, а все возможные.

Разные версии событий есть у разных их участников. Сами события такого масштаба – столкновение многих, по крайней мере, двух (террористы и силы антитеррора) воли, видения и понимания происходящего, планов и намерений.

Наконец, есть разные «версии будущего», разные возможности развития и исхода событий. Ведь в действительности по ходу разные воли разных участников сталкиваются, планы не осуществляются. Ситуация порою становится непредсказуемой, возникают «развилки», когда от действий конкретных людей весьма многое зависит. А значит, эти люди становятся ответственными за всё, что происходит в дальнейшем.

Ныне есть «генеральная линия» следствия: случилось то, что единственно могло случиться. Стиль действий в первые минуты после решения сб операции у нас определяет всё дальнейшее.

Вот, кстати, и теперь в Беслане посланный туда замгенпрокурора Колесников лишь подтвердил: следствие весь год было «на единственно верном пути».

Так они пытаются сохранить остатки доверия к правоохранителям. Только вот понимать это слово «доверие» можно по-разному. Можно руководствоваться правилами: «мы сами хотим устано-

вить истину, мы проверяем все факты, мы действуем максимально открыто, так, чтобы ни у кого не возникло сомнения в нашей предвзятости». А можно держаться «генеральной линии», сходу отрицая все остальные версии.

Вот тут мы находимся у «развилки».

Что должны были бы сказать общественности руководители государства? *«Идёт следствие. Причины гибели людей и виновные устанавливаются»*. Но при этом необходимо было сразу разделить расследование двух сюжетов.

Первый – действия террористов, то, как им удалось проникнуть в Москву, подготовить и осуществить захват театрального центра, – несомненно, должна была расследовать Федеральная служба безопасности.

Но вот в расследовании второго сюжета – подготовки и осуществления штурма театрального центра, в ходе которого погибли люди (не важно, кто – заложники или террористы, ведь последние, будучи схвачены живыми, представляют особый интерес для следствия), ни в коем случае и ни в какой мере не должна была участвовать ФСБ. Причина – очевидна: «чтобы предотвратить возможность фальсификации вещественных доказательств и обстоятельств по делу». Ведь заинтересованность ведомства была здесь слишком очевидна.

Сделано это не было.

Факты и другие обстоятельства, выходящие за пределы «генеральной линии», которые случайно могли попасть в орбиту следствия, не рассматривались, отмечались умело сформулированными и «правильно» поставленными вопросами к свидетелям и экспертам или же прямо фальсифицированными экспертизами. Все, что вставало поперек этой «дороги», относилось на обочину и уничтожалось.

То же самое повторилось два года спустя в Беслане, после того, как линия следствия была определена: «Во всём виноват Басаев», – всё валим на него и на мёртвых бандитов.

В следственных документах будет записано, что оружие и инструкции были получены «у неустановленных лиц в неустановленное время в неустановленном месте» и всё под руководством одного и того же Басаева, который самолично и собственноручно передал террористам чуть ли не каждый автомат и каждый патрон, – а больше вы там почти что ничего и не найдёте.

Террористов не допросили, поскольку те мертвы. Сообщников не ищем. Чтобы заполнить тома уголовного дела и сформулировать обвинение, легче всего подшить к делу расшифровки переговоров по мобильным телефонам – тут ведь от следователей ничего не требуется, всё дадут сами операторы сотовой связи и службы перехвата.

Когда всё валим на мёртвых, если свидетель может вдруг заговорить наперекор «генеральной линии», – таких свидетелей можно сделать мёртвыми. Как Яндарбиева после «Норд-Оста», как

Масхадова после Беслана. И если кто другой закончит, у него есть шанс стать мёртвым.

Месяц за месяцем нам говорили о том, что «прямой связи между применением газа и гибелью людей нет». Хотя соответствующая «экспертиза» появилась только в феврале 2003 года, усилия для «подтверждения» отсутствия этой связи предпринимались с самого начала – спросите врачей, что лечили пострадавших. А для следствия это утверждение с самого начала стало аксиомой.

Сами следователи дошли до этой премудрости или им продиктовали – в данном случае не важно. Принадлежность тех, кто применял газ, и тех, кто расследовал, к одному и тому же ведомству предопределяла такой вывод.

А они, в свою очередь, довели до экспертов нужные формулировки вопросов и ответов. Аналогично при опросе потерпевших, то есть заложников, оставшихся в живых. О штурме им задавали один вопрос: «Как удалось выбраться из зала?» Распространённый, подробный ответ не поощрялся. Никаких уточняющих вопросов не задавали.

Вот, например, простой вопрос: почему именно каждый восьмой заложник на Дубровке оказался настоятельно «подвержен стрессу», что умер? Почему среди оркестрантов – вообще среди сидевших в зале вместе с ними – этот процент существенно больше, находится за пределами любой статистической погрешности? Разумеется, этот вопрос будет отброшен как не относящийся к делу. Почему отсутствие воды и ограничение движений влияло на людей так избирательно? Вот один спрятавшийся заложник, пролежавший три дня без движения на холодном полу, – правда, вне зрительного зала! – остался жив. Почему? Матери, потерявшие детей, задают эти вопросы, но результаты следствия будут вполне ожидаемыми.

В одной из недавних серий «Ментов» симпатичный в чём-то даже персонаж докладывал начальству об итогах расследования порученного ему дела: «Несчастный случай!» (дело шло к концу года, и надо было повышать раскрываемость). Начальство удивилось: ведь руки уопленника были связаны за спиной скотчем, в сердце торчал штырь, а тело было упаковано в сумку, застёгнутую на «молнию». Однако на это был ответ: на мосту человек разматывал скотч, запутался, упал, напоролся на штырь, внизу стояла сумка, которая в падении застегнулась. Вот и справка из Гидрометцентра о том, что ветер дул в нужном направлении. Правда, в фильме эта шутка бытовала в качестве лёгкой милицейской самокритики...

В жизни – иначе.

Когда сформулирована «генеральная линия», дальнейшее своё поведение власти могут строить так, что «неудобные» вопросы просто не должны возникать.

Главный приём здесь – за действительное выдают желаемое, создают виртуального противника, того, кто «играет в поддавки». Такого, которого можно было бы победить в уже свершившейся операции.

Во-первых, противник этот не оставляет властям иного решения, кроме силового. Террористы якобы не могут сформулировать ясные, конкретные и выполнимые требования, не просто лозунг «Вывод войск!», а осуществимый и контролируемый план начала этого процесса. Впрочем, впоследствии это утверждение оказывается ложью, но уже поздно: общественность об этом плане не узнала, а террористы, увидев, как их «обрезают» на телевидении, только сильнее обозлились, что не могло не сказаться на положении заложников. Но дело было сделано: стало ясно, что с такими переговоры невозможны, – остаётся только штурм.

Во-вторых, противник этот изначально готовит уничтожение всех заложников, так что любые потери при штурме, при силовом решении будут «меньшим ущербом». С 23 октября нам всё время сообщают, что террористы готовы осуществить подрыв зрительного зала с неизбежной гибелью всех, кто там находится. А существовала ли такая угроза «максимального вреда» 23-25 октября?

В-третьих, как раз в тот момент, когда по плану властей всё готово к штурму, этот противник должен уже от угроз переходить к делу. Объявляется, что террористы начинают планомерно и хладнокровно убивать заложников и поэтому приходится начать штурм, – «подчёркиваем, вынужденный!» И в Будённовске, и в Первомайском, и в «Норд-Осте» именно это говорилось в оправдание начала силовых действий – и всюду это было ложью.

В-четвёртых, дальше, вне зависимости от результатов, силовая операция объявляется успешной. Иногда эта версия живёт долго, как в Будённовске, где «больницу мы почти взяли, но политики зачем-то начали переговоры и всё испортили», – хотя не политики, а боевики прижали «Альфу» огнём к земле и вынудили отойти. Иногда миф рушится сразу, как в Первомайском, когда представитель ФСБ Михайлов «на голубом глазу» утверждал, что-де «всех террористов уничтожили, но их унесла река», – а потом Радуев со товарищи неожиданно воскресли, и было очень неудобно.

И в «Норд-Осте» успех как «предотвращение максимального вреда» существовал только в сознании «силовиков», готовивших и осуществлявших штурм. Но уже после штурма здания Дома культуры на Дубровке и гибели всех террористов, которые могли бы что-то поведать о своих планах, мы почему-то поверили, что, по Гегелю, «всё действительное – разумно», и сочли финал трагедии если не лучшим из возможных (как нас пытаются убедить), то – неизбежным злом (что, в общем, то же самое). Таково уж человеческое сознание.

Ну а напоследок противник должен быть не только глуп, но и по определению монструозен – например, быть «международным террористом». Такое причисление снимает заодно вопрос о чеченской войне как о причине террора в современной России.

Общество принимает эти «простые и убедительные» объяснения. Почему? Наверное, пото-

му, что нам так удобно. Поверхностная логика легче воспринимается. Да и на душе спокойнее.

Мало кто задаётся мыслью, что у другой стороны, возможно, были какие-то планы, не обязательно совпадающие с намерениями федеральных «силовиков».

Эти планы можно было бы реконструировать, если не приписывать заранее противнику те свойства и намерения, которые заведомо несут успех – если не реальный, то пропагандистский – стороне федеральной: та как раз и «лепит» под себя «удобного» противника, действия которого дополнительные к её планам и заранее ожидаемы.

Для такой реконструкции, напротив, стоило бы вспомнить альтернативные варианты развития событий – те, где успех доставался боевикам.

В самом деле, откуда такая уверенность, что у бараевцев был план: сидеть до конца в здании, а в случае чего – подорваться вместе с заложниками?

Между тем на материалах дела можно построить по крайней мере ещё одну версию намерений террористов – по мнению автора, не менее правдоподобную, чем «общепринятая».

Мало кто обратил внимание на то обстоятельство, что изначально террористический акт планировался гораздо более масштабным. Что намечались взрывы двух или трёх заминированных автомобилей и подрывы двух смертниц в день захвата заложников или в последующие два-три дня. Что в ходе террористической атаки планы террористов менялись, корректировались в сторону сокращения, причём вне зависимости от активности «силовиков».

После подрыва одной машины у «Макдоналдса» на Юго-Западе из другой, поставленной у Зала Чайковского, самими террористами было вынуждено взрывное устройство. А после захвата «Норд-Оста» подрыв девушек-смертниц был вообще отменён.

Почему?

Главная цель террора – не убийство людей само по себе, а страх, резонанс в обществе. Видимо, террористы удовлетворились первоначальным эффектом. Резонанс был признан достаточным, и главная цель начального этапа террористической атаки, таким образом, уже была достигнута.

Теперь террористы могли сосредоточиться на окончании операции – а каком, собственно?

Складывается ощущение, что руководители террористов понимали: никак не удастся контролировать такую массу народу две-три недели переговоров, буде таковые начнутся, и – о чём бы ни договорились – их самих живыми не выпустят: был уже опыт Будённовска и Первомайского. Из того же опыта им было совершенно понятно: готовится штурм.

Всерьёз этот вопрос – как террористы планировали конец своей атаки? – не задавался. Мы привыкли видеть их в той роли, которую отвели им «силовики». А что же собирались делать сами

террористы? Сидеть и ждать? Ждать переговоров? Генерала Виктора Казанцева?

В ходе штурма между началом подачи газа в зрительный зал и его действием прошло значительное время – не секунды, не минуты и не десятки минут, а до трёх часов. Газ стали пускать – возможно, порциями – около трёх ночи, а в пятом часу главари террористов об этом знали определённо. Заложники по причине обезвоживания и многочасовой неподвижности были, несомненно, более ослаблены по сравнению с шахидками. Но многие из заложников успели понять, что идёт газ, сказать об этом соседям, попытаться начать дышать через платок.

У находившихся в зрительном зале террористов было достаточно времени, чтобы замкнуть цепи и подорвать заряды – ни одна этого не сделала. Почему? Боялись за свою жизнь? Ждали сигнала? Боевики, находившиеся вне зала, действию газа не подверглись. Террористы-мужчины какое-то время вели огонь из здания – стрельба затихала и возобновлялась не менее трёх раз. Но ни команду шахидкам не дали, ни сами не подорвали зрительный зал. Почему? Они-то могли за себя не опасаться – при обрушении перекрытий зала остальное здание устояло бы.

У двоих террористов были найдены при себе обратные билеты. На 27 октября были заказаны обратные билеты для ещё нескольких террористов – об этом их главари из захваченного зала договаривались с двумя находившимися за пределами оцепления сообщниками по мобильным телефонам.

На вооружении у террористов было много гранат и прочего оружия, которое они не использовали, хотя вели бой достаточно долго. Для чего тогда они запасали всё это?

Для прорыва.

По составу и количеству оружия, по поведению террористов в последний день и последнюю ночь, по их разговорам с заложниками можно с уверенностью предположить, что планировался ими уход из театрального центра, прорыв с боем. Именно так уходил отряд Радуева из Первомайского, именно так десятки раз успешно выходили из окружения – из Самашек и Галашек, из кольца «сплошного» и «тройного» – чеченские отряды в первую и во вторую войну.

Поспешный штурм предотвращал именно этот планировавшийся террористами прорыв с боем. Вариант развития событий с попыткой прорыва и ухода боевиков бойцы Центра специального назначения (ЦСН) ФСБ не релетировали: этого не хотели, об этом не думали, к этому не готовились.

А для этого террористам, кстати, вовсе не нужно было подрывать здание.

Получается, что, вполне вероятно, нам один «вред» подменили другим. Большим или меньшим – вопрос: все далеко не очевидно. Важно, что эту версию, – основанную, отметим, исключительно на

материалах уголовного дела! – просто-напросто исключили из общественного обсуждения.

Если не с чем сравнивать исход, при котором погиб каждый восьмой из освобождаемых, в том числе и дети, наверное, проще его оправдать.

В первые дни с количеством террористов следствие явно путалось. Какие цифры нам не назывались? Плюс-минус десяток.

Да, теперь следствием окончательно утверждено и всё время повторяется, что их было сорок и что все они убиты. Заметим, во-первых, что при этом остались неопознанными четыре мужских и три женских тела. Во-вторых, в «Постановлении» указано, что Шамиль Басаев привлек к осуществлению теракта не менее 52 человек (сам Басаев говорил о семидесяти!), из которых 40 убиты и трое проходили по делу о взрыве у «Макдональдса».

А где остальные?

Ясно, что этот вопрос мучил сначала руководителей операции, потом – тех, кто расследовал её итоги. Они, похоже, с самого начала штурма были, прежде всего, озабочены отчётом о выполнении поставленной задачи: «не упустить никого».

Тела заложников описывали вперемешку с трупами террористов, а некоторые потом и лежали с ними вместе в Лефортовском морге – как тела Влахы и Митина.

Это давало в дальнейшем простор для подтасовок – всё для того, чтобы вогнать результаты расследования в прокрустово ложе заданной версии.

Желание отчитаться перед начальством, особенно перед «первыми лицами», творит порою чудеса. Так, начавшийся 31 января 2000 года организованный выход боевиков из Грозного федеральное командование заметило только на вторые сутки. Боевиков пытались остановить, бомбя, блокируя и «зачищая» сёла на пути их отхода, – правда, без особого успеха. Но генералы ухитрились представить этот «ситуативный дизайн» как «операцию «Охота на волков», как реализацию хитроумного замысла.

Так же и с «Норд-Остом». Руководители отчитывались об успешном выполнении запланированной операции. В то, что «всё идёт по плану», поверили, похоже, и те, кто решительно не согласен с утверждением об «успехе». Только так, например, могла родиться бытующая теперь версия о том, что на Дубровке усыпляющий газ «испытывали». Версия «опытов» сомнительна: было заведомо известно, что газ действует не мгновенно и что всё может закончиться взрывом – а по обгоревшим фрагментам тел результаты эксперимента определять было бы затруднительно.

Газ, похоже, был применён совершенно спонтанно: вот, лоскребли по сусекам, что-то нашли, ничего другого нет, – пустим и посмотрим, что будет. Так что газ был не только не мгновенного

при использовании в таком большом объеме, но ещё и непредсказуемого действия.

Многие помнят показанное по всем телеканалам посещение Владимиром Путиным больницы – президент подходит к пациенту, который выглядит поздоровее остальных и находится в сознании, и говорит: «Я-де рад, что удалось спасти заложников!» – а в ответ получает: «Спасибо, но я вообще-то не заложник, я МЧСовец...» – этот пассаж потом отрезали. Да, пострадали не менее семи сотрудников МЧС и один пожарный. Им не дали респираторов – тем, кто пошёл вслед за спецназом, чтобы спасти уже вроде бы спасённых, не было дано никакой защиты!

Это ведь вряд ли было запланировано! И нет большой разницы – то ли не предусмотрели защиту ни для кого, кроме своих (то есть спецназа), то ли вообще не подумали о воздействии газа на кого-либо, кроме террористов, то ли и то, и другое. Это общий стиль последних одиннадцати лет «борьбы с бандитами и террористами»: есть «наши» – и есть «они», и войну ведут будто в пустыне, не задумываясь об остальных живущих здесь людях до какого-то момента. Потому что не сразу после, не в первую же минуту встаёт вопрос о цене одержанной «победы».

Так же и на Дубровке. Всё было спонтанно – и теперь все следы этой спонтанности надо было подчистить, превращая реальные непредсказуемость и хаос – в видимость планомерного и успешного выполнения поставленной задачи.

Образ действий власти в ходе всех широкомасштабных террористических актов последних лет, не меняясь по сути, раз от раза усугубляется. От лжи оправдывающейся – к наглости. От замалчивания провалов и неудач – к именованию их победами. От безнаказанности тех, кто допустил гибель людей, – к новым и новым их награждениям.

Причин тому много.

Попустительство и трусость общества – только одна из них, но – важнейшая.

Любой исход действий «силовиков» будет объявлен успешным, пока «обслуживающий персонал» – следователи, журналисты – будет готов выполнить «любой приказ любого правительства». Пока слова «репутация», «уважение коллег» и так далее остаются лишь словами.

Как, например, чувствуют себя эксперты, подписавшие заключение о «безвредном газе»? Почему они не «прославлены» на миру и, прежде всего, в своём научном сообществе? Или им подают руку, делая вид, что не знают об их «заслугах»?..

Как лечить болезнь?

Гласность должна быть своевременна – так, чтобы влиять на события, а не описывать их, отставая от выстраиваемых «обслуживающим персоналом» версий. Чтобы, по крайней мере, не дать «Министерству правды» отредактировать прошлое.

В материале использованы фотографии Newsru, НТВ, RTVi, AP, BBC.

ПОЧЕМУ?

Юрий ВДОВИН

В Петербурге, гордо именуемом городским начальством европейским городом, очередной националистический конфуз — в который раз разгромлены и опоганены могилы на еврейском кладбище.

Губернатор в очередной раз голосом строжайшей и непреклонной классной дамы объявила, что Петербург — город традиционно толерантный и повелела немедленно сыскать варваров, которые нарушают европейскую идиллию.

Не первый, к сожалению, раз, события, позорящие светлый облик европейского города, с отвратительной неотвратимостью повторяются в разном виде — вплоть до убийств на расовой почве, старательно переводимых нашими правоохранительными органами в разряд немотивированного хулиганства и варварства.

И то правда, — кому нужен имидж Петербурга как города больного национализмом или зараженного вирусом фашизма?

Поэтому я все-таки соглашусь с губернатором — не хуже Петербург в этом отношении, чем вся страна.

Но вот что интересно, — в Германии, пережившей фашизм, сегодняшние самые непримиримые борцы за чистоту Германии от инородцев — родом из бывшей ГДР.

Кстати, гитлеровская национал-социалистическая партия образца 33-го года возникла из обломков разрозненных социалистических и коммунистических партий и движений Веймарской Германии.

В постсоветской России, вроде как и естественно попавшей в сложнейшую социально-экономическую ситуацию после семидесятилетнего бездарного хозяйствования коммунистов, сходная ситуация — возникло большое число социальных аутсайдеров, которым необходимо найти виноватых в том, что они не могут привести в соответствие свои жизненные притязания со своими возможностями.

И легко находят виноватых в своих бедах, вот они — таджики, цыгане, кавказцы, цветные, традиционно — евреи... И так во всей России.

Просто Питер — город большой, журналистов много, то есть даже в условиях управляемой демократии и контролируемой свободы слова что-то да выскакивает в информационное пространство и становится достоянием общественности.

И все-таки стоит задуматься — почему такое может быть в городе, пострадавшем от фашизма так, как мало кто пострадал?

Вот цитата: «По сравнению с Западной Европой Россия пользуется большей свободой слова... Защитники расы могут писать и говорить. Этот благоприятный климат, существующий в одной лишь России, делает ее авангардом борьбы за белую расу».

Это из статьи некоего западного фашистика А. Амондруса «Русский народ и защита белой расы», опубликованной в России в книге «Расовый смысл русской идеи».

Это я к тому, что некоторые все говорят, что в России якобы ущемлена свобода слова! Ведь таких книг издается много, и продаются они в уважаемых книжных магазинах, обильно выставляются на всевозможных книжных ярмарках.

Вот еще несколько цитат: «Всегда и везде в мировой истории исходным расовым типом — создателем культуры — был человек белой расы. Именно он является поэтому наиболее биологически ценным». «О самобытном значении культуры монголоидной расы речь вообще не может идти...».

Или: «Все эпохальные творения принадлежат всецело белому человеку чистой расы, его воле, гению и прозорливости».

Книги шовинистической направленности регулярно выпускают, активно и безнаказанно распространяют издательства «Витязь», «Русская правда», «Пересвет», «Алгоритм», «Яуза», «ЭКМО», «Белые альвы» и другие.

Мне не хочется перечислять эти книги, чтобы не создавать им рекламу. Могу сказать только, что печатаются они на хорошем технологическом уровне, в хороших переплетах и массовыми тиражами.

Эти книги адресованы широкому кругу читателей и ставят своей целью убедить людей в справедливости расистских, человеконенавистнических идей, которые уже не раз приводили к чудовищным последствиям.

А какие чудные газетки издаются! Практически во всех регионах свободно выходят СМИ ксенофобской и расистской направленности: «Новая система», «Русь православная», «За русское дело», «Новый Петербург» (Санкт-Петербург), «Завтра», «Русский фронт», «Национальная газета», «Русский вестник», «Черная сотня», «Русская правда», «Эра России», «Я — русский», «Дуэль» (Москва), «Русский восток» (Иркутск), «Русская Сибирь» (Новосибирск), «Колокол» (Волгоград), «Ижевская дивизия» (Ижевск), «Алексинформ» (Самара), «Засечный рубеж» (Тула), «Славянский набат» (Вологда), «Русское вече» (Великий Новгород) и другие. Всего не менее сотни наименований!

Между тем работники прокуратуры сообщают, что в расистских или антисемитских публикациях этих книг и газет нет признаков преступления, потому что они не содержат признаков преследования цели разжигания ненависти на расовой, религиозной или национальной почве.

Юрий Вдовин — заместитель председателя Санкт-Петербургской правозащитной организации «Гражданский контроль».

И в суде над пацанами, которые забили торговца арбузами из Азербайджана, звучало, что «мы в скинхеды пришли не потому, что кого-то ненавидим, а чтобы за футбол болеть, и разницы между футбольными фанатами и скинхедами не видели»...

А ведь есть еще интернет-сайты, ведущие откровенную фашистскую и расистскую пропаганду, которые наравне с газетами и книгами распространяются безнаказанно и беспрепятственно.

На Санкт-петербургских телеканалах и радиостанциях идут шовинистические теле- и радиопрограммы, содержащие все признаки преступлений, предусмотренных ст. 282 УК РФ («возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение человека либо группы лиц по признакам ... расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии ..., совершенные публично или с использованием средств массовой информации»).

Однако органы прокуратуры, как правило, не возбуждают уголовных дел, мотивируя это отсутствием состава преступления.

Интернет-сайты вообще не подвергаются каким-либо исследованиям правоохранительных органов ввиду отсутствия соответствующей нормативной базы. А ожидание появления такой базы связано с опасениями, что реально она начнет работать на ограничение демократически ориентированных информационных ресурсов в Интернете.

Как следствие, с удручающей регулярностью происходят инциденты, которые для большинства являются признаком наличия в городе ксенофобских, расистских, экстремистских объединений, совершающих преступления, подпадающие под ст. 282 УК РФ.

Только за 2005 год в Санкт-Петербурге совершено два убийства иностранных студентов (из Нигерии и Вьетнама), избиты приезжие китайцы, студенты общежития для иностранцев.

Там вообще скинхеды в открытую охотятся на неосторожных иностранцев, налетая на них вечерами и быстро разбегаясь. А руководство рекомендует иностранцам сидеть вечерами в общежитии и выходить за его пределы только группами.

В прошлом году жертвой преступления стал и российский студент, но неславянской внешности...

Очередной погром на еврейском кладбище — не первый в Санкт-Петербурге, да и в России. Также как избиения и убийства иностранцев именно на почве расовой ненависти, на почве ксенофобии и нетерпимости.

Какие-то отморозки громили не только еврейские кладбища, что дает основание переводить такого рода преступления в категорию немотивированного хулиганства и варварства. Но, в действительности, это несколько не умаляет омерзения к тем, кто громит еврейские кладбища.

Тут, конечно, не обходится без внутреннего сочувствия к ксенофобским идеям и расистским объединениям в среде работников правоохранительных структур — и в прокуратуре, и в милиции, и в ФСБ, и в судах. Хотя есть там и здоровые силы. Но кто сильнее?

Мы неоднократно сталкивались с прямо противоположными трактовками одних и тех же событий в прокуратуре Санкт-Петербурга.

Но пока верх одерживают те, кто считает, что нельзя привлекать к ответственности «патриотично настроенных людей».

К месту напомнить, что за выставку «Осторожно, религия!» в музее Сахарова в Москве были по 282 статье осуждены не те, кто разгромил выставку, которая демонстрировала некоторую обеспокоенность ксенофобскими настроениями в религиозной среде, особенно в РПЦ, а организаторы выставки.

Еще можно припомнить, что в тех случаях, когда в судах все-таки выносили обвинительные приговоры по ст. 282, то затем в отношении осужденных следовала амнистия в связи с ... Днем Победы над фашистской Германией!

И неудобно нашим правоохранительным органам и властям то, что оседлали фашистики местного разлива патриотическую тематику и риторику. И как-то не с руки «патриотов» обижать.

Хотя по большому счету это вся маргинальная шпана никакого отношения к действительному патриотизму и заботе о процветании своей страны отношения не имеет.

Получается, властям удобно устойчивое недовольство большей части населения своим социально-экономическим положением, возникшим в эпоху псевдореформ, канализировать в этническом, националистическом направлении, а главное — в сторону от зарвавшегося бюрократического аппарата.

Беда только в том, что это однажды может выйти из под контроля властей и привести к тяжелым трагическим последствиям.

В XX веке так было неоднократно и в Африке, и в Азии, да и в цивилизованной Европе. Будем ли мы учиться на чужих ошибках и бедах или все повторять будем сами?

Эта проблема — почему громят в России еврейские кладбища и убивают инородцев — нуждается в серьезнейшем анализе с привлечением широкой общественности, науки, а не только «профессионалов» из спецслужб.

Тут и кавказская война, и наркотики из средней Азии, и коррумпированность властей, и незаконная миграция, и дефицит рабочих рук.

К примеру, если в Санкт-Петербурге, по словам вице-губернатора Бланка, не будет ликвидирован дефицит рабочих рук и специалистов в 300 000 человек, город ждут огромные экономические трудности.

И ждать притока этих трудовых ресурсов некуда, кроме как от миграции.

Но при сегодняшних ксенофобских настроениях в городе рассчитывать на то, что эта проблема будет безболезненно решена, не приходится.

И убаюкивание властей, что у нас на самом деле все — хорошо, таит огромную опасность.

Всякое сокрытие симптомов болезни загоняет ее так глубоко, что потом ее бывает просто не излечить.

В целом по России за первое полугодие 2005 года в результате преступлений на почве национальной ненависти погибло 10 и пострадало не менее 200 человек.

Количество погибших почти на треть меньше, чем в соответствующий период 2004г.

При этом нужно отметить, что многие преступления на почве этнической ненависти становятся известны в этом качестве через достаточно долгое время либо остаются неизвестными совсем (в случае боязни жертв обращаться в правоохранительные органы или отказа сотрудников МВД и прокуратуры квалифицировать избиение или убийство как совершенное на почве национальной ненависти).

На общенациональном уровне действуют как минимум семь партий и движений, использующих ксенофобию и/или расизм в качестве основы для своей идеологии.

Это Русское национальное единство (РНЕ), в настоящее время расколовшееся на несколько ветвей, созданная РНЕ «коричневая» «Пора», лишенная Минюстом РФ регистрации Национально-Державная партия России, Движение против нелегаль-

ной иммиграции, Национально-народная партия, Партия Свободы, Русский Общенациональный Союз.

Кроме того, в ряде регионов действуют местные националистические движения, вроде астраханского «Витязя», кубанского «Отечества» или екатеринбургского фонда «Город без наркотиков».

По данным экспертов, общая численность активистов этих партий не превышает 10-15 тысяч человек. Сюда, безусловно, должна бы быть добавлена «Родина» с Рогозиным, другие организации вроде «Движения против нелегальной миграции», которое в действительности постоянно распространяет информацию откровенно ксенофобского содержания, находя везде происки против русского народа.

Проблема расцвета националистических групп и группировок в России сложна и многообразна. Это и социальная неустроенность аутсайдеров, и отсутствие четких законодательных актов, и эксплуатация псевдопатриотических лозунгов партиями и движениями, и безнаказанность идеологов современного фашизма.

Это – очень большая проблема, которую власть не хочет замечать.

ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ ПАМЯТКА

Борис СТРУГАЦКИЙ

Чума в нашем доме. Лечить ее мы не умеем. Более того, мы сплошь да рядом не умеем даже поставить правильный диагноз. И тот, кто уже заразился, зачастую не замечает, что он болен и заразен.

Ему-то кажется, что он знает о фашизме все. Ведь всем же известно, что фашизм – это: черные эсэсовские мундиры; лающая речь; вздернутые в римском приветствии руки; свастика; черно-красные знамена; марширующие колонны; люди-скелеты за колючей проволокой; жирный дым из труб крематориев; бесноватый фюрер с челочкой; толстый Геринг; поблескивающий стеклышками пенсне Гиммлер, – и еще полдюжины более или менее достоверных фигур из «Семнадцати мгновений весны», из «Подвига разведчика», из «Падения Берлина»...

О, мы прекрасно знаем, что такое фашизм – немецкий фашизм, он же – гитлеризм. Нам и в голову не приходит, что существует и другой фашизм, такой же поганый, такой же страшный, но свой, доморощенный. И, наверное, именно поэтому мы не видим его в упор, когда он на глазах у нас разрастается в теле страны, словно тихая злокачественная опухоль. Мы, правда, различаем свастику, закамуфлированную под рунические знаки. До нас

доносятся хриплые вопли, призывающие красноречиво над инородцами. Мы замечаем порой поганые лозунги и картинки на стенах наших домов. Но мы никак не можем признать себе, что это тоже фашизм. Нам все кажется, что фашизм – это: черные эсэсовские мундиры, лающая иноземная речь, жирный дым из труб крематориев, война...

Сейчас Академия Наук, выполняя указ Президента, лихорадочно формулирует научное определение фашизма. Надо полагать, это будет точное, всеобъемлющее, на все случаи жизни определение. И, разумеется, дьявольски сложное.

А между тем фашизм – это просто. Более того, фашизм – это очень просто! Фашизм есть диктатура националистов. Соответственно, фашист – это человек, исповедующий (и проповедующий) превосходство одной нации над другими, и при этом – активный поборник «железной руки», «дисциплины-порядка», «ежовых рукавиц» и прочих прелестей тоталитаризма.

И все. Больше ничего в основе фашизма нет. Диктатура плюс национализм. Тоталитарное правление одной нации. А все остальное – тайная поли-

Борис Натанович Стругацкий – писатель, автор книг «Трудно быть богом», «Обитаемый остров», «Хромая судьба» и многих других, написанных в соавторстве с Аркадием Стругацким.

В целом по России за первое полугодие 2005 года в результате преступлений на почве национальной ненависти погибло 10 и пострадало не менее 200 человек.

Количество погибших почти на треть меньше, чем в соответствующий период 2004г.

При этом нужно отметить, что многие преступления на почве этнической ненависти становятся известны в этом качестве через достаточно долгое время либо остаются неизвестными совсем (в случае боязни жертв обращаться в правоохранительные органы или отказа сотрудников МВД и прокуратуры квалифицировать избиение или убийство как совершенное на почве национальной ненависти).

На общенациональном уровне действуют как минимум семь партий и движений, использующих ксенофобию и/или расизм в качестве основы для своей идеологии.

Это Русское национальное единство (РНЕ), в настоящее время расколовшееся на несколько ветвей, созданная РНЕ «коричневая» «Пора», лишенная Минюстом РФ регистрации Национально-Державная партия России, Движение против нелегаль-

ной иммиграции, Национально-народная партия, Партия Свободы, Русский Общенациональный Союз.

Кроме того, в ряде регионов действуют местные националистические движения, вроде астраханского «Витязя», кубанского «Отечества» или екатеринбургского фонда «Город без наркотиков».

По данным экспертов, общая численность активистов этих партий не превышает 10-15 тысяч человек. Сюда, безусловно, должна бы быть добавлена «Родина» с Рогозиным, другие организации вроде «Движения против нелегальной миграции», которое в действительности постоянно распространяет информацию откровенно ксенофобского содержания, находя везде происки против русского народа.

Проблема расцвета националистических групп и группировок в России сложна и многообразна. Это и социальная неустроенность аутсайдеров, и отсутствие четких законодательных актов, и эксплуатация псевдопатриотических лозунгов партиями и движениями, и безнаказанность идеологов современного фашизма.

Это – очень большая проблема, которую власть не хочет замечать.

ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ ПАМЯТКА

Борис СТРУГАЦКИЙ

Чума в нашем доме. Лечить ее мы не умеем. Более того, мы сплошь да рядом не умеем даже поставить правильный диагноз. И тот, кто уже заразился, зачастую не замечает, что он болен и заразен.

Ему-то кажется, что он знает о фашизме все. Ведь всем же известно, что фашизм – это: черные эсэсовские мундиры; лающая речь; вздернутые в римском приветствии руки; свастика; черно-красные знамена; марширующие колонны; люди-скелеты за колючей проволокой; жирный дым из труб крематориев; бесноватый фюрер с челочкой; толстый Геринг; поблескивающий стеклышками пенсне Гиммлер, – и еще полдюжины более или менее достоверных фигур из «Семнадцати мгновений весны», из «Подвига разведчика», из «Падения Берлина»...

О, мы прекрасно знаем, что такое фашизм – немецкий фашизм, он же – гитлеризм. Нам и в голову не приходит, что существует и другой фашизм, такой же поганый, такой же страшный, но свой, доморощенный. И, наверное, именно поэтому мы не видим его в упор, когда он на глазах у нас разрастается в теле страны, словно тихая злокачественная опухоль. Мы, правда, различаем свастику, закамуфлированную под рунические знаки. До нас

доносятся хриплые вопли, призывающие красноречиво над инородцами. Мы замечаем порой поганые лозунги и картинки на стенах наших домов. Но мы никак не можем признать себе, что это тоже фашизм. Нам все кажется, что фашизм – это: черные эсэсовские мундиры, лающая иноземная речь, жирный дым из труб крематориев, война...

Сейчас Академия Наук, выполняя указ Президента, лихорадочно формулирует научное определение фашизма. Надо полагать, это будет точное, всеобъемлющее, на все случаи жизни определение. И, разумеется, дьявольски сложное.

А между тем фашизм – это просто. Более того, фашизм – это очень просто! Фашизм есть диктатура националистов. Соответственно, фашист – это человек, исповедующий (и проповедующий) превосходство одной нации над другими, и при этом – активный поборник «железной руки», «дисциплины-порядка», «ежовых рукавиц» и прочих прелестей тоталитаризма.

И все. Больше ничего в основе фашизма нет. Диктатура плюс национализм. Тоталитарное правление одной нации. А все остальное – тайная поли-

Борис Натанович Стругацкий – писатель, автор книг «Трудно быть богом», «Обитаемый остров», «Хромая судьба» и многих других, написанных в соавторстве с Аркадием Стругацким.

ция, лагеря, костры из книг, война – прорастает из этого ядовитого зерна, как смерть из раковой клетки.

Возможна железная диктатура со всеми ее гребовыми прелестями – скажем, диктатура Стресснера в Парагвае или диктатура Сталина в СССР, – но поскольку тотальной идеей этой диктатуры не является идея национальная (расовая) – это уже не фашизм. Возможно государство, опирающееся на национальную идею, – скажем, Израиль, – но если отсутствует диктатура («железная рука», подавление демократических свобод, всевластье тайной полиции) – это уже не фашизм.

Совершенно бессмысленны и безграмотны выражения типа «демофашист» или «фашиствующий демократ». Это такая же нелепость как «ледяной кипятком» или «ароматное зловоние». Демократ, да, может быть в какой-то степени националистом, но он, по определению, враг всякой и всяческой диктатуры, а поэтому фашистом быть просто не умеет. Так же, как не умеет никакой фашист быть демократом, сторонником свободы слова, свободы печати, свободы митингов и демонстраций, он всегда за одну свободу – свободу Железной Руки.

Могут легко представить себе человека, который, ознакомившись со всеми этими моими дефинициями, скажет (с сомнением): «Этак у тебя получается, что лет пятьсот-шестьсот назад все на свете были фашистами – и князья, и цари, и сеньоры, и вассалы...» В каком-то смысле такое замечание бьет в цель, ибо оно верно «с точностью до наоборот»: фашизм – это задержавшийся в развитии феодализм, переживший и век пара, и век электричества, и век атома, и готовый пережить век космических полетов и искусственного интеллекта. Феодальные отношения, казалось бы, исчезли, но феодальный менталитет оказался живуч и могуч, он оказался сильнее и пара, и электричества, сильнее всеобщей грамотности и всеобщей компьютеризации. Живучесть его, безусловно, имеет причиной то обстоятельство, что корнями своими феодализм уходит в дофеодальные, еще пещерные времена, в ментальность блохастого стада бесхвостых обезьян: все чужаки, живущие в соседнем лесу, – отвратительны и опасны, а вождь наш великолепно жесток, мудр и побеждает врагов. Эта первобытная ментальность, видимо, не скоро покинет род человеческий. И поэтому фашизм – это феодализм сегодня. И завтра.

Только, ради Бога, не путайте национализм с патриотизмом! Патриотизм – это любовь к своему народу, а национализм – неприязнь к чужому. Патриот прекрасно знает, что не бывает плохих и хороших народов – бывают лишь плохие и хорошие люди. Националист же всегда мыслит категориями «свои-чужие», «наши-ненаши», «воры-фраера», он целые народы с легкостью необыкновенной записывает в негодяи, или в дураки, или в бандиты.

Это важнейший признак фашистской идеологии – деление людей на «наших и ненаших». Сталинский тоталитаризм основан на подобной идеологии, поэтому-то они так похожи, эти режимы – режимы-убийцы, режимы – разрушители культуры, режимы-милитаристы. Только фашисты людей делят на расы, а сталинисты – на классы.

Очень важный признак фашизма – ложь. Конечно, не всякий, кто лжет, фашист, но всякий фашист – обязательно лжец. Он просто вынужден лгать. Потому что диктатуру иногда еще как-то можно, худо-бедно, но все-таки разумно, обосновать, национализм же обосновать можно только через посредство лжи – какими-нибудь фальшивыми «Протоколами» или разглаговольствованиями, что-де «евреи русский народ споили», «все кавказцы – прирожденные бандиты» и тому подобное. Поэтому фашисты – лгут. И всегда лгали. И никто точнее Эрнеста Хемингуэя не сказал о них: «Фашизм есть ложь, изрекаемая бандитами».

Так что если вы вдруг «осознали», что только лишь ваш народ достоин всех благ, а все прочие народы вокруг – второй сорт, поздравляю: вы сделали свой первый шаг в фашизм. Потом вас осеняет, что высоких целей ваш народ добьется, только когда железный порядок будет установлен и заткнут пасть всем этим крикунам и бумагомаарам, разглаговольствующим о свободах; когда поставят к стенке (без суда и следствия) всех, кто идет поперек, а инородцев беспощадно возьмут к ногтю... И как только вы приняли все это, – процесс завершился: вы уже фашист. На вас нет черного мундира со свастикой. Вы не имеете привычки орать «хайль!». Вы всю жизнь гордились победой нашей страны над фашизмом и, может быть, даже сами, лично, приближали эту победу. Но вы позволили себе встать в ряды борцов за диктатуру националистов – и вы уже фашист. Как просто! Как страшно просто.

И не говорите теперь, что вы – совсем не злой человек, что вы против страданий людей невинных (к стенке поставлены должны быть только враги порядка, и только враги порядка должны оказаться за колючей проволокой), что у вас у самого дети-внуки, что вы против войны... Все это уже не имеет значения, коль скоро приняли вы Причастие Буйвола. Дорога истории давно уже накатана, логика истории беспощадна, и, как только придут к власти ваши фюреры, заработает отлаженный конвейер: устранение инакомыслящих – подавление неизбежного протеста – концлагеря, виселицы – упадок мирной экономики – милитаризация – война... А если вы, опомнившись, захотите в какой-то момент остановить этот страшный конвейер, вы будете беспощадно уничтожены, словно самый распоследний демократ-интернационалист. Знамена у вас будут не красно-коричневые, а – например – черно-оранжевые. Вы будете на своих собраниях кричать не «хайль», а, скажем, «слава!». Не будет у вас штурмбаннфюреров, а будут какие-нибудь есаул-бригадиры, но сущность фашизма – диктатура нацистов – останется, а значит, останется ложь, кровь, война – теперь, возможно, ядерная.

Мы живем в опасное время. Чума в нашем доме. В первую очередь она поражает оскорбленных и униженных, а их так много сейчас.

Можно ли повернуть историю вспять? Наверное, можно – если этого захотят миллионы. Так давайте же этого не хотим. Ведь многое зависит от нас самих. Не все, конечно, но многое.

ЧТО С НАМИ СЛУЧИЛОСЬ?

Вера ВАСИЛЬЕВА

Говорят, что история повторяется дважды: один раз как трагедия, другой – в виде фарса. Но «фарс» под названием «дело ЮКОСа» на поверку оказался не менее страшным и жестоким, чем иные трагедии прошлого. Платон Лебедев – на обработке камней, Михаил Ходорковский – на урановом руднике. Таков итог «басманной» эпопеи, начавшейся два года назад с ареста прогневавшего Кремль бизнесмена в новосибирском аэропорту по силовому сценарию (в котором не было никакой нужды!).

О процессе над Ходорковским и Лебедевым, не имеющим ничего общего с отправлением истинного правосудия, о бесстыдном отъеме «кусков» некогда процветавшей нефтяной компании уже написано (и наверняка еще будет написано) немало. Мне же хочется сказать о другом – влиянии «дела ЮКОСа» – нет, не на политические и экономические свободы в России, а на личность, индивидуальное «я» каждого. Потому что именно из таких – известных и неизвестных – «я» и складывается общество, в котором каждый из нас живет.

Ведь дело даже не в том, что в официальном перечне, утвержденном Минздравом и Минюстом РФ, медицинских противопоказаний к отбыванию срока заключения в Ямало-Ненецком автономном округе значится хронический гепатит, которым болен Платон Лебедев.

И не в том, что колонии, расположенной на урановом руднике, не должно быть в принципе. (Урановую руду можно добывать лишь свободным людям за большие деньги и только ограниченное время под жестким медицинским контролем. Кстати, будучи закрытой при президенте Борисе Ельцине, ЯГ-14/10 вновь начала функционировать при Владимире Путине.)

А дело в том, что для того, чтобы это случилось, в наших головах должно было произойти чудовищное искажение представлений о дозволенном, выработанных человечеством на протяжении веков.

Вспоминается:

Боже,
сколько правды в глазах государственных шлюх!
Боже,
сколько веры в руках отставных палачей!
Ты не дай им опять закатать рукава,
Ты не дай им опять закатать рукава
Суетливых ночей.*

Дали. Позволили. Власть чинит над Ходорковским беспредел – народ безмолвствует, а кое-кто и аплодирует. Мол, так ему, олигарху, и надо! Ура-а-а! Вор должен сидеть в тюрьме!!!

Значит, кумекает власть, разрешено! И сегодня ты – рядовой гражданин, живущий на среднестатистическую зарплату, любящий отца или мать семейства. А завтра ненароком перешел дорогу чиновнику, и в мгновение ока – пятая колонна, враг народа, вор. Под всеобщее радостное улюлюканье – в каменоломню, на урановые рудники тебя!

И никому нет дела до того, что настоящий вор стоял в улюлюкающей толпе и кричал громче всех: «Держи вора!»

Что-то чудовищное в наших головах... И уже не отличишь, где бандиты, а где защитники от них.

Светлана Бахмина, юрист «ЮКОСа» и мать двоих маленьких детей, почти год содержится за решеткой с целью получения от нее ложных показаний против руководства компании. (А если не лжесвидетельствуешь, то мы и мужа твоего посадим, а твои дети отправятся в детдом. – Именно так, по словам обвиняемой, разговаривали с ней представители Генпрокуратуры.)

Не оговорил себя? Ведешь себя дерзко? Ну, так пеняй на себя! Мы и друга твоего угробим, и тебя заодно. Превратим в лагерную пыль.

Можно ли было предположить, что это выражение сталинских времен вновь вернется в активный лексикон?

Верно сказано: мы имеем такую власть, какую заслуживаем. Но если представлений об общечеловеческой морали у нас уже, похоже, не осталось, то, может быть, спасет хотя бы чувство самосохранения?

Колония ОГ 98/3 в поселке Харп Ямало-Ненецкого Автономного Округа предназначена для особо опасных рецидивистов. Заключенные заняты изготовлением тротуарной плитки, дроблением камней для укладки площадей и на других видах работ.

Колония ЯГ-14/10 в городе Краснокаменск Читинской области была сформирована для добычи урана. Краснокаменск включен в Российский реестр мест с неблагоприятной радиационной обстановкой. Средняя продолжительность жизни в этом городе – 42 года. А заключенные обычно не выдерживают более 5 лет отбывания наказания в колонии.

Вера Васильева – журналист, активист неправительственной организации «Совесть», Москва.

* Из песни «Родина» рок-группы «ДДТ». Стихи Юрия Шевчука.

*Михаил Ходорковский.**Платон Лебедев.*